

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Сибирь в войнах начала XX века

МАТЕРИАЛЫ СИБИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРУМА

г. Красноярск, 3-6 декабря 2013 г.

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Сибирь в войнах начала XX века

МАТЕРИАЛЫ СИБИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРУМА

г. Красноярск
3–6 декабря 2013 г.

Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3—6 декабря 2013 г. — Красноярск: Резонанс, 2014. — 304 с.

В декабре 2013 года в Красноярске состоялся Сибирский исторический форум, посвященный военным конфликтам начала XX века и вкладу Сибири и сибиряков в военные усилия Российской империи, а также влиянию военно-политических событий на уклад жизни тыловых регионов. Русско-японская и Первая мировая войны до сих пор остаются малоисследованными; имена героев, сложивших головы «за веру, Царя и Отечество», — незаслуженно забыты.

В сборнике опубликованы доклады участников форума, среди которых известные российские ученые, преподаватели школ края, работники архивов и библиотек Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, Москвы, Курска, Ульяновска, Китая, Великобритании, Германии, Польши. В издании использованы документы из фондов Государственного архива Красноярского края и материалы, предоставленные красноярским обществом «Мемориал».

Издание адресовано всем, кто интересуется историей.

Редакторский коллектив проекта:

С. А. Пономаренко, А. М. Клешко, А. Б. Казицин,
В. Г. Дацышен, О. Р. Сордия, Е. А. Иванова

© Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3—6 декабря 2013 г.

© Коллектив авторов, 2014

ISBN 978-5-9905562-0-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Часть 1. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НАЧАЛА XX В.	7
<i>Дацышен В. Г.</i> Развитие вооруженных сил в Сибири во второй половине XIX в.....	8
<i>Чжан Цзяньхуа</i> «Искушение японского волшебного зеркала»: Япония глазами цинского правительства и китайцев сквозь призму Русско-японской войны.....	20
<i>Кузьмин Ю. В.</i> Иркутские архивные материалы о деятельности японской разведки в Монголии и Маньчжурии в начале XX в.....	28
<i>Крупницкий Д. В.</i> Генерал-адъютант Его Императорского Величества вице-адмирал З. П. Рожественский и оценка его деятельности с точки зрения современной истории.....	32
<i>Карпунин К. В.</i> С Востока на Запад: неизвестный визит (400-летию царствования Дома Романовых посвящается).....	35
<i>Арчимаева Р. М.</i> Кобдинское сражение в Монголии (1912 г.).....	39
Часть 2. СИБИРСКИЕ ВОИНСКИЕ ЧАСТИ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX В.	43
<i>Баяндин В. И.</i> Новобранцы Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в.....	44
<i>Новиков П. А.</i> Первые бои Сибирских армейских корпусов в Первой мировой войне.....	49
<i>Толмачева А. В.</i> К вопросу об исчислении потерь вооруженных сил Российской армии в годы Первой мировой войны.....	54
<i>Хамисов Б. Г.</i> Забайкальские казаки в Русско-японской войне 1904—1905 гг.....	57
<i>Филиппов В. В.</i> Красноярские авиаторы — участники Первой мировой войны.....	61
<i>Голиков В. И.</i> Боевой путь 39-го пехотного Томского полка на полях сражений Первой мировой войны.....	66
<i>Чернов К. А.</i> Боевой путь 42-го Сибирского стрелкового полка в Первой мировой войне (1914—1918 гг.).....	71
<i>Паршуков В. А.</i> Енисейские казаки в годы Первой мировой войны.....	76
<i>Зыбала Марчин (Zybała Marcin)</i> Польские солдаты в Русско-японской войне. Поражение или развитие карьеры?.....	81
Часть 3. СИБИРСКИЙ ТЫЛ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙН	85
<i>Гончаров А. Е.</i> Северный морской путь и Русско-японская война 1904—1905 гг.....	86

<i>Зиновьев В. П.</i> Сибирский тыл в период Первой мировой войны.....	92
<i>Харусь О. А.</i> Сибиртет как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны.....	96
<i>Анисимов А. Л.</i> Финансовые органы Дальнего Востока в период Первой мировой войны.....	101
<i>Вторушин М. И.</i> Снабженческий кризис сибирского региона Российской империи в период Первой мировой войны (1914—1916 гг.).....	106
<i>Черкасов И. А.</i> Степан Васильевич Востротин в IV Государственной думе.....	111
<i>Шилина А. С.</i> Сибиряки в первые недели Первой мировой войны.....	116
<i>Кузьменко А. С.</i> Сибирский тыл и «недобровольные» мигранты в годы Первой мировой войны.....	119
<i>Пруцков В. Ю.</i> «Антинемецкая кампания» в годы Первой мировой войны как фактор миграционного движения немцев в Сибирь.....	123
<i>Шиловский М. В.</i> Алкогольный вопрос в Сибири во время Первой мировой войны.....	126
<i>Калюга А. Е.</i> Годы лихолетья.....	130
<i>Коновалова Н. А.</i> «Наш Николашка — дурачок...». Отношение сибирского крестьянства к последнему российскому императору во время Первой мировой войны.....	133
Часть 4. СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД ВОЙН НАЧАЛА XX В.	137
<i>Ермакова Е. Е.</i> Роль общественных организаций Енисейской губернии в оказании помощи воинам — участникам Первой мировой войны.....	138
<i>Катцина Т. А.</i> Под девизом: «Вся Сибирь идет!» (Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны).....	141
<i>Горелов Ю. П., Ростов Н. Д.</i> Оказание помощи семьям нижних воинских чинов в Западной Сибири в годы Русско-японской войны (1904—1905 гг.).....	146
<i>Бибикова В. В.</i> Благотворительная деятельность просветительских организаций Енисейской губернии в годы Первой мировой войны.....	150
<i>Долидович О. М.</i> Дамские комитеты Енисейской губернии в период Первой мировой войны.	154
<i>Нагорных В. В.</i> Первая мировая война и минусинцы.....	158
Часть 5. ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НАЧАЛА XX В. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ОБРАЗЫ ВОЙНЫ	163
<i>Белгородская Л. В.</i> Русско-японская война как место памяти россиян, британцев и американцев: опыт компаративного исследования.....	164

<i>Кутилова Л. А.</i> Вопросы законодательного оформления прав меньшинств в процессе мирного урегулирования после Первой мировой войны.....	168
<i>Тарасенко Т. В., Тарасенко В. Е.</i> Образы России и Японии на плакатах и карикатурах Русско-японской войны.....	172
<i>Жулаева А. С., Луцаева Г. М.</i> Духовный кризис в восточносибирской деревне и пути его преодоления в период войн и революций начала XX в.....	177
<i>Кудряшов В. В.</i> Политические ссылки в Сибири и мировая война.....	181
<i>Шевелев Д. Н.</i> Концепт «Первая мировая война» в политической пропаганде антибольшевистского движения на востоке России (июнь 1918 — декабрь 1919 г.).....	187
<i>Корнеева Г. А.</i> Состояние отделов правомонархических партий в Сибири накануне и в период Первой мировой войны (1912—1917 гг.).....	192
<i>Чудаков О. В.</i> Хозяйственная деятельность органов городского самоуправления в Сибири в межреволюционный период (февраль — октябрь 1917 г.).....	199
<i>Колесник Э. Г., Тарасов М. Г.</i> Большевики и военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны в воспоминаниях участников событий.....	203
<i>Чистяков О. В.</i> Документы Российского государственного военно-исторического архива о Первой мировой войне.....	207
<i>Храпова Н. С.</i> Первая мировая война в документах Исторического архива Омской области.....	209
<i>Помыткина В. Л.</i> Тарская уездная тюрьма в 1917—1919 гг.	213
<i>Гордеев О. Ф.</i> Начало формирования документальной базы отечественной историографии Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 г.).....	218
ПРИЛОЖЕНИЯ	223
<i>Малкова Н. С., Тимофеев А. Н.</i> Алфавитный список уроженцев Красноярского уезда Енисейской губернии, убитых, раненых и пропавших без вести в войне с японцами (1904—1905 гг., нижние чины).....	224
<i>Тимофеев А. Н.</i> Алфавитный список немцев, водворенных в Красноярском уезде Енисейской губернии во время Первой мировой войны (1914—1916 гг.).....	236
ИЛЛЮСТРАЦИИ Запечатленная эпоха. Документы и фотографии.....	263
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	292
ОБ АВТОРАХ	302

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом читателю сборнике опубликованы материалы научно-практической конференции, которая проходила в рамках Сибирского исторического форума «Сибирь в войнах начала XX в.», состоявшегося 3—6 декабря 2013 г. в Красноярске. Организаторами форума выступили администрация губернатора Красноярского края, Законодательное собрание Красноярского края и архивное агентство Красноярского края; организационными партнерами — ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева» и КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей».

Общая концепция, положенная в основу данного сборника, отражает изменение восприятия войн начала XX в., которое произошло в научно-исследовательских подходах к изучению военной истории и в общественном сознании. В первую очередь, в современной исторической науке наметился поворот от событийной истории к истории опыта войны, который тем более важен, поскольку в общественной памяти россиян сохраняется очевидный дисбаланс в восприятии военного наследия XX в., а именно явное преобладание интереса к исследованию событий Второй мировой и Великой Отечественной войн. Однако мы не отрицаем и тот факт, что в современной России по-прежнему на первом месте остается исследование политической истории войны — описание военных событий и государственных решений, военно-стратегических успехов или поражений и деятельности отдельных полководцев. Тем не менее наметившиеся сдвиги не только в новых подходах к изучению истории, но и в расширении проблематики военно-исторических исследований позволяют нам с большой долей уверенности говорить о перспективах изучения военного опыта начала XX в. на принципиально новом уровне.

До недавнего времени исследование опыта участия России и ее вооруженных сил в вооруженных конфликтах начала XX столетия по количеству работ явно уступало изучению опыта Великой Отечественной войны. На этом фоне и Русско-японская, и Первая мировая поныне остаются войнами забытыми и малоисследованными. Что же касается изучения вопросов вклада Сибири и сибиряков в военные усилия Российской империи в начале XX в., отражения военно-политических событий на укладе жизни тыловых регионов, то эта проблематика до сегодняшнего момента не нашла должного отражения в отечественной историографии.

Сборник является одной из попыток восполнить этот пробел. В нем представлены современные подходы к изучению истории войн начала XX столетия не только в контексте исследования военного опыта, накопленного вооруженными силами Российской империи, но и через призму изменений повседневной жизни сибиряков в годы военных катаклизмов, происходивших в стране и регионе миграционных процессов, изменений социальной политики и расширения форм социальной помощи гражданам страны со стороны государства и объемов благотворительности. Кроме того, в сборник вошли материалы по таким новым направлениям, как исследование вопросов пребывания вражеских военнопленных на территории Сибири, а также отражение образов войны в исторической памяти на основе визуальных и устных источников.

Редакционная коллегия искренне надеется, что данная публикация привлечет внимание как профессиональных историков, так и всех, кто интересуется проблемами военного прошлого России и Сибири и его влияния на наше общее настоящее.

Сибирь в войнах начала XX века

Вооруженные силы и военные конфликты начала XX в.

Дацышен В. Г.

РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Военная история России всегда вызывала живой интерес общественности. При этом проблемы развития собственно армии в Российской империи не так часто становятся предметом специальных исследований. Особенно мало внимания уделяется истории вооруженных сил в Сибири во второй половине XIX в.

Эпоха после окончания Крымской войны и до кризиса 1900—1905 гг. на Дальнем Востоке, в центре которой было правление императора Александра III, являлась относительно стабильным в военном отношении временем в истории России. Собственно Сибирь в XIX в. находилась далеко в стороне от масштабных войн и конфликтов, однако уже в 1850-х гг. ее границы были широко раздвинуты. С присоединением к России Приамурья и Семиречья изменилась общая геополитическая ситуация, предопределившая изменение роли и места Сибири, в том числе и в военной истории страны.

Сибирь во второй половине XIX в. была хотя и отдаленной, но органичной частью России. Земли восточнее Урала уже несколько веков находились в составе страны, да и процент русского населения здесь был выше, чем в среднем по империи. Соответственно, развитие вооруженных сил в регионе шло в общем русле военных преобразований в России, но при этом имела место и значительная региональная специфика.

Вооруженные силы России во второй половине XIX в. состояли из регулярных и иррегулярных войск. Войска регулярные по назначению включали 1) полевые, или действующие, войска, 2) крепостные, 3) местные, 4) резервные, 5) запасные, 6) части вспомогательного назначения. Пехота полевых войск состояла из пехотных дивизий, стрелковых бригад и линейных батальонов. Полевая пехота в Сибири была представлена только линейными батальонами, которые являлись особой категорией войск, не входившей в стратегические расчеты командования на случай войны в Европе. Они отличались особым штатным составом, обладали худшей выучкой и использовались кроме всего прочего для хозяйственных целей.

История Сибирских линейных частей началась в первой половине XIX в. В 1829 г. гарнизонные полки и батальоны в Сибири были переформированы в линейные батальоны. В Красноярске был расквартирован 12-й Сибирский линейный батальон. Батальоны были сведены в три бригады в составе 24-й пехотной дивизии. В 1854—1857 гг. была образована 4-я бригада в составе новых четырех линейных батальонов (№ 13—16) и две роты горной артиллерии, которые затем были передислоцированы в Приамурье. В 1858 г. указанные батальоны были исключены из общего числа Сибирских линейных батальонов и преобразованы в особые линейные батальоны Восточной Сибири (№ 1—4). Развитие системы линейных батальонов в Сибири в дальнейшем продолжилось. Например, 14 октября 1861 г. вышел «Именной указ, объявленный Сенату Управляющим Военным Министерством: о переименовании Иркутского батальона внутренней стражи в линейный батальон Восточной Сибири» [25. С. 89].

К началу 1860-х гг. в Западной Сибири имелось 12 линейных батальонов. Но вскоре большая часть Западно-Сибирских линейных батальонов была переименована в Туркестанские линейные батальоны. К концу 1870-х гг. осталось всего четыре Западно-Сибирских линейных батальона, один из которых также нес службу в Туркестане. К концу 1870-х гг. линейные батальоны сохранились лишь на востоке России.

К середине XIX в. в сибирских городах были размещены местные войска, предназначенные для несения караульной службы, а также для других служебных надобностей. Во второй половине XIX в. начиная с 1860-х гг. в крупных городах на базе местных команд, а затем и в приграничных местностях было создано по резервному пехотному батальону. В 1864 г. был сформирован

Иркутский губернский батальон, существовавший одновременно с 72-м пехотным резервным батальоном.

В 1865 г. посредством переформирования одного из Сибирских линейных батальонов был сформирован Томский батальон. В том же 1865 г. был образован 71-й резервный пехотный батальон, известный в разные годы как Омский губернский пехотный, Омский местный, Омский резервный пехотный, Омский пехотный резервный (кадровый) батальон.

В декабре 1865 г. в административном центре Енисейской губернии из московских маршевых команд был сформирован 52-й Красноярский губернский батальон, переименованный в 1876 г. в местный батальон, а в 1882 г. — резервный пехотный (кадровый) батальон. В 1886 г. из состава двух расформированных местных команд был образован Сретенский резервный пехотный батальон.

Часть местных команд была сохранена: например, в 1892 г. в Забайкалье располагались Нерчинско-Александровская (Акатуй), Читинская и Верхнеудинская местные команды. Местные команды формировались за счет личного состава полевых войск. В качестве примера можно привести приказ за 1895 г.: «Сверхкомплект неспособных 3-го линейного батальона передан в хабаровскую местную команду» [8. С. 29]. Командный состав местных войск в Сибири формировался из офицеров регулярных полевых войск. Например, с 1872 г. заведовал местными войсками Иркутской и Енисейской губерний, а затем занимал пост Енисейского губернского воинского начальника выходец из дворян Вологодской губернии В. Е. Языков, начавший служебную карьеру с унтер-офицера 14-го Сибирского линейного батальона и вышедший в отставку в звании генерал-лейтенанта.

В Сибири во второй половине XIX в. сохранялись, а временами и вновь создавались инвалидные и прочие команды. К началу 1860-х гг. только в Западной Сибири, например, было 15 уездных инвалидных команд, 39 этапных команд и городские казаки [1. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 31]. Инвалидные команды в качестве воинских подразделений, подчиненных местной администрации в Енисейске, Красноярске и других местах, были созданы указом от 4 сентября 1816 г. При этом штаты сибирских инвалидных команд были в два

раза больше, чем штаты подобных команд в Европейской России, и составляли 4 обер-офицера, 10 унтер-офицеров и 80 рядовых при одном барабанщике. Во второй половине XIX в. инвалидные команды ликвидировались, хотя в исторических материалах можно встретить, например: «Высочайше утверждено положение Военного Совета, объявленное в приказе Военного Министра о формировании Иркутской и Красноярской инвалидных команд» от 20 сентября 1861 г. [25. С. 88]. В Сибири сохранялись конвойные команды, возглавляли их также армейские офицеры. Например, в начале 1880-х гг. командиром Красноярской конвойной команды был майор Волков.

Комплектование регулярных войск в середине XIX в. в Российской империи осуществлялось посредством рекрутской повинности. Рекрутская повинность для населения Сибири имела некоторые отличия от Европейской России. Исследователи отмечают: «Для Восточной же и Западной Сибири существовали особые правила образования рекрутских участков. Из селений каждой волости образовывался один или несколько участков так, чтобы селения не были разделены... Набор мог быть обыкновенный (не более 6 рекрут с 1000 человек), усиленным (от 7 до 12 рекрут), чрезвычайным (более 12 рекрут)» [39. С. 143—144]. Кроме того, высочайше утвержденным положением Военного совета предписывалось, чтобы «рекрут из Сибирских уроженцев распределять в войска, в Сибири же расположенные» [25. С. 129]. Рекруты из Енисейской и Иркутской губерний и Забайкальской области направлялись в состав 72-го Пехотного резервного батальона.

Летом 1863 г. после многолетнего перерыва вышел «Высочайший Манифест и Указ Правительствующему Сенату о производстве в 1863 году рекрутского набора с обеих полос Империи по десяти человек с каждой тысячи душ» [5. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3905. Л. 1]. Сроки набора рекрутов были установлены с 1 ноября по 1 декабря 1863 г. При этом были учтены региональные особенности Сибири. В Манифесте говорилось: «Что же касается Рекрутских Присутствий в Закавказском крае и в Сибирских губерниях (ст. 164 и 165), то применительно к ним нового порядка, на столько то по местным условиям окажется возможным предоставляется ближайшему усмотрению Главных Местных Начальств» [5. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3905. Л. 1].

В 1869 г. был опубликован очередной «Указ Правительствующего Сената (по 1-му Департаменту — О производстве в 1870 году рекрутского набора с обеих полос Империи и с губерний Царства Польского» от 5 ноября 1869 г.». В документе говорилось: «Для обыкновенного укомплектования Армии и Флота Наших, повелеваем: В будущем 1870 году произвести рекрутский набор с обеих полос Империи и с губерний Царства Польского, полагая по четыре человека с каждой тысячи душ...» [26. № 102. 1869. 6 ноября].

К началу 1870-х гг. по «Расписанию о количестве рекрутов, следующих к поставке с Енисейской губернии в общий по империи набор» с 1 тыс. душ выставлялось по 6 рекрутов. План исчислялся в 459 чел., но власти рассчитывали на набор 350 рекрутов с губернии. Рекруты из Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской области направлялись в состав 72-го Пехотного резервного батальона.

Манифест о последнем рекрутском наборе был объявлен 22 ноября 1873 г., производился он в январе — феврале 1874 г. Последнему набору в рекруты подлежали молодые люди 1852—1851 гг. рождения. Тобольская губерния здесь выставила 2316, Томская — 1663, Иркутская — 417 рекрутов. Из Енисейской губернии в 1874 г. было направлено в войска 443 рекрута, что составило 8,3 % от всех рекрутов по Сибири. Больше всего рекрутов по Енисейской губернии дал Минусинский округ — 7 от города и 108 от крестьян; Красноярский округ — 8 от горожан и 86 от крестьян; Ачинский округ — 6 и 88, Канский — 3 и 83, Енисейский — 11 и 43 соответственно [34. С. 217]. Всего в четырех губерниях и трех областях Сибири (Забайкальской, Семипалатинской и Акмолинской) в последний набор собрали и отправили в войска 5327 рекрутов [34. С. 215].

Особое место в вооруженных силах России занимали иррегулярные войска, комплектовавшиеся в основном из казачьего населения. В Сибири же иррегулярные войска имели еще большее значение, а кавалерия долгое время была представлена исключительно казачьими частями.

Основу кавалерии Сибири в середине XIX в. составляло линейное казачество, сформированное за счет различных групп казачьего населения.

В декабре 1846 г. было принято «Положение о Сибирском линейном казачьем войске» [6. Ф. 2. Оп. 1. Д. 629]. Войско выставляло девять конных полков, объединенных в четыре бригады, и одну конно-артиллерийскую бригаду. Центром войска был назначен город Омск. Штабы 3-й и 4-й бригад войска (по два полка в каждой) располагались в Семипалатинске и Бийске. Штат Сибирского линейного казачьего полка шестисотенного состава составлял 816 нижних чинов и 20 офицеров. Конно-артиллерийская бригада формировалась в составе трех батарей.

К середине XIX в. в Сибири сохранялось пограничное, городское и станичное казачество. Согласно «Уставу о Сибирских Городовых казаках» от 22 июля 1822 г. сибирские городские казаки находились в гражданском управлении и служили по полицейскому ведомству. В Уставе говорилось: «2. Козаки управляются в составе полков или в составе станиц» [6. Ф. 2. Оп. 1. Д. 102. Л. 390]. В документе говорилось: «6. В Тобольской Губернии составляются два козачьих полка: 1) Тобольский Городовой козачий полк. 2) Сибирский Татарский казачий полк... 9. В Томской Губернии составляется один Городовой козачий полк под именем Томского... 10. В Енисейской Губернии составляется один Городовой козачий полк под именем Енисейского... 11. В Иркутской Губернии составляются два Городовых козачьих полка: 1. Полк Иркутской 2) Полк Забайкальской... 14. В Якутской Области и Охотском крае составляется один Городовой козачий полк под именем Якутского» [6. Ф. 2. Оп. 1. Д. 102. Л. 398]. Все полки, за исключением Тобольского, имели пятисотенный состав с общим штатом 571 человек, включая офицеров и представителей нижних чинов.

В середине XIX в. в Сибири начала вводиться войсковая организация казачества с соответствующими изменениями порядка воинской службы. Постепенно здесь была сформирована система казачьих войск и полков.

17 марта 1851 г. было образовано Забайкальское казачье войско, в обязанности которого входило «охранение китайской границы, содержание караулов и разъездов, преследование и поимка беглых...» [28. С. 6].

В том же 1851 г. на базе городских полков были сформированы Иркутский и Енисейский конные казачьи полки. В их состав были включены

городовые и станичные казаки, а также «казаки пограничного войска, проживающие в Тункинском отделении» [20. С. 2]. Правда, в 1871 г. эти полки были переформированы в Иркутскую и Красноярскую казачьи сотни. Казачье население Иркутской и Енисейской губерний было лишено войскового статуса, и лишь часть казаков сохранила свой сословный статус.

В декабре 1858 г. было образовано Амурское казачье войско в составе Амурской бригады, Амурского и Уссурийского батальонов. Казаки образовали два конных полка, расселившихся от Покровки до поселка Хинганского; один батальон занял границу от Хинганского до Хабаровки, второй — по Усури. Сибирское линейное казачье войско в 1861 г. также было реформировано в Сибирское казачье войско. «Положение о воинской повинности в Сибирском казачьем войске» было высочайше утверждено 2 октября 1871 г. Затем, в 1867 г., из двух полков Сибирского казачьего войска было сформировано Семиреченское казачье войско. Самое большое в Сибири казачье войско — Сибирское — к концу 1870-х гг. имело служилого населения 180 офицеров и 12 187 нижних чинов, проживавших в 350 станицах, 132 поселках и 1 пикете [27. С. 93]. В 1882 г. все мужское население Сибирского казачьего войска составляло 49 035 чел., штатный состав нижних чинов в военное время — 8 901 чел. и в мирное время — 2 699 чел. [2. Ф. 1450. Оп. 6. Д. 125. Л. 21 об.]. В 1889 г. было образовано еще одно казачье войско на самом востоке России. Округ Уссурийского казачьего пешего полубатальона Амурского казачьего войска был выделен в отдельное Уссурийское казачье войско. Таким образом, во второй половине XIX в. из 11 казачьих войск России 5 войск находилось в Сибири, на границе с Китаем. При этом в других регионах Российской империи в это время новые казачьи войска не создавались.

Казачье население Сибири, как и всей России, не только имело отдельный, отличный от других сословий, порядок исполнения воинской повинности, но и использовалось для выполнения различных обязанностей по линии других ведомств. Командный состав казачьих полков и сотен в Сибири не отличался стабильностью. Например, Енисейским казачьим полком в 1863 г. командовал войсковой старшина Н. М. Голашевский, сотнями командовали И. А. Терсков. С. А. Серебрянников, И. К. Цыренщиков, П. А. Кавецкий.

Через год этим полком командовал И. И. Корх, сменилось и несколько командиров сотен. В Сибири было обычным правилом переводить офицеров на различные должности из иррегулярных войск в регулярные и обратно. Например, в 1886 г. сотник Красноярской конной казачьей сотни граф Келлер был прикомандирован к Иркутскому резервному пехотному батальону. Служили в казачьих сотнях представители разных именитых фамилий: например, в 1881 г. в Иркутскую конную сотню был переведен князь Волконский [30. С. 14]. В приказе по военному ведомству от 16 февраля 1880 г. говорилось: «Высочайше утвержденным 2 февраля положением Военного Совета постановлено: Для производства офицеров Иркутского и Красноярских казачьих конных сотен в следующие чины на вакансии, оставить особую, общую по обоим названным сотням, линию» [24].

По ведомству иррегулярных войск, в ведении Главного управления казачьих войск, находилась и первая воинская часть формируемой на востоке России регулярной кавалерии. В 1869 г. была сформирована Уссурийская конная казачья сотня, укомплектованная частично нижними чинами пехотного батальона в Иркутске. Командиром сотни был назначен офицер из резервного эскадрона 15-го Драгунского Тверского полка майор Ножин. В числе офицеров был «Красноярского губернского батальона поручик Лохвитский с переименованием в сотники» [30. С. 12]. Сотня была прикомандирована к Амурскому казачьему войску, располагалась в Камень-Рыболове, но с 1872 г. стала комплектоваться рекрутами и затем призывниками, в основном из Томской губернии.

Общая численность войск в Сибири во второй половине XIX в. была невелика. Военный министр Д. А. Милютин писал: «1864 год застал нашу армию в период самого большого развития наших сил: к весне численность войск была доведена до 1 137 000 человек одних регулярных войск (811 батальонов, 294 эскадрона, 1332 орудия), а с иррегулярными — до 1 250 000» [12. С. 551]. При этом численность войск в Западной Сибири составляла 16,5 тыс. чел., в Восточной Сибири — 6,9 тыс. чел. На 1 января 1869 г. в Западно-Сибирском округе имелось 7 генералов, 382 офицера и 12 113 нижних чинов [38. С. 39]. В Восточной Сибири основная часть войск концентрировалась на Дальнем Востоке. К концу 1870-х гг. в Приамурье, включая Забайкалье, в составе полевых войск имелось 8 батальонов

пехоты, 2 пешие казачьи сотни, 7 конных сотен и 5 артиллерийских батарей общей численностью 8,8 тыс. чел. Кроме того, в регионе имелись Благовещенский местный батальон, 9 местных и 12 конвойных команд общей численностью 2750 чел. [40. С. 39].

В 1862 г. в России была утверждена программа военных реформ, реализованная военным министром Д. А. Милютиным. Реформа должна была привести к коренным преобразованиям всех сторон организации, управления и комплектования российской армии. Военное руководство учитывало и специфику регионов, в том числе Сибири. Сам Д. А. Милютин писал: «... организационные меры обнимали войска, расположенные в Европейской России; что же касается до азиатских наших окраин, то в 1864 году было только приступлено к обсуждению начал предстоявших переформирований... Предположения же о войсках Оренбургского края, Западной и Восточной Сибири обсуждались в течение наступившей зимы при личном участии съехавшихся в это время в Петербург генерал-губернаторов» [12. С. 555]. В более поздних воспоминаниях военного министра есть такие заметки: «В 1869 году продолжались некоторые изменения в составе и устройстве местных войск в отдаленных (азиатских) округах» [14. С. 224].

Высочайше утвержденное 6 августа 1864 г. Положение о военно-окружном управлении сначала было введено в Европейской России, а через год распространено и на Сибирь. Военный министр Д. А. Милютин вспоминал: «оставалось еще применить новое положение к Кавказскому краю и к Азиатской России. Дело это облегчилось приездом в Петербург зимою 1864—1865 гг. генерал-губернаторов... Генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Корсаков даже привез уже выработанный проект, который и был предложен в виде программы на общее обсуждение трех генерал-губернаторов. Без всяких затруднений достигнуто было полное между ними соглашение; Военно-кодификационной комиссии стоило только проектировать для трех новых округов (Оренбургского, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского) небольшое число дополнительных статей или примечаний к общему Положению о военных округах и штаты управлений» [13. С. 126].

Исследователи справедливо пишут: «Процесс же создания военно-окружных управлений Западно-Сибирского ВО длился несколько месяцев и был завершён к 1866 г. ... В первом составе начальствующих лиц Западно-Сибирского ВО были: командующий войсками генерал-от-инфантерии А. О. Дюгамель, начальник штаба — генерал-майор А. С. Кроирус, начальник артиллерии — генерал-майор П. А. Семенов, начальник инженеров — генерал-майор С. Д. Наседкин, окружной интендант — генерал-майор Ф. Ф. Россетер» [38. С. 31—33]. Восточно-Сибирский военный округ был образован указом императора Александра II от 6 августа 1865 г., его командующим стал генерал-губернатор генерал-лейтенант М. С. Корсаков. Таким образом, в 1865 г. были образованы Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа с центрами соответственно в Омске и Иркутске.

Одновременно с введением военно-окружного управления в Сибири были приняты Положения о новой организации местных войск в Сибири и об управлении войсками Амурской и Приморской областей. Исследователи пишут: «В трех дальневосточных областях для непосредственного управления местными войсками военным губернаторам Забайкальской и Амурской областей были присвоены права и обязанности, как начальников местных войск, так и губернских воинских начальников. Делопроизводство по этим вопросам сосредотачивалось в Забайкальской области в специально созданном при военном губернаторе управлении начальника местных войск...» [31. С. 23].

В январе 1874 г. в России был принят закон о всеобщей воинской повинности, введший новую систему комплектования вооруженных сил. Полный срок действительной службы составил 6 лет в армии и 7 лет во флоте, после этого отслужившие зачислялись в запас. Для призывников, имевших образование, срок службы был значительно меньше. На действительную службу брались не все призывники, а около четверти, по жребию, остальные зачислялись в ополчение. В октябре — декабре 1874 г. был проведен первый набор по новому закону. В Енисейской губернии, например, в 1874 г. призыву подлежало 2902 чел., зачислено же было на действительную службу 534 новобранца [24. С. 215].

О новой призывной системе в России говорит такой документ — «По указу Его Императорского величества, Правительствующий Сенат слушали:

во 1-х) рапорт Военного Министра, от 12-го Августа 1876 года, за № 6271-м, следующего содержания: Статьями 11 и 14 Устава о воинской повинности, высочайше утвержденного 1-го Января 1874 года, определено производить ежегодно, с 1-го Ноября по 15-е Декабря, а в Сибири с 15-го Октября по 31-е Декабря, призыв к исполнению воинской повинности молодых людей, которым к 1-му Января того года, когда набор производится, минуло 20-ть лет от роду» [6. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1182. Л. 143]. В «Росписании годового призыва 1876 г.» указывалось число новобранцев по губерниям и областям Российской империи. Для Сибири были установлены следующие цифры: Тобольская губ. — 2848, Томская губ. — 2225, Енисейская губ. — 796, Иркутская губ. — 668, Забайкальская обл. — 499, Акмолинская обл. — 54, Семипалатинская обл. — 50, Якутская обл. — 20. Сибирские губернии и области не были в числе лидеров. Для сравнения: такие губернии, как Вятская, Киевская или Подольская, давали почти столько же новобранцев каждая, как вся Азиатская Россия. С другой стороны, весь Северный Кавказ, включая Кубань, давал новобранцев меньше, чем даже одна Забайкальская область. Исследователи отметили: «Введение воинской повинности оказалось в значительной степени условным, ибо разные части страны несли ее неравномерно», указывая, что только в Европейской России на все население была распространена воинская повинность, а почти все население Средней Азии и около 80 % населения Кавказа было освобождено от этой повинности. В Сибири же воинская повинность была распространена на две трети населения [35. С. 93].

В 1888 г. в Енисейской губернии призыву подлежало 2614 чел., жребий тянули 2451 чел. (39 чел. не явились к призыву), принято было на службу в войска 688 чел., из которых 622 — крестьяне [11. С. 278]. Говоря о сроках службы призывников, можно привести «Приказ войскам Приамурского военного округа» от 31 июля 1897 г.: «Начальник Главного Штаба отношением от 28 мая сего года за №26285 сообщил, что Государь Император, в 20 день мая сего года Высочайше повелеть соизволил перечислить в запас: 1) Из всех частей войск округа, административных, хозяйственных управлений... всех нижних чинов, выслуживающих к 1-му января 1898 года пять лет (срока 1893 года и более лет) и конвоиров новобранцев, зачисленных в войска

округа, выслуживающих к 1-му января 1898 года четыре года (срока 1894 года)» [23].

На казачество востока России принятый во исполнение закона о всеобщей воинской повинности Устав 1875 г. (о воинской повинности казаков Донского войска) был распространен в 1878 г. Казаки Сибири, как и других регионов России, в 18 лет принимали присягу и поступали в подготовительный разряд. С 21 года казаки поступали на 4-летнюю действительную службу, после которой 8 лет находились в резерве, затем зачислялись в запас.

В Сибири, как и в других регионах России, при окружных штабах были учреждены специальные учебные заведения для подготовки офицеров. В Омске в 1846 г. на базе казачьего училища был открыт Сибирский кадетский корпус, предназначенный для подготовки офицеров в линейные батальоны и казачьи части Сибири. В 1866—1882 гг. корпус существовал как Сибирская военная гимназия. В 1874 г. в Иркутске на основе военной прогимназии было открыто юнкерское училище. Исследователи пишут: «Приказом по военному ведомству № 161 от 1872 г. количество обучавшихся было определено в 90 чел., из которых 30 мест приходилось на юнкеров регулярных войск, 30 — на урядников пешего войска и 30 — на урядников конного войска. При учреждении Иркутскому юнкерскому училищу отводилась роль источника пополнения офицерскими кадрами не только регулярных, но и казачьих войск Сибири и Дальнего Востока...» [41. С. 111]. Многие воспитанники кадетского корпуса и юнкерского училища отличились во время военных кампаний начала XX в. Например, сын надворного советника Енисейской губернии, выпускник Иркутского училища 1887 г. П. Н. Гуров летом 1900 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а во время Русско-японской войны в чине подполковника командовал 23-м Сибирским стрелковым полком и был ранен в бою [32].

Развитие вооруженных сил на территории Сибири ускорилось в 80-х гг. XIX в. Военный министр А. Н. Куропаткин писал: «Долгое время расходование сих средств на нашу 9000 верстную границу с Китаем было сравнительно ничтожно. Но рост вооруженных сил Японии и пробуждение в военном отношении Китая уже с 1880 г., вынудили нас приступить к усилению нашего положения на Дальнем Востоке» [9. С. 85—86].

Преобразования затронули в большей мере Приамурье, которое стало самым важным направлением политики России на востоке. Весной 1880 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин добился разрешения на переброску на Дальний Восток двух конных сотен 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска, несших службу в Семипалатинской области. Сотни были командированы для несения пограничной службы в Южно-Уссурийский край. На самом опасном участке границы на Дальнем Востоке был создан Южно-Уссурийский военный отдел.

Усиление русских войск на Дальнем Востоке не ограничивалось лишь передислокацией туда частей. Исследователи пишут, что в 1880 г. «В военном министерстве был составлен план усиления войск Восточно-Сибирского военного округа... одобренный императором. Четыре линейных батальона сводились в стрелковую бригаду. Количество рядовых в роте доводилось до 172 рядовых, младших офицеров до 32, а ефрейторов до 60 человек. То есть, в случае начала войны, бригада могла быть развернута в более крупное подразделение... Формировались и новые части: саперная рота, две роты крепостной артиллерии. Войска в Восточной Сибири перевооружались новыми винтовками» [43. С. 242]. Таким образом, в Сибири началось постепенное реформирование части линейных батальонов в стрелковые батальоны. В 1880 г. была создана первая Восточно-Сибирская стрелковая бригада, а уже в 1883 г. началось формирование 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Летом 1880 г. из Кронштадта вышел «крейсер добровольного флота «Россия» с посаженными войсками, предназначенными для образования кадра новоформируемой в Приморской области стрелковой бригады» [14. С. 280—281].

На Дальнем Востоке продолжилось развитие регулярной кавалерии. Осенью 1880 г. началось формирование 2-й Уссурийской конной сотни.

В приказе генерал-губернатора, в частности, говорилось: «При выборе из Иркутского местного батальона 110-ти строевых нижних чинов обратить особое внимание на крепкое сложение и способность людей к кавалерийской службе... Выбранных в Иркутске нижних чинов отправить, установленным порядком, ныне же в Читу, где прикомандировать их к штабу 1-го

конного полка Забайкальского казачьего войска, для обучения строевой казачьей службе, а затем, ко времени открытия навигации по Амуру, отправить их в конном составе в Сретенск, для сплава в п. Камень-Рыбалов» [30. С. 36—37]. Уссурийская конная сотня уже в 1881 г. была окончательно изъята из ведения Главного управления казачьих войск.

С урегулированием в 1881 г. Илийского кризиса Россия взяла курс на сокращение военных сил на границах с Китаем в Западной Сибири. 6 января 1881 г. военный министр Д. А. Милютин записал в своем дневнике: «Возвратившись из дворца домой, я поспешил известить по телеграфу начальников наших дальних пограничных округов, чтобы они приостановили все новые военные меры, сопряженные с расходами и предположенные исключительно на случай разрыва с Китаем; но вместе с тем подтвердил, чтобы занялись разработкою плана для будущего военного устройства наших пограничных с Китаем окраин, ввиду выяснившегося намерения нашего гигантского соседа развить и преобразовать свои военные силы» [14. С. 255].

В Западной Сибири в начале 1880-х гг. имелось 3 линейных батальона, 3 местных батальона, 29 местных и уездных команд. В октябре 1881 г. по этому округу числилось 20 577 чинов запаса и 44 763 ратников ополчения [1. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 32]. В 1883 г. Военный совет положил содержать Усть-Каменогорскую и Зайсанскую местные команды в мирное время в уменьшенном штатном составе, их состав был уменьшен соответственно с 350 и 200 до 100 и 60 чел. при одном офицере. Для сравнения: штатный состав Сучанской местной команды в Приморской области составлял 2 офицера, 10 унтер-офицеров и 80 рядовых.

В 1882 г. в Восточно-Сибирском военном округе по штату мирного времени насчитывалось 14 906 солдат и 8778 казаков. 2 апреля 1882 г. Главным штабом «было признано полезным не только сохранить, но и пополнить склады Восточно-Сибирского военного округа всем необходимым по штатам военного времени... 11 октября 1882 г. поступила заявка на сукно для 6 новых резервных батальонов Омского и Восточно-Сибирского военных округов с учетом их развертывания в 18 батальонов» [42. С. 90].

Исследователи отмечают: «В Военном министерстве России было решено предпринять на 1883 г. следующие действия: во-первых, выделить общую сумму в 1 273 000 руб. на укрепление боевой части Восточной Сибири; во-вторых, переместить 4-й линейный батальон в залив Посьет... Для реализации намеченных мероприятий планировалось недостающую силу /832 человека/ доставить из европейской части России. Предполагалось также сформировать в составе 4-х батальонов Вторую Восточносибирскую стрелковую бригаду, на что выделялось, в ноябре 1883 г., 355 997 руб.» [42. С. 94—95]. На совещании по амурским делам 8 июня 1883 г. было одобрено ходатайство генерал-губернатора об увеличении численности войск в Южно-Уссурийском крае.

В первой половине 1880-х гг. была реформирована военно-окружная система Сибири. В 1882 г. Западно-Сибирский военный округ был преобразован в Омский военный округ. В 1884 г. Восточно-Сибирский военный округ был разделен на два округа — Иркутский и Приамурский. На созванном в январе 1887 г. в Санкт-Петербурге особом совещании было принято решение: «содержать все части Приамурского военного округа, как существующие, так и назначенные к формированию по штатам военного времени» [36. С. 290].

Войска Приамурского военного округа постоянно усиливались и реформировались, там появились: в 1886 г. — 5-й Восточно-Сибирский и 2-й Западно-Сибирский (с 1891 г. — 8-й Восточно-Сибирский) линейные батальоны; в 1890 г. — 9-й и 10-й Восточно-Сибирские стрелковые и 6-й Восточно-Сибирский линейный батальоны. Всего за несколько лет состав регулярной пехоты в Приамурье увеличился на 8 батальонов. В 1888 г. в Южно-Уссурийском крае были проведены военные маневры. На маневрах «Южным отрядом» командовал начальник 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады генерал-майор Копанский, «Северным отрядом» — командир 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона полковник Байков [7].

Большое внимание в Сибири уделялось боевой подготовке личного состава и местных войск. Например, в приказе по местным войскам Иркутской и Енисейской губерний в январе 1886 г. говорилось: «Ответственность за неуспешность занятий в резервных батальонах лежит на командирах оных. Занятия же офицеров местных и конвойных команд должны проверяться каждый раз

губернскими воинскими начальниками при инспекциях этих частей» [20]. Разведкоманды из местных батальонов делали поездки вдоль границы. Например, в августе 1892 г. состоялась «Прогулка охотничьей команды Сретенского резервного батальона» вдоль Аргуни. Командой, численностью в 25 человек был произведен осмотр границы» [29. С. 367].

Командирами частей местных войск в Сибири были боевые офицеры.

В 1888 г. командиром Красноярского резервного пехотного (кадрового) батальона был полковник В. А. Филонов, затем эту должность занимал полковник В. Л. Гусачевский. Возглавлявший в 1890-х гг. Красноярский батальон В. Н. Горбатовский отличился еще в боях под Плевной, а позднее получил орден Св. Георгия 4-й степени за оборону Порт-Артура. В Первую мировую войну бывший командир Красноярского батальона, генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский командовал армией.

По иррегулярным войскам: на востоке к 1 января 1892 г. на действительной службе по штатам мирного времени состояли следующие части Забайкальского казачьего войска — конный полк шестисотенного состава со штабом в Чите, два пеших батальона пятисотенного состава и две конных батареи общей численностью 108 офицеров и 2683 представителя нижних чинов [37. С. 51—52]. Согласно штатному расписанию военного времени Забайкальское казачье войско должно было выставлять три конных полка шестисотенного состава, шесть пеших батальонов пятисотенного состава и три конно-орудийные батареи шестиоруденного состава. В военное время войско должно было выставить 210 офицеров и 9319 нижних чинов. Амурское казачье войско в мирное время содержало на действительной службе конный дивизион, Уссурийское войско — конную сотню.

Основное внимание в конце XIX в. было уделено Приморью, но без военного прикрытия не остались и другие направления. В 1892 г. в Забайкалье были размещены 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон в Троицкосавске, в составе четырех рот, охотничьей (разведывательной) и учебной команд, под началом А. Н. Соймонова [18. С. 89]; Сретенский резервный пехотный (кадровый) батальон в составе пяти рот и учебной команды; два пеших

(№ 1 и 2) батальона Забайкальского казачьего войска в Чите и на Нижне-Карийском промысле; три сотни Первого конного полка Забайкальского казачьего войска и две конно-артиллерийские батареи Забайкальского казачьего войска.

В целом в Сибири российские власти не держали значительных воинских сил. Начальник Главного штаба Н. Н. Обручев в своей «Записке» в 1895 г. указал, что в Иркутском военном округе имелось 10 резервных батальонов и две сотни общей численностью в 10 тыс. чел.; в Приамурском — 31 батальон (стрелковые, линейные, резервные), 33 сотни и 70 орудий (всего 42 тыс. чел.); в Омском — 27 линейных и резервных батальонов, 66 сотен и 38 орудий общей численностью 45 тыс. чел. Исследователи приводят такие данные: к середине 1890-х гг. в Приамурском военном округе по штатам мирного времени было 23 батальона пехоты, одна пешая и 15 конных сотен, 8 артиллерийских батарей, три роты Владивостокской крепостной артиллерии, Владивостокская саперная и минная роты, Николаевская крепостная артиллерийская команда, 9 местных и 12 конвойных команд [40. С. 311]. В Западной Сибири значительная численность войск во многом была обеспечена за счет казачества, которое, однако, имело более низкую боеготовность и мобилизационную мобильность. К началу 1896 г. всех обязанных службой Сибирских казаков 18—38 лет насчитывалось 17 075 чел., имелось 179 офицеров войскового сословия [4. Ф. 67. Оп. 2. Д. 1908. Л. 10 об.].

Таким образом, к середине 1890-х гг. в Сибири (включая современные Дальний Восток и часть Казахстана) численность сухопутных вооруженных сил превысила 100 тыс. чел. При примерно равной численности войск, размещенных на юго-восточной и юго-западной окраинах региона, наиболее современные и боеспособные части были размещены в Приамурье. Н. Н. Обручев отмечал: «Мобилизация сих войск в Приамурском округе, где они (кроме казаков) содержатся в усиленном составе, потребует около 1 месяца; в Иркутском от 2 до 3-х месяцев, в Омском от 2 до 4-х месяцев» [17. С. 177].

Военно-политическая обстановка на восточных границах России изменилась во время Японо-китайской войны 1894—1895 гг. Возникшая угроза русско-японского столкновения привела к началу мобилизационных мероприятий и военному усилению на востоке. В 1894 г. из Зайсана на Даль-

ний Восток был переведен 4-й Западно-Сибирский линейный батальон. 12 апреля 1895 г. в Приамурском военном округе по приказу начальника Главного штаба Н. Н. Обручева началась мобилизация и формирование резервных частей. По мобилизации в округе были сформированы 5 резервных стрелковых и 4 казачьих батальона, 2 казачьих конных полка и одна казачья батарея, а также 4 запасных пехотных батальона.

Уже через месяц, 14 мая 1895 г., военное положение в Приамурье было отменено, созданные по мобилизации части расформированы. Но усиление вооруженных сил на Дальнем Востоке было продолжено. В 1895—1898 гг. дополнительно были сформированы две Восточно-Сибирские линейные и одна Восточно-Сибирская стрелковая бригады. Восточно-Сибирские стрелковые батальоны были переформированы в двухбатальонные стрелковые полки. Тогда же был сформирован Приморский драгунский полк. Усиление войск касалось и Омского военного округа. Командующий войсками округа М. А. Таубе докладывал в 1895 г. начальнику Главного штаба: «В Омском военном округе в военное время образуется 27 батальонов... что составит около 30 000 полевых войск» [38. С. 87].

Новая ситуация в войсках на Дальнем Востоке была отражена в «Приказе войскам Приамурского военного округа» от 16 мая 1897 г.: «Государь Император Всемилостивейше соизволил пожаловать знамена 1, 5, 6, 7 и 10 Восточно-Сибирским стрелковым, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 Восточно-Сибирским линейным и Восточно-Сибирскому саперному батальонам, Амурскому казачьему полку, Приморскому конному и Уссурийскому казачьему дивизионам... Приамурские войска, занимая пустынный край... закрепили край за русским государством. Ныне обстановка изменилась, сделалась сложнее; задачи, которые могут выпасть на долю войск приамурских, значительно расширились...» [23].

К концу XIX в. в составе четырнадцати российских стрелковых бригад были три Восточно-Сибирские. Артиллерия была представлена двумя Восточно-Сибирскими полевыми артиллерийскими бригадами и другими частями. Все линейные батальоны (31) располагались в Азиатской России. С юга Западную Сибирь прикрывал 1-й Туркестанский армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Г. И. Иванова (Ташкент),

сформированный летом 1899 г. В состав 1-го Туркестанского армейского корпуса входили Туркестанская стрелковая бригада, 2-я и 3-я Туркестанские линейные бригады, Туркестанская казачья бригада, 1-я Туркестанская артиллерийская бригада и др.

Штатный состав военного времени Сибирского казачьего войска в 1899 г. составлял 9 конных полков 6-сотенного состава и 3 запасных конных сотни; Забайкальского войска — 4 конных полка 6-сотенного состава и 1 конный полк 9-сотенного состава, 4 пеших батальона 5-сотенного состава и 1 батальон 4-сотенного состава, 3 конных батареи по 6 орудий в каждой; Амурского войска — 9 конных сотен; Уссурийского войска — 3 конных сотни; казачьего населения Иркутской и Енисейской губерний — 2 конных сотни.

В мае 1900 г. из войск, располагавшихся в Южно-Уссурийском крае, был сформирован Сибирский армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Н. П. Линевича в составе 1-й, 2-й и 4-й стрелковых бригад, Уссурийской конной бригады, 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. На Амуре находились 1-я Восточно-Сибирская линейная бригада, 2-я Восточно-Сибирская артиллерийская бригада и 3-сотенный дивизион Амурского казачьего войска. Численность войск в Приамурском военном округе превысила 60 тыс. чел. В начале 1900 г. из состава Приамурского военного округа была выделена Квантунская область. Именно на войска этого округа наряду с Тихоокеанскими эскадрами Балтийского и Черноморского флотов возлагалось решение задач военно-политического характера в Восточной Азии.

Иркутский и Омский военные округа в 1899 г. были преобразованы в единый Сибирский военный округ с центром в Омске, но с сохранением за иркутским генерал-губернатором прав командующего местными войсками. Исследователи указывают: «Всего в Иркутском военном округе, вошедшем в состав СибВО, находилось: генералов 2, штаб и обер-офицеров — 178, классных чиновников — 52, нижних чинов — 5204. В Иркутской и Красноярской конных казачьих сотнях на 1 января 1899 г. имелось штаб и обер-офицеров — 1, казаков — 232. Чинов запаса к 1899 г. было на учете: обер-офицеров — 95, классных чиновников — 46, нижних чинов — 17 198,

ратников 1-го разряда — 4102, нижних чинов запаса флота — 19, ратников флота — 191 человек» [38. С. 101].

Сибирский военный округ фактически стал внутренним округом, призванным обеспечить резервы для Туркестанского и Приамурского военных округов. Лишь в Семипалатинской области располагались линейный батальон, сотня 3-го Сибирского казачьего полка с приданными им частями. На остальной территории Сибирского военного округа, от Семипалатинска до Иркутска, имелось лишь 7 резервных батальонов. Тем не менее военное руководство страны уделяло достаточно внимания этому округу. Уже в 1899 г. только что сформированный Сибирский военный округ посетил военный министр А. Н. Куропаткин. В поездке его сопровождали всего пять офицеров [3. Ф. 25. Оп. 2. Д. 168]. Вообще, министр А. Н. Куропаткин неоднократно лично посещал части подразделения округов Сибири. В Томске писали: «Он произвел маневр батальону, смотрел стрельбу офицеров. Требования, предъявленные им в отношении службы, давали понять, что надо изменить характер подготовки солдата: образовывать из него главным образом хорошего бойца, отличного стрелка» [19. С. 101].

Военное строительство на востоке до самого конца XIX в. определялось позицией высшего военного руководства России. И военный министр А. Н. Куропаткин, и начальник Главного штаба Н. Н. Обручев считали, что в Центральной и Восточной Азии Россия при всех конфликтах с соседями должна рассчитывать только на свои сибирские войска. По мнению высшего военного руководства, российские вооруженные силы должны были готовиться к большой войне на Западе, откуда исходила основная угроза для России. Грамотная политика на Востоке при должной подготовке относительно немногочисленных войск на азиатских границах позволяла сосредоточить основные военные силы Российской империи на западе. Еще в 1895 г. В. Н. Ламздорф высказал мнение, что Россия держала на границах с Китаем менее 50 тыс. солдат, а если бы не было дружественных отношений, то потребовалось бы 500 тыс. [10. С. 208]. Практически все высшее военное руководство страны выступало за сдержанную и осторожную политику на Дальнем Востоке. Однако более влиятельные в Российской империи финансово-политические группы

не позволили сохранить проводимый военно-политическими кругами курс и вовлекли Россию в военное противостояние в регионе.

24 мая 1900 г. главный начальник Квантунской области Е. И. Алексеев запросил себе войска из Приамурского военного округа, и 30 мая из Владивостока в Китай морем отбыли первые войска, всего около 42 тыс. чел. Вскоре весь Сибирский армейский корпус вместе с Н. П. Линевицем покинул территорию России. 9 июня было принято решение о переводе войск Приамурского военного

округа на военное положение, а также о призыве 12 тыс. запасных из Сибирского военного округа. Первая в истории Сибири мобилизация началась 11 июня. Затем Высочайшим повелением от 4 июля было приказано призвать на действительную службу 24 сотни Сибирского казачьего войска. 8 июля 1900 г. было принято решение о переводе на военное положение всех войск Сибирского военного округа. Летом 1900 г. началась военная кампания в Китае, положив конец длительной мирной эпохе в военной истории Сибири.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив.
2. Российский государственный военно-исторический архив.
3. Государственный архив Иркутской области.
4. Исторический архив Омской области.
5. Государственный архив Красноярского края.
6. Национальный архив Республики Татарстан.
7. Б. М. в Южно-Уссурийском военном отделе // Военный Сборник. — 1889. — № 4.
8. [Валуев] Систематический указатель приказов, приказаний и объявлений войскам Приамурского военного округа и по казачьим войскам его с 1884 по 1900 гг. включительно / сост. ... полковник Валуев. — Николаевск-на-Амуре, 1902.
9. [Куропаткин] Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. — Berlin, 1909.
10. Ламздорф В. Н. Дневник 1894—1896. — М., 1991.
11. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. — 1892.
12. Милютин Д. А. Воспоминания. 1863—1864 / под ред. Л. Г. Захаровой. — М., 2003.
13. Милютин Д. А. Воспоминания. 1865—1867 / под ред. Л. Г. Захаровой. — М., 2005.
14. Милютин Д. А. Воспоминания. 1868 — начало 1873 / под ред. Л. Г. Захаровой. — М., 2006.
15. Милютин Д. А. Дневник. 1879—1881 / под ред. Л. Г. Захаровой. — М., 2010.
16. Енисейские Епархиальные Ведомости.
17. [Обручев] Записка генерал-адъютанта Н. Н. Обручева о положении и целях России на Дальнем Востоке, 1895 г. // Русско-японская война 1904—1905. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник / под ред. О. Р. Айрапетова. — М., 2004.
18. Памятная книжка Забайкальской области на 1892 г. — Нерчинск, 1892.
19. Памятная книжка Томской губернии на 1912 г. — Томск, 1912.
20. Положение об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках. — СПб., 1851.
21. Православный собеседник. — 1887. — № 2.
22. Приказ по местным войскам Иркутской и Енисейской губерний. Г. Иркутск. Января 28 дня 1886 года.
23. Приказ по войскам Приамурского военного округа № 149. — Хабаровск.
24. Приказы по военному ведомству. — СПб. (б. д.).
25. Романов Н. С. Иркутская летопись 1857—1880. — Иркутск, 1914.
26. Сборник узаконений и распоряжений Правительства, издаваемый при Правительствующем Сенате.

27. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. — СПб., 1879.
28. Эпов Н. И. Забайкальское казачье войско. — Нерчинск, 1889.
29. Хорошкин М. Забайкалье // Военный Сборник. 1893. — № 7—8.
30. Авилов Р. С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...». История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869—1914 гг.). — Владивосток, 2011.
31. Авилов Р. С. Реализация военно-окружной реформы 1862—1865 годов в Восточной Сибири и на Российском Дальнем Востоке: создание Восточного Сибирского военного округа // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 51. — 2012. — № 16 (270).
32. Базалийская О. Т. Георгиевские кавалеры — уроженцы Енисейской губернии // Архивный фонд Красноярского края: вопросы научного и практического использования документов. — Красноярск, 1995.
33. Басханов М. К. Генерал Лавр Корнилов. — London, 2000.
34. Баяндин В. И. 1874 год: Последний рекрутский набор в Сибири // Третьи университетские социально-гуманитарные чтения 2009 г. — Иркутск, 2009. — Т. 2.
35. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. — М., 1973.
36. Бирюк С. Н. Русская армия в Китайском походе 1900—1901 гг. // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX в.: сб. науч. ст. — Владивосток, 2010. — Вып. 1.
37. Голято В. Н., Ануфриев А. В. Структурные преобразования Забайкальского казачьего войска в конце XIX в. // Силовые структуры России: страницы истории: сб. науч. ст. — Иркутск, 2006.
38. Копылов В. А., Милухин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865—1917). — Новосибирск, 1995.
39. Маслов Н. А. Причины отмены рекрутской и введения всеобщей воинской повинности // Силовые структуры России: страницы истории: сб. науч. ст. — Иркутск, 2007.
40. Петренко В. М. Изменения в организации и составе русских сухопутных сил на Дальнем Востоке на рубеже XIX—XX столетий (1884—1903 гг.) // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX в.: сб. науч. ст. — Владивосток, 2010. — Вып. 1.
41. Ращупкин Ю. М. Подготовка офицерских кадров в Иркутском военном округе // Силовые структуры России: страницы истории. Сб. науч. ст. — Иркутск, 2004.
42. Синиченко В. В. Восточная Сибирь в российско-китайских отношениях 50—80-х гг. XIX в. — Иркутск, 1999.

Чжан Цзяньхуа

«ИСКУШЕНИЕ ЯПОНСКОГО ВОЛШЕБНОГО ЗЕРКАЛА»: ЯПОНИЯ ГЛАЗАМИ ЦИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И КИТАЙЦЕВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

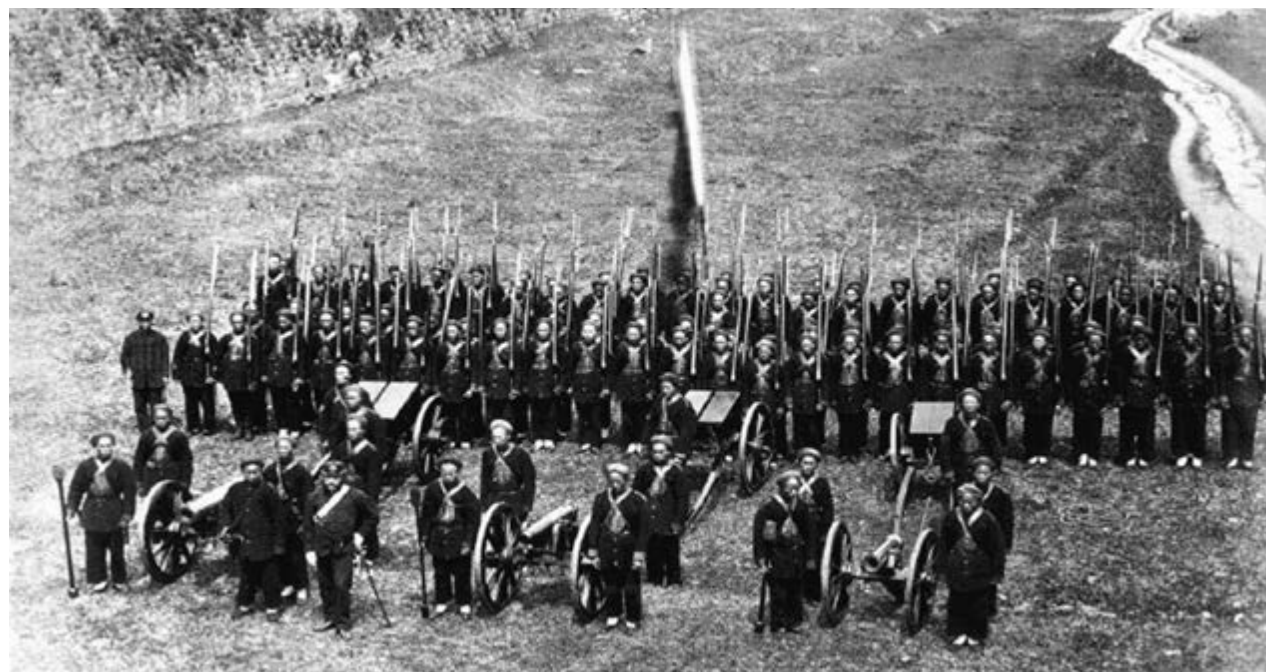
Русско-японская война 1904—1905 гг., названная британским историком Эриком Хобсбаумом (Eric Hobsbawm) «мировым потрясением», отдернула занавес XX в. В этой войне участвовал не только военно-морской флот, но и армия, потери были значительными. Хотя войну вели между собой только Россия и Япония, влияние ее на внутреннюю и внешнюю политику обеих стран было так велико, что имело не только региональное, но и международное значение. Иногда Русско-японскую войну называют «нулевой мировой войной», предшествовавшей Первой и Второй мировым войнам.

О самой Русско-японской войне и ее влиянии на международную ситуацию в России, Японии и Северо-Восточной Азии существует обширная международная историография. Но большинство исследователей разных стран (в том числе и китайских ученых), по сути, игнорировали следующие факты: война, продолжавшаяся полтора года, происходила почти полностью на терри-

тории Китая, вследствие чего китайский народ и цинское правительство испытывали большой ущерб.

Агрессивные действия империалистических держав в Китае, а также России и Японии начались во второй половине XIX в. С одной стороны, цинское правительство и китайцы всегда проявляли бдительность по отношению

Маневры артиллерии и пехоты

к империалистическим державам и находились на нейтральной позиции, а с другой, они внимательно наблюдали за процессом войны, анализируя причины победы Японии. Вопрос заключается в следующем: что цинское правительство и китайцы увидели благодаря войне между двумя странами, происходившей у своих дверей?

Русско-японская война значительно повлияла не только на воюющие страны и европейскую ситуацию до Первой мировой войны, но и на Китай в начале XX в. — как на его внутреннюю и внешнюю политику, так и на общество; она стала важным поворотом в современной истории Китая.

В наше время и особенно в истории XX в. Россия (СССР) и Япония являются двумя странами, оказавшими наибольшее влияние на исторический процесс в Китае. Размышляя о причинах победы Японии в этой войне, китайская интеллигенция и революционеры почти единодушно обратили внимание на преимущества японской политической системы. Китайские конституционалисты не только увидели превосходство конституционализма над самодержавием, но и пришли к выводу, что конституционализм неизбежно заменит самодержавие. Самый известный конституционалист-теоретик и революционер Китая Сунь Чжун-шань (孙中山) в 1905 г. в Кобе (Япония) объявил в своем выступлении: «Япония победила Россию в Русско-японской войне. Победа японцев над русскими — это первая победа азиатских наций над европейцами за последние столетия, последствия войны немедленно распространились на всю Азию, появляется одна большая надежда» («日俄一战，日本便战胜俄国。日本人战胜俄国人，是亚洲民族在最近几百年中头一次战胜欧洲人，这次战争的影响，便马上传达到全亚洲，亚洲全部的民族便惊天喜地，发生一个极大的希望»)[1. С. 402].

В связи с этим Япония играла все более заметную роль в политике Китая в конце династии Цин: распространилась тенденция восприятия ее как учителя. Русско-японская война открыла глаза китайским конституционалистам и революционерам и предоставила хорошую возможность для того, чтобы сформировать общественное мнение в пользу конституционализма или прямо завершить революцию. С другой стороны, результаты войны также привели верховных правителей страны, включая императрицу Цыси (慈禧太后), к согласию в вопросе о «конституционном правлении» (宪政) и началу проведения сверху вниз национальной конституционной реформы.

1. Политическая система Японии позволила китайским реформаторам увидеть преимущества конституционного правления, признать тенденцию мировой демократии

Война между Японией и Россией в глазах конституционалистов являлась не обычной войной, а борьбой между желтыми и белыми, Азией и Европой, малыми государствами и великими державами, конституционализмом и самодержавием. От этого сражения зависели «слава Азии, рост и гибель желтых и белых, силы конституционализма и самодержавия» («亚洲之荣落、黄白种之兴亡、专制立宪之强弱»)[2], то есть оно имело очень большое значение.

В связи с этим приверженцы конституционализма не обратили внимания на нейтральную политику цинского правительства, «приближаясь» к Японии и «отказываясь» от России. Они надеялись, что Япония победит Россию — и это утвердит конституционализм в Китае. Война исполнила это желание конституционалистов, предоставив, казалось бы, убедительные доказательства их правоты и подготовив общественное мнение. Мировая держава Россия, занимающая большую территорию, потерпела поражение в войне с территориально маленькой Японией: конституционалисты, таким образом, посчитали, что исход войны не зависит от размера страны, мощности ее вооруженных сил или превосходства рас — роль играет только государственное устройство. «Поражение России значило не просто то, что Япония победила Россию, это означало, что конституционное государство победило самодержавное государство» («彼俄之见衅于日也，非俄之败于日也，乃专制国之败于立宪国也»)[3]. Исследовав внутренние и международные исторические факты, конституционалисты нашли много таких примеров. «Анализируя все военные действия в мире за последние 50 лет, трудно предсказать исход сражения между двумя самодержавными государствами или двумя либеральными государствами. Но если самодержавное государство встречается с либеральным государством, то оно не сможет выдержать. Первым доказательством является Франко-прусская война, вторым — Испано-американская война, третьим — Китайско-японская война» («其一验诸普法之役，其二验诸美西之役，其三验诸中日之役，并此而四矣»)[4].

Конституционалисты категорически заявляли, что «конституционные государства всегда победят самодержавные государства в войне между ними» («专制国与立宪国战、立宪国无不胜、专制国无

不败») [5], как будто это уже стало объективным законом. Почему? Они объясняли свою точку зрения следующим образом: при конституционном режиме государство принадлежит народу, поэтому народ воюет за себя, а в условиях самодержавия государство принадлежит монарху и меньшинству, и только монарх и меньшинство воюют за себя, а народ сражается за других. «Один монарх и лишь несколько десятков людей против народов, кто больше? Кто сильнее?» («夫以一君主与百数十私人而与彼全国之亿兆众相遇，则孰为众而孰为寡、孰为强而孰为弱耶?») [6]. Используя этот шанс, конституционалисты старались преувеличить превосходство конституционной монархии, рассматривая феодальное самодержавие как зло для народов.

Анализируя итоги Китайско-японской войны, конституционалисты не только увидели превосходство конституционализма над самодержавием, но и пришли к выводу, что конституционализм обязательно заменит самодержавие. Они отмечали, что «в XX в. уже нет места для самодержавного строя. Конституционный либерализм непобедим. Твердолобые будут отсеяны» («世界进化之运，及于二十世纪，举地球中万无可以复容专制政体存在之余地，立宪自由主义所向无敌，遇者死，当者坏，苟顽然不知变计者唯有归于劣败淘汰之数而已») [7]. В конце 1904 г. 34 губернаторских совета царской России попросили правительство ввести конституционный строй, за ними последовала буржуазия Турции, Персии и других стран. Это конституционное увлечение послевоенного Востока воодушевляло китайских конституционалистов. В своих газетных статьях они выставляли его как общую тенденцию и верили, что конституционализм победит, и господство самодержавия прекратится. Когда в России только начиналось конституционное движение, Лян Цичао (梁启超), в то время живший в Японии, опубликовал ряд статей в газете «Синьминь Цуньбао» («新民丛报»): «Мотивы конституционной политики России» («俄国立宪政治之动机»), «О вопросах конституционализма в России» («呜呼俄国之立宪问题»), «Еще раз о вопросах конституционализма в России» («续纪俄国之立宪问题») и тем самым поднял дух русской буржуазии. Он писал: «В XX веке нет места для самодержавного строя, даже настойчивая Россия и то не может противодействовать богу свободы» («二十世纪之国家，终无容专制政体存在之余地，以顽强之俄罗斯，遂不能与自由神之威力抗。呜呼！举天下之恶

魔，遂不能与自由神之威力抗»). Конституционалисты также рассчитывали на то, что российское правительство будет проводить в стране конституционализм под влиянием войны, чтобы показывать Китаю пример. В январе 1905 г. под давлением общественности царь представил Сенату Закон о государственных административных реформах (国家行政改良案), который признавал, что люди имеют право на юридическую защиту. Таким образом, китайские конституционалисты считали, что конституционализм будет устанавливаться в России, и цинское правительство должно уделять ему внимание. 30 марта 1905 г. в газете «Чжун вай жи бао» («中外日报») была опубликована статья «О внутренней ситуации в России за последнее время» («论近日俄国之内情»), которая подробно раскрывала процесс конституционного движения в России и выказывала озабоченность ситуацией в Китае. В статье говорилось, что «если в России установится конституционализм, в мире останется одно самодержавное государство — Китай. Положение дел с конституционализмом в России, безусловно, будет влиять на Китай» («使俄国之立宪竟成，则其立宪之实际虽未谗若何，而世界之专制国仅仅余一中国，亦必有被及之影响，特今日犹未可知耳»). Конституционалисты приводили цинскому правительству примеры установления конституционализма в России, Пруссии, Польше и других странах. «Самодержавный строй больше не может отвечать нынешним требованиям и будет отсеян самой жизнью» («专制政体既劣败而不适于生存，是方为天演所自然淘汰»); «Дело к тому и идет» («时势所趋，事有必至，固非人力所能抗争者也»). Это означало, что цинские господствующие классы должны были хорошо понимать ситуацию и следовать в русле тенденции.

Япония победила Китай и Россию, что позволило китайцам взглянуть на восточного соседа новыми глазами. Китайские конституционалисты считали, что причина победы лежит в конституционализме, основанном во время Реставрации Мэйдзи, достижения которой оценивали высоко. По их мнению, Китай мог позаимствовать у Японии опыт установления конституционализма в стране: при этом, во-первых, требовалось утвердить политический курс государства. Конституционалисты заявляли, что в начале Реставрации Мэйдзи император Японии поклялся в храме императорских предков, объявил всем народам о новом политическом курсе государства и утверждении конституции, выразил искреннюю решимость

провести политические реформы правительства, а также создал идейное единство в обществе. Это был первый шаг к реформе. В газете «Ши бао» («时报») за 7—8 августа 1904 г. были опубликованы статьи, в которых говорилось: «Для того чтобы выживать, сначала нужно утвердить политический курс государства, то есть принять конституцию — это объясняется в европейском и американском политическом учении как «счастье большинства» («欲图存必先定国是，定国是在立宪法，立宪法之希望，即今日欧美通行之政治学说所谓‘最大多数之最大幸福’之一义也»).

Вторым этапом реформы должна была стать подготовка к конституционализму. Лян Цичао (梁启超) раньше считал, что китайский народ не готов к таким переменам, поэтому принять конституцию в Китае сразу нельзя. Его мнение глубоко повлияло на конституционалистов, которые к тому же наблюдали, что хотя в Японии к 14-му году периода Мэйдзи уже утвердился политический курс государства, конституционная реформа началась лишь на 23-м году Реставрации. Таким образом, приверженцы конституционализма считали подготовительный период необходимым и высказывались следующим образом: «в настоящее время китайский народ не готов к конституционализму, а проведение в Китае политической реформы без установления конституции не обойдется. Так что можно брать пример с Японии и установить конституцию через десять лет после объявления о реформе» («今中国之民诚未可骤跻于立宪，而不立宪，又万难语于革政，则莫若仿日本之故事，先行下诏，期以十年立宪») [8]. Используя это время, конституционалисты собирались распространить знания о демократии, чтобы создать в Китае прочную основу для реформирования.

В-третьих, в реформировании, по мнению конституционалистов, было необходимо опираться на важных чиновников. Они полагали, что одной из причин успеха Реставрации Мэйдзи (明治维新) стало присутствие в императорском правительстве важных чиновников, поддержавших реформу. «Маркиз Ито сделал многое для проведения Реставрации в Японии. Вернувшись из Европы, он стал главной силой Реставрации» («又日本维新，其得力于伊藤侯之扶助力为不少也。伊藤自欧洲归，为维新之主动力，声势隆隆，压倒朝野») [9].

Конституционалисты хотели, чтобы в императорском правительстве появилось несколько

дальновидных чиновников, таких как Сигэо Ито, которые смогли бы работать вместе с конституционалистами.

Наконец, в-четвертых, требовалось просветить массы. Конституционалисты объясняли, что во времена Реставрации в Японии массы были политически непросвещенными, но благодаря пропаганде Итагаки Тайсукэ (阪垣退助), Комуро Нобуо (小室信夫), Иноуэ Кокаку (井上高格) для перемен в конце концов была заложена идейная основа. Для того чтобы достичь цели, Китаю требовалось взять пример с Японии, усилить образование и пропаганду. В статье «Народу нельзя без политических идей» («论国民不可无政治思想»), опубликованной в газете «Вестник Бэй Ян» («北洋学报»), 4 вып. 1906 г. (丙午第4期), писалось, что «Все чиновники в стране и местные джентри должны собирать товарищей на политические исследования, перевод книг, утверждение курсов и объяснять идеи автономии и независимости. Нужно разбудить массовое сознание, чтобы укрепить нашу страну» («各省大小官吏，劝谕所属，俾之固结团体。绅士之明达者，广集同志，设研究政治会，译书讲报，俱定方针，务将独立自治之理，再三演解，……积日既久，必群相感悟，鼓其爱力，以翼我国家»). Конституционалисты считали, что установить конституцию в Китае можно только в результате массового просвещения.

Во времена Русско-японской войны в Китае была сформирована группа конституционалистов из провинции Цзян Су и Чжэ Цзян (江浙立宪派) во главе с Чжан Цзянем (张謇) и Тан Шоуцянем (汤寿潜), в основной состав которой вошли Чжан Юаньцзи (张元济), Чжан Мэй и (张美翊), Сюй Динлинь (许鼎霖), Чжао Фэнчан (赵凤昌), Чэнь Фучэнь (陈黻宸), Чжу Фушэнь (朱福洗) и другие. Эти чиновники или джентри были знакомы с движением вестернизации, имели тесные связи с верхушкой феодального государства, а кроме того, находились под благотворным влиянием политических учений западной буржуазии, разбирались в международной ситуации и выступали за «фундаментальную реформу» (имеется в виду смена правительства).

Глава группы конституционалистов из провинции Цзян Су и Чжэ Цзян, Чжан Цзянь (张謇), всегда был поклонником конституционной монархии по-японски. В 1903 г. он путешествовал по Японии и изучал конституционную политику и экономическое развитие страны, а в 1904 г. вместе

с Чжао Фэнчаном (赵凤昌) и другими авторами опубликовал две книги: «Толкования о конституции Японии» («日本宪法义解») и «История парламента Японии» («日本议会史»), которые были высоко оценены его друзьями и товарищами.

Почему группа конституционалистов из провинции Цзян Су и Чжэ Цзян предпочитала японскую конституционную монархию? Первая причина такова: Китай и Япония — соседние страны, имеющие одну и ту же культуру, очень схожие по историческим традициям и политическим обычаям. Победа Японии над Россией показывала превосходство конституционного строя, которому в Китае было можно и должно подражать. Во-вторых, в Японии господствовал императорский конституционализм: вся власть была сосредоточена в руках императора, что отвечало и требованию конституционалистов из провинции Цзян Су и Чжэ Цзян. По всем этим причинам они предпочитали японскую конституционную монархию со слабыми чертами буржуазной политической реформы британской конституционной монархии с высшей степенью демократизации.

2. Приезд китайских студентов в Японию после Русско-японской войны

В результате поражения Китая от «мелкой островной страны» (蕞尔岛国:) (пренебрежительное именование Японии) в Японо-китайской войне 1894—1895 гг. цинское правительство было вынуждено заключить оскорбительный Симоносекский договор (马关条约), что не только стало поводом к размышлению о причинах поражения в войне, серьезному пересмотру отношения к Японии, но и неизбежно обострило бдительность, а заодно и ненависть к этой стране.

В конце 1897 г. японское правительство выразило желание улучшить двусторонние отношения с цинским правительством, чтобы воспрепятствовать России и западным державам захватить Китай. 2 января 1898 г. генерал-губернатор Хубэя и Хунаня Чжан Чжидон (湖广总督张之洞) послал в Цзунли ямэни (总理衙门); институт правительства империи Цин, выполнявший функции министерства иностранных дел) телеграмму, в которой говорилось о том, что замначальника штаба Японии Камио Мицуоми, приехав в Хубэй, заявил: война между обеими

странами несколько лет назад завязалась по недоразумению. Также там было сказано, что белые люди на Западе, поднимаясь, угрожают Китаю и Японии, а между тем Китай и Япония являются странами с едиными расами, письменностью и религией, и Япония очень желает установить с Китаем хорошие отношения («倭参谋部副将神尾光臣到鄂，洞出省未回 大略言前年之战，彼此俱误。今日西洋白人日炽，中东日危。中东系同种、同文、同教之国，深愿与中国联络。»)。

В это время перед лицом угрозы западных держав цинское правительство надеялось получить от Японии помощь для проведения модернизационных реформ. В 1898 г. во время реформы года у-суй (戊戌变法) большинство реформаторов активно изучали и пропагандировали японский опыт, считая Реставрацию Мэйдзи идеальным сценарием. В 1896 г. цинское правительство направило в Японию на учебу первую группу из 13 китайских студентов по требованию китайского посланника в Японии Йуй Гэна (裕庚). Во время Ста дней реформ (百日维新) цинское правительство официально потребовало, чтобы правительства провинций выбрали китайских студентов и также направили их учиться в Японию. Всего к 1901 г. число китайских студентов в стране превысило 200 чел. Враждебные отношения между соседями постепенно сходили на нет, замещаясь установлением и укреплением глубоких связей.

После Русско-японской войны число китайских студентов в Японии резко возросло. По данным японских ученых (实藤惠秀, 二见刚史), кульминации этот процесс достиг в 1905—1906 гг. Это, с одной стороны, являлось естественным результатом развития китайско-японских культурных обменов, а с другой, было связано с итогами Русско-японской войны. Чжан Чжидон 2 августа 31 г. периода Гуансюя (光绪三十一年八月初二) предложил ликвидировать систему Кэцзюй (科举; государственные экзамены в императорском Китае — неотъемлемая часть системы конфуцианского образования, обеспечивавшая местным элитам доступ в государственный бюрократический аппарат) и расширять школу. Чжан считал: победа Пруссии над Францией и Японии над Россией — это заслуги учителей школ. Таким образом, число китайских студентов в Японии резко превысило 8000 чел. благодаря тому, что цинское правительство отменило систему Кэцзюй и Япония победила Россию.

По мере развития обмена Япония все сильнее влияла на Китай. Английский миссионер Тимоти Ричард (кит. 李提摩太, англ. Timothy Richard) в 1906 г. писал: «Очевидно, влияние Японии на 18 провинций Китая непрерывно увеличивалось. Японские путешественники, коммерсанты, учителя, военные инструкторы — по всей империи тысячи сыновей и внуков китайского дворянства получали образование в Японии. Вернувшись в Китай, они восстановили то, что учили в Японии» [10. С. 103].

Из студентов, учившихся в соседней стране, вышло немало видных фигур, например, Цай Е (蔡锷), Янь Сишань (阎锡山), Ли Леджин (李烈钧), Чан Кайши (蒋介石), опыт и образование которых в Японии стали важными факторами, заметно повлиявшими на современную историю Китая. Результат Русско-японской войны вызвал ощущение кризиса у китайской нации и ускорил создание Союзной лиги (同盟会) в 1905 г. Почти все главные кадры лиги тоже учились в Японии; они внесли большой вклад в Синхайскую революцию (辛亥革命). Впоследствии среди представителей Бэйянской (北洋) власти и партии Гоминьдан (国民党) довольно многие получали образование в Японии и работали в области политики, образования, военного дела и других сферах.

3. Внутренний консенсус в цинском правительстве о конституционном правлении и «Подготовка установления конституции» в 1906 г.

Голос конституционализма в цинском правительстве усилился со вспышкой Русско-японской войны. Сунь Баочу (孙宝琦), китайский посланник во Франции, стал первым, кто открыто призывал к установлению конституции. В феврале 1904 г. в «Докладе к министру Вану Верховного административного управления» («上政务处王大臣书») в правительстве Сунь описал, что Китай стоит перед опасной ситуацией — «внутренняя смута плюс агрессия внешних врагов» (外侮迭乘、内忧间作), и напомнил о том, что реформа уже стала общим чаянием всего народа, и ее нельзя сдерживать. Во избежание бедствия, которое может быть вызвано спорами и дебатами снизу, необходимо установить конституционный строй по модели систем Англии, Германии и Японии. Сунь предложил превратить

Верховное административное управление (政务处) в верхнюю палату, а Приказ цензорского контроля — в нижнюю палату [11].

Эти предложения содержались в прессе конституционалистов. Мнение Суня пользовалось популярностью как передовая идея несмотря на то, что его восприятие конституционного строя Западом было очень наивным и неглубоким.

В марте губернатор провинции Юньнань Дин Чжендуо (丁振铎) и губернатор провинции Гуйчжоу Лин Шаонян (林绍年) телеграммой предложили власти быстро выдать императорский указ об исправлении прошлых ошибок, учитывая, что Япония после тридцатилетней реформы даже посмела начать войну против мощной России, и сообщить всем странам о том, что Китай отныне начинает проводить реформу во всех областях для того, чтобы соответствовать лучшей политике всех стран [12]. Хотя в предложениях губернатора не было слова «конституционализм», его формулировка «проводить реформу во всех областях» означала изменение режима. Вслед за ним некоторые генерал-губернаторы тоже предложили конституционализм.

Двое из придворных конституционалистов, Юань Шикай (袁世凯) и Дуан Фан (端方), являлись радикалистами. Когда Юань Шикай был наместником Чжили (直隶; принятое в маньчжурской традиции название китайской провинции Хэбэй, которая из-за своей близости к Пекину имела особое положение и считалась столичной. Само название провинции обозначает буквально «непосредственно управляемая»), он держал в своих руках крупную военную силу Бэйянской власти и считал себя лидером реформаторов. В июле 1905 г. он предложил создать конституционный строй через 12 лет и направил своих приверженцев в разные страны изучать политику. Согласно источникам, Юань Шикай знал о том, что не все союзники были надежными. В то же время императрица Цыси устала от государственных дел из-за плохого здоровья и семидесятилетнего возраста, и Юань беспокоился о том, что молодой император обвинит его в неудаче Реформы года у-суй после своего прихода к власти. Словом, Юань надеялся на конституционный строй, при котором главная власть находится в руках премьера в новом кабинете, и император уже не имеет большого влияния. Позже Юань поручил Дзай Джину (载振) подать власти предложение о том,

что необходимо установить конституционный строй по модели передовой страны. Власть, не созная его умысла, направила некоторых министров (戴泽、戴鸿慈、端方、尚其亨、李盛铎) в западные и восточные страны изучить конституционный строй («世凯知党援不尽可恃，而孝钦年逾七旬，衰病日增，有髦期倦勤之态，恐皇上亲政后修戊戌前怨，日夕焦思，反谋益急，遂倡议立宪，冀新内阁主权归总理，天子不得有为。私拟一奏，使载振上之，大旨言救亡非立宪不可，立宪非取法邻邦不可，朝廷不悟其奸，立派载泽、戴鸿慈、端方、尚其亨、李盛铎分赴东西洋考察宪政») [13].

По сравнению со многими представителями дворянства Юань Шикай был разумным и трезвым несмотря на амбиции и эгоизм. Императрица Цыси в то время беспокоилась о революции против маньчжуров. Пользуясь этим, Юань Шикай сказал императрице, что конституционный строй может предотвратить революцию [14]. Так что императрица Цыси приняла его предложение.

Дуан Фан (端方) как просветитель в цинском дворянстве поддержал преобразования во время Реформы года у-суй. Впоследствии Дуан Фан связался с Лян Цичао, установив с ним переписку (梁启超). Лян Цичао вместо Дуана разработал секретный доклад с просьбой об установлении конституции и амнистии связанных людей. Запрещение партии у-суй было отменено, после того как секретный доклад представили цинской власти. В 1905 г. императрица Цыси спросила Дуана: «Новая политика ведется, а еще что-нибудь совершили?» («新政已皆举行，当无复有未办者。»). Дуан ответил: «Конституция пока не установлена» («尚未立宪。»). Цыси продолжала: «А установление конституции полезно?» («立宪如何?»). Дуан ответил: «Престолу будет обеспечено вечное наследование после установления конституции» («立宪则皇上可世袭罔替»). Цыси была тронута этим ответом. Поэтому 6 июля того же года цинская власть решила направить министров (戴泽、戴鸿慈、徐世昌、端方、绍英) в различные западные страны. 24 сентября, когда пять министров отправились на вокзал к поезду, они стали жертвами нападения революционера У Иое (吴樾), стрелявшего в них. Дай и Шао получили легкие раны. Посещение было отложено.

Летом и осенью 1906 г. Дзай Дзэ (载泽) и другие министры вернулись из зарубежья. Они дали очень высокую оценку конституционному строю западных стран, например, Англии и Германии,

а также Японии — в частности, в вопросе сглаживания противоречий между властью и народами для укрепления власти. Эти министры уже стали приверженцами конституционализма. Делая доклад перед властью, они пожаловались на отсутствие конституции в Китае и рекомендовали императрице установить конституционный строй. Власть согласилась с их доводами и разрешила установление конституции («皆痛陈中国不立宪之害，及立宪后之利。两宫动容，谕以只要办妥，深宫初无成见») [15].

27—28 августа 1906 г. цинская власть провела важное собрание, в котором приняли участие многие видные министры. На собрании обсуждалась проблема установления конституции. И Куанг (奕劻), Шу Шичан (徐世昌), Юань Шикай (袁世凯), Чжан Байши (张百熙) и другие были за, но Сунь Дианай (孙家鼐), Жон Чин (荣庆), Тие Лиан (铁良), Дзай Фэн (载沣) — против. Между сторонами разгорелся бурный спор. Наконец на собрании был достигнут консенсус — в том, что самыми актуальными задачами стали просвещение народов и борьба с бюрократией. 1 сентября предложение о создании конституционного строя было подано цинской власти, и 3 сентября в Китае издали императорский указ о подготовке к установлению конституции.

4. Заключение

Русско-японская война произошла в годы, когда в Китае наблюдался серьезный кризис, и без реформы страна могла прекратить свое существование. Русско-японская война по исторической случайности стала внешней движущей силой конституционализма в Китае.

Япония оказалась для китайских конституционалистов, а заодно и для революционеров, и для консерваторов волшебным зеркалом. Все течения могли извлечь из этого зеркала полезное для себя несмотря на разные отражения. Изучение передового опыта Японии для создания конституционного строя явилось их общим чаением. Конституционалисты вдохновились войной и активно призывали к созданию конституционного строя; цинская власть извлекла из войны уроки и наконец согласилась с необходимостью таких реформ; революционеры во главе с Сунь Чжуншанем стремились создать новую республиканскую систему через конституционалистическую революцию. Все вместе они открыли новую эпоху в китайской истории.

Пушка Цин

Источники и литература

1. Сунь Чжун-шань (孙中山全集) // Полн. собр. соч. — Изд-во Чжун Хуа, 1981. — Т. 11.
2. О китайско-японских отношениях (论中日分合之关系). — Журнал Востока (东方杂志). — Вып. 1. — 1904, март.
3. О китайско-японских отношениях (论中日分合之关系). — Журнал Востока (东方杂志). — Вып. 1. — 1904, март.
4. О причинах поражения России (论俄罗斯致败之由). — Ши бао (报). — 1904, 17 июня.
5. О влиянии Русско-японской войны на Китай (日俄战后中国所受之影响若何). — Да гун бао (大公报). — 1905, 13 апр.
6. О причинах поражения России (论俄罗斯致败之由). — Ши бао (时报). — 1904, 17 июня.
7. О причинах поражения России (论俄罗斯致败之由). — Ши бао (时报). — 1904, 17—19 июня.
8. О конституционализме (立宪平议). — Ши бао (时报). — 1904, 27 сент. (时报 1904 年9月27日).
9. Об утверждении политических курсов государства (论朝廷欲图存必先定国是). — Ши бао (时报). — 1904, 7—8 авг. (1904年8月7、8日).
10. Тимоти Ричард. 45 лет в конце Цина: Воспоминания Тимоти Ричарда в Китае. — Тяньцзиньское народное издательство, 2011 (李摩提大: «亲历晚清四十五年——李提摩太在华回忆录», 天津人民出版社、人民出版社 2011 年版, 第103页).
11. Журнал Востока. — 7 вып. первого года. — 1904, июль («东方杂志» 第1年第7期, 甲辰七月).
12. Докладная записка в телеграмме о том, что губернатор провинции Юньнань Дин Чжендуо попросил власть обещать всем странам вести новую политику. — Да Гон Бао. — 1904, 10 марта. («滇督丁制军振铎等请与各国立誓力行新政电奏» «大公报» 1904年3月10日).
13. Ху Сиджи. Дело Большого бандита по ограблению государства (胡思敬 «大盗窃国记»).
14. Саго. Юань Шикай (佐藤 «袁世凯»).
15. Заметки об установлении Конституции // Начальная программа конституционного строя. Дополнительный выпуск. — Журнал Востока (立宪纪闻 «东方杂志» 临时增刊 «宪政初纲»).

Кузьмин Ю. В.

ИРКУТСКИЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ В МОНГОЛИИ И МАНЬЧЖУРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Начало XX в. характеризовалось активизацией во Внешней Монголии и Маньчжурии Китая, России и Японии. Китай начинает колонизацию земель в этих регионах, Япония проводит чрезвычайно активную политику в Восточной Азии в целом. Военные представители России не только писали и рассуждали на тему «желтой опасности», но и практически изучали географию, экономику, вооруженные силы и военные планы стран Восточной Азии. Результаты исследований офицеров Генерального штаба в большинстве случаев не становились предметом широкого обсуждения в русском обществе, но являлись ценным источником информации и весомым основанием для принятия центральными российскими органами адекватных внешнеполитических решений.

В Государственном архиве Иркутской области хранятся уникальные материалы военной разведки и пограничной стражи России о деятельности японцев в Маньчжурии и Монголии, чаще всего негласной. Документы, находящиеся в фонде 25 «Канцелярия иркутского генерал-губернатора» ГАИО, содержат материалы военной разведки из Урги, Кяхты, Харбина, Пекина и других мест изучаемого региона. В донесениях агентов сообщаются данные об открытии и действиях отделений японской разведки, сотрудники которых владеют китайским, а некоторые — монгольским и русским языками. Говорится о том, что при отделениях открываются специальные школы разведчиков, указаны даже размеры жалования специалистов. Отмечается, что некоторые из них для прикрытия занимаются торговой деятельностью, а также создают школы для изучения языков, обучения монгольских детей. Они поддерживают строительство буддийских храмов, активно контактируют с феодальной и ламской верхушками, одаривая их экзотическими сувенирами и полезными вещами.

Победа Японии в Русско-японской войне 1904—1905 гг. значительно изменила международную ситуацию в Восточной Азии и соотношение сил в регионе. Японцы стали усиливать свою деятельность по проникновению в Маньчжурию и Монголию и их освоению. В 1905 г. Япония

получила права на Квантунскую область, зону Южно-Маньчжурской железной дороги. В 1907 г. страна заключила соглашение с Россией, по которому признавала исключительные интересы последней в Северной Маньчжурии, оставляя себе Южную Маньчжурию. Однако Монголия и Северная Маньчжурия продолжали быть зоной стратегических японских интересов и местом проведения разведывательных операций.

О деятельности японской разведки, ее методах и приемах в Маньчжурии и на Дальнем Востоке писали историк Б. А. Романов (1928, 1955), писатель А. Н. Степанов (1960), американский знаток международного шпионажа Ричард Уилмер Роуэн, автор монографии «Очерки секретной службы (Из истории разведки)» (1946, 1992), посвятивший Японии специальную главу — «Шпионы страны восходящего солнца».

Внешняя политика Японии данного периода изучена в России достаточно тщательно. Активность японцев во Внешней и Внутренней Монголии и Маньчжурии плодотворно исследуется российскими учеными: Л. Н. Кутаковым, М. И. Сладковским, Х. Т. Эйдус, А. С. Селищевым, Н. Е. Единарховой, А. В. Алепко. Оригинальным представляется подход профессора А. С. Селищева, изучившего проблему возникновения и формирования японских экспансионистских идей. Н. Е. Единархова впервые ввела

в научный оборот данные архивных источников о способах проникновения представителей Японии в Монголию и Маньчжурию. Исследователь из Хабаровска А. В. Алепко описал деятельность японской разведки в Приморье. Монгольский историк Ц. Батбаяр опубликовал две монографии о японо-монгольских отношениях в первой половине XX в.

Возможность работы в закрытых прежде архивах позволила в 1990-е гг. ввести в научный оборот неизвестные ранее материалы по данной проблеме. Так, несомненный интерес представляют материалы, опубликованные И. В. Деревянко — «Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг.», изданные в книге «Тайны Русско-японской войны» (1993). В ней впервые были опубликованы отчет разведывательного отделения Маньчжурской армии от начала войны по 26 октября 1904 г. и отчет разведывательного отделения штаба главнокомандующего, а также редкий документ — дневник японского разведчика Юоки. Составитель сборника документов И. В. Деревянко пришел к выводу, что слабость русской разведки и контрразведки явилась одной из причин поражения России в Русско-японской войне.

Поражение доказывало необходимость серьезного изучения соседних стран, особенно вероятных противников. Точная информация о вооруженных силах, стратегии армий и их боевых качествах была необходима для принятия адекватных решений военным ведомством и правительством России. 20 июня 1905 г. в России для разработки вопросов, касающихся подготовки к войне, и заведования военными сообщениями было образовано Главное управление Генерального штаба. Оно состояло из управления генерал-квартирмейстера, управления военных сообщений, военно-топографического управления и управления начальника железнодорожных и технических войск. В 1906 г. при штабах военных округов создаются постоянные разведывательные отделения. По данным на 1909 г., в сферу деятельности Омского военного округа входили Западная Монголия и часть Западного Китая, Иркутского военного округа — Восточная Монголия, Маньчжурия и Северный Китай.

Активизация деятельности военной разведки Главного управления Генерального штаба в странах Восточной Азии в 1905—1911 гг., где

действовало большинство агентов России, некоторыми современными историками (М. Алексеев, 1994) расценивается как «серьезный просчет», который привел к ослаблению западного направления, оказавшегося неподготовленным к Первой мировой войне. Нам это утверждение не кажется бесспорным, а важность дальневосточного направления представляется несомненной. Вообще, предпочтение одного направления в ущерб другому в любом варианте нецелесообразно с точки зрения безопасности государства.

Модернизируя экономическую и политическую структуру страны во второй половине XIX — начале XX в., наибольших успехов японцы добились в организации современной армии и военной разведки. Были продолжены глубокие воинские традиции, сформулированные в военном кодексе «Бусидо». Лучшие кадры военных сконцентрировались в военной разведке.

По данным военной разведки и пограничной стражи России, в Харбине японцы проявляли значительную активность по сбору материалов о монгольских и маньчжурских делах, действуя переодетыми в штатское платье. Но агентов явно выдавали военная выправка и планомерность изучения различных регионов. Свообразными опорными пунктами японской разведки служили организованные японцами школы и библиотеки для местных жителей. По региону было организовано и осуществлено несколько специальных экспедиций, замаскированных под торговые и научные. Собирались этнографический и географический материал, осуществлялись топографические съемки, изучались местные языки, проводился опрос населения с выяснением его отношения к китайцам, русским, японцам и европейцам.

В сообщении российской разведки от 31 марта 1907 г. была дана информация об образовании на станции Телин японского разведывательного отделения, в которое входили шесть офицеров Генерального штаба, 20 офицеров-топографов, около 200 разведчиков, хорошо говорящих по-китайски, и 60 китайцев из Южного Китая. Разведчики выезжали во главе с офицером партиями по 10—15 чел. [1. Л. 9]. Позднее, 3 мая 1907 г., поступили сведения о том, что в г. Лунуань приехало около 200 японцев, которые должны были направиться в монгольские хошуны [1. Л. 21].

Передавались и сведения из японской прессы об успехах японской эмиграции в Маньчжурию: по официальным данным, там находилось 35 тыс. японцев, из которых 7 тыс. — в Мукдене, 14,5 тыс. — в Инкоу и Аньдуне, 13,5 тыс. — в Гирине [1. Л. 29].

Своеобразными опорными пунктами разведки информационные бюро считали организованные японцами школы и библиотеки. Так, в ставке Харачин-вана этнограф Тории Рюдзо с женой устроили школу, в которой учился 51 мальчик от 7 до 16 лет. В школе его жены насчитывалось 50 учениц. Было выделено специальное помещение, составлены учебники, организована библиотека монгольских книг [1. Л. 27].

В сообщении от 10 июня 1907 г. была дана информация о проезде 22 июня японца под видом торговца лекарством «в монастырь Дурбенчин хошуна Чжалайт и о производстве съемки. К монголам относился неприязненно и презрительно. По-видимому, этого же японца видели в ставке князя Дурбет. Японец был любезно принят князем и получил поддержку» [1. Л. 39].

В донесении от 8 ноября 1908 г. сообщалось, что в Чанчуне японскими буддийскими миссионерами была намечена постройка буддийского храма «как стремление подчеркнуть единоверие японцев с монголами» [1. Л. 89]. В середине июня 1908 г. по железной дороге партия японцев проследовала в Хайлар. Их цель, как указывали авторы донесения, «является в стремлении начать пропаганду среди монголов, играя на почве религиозного на них воздействия и религиозного слияния японцев и монгол, как буддистов» [1. Л. 102]. «Японцы были одеты в китайские платья, поэтому простые монголы принимали их за настоящих китайцев. Они активно собирали сведения о жизни монголов, выясняли симпатии монгольского населения к китайцам и русским, вели длительные беседы с ламами, одаривая скромными сувенирами и подарками» [1. Л. 102]. Отмечается крайняя скрытность и осторожность японцев. Главой группы называется полковник Фукусавы. Японцы пробыли в Хайларе 2—3 недели, их часто видели по двое или трое в окрестностях города: приезжие держали себя скрытно, и выяснить, чем они здесь занимались, не удалось. Позднее трое из них направились вверх по течению реки Эмийн-гол, двое — по Цурухайтуевскому тракту по направлению реки Аргунь, пять японцев выехали из Хайлара в Ганьжур [1. Л. 104].

В документах отмечалась научно-исследовательская активность японцев в изучении Маньчжурии и Монголии. Так, генеральный консул Японии Каваками издал труд «Производительность Северной Маньчжурии». Подполковник Марита работал над сбором материалов о Монголии и готовил труд о ней. Исследовательской деятельностью занимались консулы, разведывательное бюро, представители Южно-Маньчжурской железной дороги и частные общества. Монгольский язык изучали Марита, его помощник Абэ и еще 4—5 японцев. Учителем являлся монгол Тао.

Полковник Володченко и подполковник Полумордвинов отмечали в отчете, что «японцами тратится много средств и труда на изучение Маньчжурии и Монголии и на то, чтобы быть осведомленными во всем, что здесь делается и нами и китайцами. Работа в этом направлении ведется упорная, систематическая, всеми имеющимися у них силами, причем конечным результатом этой работы является не только экономическое завоевание Маньчжурии, а отчасти и Монголии, но и ознакомление с возможным в будущем театром войны». Военными разведчиками России был определен основной состав разведывательного бюро, охарактеризован его персональный состав [1. Л. 124].

В сообщении от 15 июля 1909 г. отмечается небывалый наплыв японских офицеров в Северную Монголию. Говорится о том, что они не стеснены в средствах, щедро платят за любую нужную им услугу или информацию, все одеты в штатское платье, выдают себя за купцов, снабжены документами на право торговли. Постоянно ведут записи в своих книжках, делают фотоснимки, для сбора сведений пользуются услугами китайцев. В августе 1910 г. в Монголию проследовала группа японцев, выдававших себя за практикующих врачей, а иногда за научную экспедицию. По мнению российских военных, «это военная экспедиция, прикрывавшаяся под именем научной» [1. С. 262].

Наблюдения за деятельностью японцев в данном регионе привели русских офицеров к некоторым предварительным выводам: «Японцами раскинута широкая сеть агентов, изучающих Северную Маньчжурию и сопредельную Монголию. Агенты эти резко делятся на две категории: военных разведчиков — обычно офицеров

и коммерческих агентов. Кроме того, развито до крайности национальное чувство японцев, независимо от специальности по собственной инициативе они сносят все свои наблюдения и материалы к лицам, заведывающим разведкой страны» [1. Л. 167].

5 августа 1909 г. было направлено сообщение о реорганизации разведывательного бюро в Куаченцзах и разделении его на две части: полковник Марита был назначен ведасть районом Южной Маньчжурии и Юго-Восточной Монголии, майор Генерального штаба Уэхара — Северной Маньчжурией и Северной Монголией. Говори-

лось, что первый всегда и везде показывается официально и в военной форме, а Уэхара «ходит в штатском, старается по возможности быть известным меньшему числу лиц. Часто совершает поездки, иногда очень отдаленные» [1. Л. 172].

Таким образом, мы видим, что японцы проявляли активность и высокую заинтересованность в изучении Монголии и Маньчжурии. Занимаясь Северной Монголией, они нарушали договоренности с Россией, вторгаясь в зону ее влияния. С другой стороны, мы наблюдаем, что военная разведка России внимательно отслеживала действия своего конкурента и соперника в данном регионе.

Источники и литература

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 10.

Крупницкий Д. В.

ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВИЦЕ-АДМИРАЛ З. П. РОЖЕСТВЕНСКИЙ И ОЦЕНКА ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

В последнее время появилось немало публикаций, посвященных истории нашего флота. Среди них и исследования петербургских авторов — В. Д. Доценко «Мифы и легенды русской морской истории» и Р. М. Мельникова «Броненосцы типа “Бородино”». В этих работах, освещающих события Русско-японской войны на море, дается отрицательная оценка деятельности вице-адмирала З. П. Рожественского. В рамках настоящей работы, опираясь на документы и свидетельства современников адмирала, предполагается проанализировать предъявленные нашему герою обвинения.

Кратко о жизненном пути Зиновия Петровича Рожественского. Он окончил Морской кадетский корпус и Михайловскую артиллерийскую академию. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Награжден орденом св. Георгия IV степени. Прежде чем быть произведенным в чин контр-адмирала, Рожественский прошел все ступени флотской службы, 17 марта 1903 г. был назначен исполняющим должность начальника Главного морского штаба (ГМШ). 19 апреля 1904 г. он становится командующим 2-й эскадрой флота Тихого океана. 4 октября этого же года З. П. Рожественский был произведен в вице-адмиралы и генерал-адъютанты Его Императорского Величества с утверждением в должности начальника ГМШ. 14 мая 1905 г. в Цусимском бою был тяжело ранен, на следующий день без сознания попал в плен. 8 мая 1906 г. З. П. Рожественский был отправлен в отставку, жил в Петербурге, где и умер 1 января 1909 г.

Рассмотрим основные обвинения, предъявленные З. П. Рожественскому. Так, есть мнение, что он не занимался обучением личного состава судов в походе, а также не тренировал командиров судов вверенной ему эскадры в боевом маневрировании.

Высказывание о том, что никто не занимался подготовкой матросов и командиров судов к бою, опровергается как приказами адмирала по эскадре, так и мемуарами очевидцев. В воспоминаниях современников отмечалось: «На судах шли непрерывные учения по боевому расписанию, постановке мин заграждения с плотов, тралению

паровыми катерами, тралению миноносцами, постановке мин заграждения с миноносцев, стрельбе минами с них, примерным минным атакам на эскадру и отражению их. Кроме того, несколько раз поотрядно, а то и все сразу, эскадра ходила на эволюции, маневрирование и даже на стрельбы артиллерийские, но было очень печально, так как за неимением лишних снарядов каждая стрельба ограничивалась выпуском нескольких 75-мм выстрелов, а из прочих пушек стрельбы были почти исключительно ствольные, да и то в ограниченном числе. Но что же делать, лучше хоть что-нибудь, чем ничего!» [1. С. 123]. Из приказа № 42 от 14 января 1905 г.: «Вчерашняя съемка с якоря броненосцев и крейсеров показала, что четырехмесячное соединенное плавание не принесло должных плодов. Снимались около часа. Но и за целый час 10 кораблей не успели занять своих мест при самом малом ходе головного. Простейшие последовательные повороты на 2—3 румба при перемене курса эскадры в строе кильватера, никому не удавались. Повороты «Всем вдруг» были особенно дурны» [2. С. 195]. Этот документ свидетельствует, что эскадра все же упражнялась в эволюциях.

Главное обвинение: почему вице-адмирал заранее не разработал план предстоящего боя? В этом, пожалуй, и заключается военное невежество З. П. Рожественского, пишут исследователи [3. С. 108]. Вдобавок он проявил пренебрежение к разведке, маскировке судов, радиосвязи и уборке легковоспламеняющихся предметов на кораблях

эскадры. Также Рожественский отличился нежеланием и неумением использовать скорость в бою и в завершение неудачно выбрал время прорыва через Цусимский пролив.

На самом деле план боя существовал. Он был дан в ряде приказов и известен всем на эскадре. Его сущность состояла в том, что броненосцы принимали бой в строю одной кильватерной колонны. Крейсера отводили транспорты в безопасное место и защищали их от возможных атак неприятеля, «Жемчуг» и «Изумруд» держались на траверзах адмиральских судов и в случае необходимости оказывали им помощь, а также защищали голову и хвост кильватерной колонны от японских миноносцев. Четыре миноносца первого отряда находились при крейсерах «Жемчуг» и «Изумруд» и оказывали поддержку флагманам в случае гибели их судов, а пять миноносцев второго отряда находились при отряде О. А. Энквиста. Однако в бою план выполнен не был. Крейсера контр-адмирала Энквиста не отвели транспорты, и они мешали маневрированию эскадры. И, наконец, вся кильватерная колонна весьма повредила эскадре, так как состояла из судов различных типов, возрастов и требований [4. С. 195].

Единого мнения о том, какой строй должна была использовать эскадра в сражении, в то время не существовало. Согласно телеграмме № 224 З. П. Рожественский должен был не тайно пробраться через пролив, а дать японцам решающее сражение. Предполагая дать генеральное сражение, он не нуждался в разведке, так как ждал встречи с главными силами адмирала Х. Того в полном составе. Что же будут пытаться сделать в бою японцы, было ясно: это палочка над «Т», то есть охват головы или хвоста кильватерной колонны судов. О приближении врага должно было сигнализировать использовавшееся японцами радио. Оценивая интенсивность искрового сигнала, опытные телеграфисты могли с большой точностью определить расстояние до передающей станции [5. С. 93].

Теперь о проблеме маскировки. Единого подхода к окраске судов в то время не было. Это подтверждается тем фактом, что до присоединения ко второй эскадре суда отряда Л. Ф. Добротворского были выкрашены в серый цвет, Н. И. Небогатова — в черный, а суда З. П. Рожественского имели черный корпус с ярко-желтыми верхушками дымовых труб.

Что касается уборки легковоспламеняющихся предметов на кораблях, то командующий не верил в пожары, так что никакого приказа по этому поводу не отдавалось. Скорость кораблей в бою

выравнивалась не по самому быстроходному, а по наиболее тихоходному из них. В заключении комиссии о Цусиме было сказано, что в отряде Н. И. Небогатова механизмы и котлы судов были в значительной мере подержаны, вследствие чего не могли развить более 11—12 узлов хода [6. С. 6].

Подводя итоги, следует отметить, что негативное отношение некоторых историков к личности вице-адмирала Рожественского вызвано, прежде всего, фактом поражения русского флота при Цусиме. В настоящей статье, которая опирается на свидетельства очевидцев и исследования специалистов по морской истории, отмечено, что обвинения, предъявляемые генерал-адъютанту Рожественскому, кочуют из работы в работу, а сделанные им ошибки он, будучи человеком своего времени, не мог не совершить. Критиковать его сегодня, имея знания той обстановки, которыми не владел З. П. Рожественский, неправильно и неэтично.

Один из примеров — выпад в адрес адмирала во время боя: «О предельном маразме и унтерском уровне мышления его свидетельствует эпизод с появлением раненого адмирала в башне 152-мм орудия. Не считаясь с тем, что подача испорчена и корабли противника в углах обстрела не видны, адмирал приказал вызвать прислугу и начать стрелять» [7. С. 58]. С автором этих строк согласиться трудно. Раненый адмирал не отдавал отчета своим действиям, что в его состоянии было естественно. Рожественский был ранен в голову, спину и правую ногу. Когда он оказался на миноносце «Буйный», осмотревший его фельдшер Кудинов заявил, что адмирал находится между жизнью и смертью. Осколок черепа вошел внутрь головы, и каждое движение могло стать последним. Кроме того, Рожественский не мог держаться на ногах, а общее состояние: упадок сил, забывье, временами бред и лишь краткие проблески сознания — свидетельствовало о его недееспособности [8. С. 91—92].

Немалую роль в формировании отрицательного отношения к Рожественскому сыграли письма лейтенанта П. А. Вырубова: «Адмирал продолжает самодурствовать и делать грубые ошибки. Мы уже давно разочаровались и путного от него ничего не ждем. Может быть, он хороший придворный, но как флотоводцу — грош ему цена» [9. С. 36]. Напротив, лейтенант А. В. Витгефт в своих воспоминаниях отмечал: «Эскадра уже не представляла хаотической армады, сносно маневрировала, на судах установился порядок. Только З. П. Рожественский силой своего

железного характера, своей работою день и ночь, и применением крутых и, подчас доходивших до самодурства, мер и мог сделать это. Если он и делал в это время промахи и бывал зверем, то все это можно простить за то, что он сделал с кучей судов, вышедшей только из постройки, с новыми, не плававшими командами, с новыми офицерами и командирами» [10. С. 117].

При рассмотрении вопроса о том, что же представляла собой вторая эскадра и были ли у нее шансы на победу, необходимо обратиться к технической и боевой характеристике уровня русского флота, данной Е. В. Свенторжецким. В своих письмах к сослуживцу в Петербург он отмечал: «Успех эскадры совершенно не обеспечен. Не надо мечтать о победах. Вы о них не услышите. Вы услышите только жалобы и стоны тех страдальцев, которые сознательно, не веря в успех, пошли умирать. Родина не даст З. П. Рождественскому ничего, кроме добрых пожеланий, но ведь добрые пожелания не броненосцы, не современные сильные броненосные крейсера, не неистощимые запасы угля и других материалов, без которых не может существовать флот. Но сознаться, что флот, т. е. его личный состав оказался не на высоте, что современные корабли без личного состава, подготовленного к бою, — не что иное, как неприятельский приз, что мы мало знакомы с военными науками, что мы не верим в них, пренебрегая основными принципами стратегии и тактики мы не будем иметь успеха, пока не поверим, наконец,

что надо учиться, надо слепо верить в основные принципы военных наук, а не строить свое здание на фантастических устоях отдельных личностей» [11. С. 198—199]. Такого же мнения придерживался и капитан I ранга Л. Ф. Добротворский: «Кто бы нами ни командовал — Рождественский, Дубасов, Скрыдлов, Бирилев, Чухнин, Макаров, Нахимов, Тегетгоф, Фаррагут, Нельсон, Джервис, погром наш неизбежен. Может быть, он мог бы обойтись при некоторых адмиралах несколько дороже для японцев, но избежать его было абсолютно невозможно. Пусть тот, кто почему-либо не принял участия в войне, не задается и не воображает, что он был бы счастливее нас. Никогда!» [12. С. 530].

Естественно, что поражение было неизбежно, и в первую очередь, из-за политики государства, проводившейся в течение длительного времени перед войной. Это неудовлетворительное обучение кадров, экономия на самом необходимом, которая нанесла непоправимый вред подготовке флота к войне, и т. д. Победу могло обеспечить только чудо. Поход второй эскадры состоялся благодаря командующему. Несмотря на тяжелейшие условия плавания, не было потеряно ни одного корабля, скученность людей не привела к эпидемии, нечеловеческие условия похода не вызвали бунта, поддерживалась сознательная дисциплина, за все время судом не было вынесено ни одного смертного приговора, а скопище разнотипных судов было превращено в боевую эскадру — это заслуга вице-адмирала З. П. Рождественского.

Источники и литература

1. Витгефт А. В. Воспоминания о сражении при Цусиме // Исторический архив. — 1960. — Т. 4.
2. Из записной книжки архивиста: письмо лейтенанта Е. В. Свенторжецкого из Носси-бе от 21 января 1905 г. // Красный архив. — 1934. — Т. 67.
3. Мельников Р. М. Броненосцы типа «Бородино». — СПб., 1996.
4. Из записной книжки архивиста...
5. Чистяков В. Четверть часа для русских пушек // Морской сборник. — 1989. — № 2.
6. Заключение следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя // Морской сборник. — 1917. — № 7.
7. Мельников Р. М. Броненосцы типа «Бородино». — СПб., 1996.
8. Семенов В. И. Расплата // Морской сборник. — 1992. — № 4.
9. Мельников Р. М. Броненосцы типа «Бородино». — СПб., 1996.
10. Витгефт А. В. Воспоминания о сражении при Цусиме // Исторический архив. — 1960. — Т. 4.
11. Из записной книжки архивиста...
12. Добротворский Л. Ф. Уроки морской войны // Морские сражения русского флота: воспоминания, дневники, письма / сост. В. Г. Оппоков. — М., 1994.

Карпухин К. В.

С ВОСТОКА НА ЗАПАД: НЕИЗВЕСТНЫЙ ВИЗИТ (400-ЛЕТИЮ ЦАРСТВОВАНИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ ПОСВЯЩАЕТСЯ)

22 января 1916 г. на станцию Красноярск пришла телеграмма № 3537 за подписью начальника Томской железной дороги Степана Михайловича Богашева: «В ночь с 31. I на 1. II с курьерским поездом № 1 прибывает в Иркутск и проследует до Новониколаевска в отдельном вагоне салоне и вагоне I класса Его Императорское Высочество Великий Князь Георгий Михайлович со свитой. Предлагаю принять все меры к своевременному и благополучному следованию поезда. ДС и ПЧ прошу сопровождать поезд лично в пределах своих отделений и участков. ДС и ДШ вступают лично в дежурство за час до прихода поезда, в котором следует Его Императорское Высочество, а помощник ДС и ДШ встречают и провожают поезд на входных и выходных стрелках. Все должны быть в установленном форменном платье. Для сопровождения поезда назначить опрятную кондукторскую бригаду из лиц наиболее представительных и развитых и равно опытных машинистов. Напоминаю о точном выполнении всех правил приема и встреч поездов. Богашев» [1. Л. 5].

Великий князь Георгий Михайлович был третьим представителем царственной династии, посетившим Красноярск. И первым из трех, кто сделал это благодаря Великому Сибирскому пути — по железной дороге: «Вообще наш город посетили два представителя императорской фамилии — великий князь Алексей Александрович Романов (сын императора Александра II) и его племянник — цесаревич Николай Александрович (будущий Николай II). Интересно, что оба они были в Красноярске в возрасте 23 лет... В июне 1873 г. Алексей Александрович останавливался в Красноярске в доме купца М. К. Сажина (ныне ул. Красной Армии, 18)» [5. С. 51].

О пребывании наследника цесаревича в Красноярске написана книга [8], а вот о кратковременном визите в 1916 г. его двоюродного дяди, великого князя Георгия Михайловича, до недавнего времени было известно немного.

Гоги, так звали домашние великого князя Георгия Михайловича, родился под Тифлисом 23 августа 1863 г. и был внуком Николая I. Еще шла Кавказская война, а отец Георгия — великий князь Михаил Николаевич — был наместником на Кавказе и Главнокомандующим

кавказских войск. Именно Михаилу Николаевичу довелось завершить покорение Кавказа в мае 1864 г.

Георгий Михайлович служил в лейб-гвардии Егерском полку, затем в лейб-гвардии Уланском полку, эскадроне Его Императорского Величества, пока не упал с лошади, повредив ногу. На этом карьера военного для него прекратилась на много лет, а легкая хромота сопровождала великого князя до конца жизни. С 14 лет он всерьез увлекался нумизматикой и археологией, в 23 года опубликовал каталог «Описание и изображение некоторых редких монет моего собрания». На средства Георгия Михайловича в конце XIX в. издается 15-томный свод документального нумизматического труда по истории денежного обращения России — «Корпуса русских монет XVIII—XIX вв.». В 1888 г. благодаря великому князю было образовано Московское нумизматическое общество: «В 1888 г. в Москве открылось «Московское нумизматическое общество», издающее «Труды». Большой толчок изучению русской нумизматики дало также издание Его Имп. Выс. вел. кн. Георгием Михайловичем целого ряда монографий

о монетах имп. Александра III и II, Николая I, Александра I, Павла, Екатерины II, Елисаветы и Анны, в которых напечатаны все документы, относящиеся до чеканки монет в России за эти царствования» [7. С. 802].

В 1895 г. Георгий Михайлович был назначен августейшим управляющим Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге и служил в этой должности безвозмездно в течение двадцати двух лет, имея право личного доклада царю. Принимавший участие в создании музейной коллекции живописи и скульптуры великий князь с 5 декабря 1898 г. становится почетным членом Российской академии наук. В 1909 г. Георгий Михайлович подарил свое богатейшее собрание русских монет Русскому музею, открытие которого тоже было его заслугой.

С 1895 г. Георгий Михайлович — частый гость в доме своего дяди, великого князя Константина Константиновича, так как «влюблен в дочь его сестры Ольги Константиновны Марию Георгиевну (Манулину) и жаждет рассказывать о своих чувствах ее дяде» [2. С. 262]. Мария же Георгиевна «влюбилась в незнатного грека. Мать, как только узнала об этом, тотчас удалила его с глаз вон, а дочери запретила даже мечтать о столь незнатном муже» [2. С. 263].

Георгий Михайлович достиг своей цели и 30 апреля 1900 г. на греческом острове Корфу женился на Марии Георгиевне — второй дочери греческого короля Георга I. Принцесса Мария Георгиевна (1876—1940) приходилась родной тетей герцогу Эдинбургскому Филиппу, мужу британской королевы Елизаветы II.

Во время Первой мировой войны в чине генерала от инфантерии великий князь Георгий Михайлович состоял при ставке Верховного главнокомандующего Николая II. Основной его задачей были постоянные поездки по фронтам с последующим составлением правдивых донесений царю об общем положении дел.

В декабре 1915 г. в составе делегации великих князей Георгий Михайлович был отправлен в Японию с визитом. Официальной целью поездки была личная передача поздравлений царя императору Тайсе (Есихито) в связи с его коронацией. Однако на самом деле за этим стояли переговоры о поставках оружия и возможном вступлении Японии в войну в качестве союзницы России против Германии.

На вокзале в Токио Георгий Михайлович встречал сам император, что было событием исключительным, поскольку Тайсе ввиду плохого здоровья редко покидал дворец: «Впервые за 2,5 тысячи лет истории царствующей японской династии Микадо лично встречал представителя чужой страны за пределами своего дворца на вокзале. Токийские газеты отмечали, что Великий Князь был дорогим гостем не только Микадо, но и всего японского народа, и что большое внимание к нему вызвано не только высоким положением и государственной важностью миссии, но и личным обаянием и достоинством Его Высочества. Японские средства массовой информации подробно извещали о пребывании Георгия Михайловича в Японии, в том числе: о посещении им в Киото православного храма, музея, коронационного дворца, о преподнесении ему старинного самурайского вооружения и меча, о солидном денежном пожертвовании Великого Князя японскому бедному населению» [6]. 20 декабря 1915 г. великому князю Георгию Михайловичу был вручен самый старший из японских орденов — Высший орден Хризантемы.

На обратном пути на родину великий князь на три дня остановился во Владивостоке, где на второй день пребывания посетил железнодорожные объекты Транссиба, заложенного его двоюродным племянником еще в 1891 г.: «Второй день пребывания во Владивостоке начался посещением Вагоностроительных мастерских станции Первая речка. Великий Князь побывал в отделе сборки вагонных платформ, на силовой станции; в кузнечно-сборочном отделе он наблюдал ковку вагонов пневматическим прибором; в третьем отделе — отделку вагонов деревом и их покраску. Объяснение Великому Князю давал управляющий мастерскими Г. М. Степененко, он преподнес гостю в особой папке доклад об истории возникновения мастерских и альбом фотоснимков. По окончании посещения мастерских Георгий Михайлович расписался в книге почетных посетителей и проследовал в столовую, где ему и всем присутствующим был предложен завтрак» [6].

Япония произвела на Георгия Михайловича сильное впечатление как с эстетической стороны, так и с точки зрения политического устройства. Вдохновленный японским примером, он был одним из тех великих князей, кто особо настойчиво

призывал Николая II к переменам в правительстве накануне Февральской революции 1917 г.

Великий князь возвращался из Японии по Великому Сибирскому пути с комфортом — первым классом. Пассажирами I-го класса в то время были крупные аристократы, члены правящего дома, государственные чиновники, представители крупной буржуазии и иностранные путешественники. И хотя в целом пассажиры этого класса составляли не более 1 % от общего числа, именно для них в поездах прямого сообщения создавались билльярдные, библиотеки, салоны с пианино и душевые: «С 1912 года вагоны такого класса освещались электричеством» [3. С. 263].

Красноярский ротмистр Игнатъев в рапорте сообщал, что «число собравшихся 2/II на перроне ст. Красноярск для встречи поезда № 1 не превышало 150 человек всех служб» [1. Л. 10]. Он же оставил нам подробное описание встречи великого князя в Красноярске: «2 II 1916 ко времени прибытия на ст. Красноярск поезда № 1, коим изволил следовать Его Высочество Великий князь Георгий Михайлович, на перрон собрались мастеровые и рабочие Красноярских Главных мастерских, депо и низшие служащие прочих служб и просили через своих Начальников разрешения у Енисейского Губернатора лицезреть Его Императорское Высочество Великого князя Георгия Михайловича, каковое разрешение господином Губернатором было дано. По прибытии поезда Енисейский Губернатор Гололобов был принят Великим князем в вагон, а по окончании приема изволил выйти и, приняв очень быстро встречавших его Начальствующих лиц, вошел в круг мастеровых, рабочих и служащих и был ими приветствуем. Мастерской депо Василий Путухов обратился к Великому князю с речью, в которой просил Его Высочество повергнуть к стопам Его Императорского Величества Государя Императора воодушевляющие их верноподданнические чувства, упомянув при этом о Царской милости — об увеличении содержания и передать их горячее желание победоносно окончить войну, а они, мастеровые, постараются помочь в своем железнодорожном деле. Великий князь беседовал с рабочими около 10 минут. Криками «ура» и маханием шапок мастеровые и рабочие провожали Великого князя до вагона и еще громче раздалось «ура» при отправлении поезда со ст. Красноярск; Великий князь,

стоя в вагоне у окна, прощался с мастеровыми, отвечая на их клики поклонами и держа руку у головного убора. Из кратких общих фраз Енисейского Губернатора Гололобова возможно предполагать, что Его Императорское Высочество Великий князь Георгий Михайлович остался весьма доволен беседой с мастеровыми и рабочими» [1. Л. 8—9].

До Февральской революции, покончившей с правлением династии Романовых, оставался ровно год.

После падения монархии Георгий Михайлович вышел в отставку и выехал в Финляндию, пытаясь воссоединиться с женой и дочерьми, которых Первая мировая война застала в Англии. Но жене Георгия Михайловича — великой княгине Марии Георгиевне, дочери греческого короля — британское правительство во въезде мужа отказало. Узнав об этом, Георгий Михайлович писал жене: «...многие годы Англия была убежищем для всех наших нигилистов и революционеров, никогда не соглашаясь выдворить их. Теперь же эта страна отказывает в гостеприимстве членам свергнутой династии Романовых. И это называется свободой!» [9].

В ответ на просьбу о выдаче паспорта Георгий Михайлович был в январе арестован в столице независимой Финляндии, Хельсинки, финской Красной Армией и вывезен в Советскую Россию, а в апреле советская власть выслала его в Вологду. Изменения в стране Георгий Михайлович не принял, не понял, да и не мог понять: «Я теперь жителей России называю «зулусами», потому что они совсем одичали и ведут себя как дикари. Увы, уже одно звание русского заставляет содрогаться, как от чего-то отвратительного и зловонного! Народ совсем обалдел и сам не знает, что ему делать. ...У русских нет ничего в мозгах, кроме водки, которую они выпитывают поколениями и таким образом атрофировались. Если когда-нибудь американцы придут сюда, я не удивлюсь, если они будут продавать жителей, как прежде продавали негров» [9].

Июль 1918 г. Георгий Михайлович провел в Вологодской тюрьме, а в начале августа его перевели в Петропавловскую крепость в Петрограде, где и расстреляли в январе 1919 г. как заложника в ответ на убийство коммунистических лидеров Германии — Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

В 1981 г. Русская православная церковь причислила Георгия Михайловича к числу святых новомучеников российских, а 8 июня 2009 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации своим постановлением реабилитировала его.

Внук Георгия Михайловича — князь Давид Павлович Чавчавадзе, выпускник Йельского университета (США), капитан американской армии — во время Второй мировой войны был награжден семью боевыми медалями [4. С. 246].

Источники и литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 832. Оп. 1. Д. 513.
2. Вострышев М. И. Августейшее семейство. Россия глазами великого князя Константина Константиновича. — М., 2001.
3. Вульф Б. А. Повседневная жизнь российских железных дорог. — М., 2007.
4. Думин С. В. Князя Чавчавадзе // Думин С. В., Гребельский П. Х. Дворянские роды Российской империи. Т. IV / Думин С. В., Чиковани Ю. К. Князя Царства Грузинского. — М., 1998.
5. Карпухин К. В. Романовские места Красноярска // Енисейская провинция. — Красноярск, 2004. — Вып. 1.
6. Мизь Н. Г. Романовы и Приморье: князь Георгий Михайлович // Восточный базар. — 2009, дек. — № 128.
7. Россия: Энциклопедический словарь. — Л., 1991.
8. Сысоева Л. А. Последний император России в Красноярске. — Красноярск, 2007.
9. Шабанов П. Великие князья в Вологодской ссылке-2 // Наша Вологда. — 2013, 28 марта. — № 11 (359).

Арчимаева Р. М.

КОБДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ В МОНГОЛИИ (1912 г.)

Статья посвящена одному из самых значимых исторических событий в истории Тувы, определившему дальнейшие условия политического развития края, — части национально-освободительного движения тувинского народа 1911—1912 гг., Кобдинскому сражению.

В чем, собственно, заключались предпосылки протеста? Всякому терпению народа есть предел, и когда гнет становится нестерпимым, вспыхивают восстания. За иголку с уже вдетой нитью китайские купцы в Туве начала прошлого века могли запросить целого вола — вола были практически разменной монетой. Конечно, скота в тех краях в те времена было много, но политика торговцев уже вышла за рамки. Целые стада — сотни голов — отходили купцам за разные товары.

Какова была картина сражения? Когда речь идет о конном войске, кавалерии, сразу представляются ровные колонны, шеренги, знамена, полковая музыка, форма, подобранные по масти для каждого эскадрона лошади... Понятно, что в реальности ничего этого не было. Большую часть войска составляли добровольцы, все на своих конях и в разнообразной одежде. Знаки отличия офицеров размещались не на погонах или в петлицах, а на шапочках — в виде шариков и перьев. Обошлось без полковой музыки, барабанщиков и знамен. Лето. Август. Нещадное солнце. Пыль дорог. По степи скачут вереницы всадников, старых и молодых. Они едут сражаться не за чужой город, который к тому же и не все из них видели раньше. Они едут сражаться за свою родину, за свою свободу. Они верят, что стоит только уничтожить последний оплот китайцев, или, если хотите, маньчжуров, и все будет хорошо. Жизнь наладится.

В начале XX в. «Урянхайский вопрос» был предметом особого внимания России, поскольку затрагивал интересы двух империй — и самой России, и Китая. В период 1911—1912 гг. царское правительство вело сдержанную политику, стараясь не обострять сложную международную обстановку.

В октябре 1911 г. в Китае вспыхнуло мощное революционное движение против Маньчжурской династии, которое привело к ее свержению в январе 1912 г. (Синьхайская революция 1911—1913 гг.). В этой обстановке иноземное военно-феодальное иго удалось сбросить как монгольскому, так и урянхайскому (тувинскому) народам.

Во Внешней Монголии (Халхе) монголы изгнали маньчжуро-китайских чиновников в конце 1911 г. В это же время началась и борьба урянхайского народа. Первыми выступили урянхайцы южных районов, граничивших с Монголией. Восстание возникло стихийно. Начавшись с разгрома аратами Оюннарского и Салчакского хошунов (районов) торговых факторий китайской фирмы «Бо Янь-боу», оно во второй половине декабря 1911 г. перекинулось на все хошуны края. Русский консул в Улясутае в феврале 1912 г. доносил русской миссии в Пекине: «Урянхайцы стремительно обрушились на проживающих в их стране китайцев, почитающихся главными виновниками переживаемых бедствий, и обуреваемые жаждой мщения стали громить своих бывших угнетателей, не щадя ничего».

Восставшие действовали одновременно в разных районах. Большой отряд громил китайские торговые фактории по Элегесту, в местности Хем-Белдыр (при слиянии Каа-Хема и Бий-Хема) и по Каа-Хему. Другой отряд действовал по р. Тапсе и Баян-Колу (севернее р. Улуг-Хем). Третья группа восставших изгоняла китайских торговцев из районов Шагонара — Чаа-Холя и нижнего течения Хемчика.

Отряды повстанцев создавались рядовыми аратами или мелкими чиновниками и действовали решительно и стремительно. После изгнания китайских торговцев они чаще всего распались.

Обычно восставшие отнимали у торговцев товар и скот и делили их между бедняками; самих же торговцев предавали народному суду. Большинство из них, несмотря на тяжелые преступления перед аратами, высылались за пределы Урянхая. В отдельных случаях араты наказывали преступников на месте. Некоторые китайские торговцы вступали в вооруженную борьбу с восставшими.

Инициатива борьбы с китайскими торговцами исходила от народных масс, урянхайская же знать в большинстве своем держалась в стороне. Некоторые урянхайские феодалы, например, сам правитель Танну-Урянхая амбын-нойон и другие, хотя и были недовольны китайскими правителями и торговцами, выжидали исхода событий.

В нескольких районах Урянхая китайские торговые заведения были начисто сметены восставшими. Араты этих районов решительно выступали против китайских купцов. Они парализовали деятельность не только китайской администрации, но и послушных ей местных феодалов, прекратили взнос албана (налога). Во многих районах положение чиновников было настолько шатким, что все их усилия держать народ в повиновении оказались напрасными. Усинский пограничный начальник, внимательно следивший по поручению царского правительства за ходом событий в Урянхае и оказывавший поддержку китайским торговцам, доносил 25 января 1912 г. енисейскому губернатору о том, что простые урянхайцы почти не признают своих чиновников.

В марте 1912 г. в хошуне Бейсэ возник повстанческий отряд, чтобы разгромить китайских торговцев на Хемчике. В конце месяца он двинулся на Чадан. Однако хемчикские феодалы спасли китайских торговцев от народного гнева. Имея значительное превосходство в силах, они рассеяли восставших, захватили в плен около 70 чел. и подвергли их жестокой пытке. Хемчикские феодалы прилагали все усилия к тому, чтобы продержаться до прихода помощи из Монголии и Китая. Ободряюще действовало на них сопротивление маньчжуро-китайского гарнизона Кобдо, находящегося в Северо-Западной Монголии.

Крупная крепость Кобдо имела большой гарнизон маньчжуро-китайских солдат и была сравнительно хорошо защищена. В районе этой крепости развернулись ожесточенные бои между

монгольскими бойцами и маньчжуро-китайскими солдатами. Летом 1912 г. большой отряд урянхайцев отправился в Северо-Западную Монголию, где были сосредоточены маньчжуро-китайские войска.

В Государственном архиве Республики Тува (фонд № 115 «Управление нойонов Танну-Урянхая (Тувы)») хранятся подлинные документы на старомонгольском языке по истории народно-освободительного движения урянхайцев против маньчжуро-китайской администрации и торговцев и об участниках Кобдинской войны. Вот что сообщается в одном из документов, датированном 1912 г.: «В приказе из министерства говорится: Министры из Тулаан-Барху гун Дамдын-Сюрюн, гун Максыржап отправились в столичный (центральный) храм, чтобы отобрать хорошо выученных, сильных воинов в большом количестве из числа обучающегося там контингента. Для освобождения родины от осевших в Кобдо манчы сайыта (министра), джуметов по разрешению Его Величества из аймаков Чазакты Хан и Сайын нойон мобилизованы 3000 воинов и в срочном порядке выехали из Улясутая 22 числа 5 месяца. Также мы получили приказ о мобилизации воинов из восточных и западных районов Торбета. Кроме того, 27 числа 5 месяца этого года сообщили из гарнизона Калга в Кобдо через мээрэн-чангы Наваа, что в городе Кобдо прибывают много войск по приказу манчы — китайского министра и джуметов. Поэтому усиливайте оборону. Из этого вытекает, что приказ об освобождении Кобдо от манчы, министров и джуметов, говоря правду, очень плохо воздействует на умы верующих масс. Однако мы говорим торбеты и монгольцев, а на самом деле мы объединены одной верой. Нет сомнений в том, что в эти напряженные времена мы будем помогать друг другу, объединять все силы и думы. Перед нами стоит большая задача, освободить г. Кобдо от засевших на долгое время манчы, министров и джуметов. А нашим министрам необходимо собрать из своих сумонов вооруженных, сильных, молодых воинов и опираясь на силу с поднятым настроением идти в атаку. Поэтому необходимо вести дополнительный набор воинов. Из хошунов сайын-саяты аймаков Торбета: конницу — 450, из Барыынгар аймака — 250, из Мингат хошуна — 100. Кроме них из аратов Урянхая из аймака бээли Сандак-Доржу — 200 воинов.

Мобилизованных воинов привести в пункт назначения. Приказы отправлены правителям западных, восточных сумонов Торбета, правителю Мингат хошуна гун Дамчапу и всем джуметам правителя Урянхая бээли Сандак-Доржу. Получив эти приказы немедленно проводите мобилизацию. Их надо снабдить транспортом, оружием, питанием, палатками. Воинов отправлять под командованием нойонов, джуметов, чайзанов» [1. Ф. 115. Оп. 1. Д. 242. Л. 29—41].

Но у восставших не было орудий. Осадив крепость, они обстреливали ее из ружей. Маньчжуро-китайский гарнизон нес большие потери, но не сдавался, ожидая помощи. Однако помощи он не получил. Русское правительство потребовало от китайского правительства остановить отряд китайских солдат, двигавшихся в Кобдо. 6 августа 1912 г. восставшие штурмом взяли крепость.

Вот о чем гласит следующий документ: «10 числа 2 месяца 3 года. В полученном мною приказе от Бээли говорится, что к китайскому гарнизону в Шоннар-Нууре прибывает пополнение. Рота командира Байыра ведет бои в Саган Тунге. Нойон ездил в Улясутай там встретился с русским консулом и начальником гарнизона по поводу ускорения доставки оружия на западные границы. Его поездка была успешной. Посоветовавшись с командирами, объединяем силы и даем отпор врагу. У нас плохо обстоят дела с продуктами питания. У воинов истомились кони. Местные араты помогают нам. Много получили продуктов из Торбета и Урянхая, тогда как чиновники, ламы ограничиваются только благословением, просят милости бога. Наши воины дают достойный отпор врагу. Для оказания помощи армии из сумонов соберите скот, ездовых коней и отправьте не позднее 15 числа 7 месяца в местечко Балыктыг. Готовимся к контратаке. Ни на минуту нельзя откладывать. Такие письма отправлены правителям хошунов Алтая. Продукты питания, снаряжение для гарнизона, коней отправить в указанное местечко в срок. Надо составить список отправленных вещей. Мы получили сообщение о том, что

нойон отправляет правителям Хань аймака такой же приказ. Посланники (уполномоченные) из 10 сумонов Арыг Хангая выполняют приказ собирать дань от населения для нужд армии. Учитывая их опыт, мы рассчитываем, что вы уложите в срок, и отправьте продовольствие в назначенное место. Составьте список, указав там, кто, сколько дал, и отправьте к нам. В срочном порядке сообщаем вам Бээли, передайте это письмо правителям 13 хошунов Овюр Алтая. Такой приказ отправлен правителям Буяну-Бадьргы, Балчинима Тонмит. Получив этот приказ, изучите и выполняйте. Это большое важное дело надо выполнить с честью. Собрав дань, немедленно сообщите нам» [1. Ф. 115. Оп. 1. Д. 242. Л. 29—41].

Остатки китайского гарнизона в 600 чел. сдались. Кобдо как символ векового угнетения восставшие разрушили до основания. Так пала последняя здешняя твердыня маньчжурской династии Цин. В Кобдинском бою в тесном боевом сотрудничестве с монгольскими бойцами под командованием Максаржава и Дамдинсүрэна воевали бок о бок свыше 1000 урянхайцев, значительная часть которых были добровольцами. Урянхайцы в этом бою показали себя отличными воинами, они храбро и мужественно сражались за свободу и независимость.

В народной памяти это событие навсегда осталось как «Хомду дайыны» — «Кобдинская война». Был еще и Оттук-Дашский бой (1920 г.), где также оказался разбит отряд маньчжуро-китайских правительственных войск. Происходили и другие столкновения восставших аратов с отрядами маньчжуро-китайского правительства, неизвестные широкому кругу лиц как в самой Туве, так и за ее пределами.

Официальная пропаганда постаралась сделать все, чтобы герои Кобдинского сражения были забыты. И этому есть причины — слишком многие из них были недовольны новой властью. Но легенды в народе остались, они появлялись и приумножались по законам народной памяти.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Тува (ГАРТ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 242.
2. История Тувы. Т. 1. — М., 1964.
3. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.). — М., 1956.

Сибирские воинские части на полях сражений в начале XX в.

Баяндин В. И.

НОВОБРАНЦЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Во второй половине XIX — начале XX в. приему рекрутов, а с 1874 г. приему новобранцев на военную службу предшествовал императорский манифест, в котором объявлялось о проведении ежегодного набора молодых людей для пополнения российской армии и флота. Обычно такой манифест издавался за полгода до начала набора на военную службу; исключением являлось военное время. Как правило, манифест был весьма лаконичным по своему содержанию: в нем назывались сроки проведения набора, общее количество людей, которых следовало принять на военную службу, и иногда — некоторые ограничения в его применении, касающиеся территории, возраста, физических показателей новобранцев и т. п.

Практически сразу после подписания царем манифеста принимались соответствующие постановления и решения Государственного совета, Военного министерства, Военного совета, в которых давалась более подробная информация об организации и проведении предстоящего военного набора. Определялось количество молодых людей, которых должна была принять на действительную службу каждая из губерний и областей империи. Затем эти сведения в сокращенном виде печатались в местных официальных изданиях, то есть в губернских и областных ведомостях, и местные власти приступали к разверстке приема рекрутов / новобранцев по округам и уездам, городам и сельской местности своей губернии или области. В рассматриваемый исторический период набор молодых людей на военную службу осуществлялся уездными и губернскими / областными присутствиями по воинской повинности. За проведение набора молодых людей на действительную военную службу отвечало Министерство внутренних дел, перед которым должны были отчитываться местные исполнительные органы и структуры. Поэтому в архивных фондах МВД собирались сводные материалы о проведении наборов новобранцев по губерниям и областям России. Кроме того, Министерством внутренних дел эти сведения печатались в виде специальных изданий [1], в сокращенном и обобщенном виде. Подлинные отчеты губернских и областных комитетов

хранятся в Российском государственном историческом архиве (фонд 1292), и исследователи могут ознакомиться с этими материалами. В местных сибирских архивах, областных и краевых, содержатся более подробные сведения о наборах молодых людей на военную службу, но лишь в том случае, если там сохранилось делопроизводство губернских / областных комитетов. Так, в Государственном архиве Томской области информация о наборе содержится в журнале Томского губернского управления комитета по воинской повинности присутствия (фонд 3).

Накануне Первой мировой войны на территории Сибири и Дальнего Востока располагалось 3 военных округа: Омский (центр — г. Омск), Иркутский (центр — г. Иркутск) и Приамурский (центр — г. Хабаровск). Основную часть своих пополнений воинские части азиатских военных округов получали извне, то есть из новобранцев, которые поступали на военную службу в губерниях европейской части страны. При этом часть новобранцев-сибиряков отправлялась на службу в воинские части других военных округов: Туркестанского, Петербургского, Московского.

В конце XIX — начале XX в. количество и процент новобранцев, призываемых из сибирских губерний и областей, стал постепенно увеличиваться. Если в конце XIX в. сибирские новобранцы составляли 3,8 % (1899 г.) от общего количества новобранцев империи, то накануне Первой

мировой войны их уже насчитывалось более 5 % (1913 г.) [2. С. 25].

Увеличение числа сибирских новобранцев произошло благодаря заметному росту населения региона в период осуществления столыпинской аграрной реформы. Льготы, которые получали семьи переселенцев, включали и временное освобождение от воинской повинности, но срок его действия был непродолжителен — 3—5 лет. По истечении этого времени молодые люди из числа переселенцев, достигшие призывного возраста, призывались на военную службу. Следует также уточнить, что лишь с 1909 г. в армию стали призывать русское население Дальнего Востока, которое до этого имело освобождение. Как известно, полностью освобождено от военной службы в царской армии было все коренное население Сибири и Дальнего Востока — и Рекрутским уставом (1831 г.), и Манифестом о всеобщей воинской повинности (1874 г.).

Необходимо, на наш взгляд, отметить, что вопрос о привлечении на военную службу представителей некоторых сибирских народов неоднократно поднимался и обсуждался как сибирскими военными администраторами, так и представителями ряда центральных учреждений. В разные годы на высшем государственном уровне создавались специальные комиссии и комитеты, которые собирали сведения по названному вопросу у сведущих лиц, разрабатывали свои рекомендации, направляли свои материалы в высшие сферы, но дальше этого дело не шло. Российские императоры, и Александр III, и Николай II, так и не рискнули подступить к решению этого весьма сложного вопроса, отложив его на неопределенное будущее время [3].

Увеличение числа сибирских новобранцев в сопоставлении с новобранцами империи в целом выглядело следующим образом: в 1899 г. — 10 983 чел., в 1904 г. — 19 026 чел., в 1909 г. — 21 424 чел., в 1913 г. — 30 729 чел., то есть за полтора десятилетия количество новобранцев в азиатских военных округах выросло почти в 3 раза [4].

Значительное увеличение числа сибирских новобранцев произошло в годы Русско-японской войны, когда для пополнения воинских частей маньчжурских армий, сражающихся с японской армией на Дальнем Востоке, потребовалось использовать большую часть имеющихся людских

ресурсов региона. Так, по нашим подсчетам, если в 1903 г. из сибирских губерний и областей в армию было отправлено 13 627 чел., то уже в 1904 г. — 19 026 чел., то есть количество новобранцев за один год выросло на 40 %. В Енисейской губернии ситуация выглядела следующим образом: в 1903 г. отсюда призвали на военную службу 1473 новобранца, а в 1904 г. — 2239, то есть произошло увеличение набора на 52 % [5]. Обширный и интересный исторический материал о роли и значении Енисейской губернии в военных преобразованиях в годы Русско-японской войны представлен в монографии Т. С. Комаровой, вышедшей из печати в конце 2013 г. [6], и всем, кто интересуется этим вопросом, можно порекомендовать обратиться к данной книге. Несомненным достоинством этого исследования является то, что автор не только рисует картину боевых действий, в которых участвовал 7-й Красноярский сибирский стрелковый полк, но и на примере Енисейской губернии показывает, что представлял собой сибирский тыл маньчжурских армий.

Растущие масштабы военных действий на Дальнем Востоке и значительные людские потери маньчжурских армий заставили высшее военное командование приступить к переброске на театр военных действий ряда воинских частей из военных округов европейской части страны. О масштабах мобилизации, проходившей в сибирских военных округах в годы Русско-японской войны, говорилось в одной из наших ранее опубликованных статей [7].

В конце XIX — начале XX в. наибольшее количество сибирских новобранцев поставляла Томская губерния: в 1894 г. — 3120 чел., в 1899 г. — 4524 чел., в 1904 г. — 7955 чел., в 1909 г. — 8679 чел., а в 1913 г. уже 12 953 чел. Таким образом, за 20 лет количество новобранцев из этой губернии выросло в 4 раза. Енисейская губерния в рассматриваемый нами период также увеличила количество призываемых на военную службу молодых людей в 4 раза, но при этом занимала лишь третье место, уступая еще и Тобольской губернии, однако доминируя среди губерний и областей Восточной Сибири и Дальнего Востока [2. С. 24].

Следует отметить, что отставание Енисейской губернии от губерний Западной Сибири по количеству новобранцев было весьма значительным. В 1899 г. Енисейская губерния уступала Томской и Тобольской губерниям в 4 и 3 с лиш-

ним раза соответственно, в 1904 г. — более чем в 3 и в 2 с лишним раза; в 1909 г. — в 3 с лишним и в 2 раза, а в 1913 г. в Енисейской губернии набрали новобранцев почти в 4 раза меньше, чем в Томской, и в 2 раза меньше, чем в Тобольской губернии. Но при этом, как уже отмечалось ранее, Енисейская губерния удерживала по этому показателю лидирующие позиции в Восточной Сибири. На втором месте по числу новобранцев здесь шла Иркутская губерния, на третьем месте находилась Забайкальская область. Все это если учитывать лишь новобранцев, поступающих в регулярные части армии и на флот. Но если к новобранцам Забайкальской области прибавить казаков призывного разряда, которые ежегодно переходили в разряд строевых казаков и шли на пополнение полков Забайкальского казачьего войска, то в некоторые годы общее количество молодых людей, поступающих на военную службу с территории Забайкальской области, будет превосходить количество молодых людей, принятых на службу с территории Иркутской губернии. Как известно, Забайкальское казачье войско было самым крупным казачьим войском в азиатской части империи [8].

В рассматриваемый нами период новобранцы Енисейской губернии составляли от общего количества новобранцев азиатских военных округов (исключая Туркестанский в. о. — В. Б.) небольшое количество: в 1894 г. — 10,2 %, в 1899 г. — 9,5 %, в 1904 г. — 6,5 %, в 1909 г. — 11,1 % и в 1913 г. — 10,0 % [9]. Таким образом, Енисейская губерния в среднем поставляла примерно десятую часть новобранцев азиатского региона империи.

Русские составляли абсолютное большинство среди сибирских новобранцев, при этом средние показатели по азиатским военным округам колебались в пределах 94—96 %, в то время как по империи в целом они составляли лишь 74—78 %. На втором месте шли евреи — около 1 %, затем татары — менее 1 % и поляки — около 0,5 %. Кроме того, среди новобранцев азиатских военных округов были литовцы, латыши, немцы, корейцы, цыгане, мордва, но в общей массе все они составляли лишь около 1 %.

Так как подавляющее большинство сибирских новобранцев являлись русскими, то и вероисповедание у них было православное. Процент православных среди сибирских новобранцев был заметно выше, чем по империи в целом.

Среди призванных на военную службу из Сибири в 1904 г. православные составляли 92,9 %, в 1909 г. — 92,6 %, а в 1913 г. — 93,5 %. Остальные новобранцы, это примерно 6—7 %, были католиками, иудеями, мусульманами, лютеранами и представителями других вероисповеданий.

Рост технического оснащения вооруженных сил России в конце XIX — начале XX в. требовал грамотных новобранцев, которых можно было обучить военным специальностям за более короткий срок. Да и сокращение срока военной службы требовало ускорить период первоначальной подготовки молодых солдат, практически не оставляя возможности обучить их элементарной грамоте. При этом уровень грамотности сибирских новобранцев по-прежнему заметно уступал уровню грамотности новобранцев страны в целом. Картина по этому показателю была следующая: в конце XIX в. (1899 г.) среди молодых людей, взятых на военную службу из Сибири, грамотой владело 21,6 %. В начале XX в., в 1904 г., грамотных сибирских новобранцев насчитывалось уже 29,6 %, в 1909 г. уровень грамотности вырос до 44,1 %, а в 1913 г., накануне Первой мировой войны, он составлял 41,8 % [2. С. 27]. Получается, что за 20 лет уровень грамотных среди новобранцев Сибири увеличился почти в 2 раза, но по этому параметру сибирские новобранцы по-прежнему уступали новобранцам империи.

Если обратиться к материалам сибирских воинских присутствий, то в 1913 г. наиболее высокий уровень грамотности был отмечен у новобранцев Дальнего Востока. Так, в Амурской области грамотных новобранцев насчитывалось 73 %, а в Приморской области — 53 %. Самой низкой оказалась грамотность у молодых людей, которые были призваны на военную службу из Тобольской губернии, — 33,1 %, и новобранцев Енисейской губернии — 33,2 %. Следует отметить, что в тот исторический период грамотным считался не только тот, кто умел читать и писать, но и тот, кто умел лишь читать. Но даже при таких невысоких требованиях только один из трех новобранцев Енисейской губернии считался грамотным. Поэтому с учетом того обстоятельства, что принятых на военную службу молодых людей предстояло в течение нескольких месяцев обучать военным специальностям — до того момента, когда они уже окончательно будут поставлены в строй, — учителям и наставникам, состоящим из старослужащих солдат и младших

офицеров, приходилось дополнительно решать и вопрос обучения молодого пополнения элементарной грамоте [10]. Лишь по завершении обучения в своих воинских частях и после принятия присяги молодые солдаты считались окончательно готовыми к несению военной службы. Необходимо подчеркнуть, что эта военная присяга была уже второй по счету для молодых солдат: в некоторых официальных документах ее именовали «присягой под знаменами» и принимали обычно весной первого года службы. В то же время свою первую присягу молодые люди, поступившие на военную службу, должны были принимать в присутствиях по воинской повинности, то есть еще осенью предшествующего года [11].

Словесный состав сибирских новобранцев можно охарактеризовать по материалам воинских присутствий лишь за 1904 г.: в отчетах за 1909 и 1913 гг. такой показатель отсутствует. В тот год среди сибирских новобранцев, принятых на военную службу, крестьяне составляли 88,6 %, мещане — 6,3 %, почетные граждане — 0,4 %, дворяне 0,2 %, купцы — 0,1 %. При этом у 4,5 % новобранцев словесная принадлежность в отчетах воинских присутствий указана не была.

Отчеты губернских и областных воинских присутствий также фиксируют семейное положение новобранцев. Женатые новобранцы составляли весьма значительную часть молодых людей, принятых на военную службу. Так, в 1904 г. таких было почти 38 %, а в 1909 г. их число возросло до 50 % и оставалось на том же уровне и при призыве в 1913 г. При этом почти половина женатых новобранцев уже имели детей — правда, данные о количестве детей новобранцев в отчетах воинских присутствий отсутствуют. Средние данные по Сибири о женатых новобранцах, имеющих детей к моменту приема на военную службу, достаточно стабильны: в 1909 г. — 53,5 % и в 1913 г. — 53,7 %. Но в некоторых сибирских губерниях можно увидеть заметные колебания по этому показателю. Так, в Енисейской губернии в 1909 г. 57 % женатых новобранцев имели детей, а в 1913 г.

количество таких новобранцев уменьшилось примерно на одну пятую часть и составило лишь 45 % [2. С. 29].

В завершение нам хотелось бы коснуться еще одного весьма значимого и актуального для нашего времени аспекта, связанного с призывом новобранцев на военную службу. Это вопрос об уклонении молодых людей от военной службы в царской армии на рубеже конца XIX — начала XX в. В отчетах сибирских присутствий по воинской повинности, а также в итоговых обзорах, составляемых МВД, неоднократно отмечалось, что количество новобранцев-сибиряков, уклоняющихся от приема на военную службу, заметно ниже в процентном соотношении с этой же категорией новобранцев, призываемых из центральных губерний европейской части страны, и тем более из губерний Царства Польского, которое до революции 1917 г. входило в состав Российской империи [12]. Следует отметить, что в XIX в. и в Рекрутских уставах 1827 и 1831 гг., и в Законе о всеобщей воинской повинности 1874 г. были предусмотрены условия, позволявшие молодым людям призывного возраста на законных основаниях уклоняться от исполнения воинской повинности. По нашим наблюдениям, примерно такая же картина складывалась и в отношении побегов нижних чинов из воинских частей во время прохождения военной службы. Следует отметить, что в годы первой русской революции, 1905—1907 гг., масштабы названных негативных явлений в русской армии заметно выросли, и это было связано с целым рядом обстоятельств объективного и субъективного характера, которые требуют отдельного рассмотрения и исследования.

Таким образом, анализ отчетов губернских и областных присутствий по воинской повинности дает возможность увидеть и понять, что представлял собой сибирский новобранец в конце XIX — начале XX в., накануне Первой мировой войны, и чем он отличался от новобранца европейской части Российской империи.

Источники и литература

1. Отчет Министра внутренних дел о выполнении призыва к отправлению воинской повинности в 1874 году. — СПб., 1875; Отчет Министра внутренних дел о выполнении призыва к отправлению воинской повинности в 1875 году. — СПб., 1876; и т. п.
2. Баяндин В. И. Состав сибирских новобранцев во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — Т. 5. — Вып. 1. — 2006.

3. Баяндин В. И. К вопросу о военной службе коренных народов Сибири в царской армии // Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сборник. — Вып. 5. — Новосибирск, 2003. — С. 220—225. Его же. Сибирские инородцы и военная служба в русской армии во второй половине XIX — начале XX в. // Великий подвиг народа: исторические чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тезисы докладов. — Екатеринбург, 1995. — С. 24—26.
4. Всеподданнейший отчет о действиях Военного Министерства за 1904 год. — СПб., 1906; Всеподданнейший отчет о действиях Военного Министерства за 1909 год. — СПб., 1911; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1292. Оп. 7. Д. 133, 135, 597, 598.
5. Баяндин В. И. Воинские призывы в городе и деревне в Сибири в период Русско-японской войны // Город и деревня Сибири в досоветский период. — Новосибирск, 1984. — С. 153.
6. Комарова Т. С. «На сопках Маньчжурии ...» (Енисейская губерния в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг.). — Красноярск, 2013.
7. Баяндин В. И. Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. — 2004. — № 2. — С. 10.
8. История казачества Азиатской России. Вторая половина XIX — начало XX в. — Екатеринбург, 1995. — Т. 2.
9. РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 133, 335, 597.
10. Баяндин В. И. О системе обучения нижних чинов в российской армии в XIX — начале XX в. // Философия образования — 5 (38). — 2011; Баяндин В. И. Обучение нижних чинов специальных частей российской армии и флота во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирский педагогический журнал. Научное периодическое издание. — 2013. — № 1.
11. Баяндин В. И. Особенности принятия присяги в русской армии в XIX — начале XX в. // Военно-исторический журнал. — 2011. — № 7.
12. Баяндин В. И. «Разыскиваются мещане, состоящие в рекрутской очереди». Борьба с уклонистами от военной службы в XIX — начале XX в. // Военно-исторический журнал. — 2013. — № 3.
13. Баяндин В. И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II // Гуманитарные науки в Сибири. — 2011. — № 2; Баяндин В. И. Узаконенное уклонение от военной службы в русской армии в XIX столетии // Восток — Запад. Проблемы взаимодействия. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Интеграция исторического и образовательного пространства». — Новосибирск, 2011.

Новиков П. А.

ПЕРВЫЕ БОИ СИБИРСКИХ АРМЕЙСКИХ КОРПУСОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Изучение начального периода Первой мировой войны дает повод перефразировать строку известной военной песни следующим образом: «Первый бой — он трудный самый». Каждый полк, любое воинское соединение испытывали особые трудности в начальных боях.

По оценке генерал-квартирмейстера русской Ставки Ю. Н. Данилова, «многие войсковые части дали блестящие образцы доблести, стойкости в бою и неутомимости. Но наряду с такими частями, обнаружили и другие, от которых можно было бы требовать проявления большей сопротивляемости и напряжения... Причины пестроты различны: условия жизни, обучения и комплектования воинских частей новобранцами и запасными, индивидуальные качества начальства, традиции частей и округов, известная самостоятельность командующих войсками округов в руководстве обучением» [1. С. 190]. Современный исследователь А. А. Смирнов тоже указывает, что «Первая мировая война еще раз показала, что боевые качества войск зависят не только от уровня их выучки, но и от особенностей групп населения, а также от армейских традиций части. Так, среди солдат русской пехоты явственно выделялись сибиряки» [6. С. 23].

Учитывая относительно большую (в сравнении с солдатами) однородность генеральского и офицерского состава императорской армии, отметим, что за военные неудачи не всегда ответственно только высшее командование. Целый ряд корпусов и дивизий не был успешен и победоносен в боевых дебютах. Проиллюстрируем этот аспект на примере Сибирских армейских корпусов. Данная публикация как раз призвана обобщить данные о первых боях Сибирских армейских корпусов в Первой мировой войне: хронологию, географию, наименование частей противника, результаты, понесенные потери.

Но сначала необходимо кратко рассмотреть хронику их создания. В 1900 г. в связи с восстанием ихэтуаней в Китае в Приамурском военном

округе были образованы 1-й Сибирский (штаб в Никольске-Уссурийском) и 2-й Сибирский (в Хабаровске) армейские корпуса, а из прибывавших из Сибири подкреплений — 3-й Сибирский. Последний в ноябре 1900 г. был расформирован в Чите и вновь образован в январе 1904 г. в Порт-Артуре. После начала Русско-японской войны в 1904 г. в Сибирском, Казанском и Московском военных округах из резервных частей были развернуты 4-й, 5-й и 6-й Сибирские армейские корпуса соответственно. Все шесть вышеперечисленных корпусов с отличием участвовали в боевых действиях против японцев. В июне 1905 г. на театре войны в Маньчжурии был образован 7-й Сибирский армейский корпус, объединивший 53-ю и 71-ю пехотные дивизии, сформированные в Одесском и Казанском военных округах.

В июне 1906 г. управления 4-го, 5-го, 6-го и 7-го Сибирских армейских корпусов были расформированы. По окончании Русско-японской войны 1-й Сибирский армейский корпус (1-я и 2-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии, Уссурийская конная бригада), 3-я, 6-я и 9-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии были расквартированы в Приамурском военном округе, 2-й Сибирский армейский корпус (4-я и 5-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии, Забайкальская казачья бригада) и 3-й Сибирский армейский корпус (7-я и 8-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии) — в восстановленном Иркутском военном округе.

Существенная реорганизация войск была проведена в 1910 г.: Восточно-Сибирские дивизии переименовали в Сибирские. Во Владивостоке был восстановлен 4-й Сибирский армейский корпус, объединивший 3-ю и 9-ю Сибирские стрелковые дивизии. В Хабаровске сформировали

5-й Сибирский армейский корпус из 6-й Сибирской стрелковой дивизии и сформированной из войск Амурской области 10-й Сибирской стрелковой дивизии. В Омском военном округе была образована 11-я Сибирская стрелковая дивизия.

С 1910 г. было предусмотрено, что при мобилизации в Иркутском военном округе дополнительно должен развернуться 6-й Сибирский армейский корпус из 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий, в Омске — 14-я Сибирская. Полки этих трех дивизий 2-й очереди формировались на базе скрытых кадров 7-й, 8-й и 11-й Сибирских дивизий. Каждый полк 1-й очереди выделял второочередному 19 офицеров, 1 военного чиновника и 262 солдата. «Большая военная программа по усилению состава армии» от 6 марта и 22 октября 1913 г. предусматривала перевод 12-й Сибирской дивизии в соединения 1-й очереди и формирование 6-го Сибирского корпуса, но эти меры до начала Первой мировой войны не были реализованы.

С 1910—1911 гг. в состав русских армейских корпусов входили все войска, расположенные в корпусных районах. Ранее инженерные части, мортирная и тяжелая артиллерия в состав корпусов не входили, а лишь придавались им для совместных упражнений. Теперь же артиллерийские бригады были подчинены начальникам пехотных или стрелковых дивизий, а для комплектования личным составом каждый корпус получил ближайшие к гарнизонам районы.

18 июля 1914 г. (все даты приводятся по старому стилю) в России была объявлена всеобщая мобилизация. Подпоручик П. Шапошников так запомнил перевозку мобилизованных: «Из вагонов неслись песни, звуки гармони и крики подвыпивших «чалдонов», будущих лихих Сибирских стрелков, крепких, как таежные кедры, тяжелых на подъем, но безудержных и упрямых, если уж поднялись, часто доходящих до штыка в атаках» [9. С. 6].

Последовательность отправки войск на фронт выглядела следующим образом: из района Иркутск — Ачинск в начале августа 1914 г. убыл 3-й Сибирский армейский корпус, 11 сентября оттуда же — 12-я и 13-я Сибирские стрелковые дивизии; из района Омска в середине августа — 11-я Сибирская стрелковая

дивизия, которая была включена в 1-й Туркестанский армейский корпус.

Из района Сретенск — Верхнеудинск в конце августа на театр военных действий отправился 2-й Сибирский армейский корпус, а в начале сентября пришла очередь Забайкальской казачьей бригады; из района Никольска-Уссурийского в конце августа на фронт был направлен 1-й Сибирский армейский корпус. В сентябре из района Омска выступила 14-я Сибирская стрелковая дивизия, из Иркутска — управление 6-го Сибирского армейского корпуса, из Владивостока и Хабаровска — управление 5-го Сибирского армейского корпуса, 6-я и 3-я Сибирские стрелковые дивизии. В октябре на фронт ушла Уссурийская конная бригада.

После отправки двух корпусов Приамурского военного округа управление 4-го Сибирского армейского корпуса объединило еще не мобилизованные во Владивостоке 9-ю и в Благовещенске 10-ю Сибирские стрелковые дивизии. Их мобилизация началась 28 октября 1914 г., а в ноябре были влиты пополнения из запасных стрелковых батальонов Иркутского военного округа. В декабре 1914 г. — январе 1915 г. 4-й Сибирский корпус (без 40-го Сибирского стрелкового полка) был перевезен в действующую армию, причем для ускорения по требованию Ставки принимались чрезвычайные меры: отправка раньше расписания, питание в эшелонах от полевых кухонь; на однопутных участках в течение недели поезда шли только на запад [8. С. 36—45].

Военный теоретик А. А. Свечин отмечал: «Если русскому командованию удавалось преодолеть кризисы, создававшиеся в Восточной Пруссии, в Галицийской битве и Ивангород-Варшавской операции (добавим, и в Закавказье), то этим оно в значительной степени обязано притоку новых свежих сил — 6 Сибирских, 2 Туркестанских, 2 Кавказских корпусов. Эти постепенно подходившие корпуса играли роль стратегического резерва, необходимость которого до войны отрицалась близорукими теоретиками, и который получил решающую роль в мировую войну» [4. С. 55]. Каждый из этих 9 русских корпусов получал окончательное назначение лишь по мере подхода к театру военных действий, в соответствии с обстановкой. Роль такого подкрепления трудно переоценить, особенно

учитывая, что тот же Свечин считал: будь у немцев в августе 1914 г. 3 дополнительных корпуса, они бы взяли Париж.

Рассмотрим первые бои сибирских стрелков в Первой мировой войне согласно последовательности прибытия корпусов на фронт:

3-й Сибирский корпус высадился в основном в крепости Осовец и на станции Граево. Головные же 29-й и 30-й Сибирские стрелковые полки 15 августа начали выгрузку в Варшаве, но 16 августа 1914 г. были переброшены в Ломжу и прикрывали ее до конца августа. 30—31 августа 3-й Сибирский корпус, пройдя 24 км, успешно атаковал немецкий г. Лык, но затем был отозван для обороны линии р. Бобр и прикрытия района Гродно — Белосток. Потери: убито 3 офицера и 114 солдат, ранено 13 офицеров и 456 солдат, еще 70 пропали без вести. 14—21 сентября корпус участвовал в ожесточенных встречных боях у г. Августов, д. Ходорка, Курьянка, Стоки, Концебор, Ольшанка, Дора, Гатко, завершившихся изгнанием немцев (3-я резервная и 36-я ландверная дивизии) за границу. 7-я Сибирская стрелковая дивизия потеряла 9 офицеров и 123 солдата убитыми, 19 офицеров и 629 солдат ранеными, 130 солдат пропали без вести. 8-я Сибирская стрелковая дивизия пострадала гораздо сильнее: 29-й Сибирский полк лишился 30 офицеров и 1998 солдат, 30-й (под Ходоркой) — 64 и 2041, 32-й — 12 и 767. При временном отходе 18 сентября 8-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада у д. Юзefово оставила 14 пушек (найжены после боя) и 5 гаубиц. Трофеи корпуса — под Лыком 50 пленных и обоз, под Августовым — 200 пленных, под Сувалками — 3 офицера и 700 немецких солдат. 23 сентября 25-й Сибирский полк захватил 3 пулемета [3. Л. 1—41].

Из Иркутска 12-я Сибирская дивизия была переброшена на Юго-Западный фронт в верховья р. Сан, навсегда покинув состав 6-го Сибирского корпуса. Из Ачинска, Красноярска и Канска 13-я Сибирская дивизия 29 сентября прибыла под Варшаву, приняв первые бои 5 октября при д. Езерно-Оборской и 8 октября при Пясечно. Причем в Сколимовском лесу 49-й Сибирский полк после первых 10 минут боя отошел и с большим трудом был возвращен на позиции. 14-я Сибирская дивизия через Москву, Смоленск, Полоцк была перевезена

в Седлец, где прошла тактические учения, а 7 октября она уже сражалась под Варшавой у д. Бискупице [2. С. 159].

В начале сентября германская ландверная дивизия Гольца с 60 осадными орудиями подошла к крепости Осовец, имитируя его ускоренную атаку, чтобы тем самым отвлечь войска 10-й русской армии. С 13 сентября 1914 г. немцы начали серию безуспешных артиллерийских обстрелов крепости. 15 сентября германская пехота атаковала крепость, но была отбита шквальным огнем ее артиллерии. 16 сентября гарнизон провел две контратаки. Подход 11-й Сибирской стрелковой дивизии вынудил германские войска к поспешному отступлению.

Головные эшелоны 2-го Сибирского корпуса высадились на станции Черемха (180 км восточнее Варшавы) в середине сентября 1914 г. 17 сентября войскам было приказано снова погрузиться для отправки в Варшаву, куда были перенаправлены и невысадившиеся эшелоны. С 18 сентября корпус высаживался в Варшаве, 20 сентября его авангарды были выдвинуты к Гродиску. 24 сентября основным силам корпуса приказано было сосредоточиться в Фалентах, а 25 сентября — выдвинуться на рубеж Скерневицы — Мшоноу — Гройцы. 26 сентября начались перестрелки с подошедшей 21-й ландверной бригадой немцев. 5-я Сибирская стрелковая дивизия действовала к западу, 4-я Сибирская — к юго-западу от Варшавы. 27 сентября немецкие 36-я пехотная и Позенская ландверная дивизии выбили со станции Гройцы 13-й и 14-й Сибирские стрелковые полки, нанеся им потери в 19 офицеров, 1040 солдат, 2 пулемета и в 28 офицеров, 2752 солдата, 4 пулемета соответственно. Половину потерь составляли пленные. 4-я батарея 4-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады потеряла 6 орудий. Части 4-й Сибирской дивизии, несмотря на поддержку 1-й Сибирской дивизии, отступили к Тарчину, а затем к Надаржину. Полки 5-й Сибирской дивизии за 27 сентября отошли от Скерневиц к Вискиткам, Блоне и Гродиску.

День 28 сентября и ночь на 29 сентября 15-й Сибирский и 16-й Сибирский полки сдерживали германцев у д. Лазы и восточнее Гроецкого шоссе, проведя ряд контратак и захватив фольварк Магдаленка. 5-я Сибирская дивизия

оставила Гродиск и Блоне, отойдя к Брвинову. К утру 29 сентября корпус располагался в районах Борженцин — Дужи — Войцешин и укрепления Раковец против 21-й ландверной бригады и 8-й кавалерийской дивизии немцев. 1 октября корпус перешел р. Утрата, создав угрозу немцам в районе Блоне. 2—5 октября велись ожесточенные встречные бои против 35-й резервной и части 36-й пехотной дивизий немцев у д. Рокитно, Рокитненского леса и д. Кросно. Всего же с 25 сентября по 5 октября под Варшавой 2-й Сибирский корпус потерял 260 офицеров и 13 500 солдат.

Особо подчеркнем, что в ход боев под Варшавой внесло коррективы прибытие 27 сентября — 1 октября 1-го Сибирского корпуса. Высадившись в Пясечне, 1-я Сибирская дивизия корпуса прямо из эшелонов, без единого орудия бросилась в бой. А 1 октября русские встречным ударом окончательно оттеснили немцев от Варшавы. Для ускорения прибытия на театр войны 1-го и 2-го Сибирских корпусов предназначенные для их окончательной мобилизации запасные десяти уездов Вятской и Пермской губерний были поданы при перевозке соединений на запад. Заранее в уезды были высланы офицеры обоих корпусов.

Управление 5-го Сибирского корпуса прибыло на фронт 11 октября 1914 г., когда 6-я и 3-я Сибирские стрелковые дивизии были еще в пути. Поэтому, чтобы использовать готовый аппарат управления, штабу корпуса подчинили 50-ю и 79-ю пехотные дивизии, а также 1-й Астраханский казачий полк. В таком составе 13 октября корпус был включен в 1-ю армию. 30 октября стоявший в обороне у Влоцлавска на левом берегу Вислы 5-й Сибирский корпус атаковали три германских корпуса, действовавших при поддержке конницы. После двухдневного боя 5-й Сибирский корпус, понеся огромные потери, в беспорядке отошел к Гостынину на 40 км. 1—3 ноября части 6-го Сибирского корпуса, переправляемые у Плоцка по частям, на лодках, и бросаемые в бой пачками, подкрепили 5-й Сибирский, упорядочив его дальнейший отход. К вечеру 5 ноября 5-й и 6-й Сибирские корпуса закрепились на линии Печиска — Чернев. Всего с 31 октября по 10 ноября в ходе сражения за Кутно и Лодзинской операции 5-й Сибирский корпус отступил на 80 км. К началу 1915 г. в составе корпуса 79-я пехотная дивизия была заменена

на 6-ю Сибирскую стрелковую, 50-я же пехотная осталась в нем до конца Первой мировой войны.

11 октября 1914 г. решениями Ставки и командующего 2-й армией был определен состав 6-го Сибирского корпуса. В него вошли 13-я Сибирская и 14-я Сибирская стрелковые дивизии и три пограничные конные сотни. 13 октября корпус был включен в 1-ю армию и развернулся на правом берегу Вислы. Начались бои севернее Варшавы, у городов Цеханов и Плонск (ныне Плоньск). 29 октября пять с половиной германских корпусов перешли в наступление на левом берегу Вислы, опрокинув 30—31 октября у Влоцлавска 5-й Сибирский корпус. Части 6-го Сибирского корпуса, переправленные с 31 октября на лодках у Плоцка и отправляемые во встречный бой, 1—3 ноября помогли упорядочить отход от Влоцлавска 5-го Сибирского корпуса. К вечеру 5 ноября оба корпуса закрепились на линии Печиска — Чернев. Напряженные бои шли до 23 ноября, когда 6-й Сибирский корпус отвели в тыл. К этому времени его полки потеряли от 70 до 90 % личного состава. Из выбывших до трети оказались в плену. Так, 50-й Сибирский полк 8—16 ноября у д. Александро-Каитур, Злако-Боровый и Скроводы потерял 49 бойцов убитыми, 663 ранеными и 1499 без вести «оставшимися на поле сражения». 56-й Сибирский полк 31 октября насчитывал 49 офицеров и 3764 стрелка, а 23 ноября — 5 офицеров и 325 стрелков.

23 января 1915 г. 4-й Сибирский корпус был включен в состав 12-й армии. Эшелоны корпуса прибывали на станцию Остроленка (в районе Ломжи) с 29 января. 9-я Сибирская стрелковая дивизия была придана Гвардейскому корпусу, а 3 февраля выдвинута на линию р. Скрода против наступающего 20-го германского армейского корпуса. 5 февраля она вела бой с 41-й пехотной дивизией немцев, перегруппировавшись на участок Малый Плоцк — р. Скрода у Лосева. 4-й Сибирский корпус прикрывал рубеж р. Нарев в районе Пултуска и Рожан. Со 2 марта корпус участвовал в наступлении 12-й армии. К марту он лишился трех четвертей офицерского состава, поэтому в него командировались офицеры кавалерии.

В первых боях Первой мировой войны сибирские стрелки подтвердили блестящую репутацию, заслуженную еще в Русско-японскую войну, и не только сохранили ее до конца «Второй Отечественной» войны, но и многократно

преумножили. Почему? На наш взгляд, следует выделить четыре фактора: во-первых, высокое качество рядового состава. Поручик А. В. Туркул подчеркивал: «Из окопов другой норovit бабахать почаще, себя подбодряя, а куда бабахает и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко» [7. С. 10]. Уроженец Усть-Удинской волости под Иркутском вспоминал: «Когда российский какой полк стоит, германцы выставляют 2 часовых, а как только разведали, что подошел сибирский, то 20 часовых выставят» [5. С. 206].

Во-вторых, и до, и после Русско-японской войны молодые офицеры стремились служить

в Сибири. До — потому что на Дальнем Востоке «пахло порохом», после — потому что сибирские полки, прославившиеся в недавно законченной войне, были покрыты ореолом военной славы, и попасть в них было лестно.

В-третьих, часть Сибирских корпусов накануне Первой мировой войны содержалась по усиленным штатам, что повышало боевую готовность. И, наконец, в-четвертых, соединения из Азиатской России включились в борьбу, когда высшее русское командование накопило определенный опыт и избавилось от части генералов, не соответствующих должностям.

Источники и литература

1. Данилов Ю. Н. Россия в Мировой войне 1914—1915 гг. — Берлин, 1924.
2. Новиков П. А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914—1918 гг. — Иркутск, 2008.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336.
4. Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Энциклопедический словарь русского библиограф. института Гранат. — 7-е изд. — Т. 46. — Четырехлетняя война 1914—1918 гг. и ее эпоха. — Вып. 1.
5. Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914—1918 гг. — Иркутск, 2008.
6. Смирнов А. А. Сибирский удар и саксонская сталь // Родина. — 2004. — № 9.
7. Туркул А. В. Дроздовцы в огне. — Л., 1991.
8. Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. — М.-Л., 1928.
9. Шапошников П. На станции Зима // Военная быль. Париж. Июль. — 1968. — № 68.

Толмачева А. В.

К ВОПРОСУ ОБ ИСЧИСЛЕНИИ ПОТЕРЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Обращаясь к исследованию темы величины военных потерь вооруженных сил и общих потерь России в Первой мировой войне, следует сразу отметить, что данные статистики о потерях поныне пребывают в чрезвычайно запутанном состоянии.

Среди причин такой ситуации в первую очередь отметим обстоятельства выхода страны из войны, а именно последовательный крах двух политических режимов и переход России из одной войны (Первой мировой) во вторую — Гражданскую. Развал аппарата государственной власти, в том числе военного ведомства, повлек утрату многих документов, а эмиграция подавляющего числа высших чинов военного ведомства и Генерального штаба в результате Гражданской войны лишь усугубила ситуацию.

Все вышеперечисленное привело к тому, что опубликованные на протяжении всех послевоенных лет данные о потерях вооруженных сил носят крайне противоречивый характер и показывают их величину в совершенно неприемлемом диапазоне. Весьма осложняет изучение данного вопроса и неоднозначное толкование категорий потерь, что в итоге затрудняет сравнение итоговых цифр, приведенных в различных публикациях.

Некоторые оценки потерь вооруженных сил выглядят следующим образом (данные приведены в порядке их обнаружения):

Оценки военно-оперативных потерь российской армии в 1914—1917 гг., тыс. чел.*

Источники	Безвозвратные потери				Санитарные потери			Всего
	Убито и умерло от ран и болезней	Пропало без вести	Попало в плен	Итого	Ранено	Заболело	Итого	
Аврамов В.	708,3	2333,4**		3041,7	3813,8	8794,8	8794,8	11836,5
Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1	546,2	1936,3**		2482,5	2830,2	?	?	5312,8
Россия в Мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)	685,4	228,8	3409,4	4323,6	2844,5	1425,0	4269,5	8593,1
Керсновский А. А.	800,0	1400,0	2417,0	4617,0	5500,0	?	?	10300-10500
Головин Н. Н.	1650,0	?	2417,0	4062,0	4200,0	?	?	7917,0
Урланис Б. Ц.	1811,0	?	2600,0	4411,0	4000,0	5850,0	9850,0	14261,0

* Под военно-оперативными потерями понимаются потери действующей армии, понесенные в ходе военных действий, без учета дальнейших судеб военнослужащих, выясняющихся по окончании войны (военнопленных, пропавших без вести и пр.).

** В том числе попавшие в плен.

Составлено по: 1) Аврамов В. Жертвы империалистической войны в России // Известия Наркома здравоохранения. — 1920. — № 2. Не учтены потери войск Кавказского фронта; 2) Труды Комиссии... — М., Пг., 1923; 3) Россия в мировой войне... — М., 1925. — С. 20, 30; 4) Керсновский А. А. История русской армии. — Т. 4. — М., 1994. — С. 167—170 (впервые опубликовано в 1933—1938 гг.); 5) Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. — Париж, 1939 (Военно-исторический журнал. — 1993. — № 2. — С. 59); 6) Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. — М., 1960. — С. 168, 320, 391.

Безвозвратные демографические потери российской армии в 1914—1917 гг., тыс. чел.*

Источники (публикации)	Убито, умерло от ран, ОБ и др.	Умерло в госпиталях		Пропало без вести	Умерло в плену	Не вернулось на родину	Всего
		раненых	больных				
Урланис Б. Ц. (1)	1211	240	155	?	190	?	1811**
Здоров А. А. (2)	689,8	1126	1126	?	181,9	?	1997,7
Степанов А. И. (3)	657,1—775	300—1123	130—155,7	200—797,3	181,9—285	238,2	1707,2—3374,2

* Демографические потери, в отличие от военно-оперативных, представляют собой окончательный итог войны по безвозвратным потерям (с учетом возвращения людей из плена, выяснения судеб пропавших без вести и пр.).

** В том числе 15 тыс. погибших в результате несчастных случаев и пр. (небоевые потери).

Составлено по: 1) Урланис Б. Ц. Указ. соч. — С. 146, 171, 300, 320, 381; 2) Здоров А. А. Гражданская война: потери населения. Опыт сравнительного анализа // Свободная мысль. — 1999. — № 10. — С. 119; 3) Степанов А. И. Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война: пролог XX в. — М., 1998. — С. 474—484. Исчисленные автором величины по каждой графе — это минимальные и максимальные оценки, полученные путем обобщения сведений из доступных источников.

Взяв за основу метод составления баланса численности российской армии за 3 года войны, мы, казалось бы, должны были получить достаточно однозначный ответ на вопрос

об общем количестве потерь. Составленный по данным, заслуживающим, на наш взгляд, наибольшего доверия, он выглядит следующим образом:

Баланс численности российской армии в 1914—1917 гг., тыс. чел.

Численность армии к началу войны	1423
Мобилизовано в ходе войны (до октября 1917 г.)	16 267
Итого	17 680
Наличие в октябре 1917 г.:	
в действующей армии (на фронтах)	5430,9*
в отпусках	336,8*
во внутренних военных округах	1500**
Итого	7268
Дефицит 1	10 412
В том числе:	
уволено по инвалидности	2150**
уволено по достижении предельного возраста (по постановлению Временного правительства 1 апреля 1917 г.)	350**
зарегистрировано дезертиров	365,1**
Итого	2865
Дефицит 2	7547

* См.: Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. — 1964. — № 2.
** См.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. — Париж, 1939. — Т. 1. — С. 207.

Полученное значение дефицита (2) должно означать число безвозвратных военно-оперативных потерь российской армии по состоянию на конец октября 1917 г. Но, как показано выше, по подсчетам А. А. Керсновского и Б. Ц. Урланиса, эти потери достигали всего 4,4—4,6 млн чел. В этой связи требуется объяснить трехмиллионный дефицит. Некоторую ясность вносит информация о наличии в тылу страны свыше

6 млн чел., находившихся на довольствии у военного интендантства (помимо действующей армии). Из них не менее 4 млн состояли при частнопредпринимательских организациях, обслуживавших вооруженные силы [1]. Впрочем, Н. Н. Головин полагает, что 1,5 млн составляли незарегистрированные дезертиры [2]. Как бы то ни было, ясно, что учет личного состава армии пребывал в хаотическом состоянии.

В заключение приведем ряд сравнений, которые помогут уяснить долю России в общих потерях, понесенных государствами — участниками мировой войны. Сравним безвозвратные демографические потери:

Безвозвратные демографические потери стран — участниц Первой мировой войны, тыс. чел.

Государство	Безвозвратные демографические потери	в % от общего числа мобилизованных
Россия	1811	10,2
Англия	715	12,5
Франция	1327	16,8
Германия	2037	15,3
Австро-Венгрия	1100	12,2
В целом:		
Государства Антанты	5413	12,1
Блок центральных держав	4029	15,7
Итого	9442	13,4

Далее приведем оценки безвозвратных потерь вражеских войск, действовавших против российской армии:

Безвозвратные потери противника на Восточноевропейском и Кавказском театрах военных действий в 1914—1917 гг., тыс. чел.

Принадлежность войск	Военно-оперативные потери			Демографические потери	
	Убито и умерло от ран	Попало в плен	Итого	Всего	В том числе умерло в плену
Германия	317,1	177,1	494,2	332,6	15,5
Австро-Венгрия	450	1737	2187	520	70
Турция*	150	65	215	167	17
Всего	917,1	1979,1	2896,2	1019,6	102,5

* Включая потери двух болгарских дивизий, воевавших в составе турецких войск.

Составлено по: Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. — С. 150—151, 320, 324, 325.

Как видим, соотношение военно-оперативных потерь противника с таковыми же российской армии (исчисленными Б. Ц. Урланисом в 4411 тыс. чел., включая 1811 тыс. убитых и умерших от ран и 2600 пленных) составляет 1:1,5, а демографических потерь (с учетом возвращения людей из плена) — почти 1:2.

Источники и литература

1. Аврамов В. Жертвы империалистической войны в России // Известия Наркома здравоохранения. — 1920. — № 2.
2. Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война 1914—1918 гг. — М., 1968. — С. 157.
3. Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. — 1964. — № 2.
4. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. — Париж, 1939. — Т. 1. — С. 207.
5. Здоров А. А. Гражданская война: потери населения. Опыт сравнительного анализа // Свободная мысль. — 199. — № 10. — С. 119.
6. Керсновский А. А. История русской армии. — Т. 4. — М., 1994.
7. Россия в Мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). — М., 1925.
8. Степанов А. И. Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война: пролог XX в. — М., 1998.
9. Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. — М., Пг., 1923.
10. Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. — М., 1960.

Хамисов Б. Г.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ КАЗАКИ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904—1905 гг.

Казаки всегда были неотъемлемой частью российского воинства начиная с XVII в. Ни одна крупная война, которую вела Россия в последующий период, не обходилась без участия казачьих частей. Зачастую именно они играли решающую роль на полях сражений, идя на прорыв обороны противника, совершая неожиданные рейды в тыл врага, прикрывая войска в случае вынужденного отхода.

Неувядаемой славой казаки покрыли себя на полях битв русско-турецких войн эпохи Екатерины II, итальянского и швейцарского походов А. В. Суворова, героической Отечественной войны 1812 г., легендарной Крымской кампании, войны 1877—1878 гг. Трагические для России Русско-японская и Первая мировая войны в этом смысле не являются исключением. Несмотря на проявленный героизм армии (в том числе казаков), результаты этих вооруженных конфликтов оказались крайне неутешительными для страны. Но даже это не может затмить тот подвиг, который совершили российские воины, отстаивая интересы отчизны.

Забайкальское казачье войско принимало непосредственное участие во всех военных событиях, которые имели место в XIX—XX вв. Образованное приказом императора Николая I 17 марта 1851 г., оно с честью выполняло возложенные на него обязанности. В силу своего расположения естественной задачей забайкальских казаков являлась в первую очередь охрана восточных рубежей Российской империи. И когда в начале прошлого столетия на востоке страны разразилась война, одними из первых, кто вступил в бой с врагом, являлись казаки-забайкальцы.

Русско-японская война 1904—1905 гг. — одна из тех войн, политические последствия которых затмили их военное значение. Для Российской империи поражение в этом локальном конфликте стало не просто болезненной пощечиной, а доказательством неэффективности всего государственного строя.

В отечественной исторической литературе (не только советской, но и дореволюционной) закрепились традиции рассматривать эту войну

как изначально обреченную на неуспех, и даже в патетических описаниях героизма русских солдат и моряков доминировал трагический мотив жертвенности. Другой крайностью стало широко распространенное мнение о случайности этого поражения. В данном конкретном случае не столь важны причины, приведшие к войне и ее печальному концу. Речь пойдет об отдельных моментах этой малоизвестной для нынешнего поколения страницы истории нашей страны, а конкретно — участии забайкальских казаков в Русско-японской войне.

В начале XX в. на характер дальневосточной политики руководства Российской империи решающее влияние стала оказывать группа приближенных ко двору промышленников и государственных чиновников, возглавляемых А. М. Безобразовым. Они предлагали, опираясь на военную силу, занять твердую позицию в дальневосточном вопросе, направленную на удержание Россией Северной Маньчжурии и Ляодунского полуострова. После поездки лидера группировки по Дальнему Востоку Николай II признал необходимость наращивания вооруженных сил в этом регионе. Учитывая напряженную обстановку на западных рубежах, правительство не могло перебросить регулярные войска на Дальний Восток и вынуждено было увеличивать военный контингент в этом регионе за счет казачьих подразделений.

Уже с первых дней войны на театре военных действий находилось 4 первоочередных полка Забайкальского казачьего войска (шестисотенные 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Нерчинский, 1-й Аргунский полки), а 18 января 1904 г. (по старому стилю) было отобилизовано еще 4 льготных

(второочередные 2-й Верхнеудинский, 2-й Читинский, 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский полки), которые вошли в состав Забайкальской казачьей дивизии. Также были задействованы 2 шестиорудийные казачьи батареи (1-я и 2-я Забайкальские казачьи батареи) и мобилизованы еще 2 (3-я и 4-я Забайкальские казачьи батареи), которые составляли Забайкальский артиллерийский дивизион. В Порт-Артуре находилась 4-я сотня 1-го Верхнеудинского казачьего полка. Всего к 1 января 1904 г. служилый состав Забайкальского войска, за исключением неспособных к военной службе, определялся в 28 412 чел., списочный — в 32 229 чел. Именно казакам-забайкальцам было суждено первыми вступить в бой с японцами.

Непосредственно на театре военных действий расположение частей Забайкальского казачьего войска было следующим:

- в Квантунском укрепленном районе — 1-я батарея Забайкальского артиллерийского дивизиона и 1-й Верхнеудинский полк;
- в районе сосредоточения Маньчжурской армии — 1-я Забайкальская казачья батарея (в Ляояне — 2 орудия, в Мукдене — 2 орудия и в Фынью-Хуань-Чене — 2 орудия) и 1-й Читинский казачий полк (в Мукдене — 1 сотня, в Фынью-Хуань-Чене — 4 сотни и 1 сотня вне района сосредоточения, в Шанхай-Гуане и Цинвандао);
- в Северной Маньчжурии — 1-й Аргунский казачий полк и 2-я Забайкальская казачья батарея;
- в Приамурской области — 1-й Нерчинский казачий полк;
- в Забайкальской области — 2-я батарея Забайкальского артиллерийского дивизиона.

Первоочередная казачья бригада (1-й Аргунский и 1-й Читинский полки) с 1-й Забайкальской казачьей батареей составили с самого начала военных действий передовой отряд генерала П. И. Мищенко, действовавший за р. Ялу в Корее; 1-й Верхнеудинский полк был оставлен в Дагушане для охраны побережья от Бицзыво до Дагушаня.

Не располагая определенными сведениями о противнике, командование русской армии оказалось в весьма непростом положении. В такой ситуации адмирал Е. И. Алексеев приказал конному отряду под командованием П. И. Мищенко

произвести глубокую рекогносцировку территории Северной Кореи с целью получения данных о численности и предполагаемых направлениях движения войск противника. Выполняя полученный приказ, генерал Мищенко, не дожидаясь окончания формирования своего отряда, выслал в разведку 3 казачьих разъезда из состава 1-го Читинского полка. Командиры этих подразделений — хорунжий Лоншаков, хорунжий Святополк-Мирский и подхорунжий Назаров — получили приказ произвести глубокую разведку, двигаясь вдоль западного побережья Корейского полуострова по направлению к городу Пхеньяну. Через 2 дня вслед за этими разъездами в том же направлении проследовала 3-я сотня 1-го Читинского казачьего полка, возглавляемая войсковым старшиной Куклиным.

9 февраля к шедшим в разведку казачьим разъездам присоединился 1-й Аргунский казачий полк, а через 3 дня по направлению к Пхеньяну в полном составе выступил и весь конный отряд генерала Мищенко. 22 февраля отряд генерала Мищенко возвратился обратно.

Однако затем, в первых числах марта, отряд опять вступил в соприкосновение с противником, произведя ряд рекогносцировок и «потрепав» японцев у Чончжу, после чего перешел обратно за р. Ялу. За 10 дней корейского похода отряд произвел широкую разведку в районе от устья Ялу до Нектона и на восток, через Анчжу на Пхеньян и Нимбен, до устья р. Чончонгана, от Сакчжу до Пакчена.

С переходом за Ялу 1-й Аргунский полк вошел в состав отдельного наблюдательного отряда полковника Трухина (затем полковника Карцева), а отряд генерала Мищенко составили 1-й Верхнеудинский и 1-й Читинский полки с 1-й Забайкальской казачьей батареей, которые и вели наблюдение за противником, наступавшим к р. Ялу, и за морским берегом. 18 апреля отряд генерала Мищенко отступил на соединение с Восточным отрядом к Пьямыню и Фынью-Хуань-Чену, а затем получил приказание идти на Шализай и охранять путь к Сюяню и Хайчену; передовому отряду пришлось вынести на своих плечах всю тяжесть боев в беспрестанных схватках с противником. После ряда боев под Уулаасу, Санзелью и у Сюяня отряд Мищенко отступил к Пумягоу и затем в Вандзипудзы, откуда был направлен к Сахотану (30 мая) сторожить пути на Гайчжоу. Удерживая неприятеля рядом

Сахотанских боев (10—15 июня), передовой отряд после 6 месяцев непрерывных сражений, в период сосредоточения наших сил после боев под Дашичао и Хайченом, был отозван с передовой линии в Ляоян вместе с 1-м Аргунским полком и 1-й Забайкальской казачьей батареей. Затем последовали ряд боев под Ляояном, на Шахе, набег на Инкоу, январское наступление 2-й армии (действия на Хуаньхе и Ляохе).

Таким образом, отдельная Забайкальская казачья бригада генерала Мищенко вписала в историю Забайкальского казачьего войска немало ярких страниц, увековечивших боевую славу забайкальцев.

Не менее славна история и второочередных полков Забайкальского казачьего войска, составлявших Забайкальскую казачью дивизию в отряде генерала Ренненкамппа. Из этих полков 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский составляли бригаду генерал-майора Любавина; в ее состав временно входили 1-й Аргунский казачий полк и 4-я Забайкальская казачья батарея (отдельный наблюдательный отряд полковника Трухина); 2-й Верхнеудинский казачий полк входил в состав Восточного отряда, а 2-й Читинский полк находился при полевом штабе.

Что касается деятельности наблюдательного отряда полковника Трухина (затем полковника Карцева), то он до 13 апреля (до момента выделения из отряда генерала Мищенко) производил разведку на р. Ялу и принимал участие в набеге в Корею, а с 13 апреля охранял левый фланг Восточного отряда. После Тюренченского боя отряд вошел в состав отряда Ренненкамппа и принимал участие в стычках с передовыми японскими частями до 5—6 июня, когда участвовал в сражении под Сихеяном. Затем, к началу Ляоянских боев, отряд был распределен по частям в отряды генералов Орлова, Экка, Дембовского и, наконец, в середине ноября 1-й Аргунский полк опять вошел в состав отряда Ренненкамппа. С 1905 г. полк частью находился в составе 1-й армии, частью — в 3-й армии и, прикрывая во время Мукденских боев отступление, имел ряд стычек с передовыми частями японцев; с отходом же наших войск на Сипингайские позиции полк вошел в состав 2-й армии и нес разведочную службу.

Забайкальская казачья дивизия с начала войны вошла в состав действующей Маньчжурской армии. После Тюренченского боя отряд

Ренненкамппа, выступавший по направлению к Фынью-Хуань-Чену, имел столкновение с японцами у Куаньджана 21 апреля, у д. Дафуза 11 мая, у Айянамыня 15 мая, у перевала Феншуйлинь 18 мая, у Саймацзы 19 и 20 мая, у Айянамыня 9 июня, в долине р. Цаохе и т. д. При отступлении Восточный отряд имел дело с японцами у Фанцзяпудзы 30 июня. К началу Ляоянского сражения бригада генерала Любавина сталкивалась с японцами у д. Б. Уйюнин 18 августа и у д. Ваньяпуза 19 августа.

Отряд генерала Ренненкамппа также принимал деятельное участие в сентябрьском наступлении и Мукденском сражении, а кроме того, нес разведочную службу на Сипингайских позициях.

По окончании Русско-японской войны второочередные полки были расформированы.

Примерно в это же время на другом фронте в районе Порт-Артура отличились находившиеся там казаки 4-й сотни 1-го Верхнеудинского полка. Несмотря на сложные условия, казаки постоянно вели разведку, а позднее храбро сражались в обороне этой крепости. Затем казаки были переведены в резерв командующего сухопутной обороной Порт-Артура генерал-лейтенанта Р. И. Кондратенко. За совершенные подвиги и проявленный героизм многие казаки сотни были награждены Георгиевскими крестами и медалями, а сама 4-я сотня позже, в 1907 г., была удостоена Георгиевских серебряных труб. Героем обороны Порт-Артура стал командовавший всей артиллерией крепости казак, генерал-майор В. Ф. Белый.

Относительно численности воевавших казаков Забайкальского войска существуют различные данные. Так, по одним сведениям, из войска в период войны на фронт было направлено свыше 15 тыс. казаков [1. Ф. 30. Оп. 1. Д. 264. Л. 12]. По другим — более 19 тыс., из которых 17 401 чел. непосредственно находился в действующей армии, а 2 тыс. казаков запасного разряда было послано на охрану дальневосточной границы [2. Ф. 330. Оп. 61. Д. 270. Л. 4].

За проявленное мужество практически каждое воинское соединение Забайкальского казачьего войска было отмечено воинскими наградами и знаками отличия. 29 мая 1906 г. на имя войскового наказного атамана Забайкальского казачьего войска генерал-лейтенанта А. И. Селиванова пришел приказ № 44/4 об учреждении наград участникам войны с Японией:

- серебряной — участникам обороны Порт-Артура (12.05.1904 — 20.12.1904 г.);
- светло-бронзовой — участникам сражений с Японией;
- темно-бронзовой — не участвовавшим в боях, но состоявшим в рядах действующей армии [З. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 3].

Кроме того, участники боев с японцами получили государственные пособия. Так, согласно архивным данным, единовременные выплаты казакам — участникам обороны Порт-Артура по приговору Боргойского станичного правления Забайкальского казачьего войска от 25 апреля 1906 г. составили 200 тыс. руб. (всего из вышеназванных в обороне участвовали 12 чел.,

1 из которых умер от полученных ранений в самой крепости) [З. Ф. 188. Оп. 1. Д. 58. Л. 3—6]. Для тех же, кто потерял на войне кормильца, Высочайшим приказом за № 329 от 24 мая 1906 г. устанавливалась пенсия в размере 36 руб. в год [З. Ф. 116. Оп. 1. Д. 696. Л. 5].

В целом Русско-японская война выявила все недостатки и просчеты существовавшей власти. Задуманная как «маленькая и победоносная», она превратилась в трагедию всей страны и каждого человека из тех, кто так или иначе имел отношение к этим событиям. Но в то же время именно эта война со всей очевидностью продемонстрировала стойкость и героизм российской армии и флота. В том числе и казаков-забайкальцев.

Источники и литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).

Филиппов В. В.

КРАСНОЯРСКИЕ АВИАТОРЫ — УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В Первую мировую войну Россия вступила с самым мощным воздушным флотом: в 39 авиационных отрядах насчитывалось 244 аэроплана и 200 летчиков. В их числе были пилоты, в последующие 20—30-е гг. XX в. внесшие огромный вклад в становление и развитие авиации в Енисейской губернии (с 1934 г. — в Красноярском крае).

1. Виктор Львович Галышев

Родился в 1892 г. в г. Судже Курской губернии. В 1912 г. окончил Александровское военное училище в Москве.

Во время Первой мировой войны совершал боевые вылеты в составе 31-го корпусного авиаотряда, 12-го истребительного авиаотряда и 1-го авиаотряда Балтийского флота. За храбрость и мужество награжден тремя Георгиевскими крестами. В 1916 г. Галышев после трех ранений на фронте был по личной просьбе направлен летчиком-наблюдателем в 32-й корпусной разведывательный авиаотряд.

В 1918 г. Галышев перешел на сторону советской власти, участвовал в разгроме банд Антонова на Тамбовщине, в июле 1921 г. заслуженно стал кавалером ордена Красного Знамени. С 1922 г. Галышев — пилот гражданской авиации, работал в Средней Азии, а в феврале 1926 г. был

направлен в Восточную Сибирь. Первый в Сибири зимний коммерческий рейс летчик Галышев совершил в Туруханск: за 36 дней (с посадками и поломками) авиатор преодолел 2504 версты, проведя в воздухе 20 часов и 30 минут. 22 июля 1926 г. в 6 утра Виктор Галышев вылетел в первый рейс по маршруту Верхнеудинск — Усть-Кяхта — Алтан — Булак — Урга (Улан-Батор) Бурят-Монгольской воздушной линии. Это был день рождения регулярной авиалинии в Бурятии и первой в стране международной воздушной линии. В 1928 г. как самого опытного пилота гидроавиации Виктора Львовича Галышева назначили заместителем начальника управления Сибирских воздушных линий.

Галышев неоднократно участвовал в спасательных экспедициях. За самоотверженную работу в 1930 г. он был награжден орденом Красной Звезды.

Экипаж Виктора Галышева занимался спасением челюскинцев. При подлете к Анадырю из-за неисправности самолета пришлось дальнейший полет прекратить. Пилот с бортмехаником все-таки отремонтировали самолет и перелетели в Уэллен. С тремя другими экипажами они перевозили вывезенных со льдины челюскинцев в бухту Провидения, где их ожидал пароход «Смоленск». За мужество, проявленное в перелете, и оказание помощи людям Виктор Львович Галышев был награжден вторым орденом Красной Звезды.

После возвращения в Иркутск опытный летчик Галышев был назначен командиром только что созданного 11-го гидроавиаотряда. В октябре 1934 г. его назначили командиром Ленской авиагруппы управления полярной авиации Главсевморпути.

Награды не спасли отважного летчика в годы массовых репрессий. Галышев как «враг народа» (видимо, как бывший царский офицер) был арестован. Редкий случай по тем временам, но в феврале 1939 г. он был освобожден из тюрьмы по телеграмме председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова.

12 августа 1940 г. в газете «Известия» было напечатано сообщение: «В Кремлевской больнице в Москве умер выдающийся летчик нашей страны В. Л. Галышев». Всю свою жизнь он посвятил развитию авиации в Сибири и на Дальнем Востоке [2].

2. Роман Александрович Батурин

Родился 18 ноября 1896 г. Из граждан г. Оренбурга, окончил Оренбургское реальное училище. На службу в армию поступил 1 августа 1914 г. Окончил Константиновское артиллерийское училище. 14 мая 1915 г. Батурина был присвоен чин прапорщика, а с 20 мая 1915 г. он стал слушателем Гатчинской военной авиационной школы летчиков. В чине подпоручика — с августа 1915 г.

Батурин начал карьеру военного летчика 8 февраля 1916 г. После окончания Гатчинской авиашколы он был направлен на формирование морского корпусного авиаотряда имени Петра Великого в г. Ревель. С 1 августа 1916 г. стал летчиком 24-го корпусного авиаотряда и воевал на Юго-Западном и Западном фронтах Первой

мировой войны с 21 июля по 2 ноября 1916 г. Был ранен в боевом вылете 4 августа 1916 г., а 2 ноября направлен в Севастопольскую военно-авиационную школу для переучивания на аэроплан «Морис Фарман». Получил чин поручика в 1917 г.

С 15 ноября 1917 г. Батурин стал командиром 24-го корпусного авиаотряда, был еще дважды ранен — в феврале и июле 1917 г. За боевые подвиги в 1915—1917 гг. был награжден орденами Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й и 3-й степени с мечами и бантом, Георгиевским крестом 3-й и 4-й степени с пальмовой ветвью.

Во время Гражданской войны — в Белой армии. По приказу командующего Оренбургским фронтом 8 июля 1918 г. Батурин отправился в Самару для формирования 1-го авиаотряда Оренбургского казачьего войска (ОКВ). Был командиром 1-го авиаотряда ОКВ (июль — март 1918 г.), 8 октября 1918 г. возглавил 10-й Оренбургский авиаотряд, затем 10-й авиаотряд. С отрядом прибыл в Оренбург 1 сентября 1918 г. (приказ ОКВ № 245). С 8 сентября по 15 ноября 1918 г. совершил 3 боевых вылета и был ранен 8 сентября.

Батурина назначили на должность летчика в Маньчжурский авиаотряд 6 сентября 1919 г., а с 4 октября он стал заведующим аэродромом и ангарами центральных авиамастерских. В чине капитана с октября 1919 г.

Временной промежуток с 1920 по 1924 гг. в биографии Р. А. Батурина нам пока неизвестен. А затем в его судьбе произошел неожиданный поворот. В 1924 г. Красноярской городской конференцией ОДВФ было вынесено пожелание приобрести для Красноярска учебный аэроплан, собрав на его покупку необходимую сумму. 13 декабря 1924 г. Гублет получил сообщение из Сиблета о высылке одного самолета в Енисейскую губернию, и в начале мая 1925 г. в Красноярск специальным вагоном прибыл купленный на собранные трудящимися города средства самолет английской марки «Сопвич», получивший имя «Красноярец». Возникла проблема с летным экипажем, и в Сиблете было сказано искать летчика своими силами.

Роман Александрович Батурин в это время работал в красноярском Енгосторге. Активисты ОДВФ уговорили его вернуться в авиацию,

и в августе 1925 г. летчик Батурин прошел испытания в Новониколаевске на звание гражданского пилота и начал готовиться к полету по уездам. Первый агитационный облет по южным районам Енисейской губернии прошел очень успешно.

В январе 1926 г. летчик Сиблета из Новониколаевска Николай Мартынович Иеске сообщил красноярскому пилоту Батурину о планировании пробного перелета на север, в Туруханский край, в начале марта 1926 г. Летчик Батурин был назначен начальником базы по подготовке к перелету и занимался подготовкой посадочных площадок по его маршруту. Несмотря на запрет эксплуатации самолетов «Сопвич», в конце сентября 1926 г. полеты «Красноярца» возобновились. Однако продолжались они недолго, и 19 октября 1926 г. по распоряжению Сибавиахима самолет прекратил свои полеты по округу, был разобран и поставлен на склад.

Дальнейшая судьба пилота «Красноярца» Романа Александровича Батурина неизвестна.

3. Николай Мартынович Иеске

Родился 13 (1 по старому стилю) ноября 1886 г., латыш из крестьян Курляндской губернии. Образование получил домашнее. 31 августа 1907 г. Иеске поступил юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 2-го разряда в Виленское пехотное юнкерское училище, которое и окончил по тому же разряду. С 31 октября 1909 г. — войсковой унтер-офицер. 6 августа 1910 г. был произведен в подпоручики с зачислением в 3-й Сибирский стрелковый полк. Служил младшим офицером учебной команды, начальником команды службы связи, полковым адъютантом, младшим офицером стрелковой роты. С 5 июня 1914 г. — командир роты.

С 5 августа 1914 г. Н. М. Иеске был назначен помощником начальника команды конных разведчиков, а с 3 декабря 1914 г. — начальником команды конных разведчиков. С 31 марта 1915 г. стал командиром стрелковой роты.

Н. М. Иеске участвовал в боевых походах и операциях против германской армии в составе 3-го Сибирского стрелкового полка 1-й армии Западного фронта с 31 августа 1914 г. по 15 июля 1915 г. В бою с немцами у д. Суха Варшавской губернии был ранен ружейной пулей 23 декабря 1914 г., в бою

у д. Осовец-Шляхецкий 2 июля 1915 г. вновь получил ранение, так же как и в бою в Ломжинской губернии 15 июля 1915 г.

В 1915 г. за боевые отличия Иеске был награжден Георгиевским оружием, орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й и 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 2-й степени с мечами.

31 октября 1915 г. Н. М. Иеске был командирован в Военную авиационную школу для обучения полетам. Стал штабс-капитаном, выдержал полетные испытания на звание военного летчика 2 августа 1916 г. С 21 августа 1916 г. по 3 октября 1916 г. был прикомандирован к Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе для прохождения курса воздушной стрельбы из пулеметов. Получил звание капитана.

С 1919 по 1920 гг. Иеске жил в Австрии, с 1921 по 1923 гг. — в Латвии. С 1915 по 1923 гг. — в военной авиации. С 1924 по 1925 гг. — пилот в «Добролете», с 1926 по 1928 гг. — в сибирском Осоавиахиме, затем работал в Средней Азии.

В 1925—1926 гг. на самолете «Юнкерс» Ф-13, получившем название «Сибревком», Н. М. Иеске совершал агитационные полеты от ОДВФ Сибири практически по всему региону. Полеты «Сибревкома» проложили путь новым маршрутам по Сибири, Казахстану и Киргизии. Первый в Красноярске самолет «Юнкерс» Ф-13 «Сибревком» сел

в городе 4 июня 1925 г. на аэродроме на горе, на левом берегу Енисея. Иеске был одним из первых пилотов, перелетевших Альпы, Карпаты и Гиндукуш, и входил в число летчиков, осваивавших Арктику.

В 1934—1935 гг. он стал командиром 4-го транспортного гидроавиаотряда Енисейской авиагруппы УПА ГУСМП. Летал на всех самолетах Союза («У-2», «Р-1», «К-4», «К-5», «Юнкерс», «Савойя» и т. д.).

В 1936 г. на о. Рудольфа архипелага Земля Франца Иосифа Н. М. Иеске занимался подготовкой аэродрома для первой высокоширотной воздушной экспедиции на Северный полюс. Там он и умер 15 января 1937 г. Похоронен на полярной станции «Бухта Тихая» на острове Гукера архипелага Земля Франца Иосифа.

4. Тимофей Кузьмич Кравцов

Родился 20 января 1889 г. в Курской губернии. Получил начальное домашнее образование. 23 декабря 1910 г. поступил на службу по призыву во Владивостокскую крепостную военно-телеграфную роту. 28 октября 1912 г. был переведен в авиационный отдел офицерской воздухоплавательной школы. Окончил школу авиамехаников в 1912 г. и был переведен инструктором-авиамехаником в Гатчинскую военную авиационную школу, которую окончил в 1915 г. Кравцов неоднократно подавал рапорт с просьбой об обучении полетам, но получал отказ. После самовольного

взлета на трофейном немецком самолете «Альбатрос» получил разрешение учиться лично от начальника школы. 16 июня 1915 г. выдержал экзамен на звание военного летчика при Гатчинской военной авиационной школе.

С 14 июля 1915 г. Т. К. Кравцов служил летчиком 31-го корпусного авиационного отряда. Летал на разведку на самолете «Вуазен» и одним из первых в русской авиации участвовал в ночном бомбометании. В одном из воздушных боев один против семи немецких самолетов он сбил два вражеских самолета (один из них — убив пилота из своего личного оружия), сам был сбит над территорией противника и, раненый, спасен наступавшей пехотой.

Т. К. Кравцов прошел путь от рядового до офицера. Приказом по армиям Западного фронта от 15 августа 1916 г. за боевые отличия получил звание прапорщика (производство утверждено Высочайшим приказом от 16.09.1916 г.). Он стал полным Георгиевским кавалером: за воздушные разведки в 1916 г. награжден Георгиевскими крестами 1-й, 2-й, 3-й и 4-й степени, орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом — «за усердную, отважную и упорную боевую работу в течение более полугода в трудной и крайне опасной обстановке», орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Георгиевским оружием — «за то, что 20 мая 1917 г., вылетев для разведки и фотографирования неприятельских позиций в районе Гулевичи — Свидники, после производства 37 снимков, под сильным артиллерийским огнем противника, и детальной разведки его тыла, был атакован вражеским истребителем, причем, несмотря на громадное техническое превосходство неприятельского аппарата, выдержал несколько атак его, и только тяжелое ранение наблюдателя-пулеметчика и полная потеря боеспособности нашего аппарата, с приведением в негодность пулемета, заставили прекратить бой и снизиться в расположении 57-й пехотной дивизии» [8].

После революции 1917 г. солдатский комитет авиаотряда послал Т. К. Кравцова делегатом на фронтовой съезд от частей Юго-Западного фронта. В Красной Армии он служил с 1918 по 1923 гг., был участником боев против армий Деникина и Петлюры. В Средней Азии Т. К. Кравцов участвовал в операциях по ликвидации басмаческих банд в Бухаре в качестве командира и военлета 21-го разведывательного авиаотряда,

начальника управления авиации и воздухоплавания 15-й армии (с 12 октября 1919 г.), начальника ВВС Туркестанского фронта.

С августа 1930 г. Т. К. Кравцов стал начальником контрольно-испытательной станции на авиазаводе № 22. В Гражданском воздушном флоте (ГВФ) — с 1931 г.: был начальником воздушной линии Ташкент — Кабул и Ташкент — Душанбе, начальником воздушной линии Ташкент — Алма-Ата среднеазиатского общества «Добролет», наблюдающим за постройкой первого пассажирского советского самолета на заводе «Красный летчик», приемщиком заграничных самолетов для общества Укрвоздухпуть, начальником воздушной

станции Харьков Укрвоздухпути, бортмехаником Укрвоздухпути.

С 9 сентября 1933 г. был назначен начальником испытательной станции завода № 81. С 1934 г. Т. К. Кравцов работал в Енисейской авиагруппе УПА ГУСМП: возглавлял аэропорты в Игарке и Дудинке, а затем в Ленской авиагруппе УПА ГУСМП стал начальником аэропорта Якутска.

Во время Великой Отечественной войны Т. К. Кравцов возглавлял лётно-испытательные станции авиационных заводов. После войны он вернулся в Красноярск, где работал заместителем директора судостроительного завода.

Источники и литература

1. Денискин М. Иркутск крылатый. Люди и самолеты войны. — Иркутск, 2010.
2. Кублицкий Г. И. Северным океаном [Электронный ресурс]. URL: rulit.net.
3. Ганин А., Семенов В. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891—1945. — М., 2007.
4. Филиппов В. Дорога в небо. — Красноярск, 2012.
5. Архив Департамента воздушного транспорта Министерства транспорта России. Ф. 9527. Оп. 8. Д. 2597.
6. Мартынов Л. Воздушные фрегаты. — Сибирские огни. — № 10.
7. Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914—1918 годов: Биографический справочник / сост. М. С. Нешкин, В. М. Шабанов. — М., 2006.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1194.
9. Архив Департамента воздушного транспорта Министерства транспорта России. Ф. 9527. Оп. 7. Д. 3478.

Голиков В. И.

БОЕВОЙ ПУТЬ 39-го ПЕХОТНОГО ТОМСКОГО ПОЛКА НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Стодвадцатидвухлетняя история 39-го пехотного Томского полка берет свое начало со времен царствования Павла I, который буквально с первых дней восхождения на престол с целью укрепления могущества государства начал военную реформу, предусматривающую наряду со многими преобразованиями создание новых воинских формирований российской армии [1]. Так, в числе ряда формируемых частей в соответствии с высочайшим повелением императора Павла I Указом от 29 ноября 1796 г. на базе Екатеринбургского и Семипалатинского пехотных батальонов, которые находились на территории Сибири и были усилены личным составом расформированного Иркутского драгунского полка и рекрутами набора 1797 г., прибывшими в основном из Смоленской военной инспекции, был создан Томский мушкетерский полк [2. Л. 65—68].

По окончании процесса формирования полк, насчитывающий к 1 февраля 1797 г. в своем составе 2 363 чел. и состоящий из двух батальонов по 6 рот (одной гренадерской и пяти мушкетерских) в каждом, был включен в состав 12-й Сибирской дивизии [3. Л. 34—41 об.] с местом дислокации в Томской области, которая в год создания полка вместе с Тобольской областью слилась в единую Тобольскую губернию. Шефом Томского мушкетерского полка был назначен генерал-майор Давид Юргенц, штаб-квартира которого находилась в г. Колывани, а полковым командиром — полковник И. К. Винклер [4].

В августе 1808 г. согласно царскому указу томцы (так стали называть воинов Томского мушкетерского полка), оставив свои постоянные квартиры, вышли в поход к западным границам Российской империи, на помощь Франции, ведущей войну с Австрией. Поход сибирских полков продолжался ровно год. Из г. Житомира, куда прибыл после длительного марша Томский мушкетерский полк, начался его поход в Галицию в составе 24-й пехотной дивизии. После непродолжительного пребывания за границей полк к 9 декабря 1809 г. вернулся в Россию. В связи с поступлением в российскую армию нового вооружения в 1811 г. Томский мушкетерский полк был переименован в Томский пехотный полк [5. С. 79].

С началом Отечественной войны 1812 г. Томский пехотный полк принимал активное участие в сражении 5 августа под Смоленском. В дальнейшем, 26 августа, полк вел боевые действия при Бородино, а с 29-го, находясь в арьергарде, сдерживал атаки французского авангарда [6. С. 75]. После октябрьских боев за г. Малоярославец томцы участвовали в наступлении в направлении г. Красного, а затем преследовали отходящего противника до Ранской. С 1813 г. Томский пехотный полк в составе русских войск по решению Александра I участвовал и в окончательном разгроме Наполеона за пределами Российской империи.

После 12 лет мирной жизни, начавшейся с 1816 г., Томский пехотный полк принял участие в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. [6. С. 107]. В 1833 г. Томский пехотный полк был переименован в Томский егерский полк [7. С. 25—26], который в 1849 г. выступил в Трансильванию с целью подавления восставших венгров, действовавших против австрийцев в Западной Венгрии. В ходе Крымской войны Томский егерский полк с 22 октября 1854 г. по сентябрь 1855 г. участвовал в обороне Севастополя. В 1856 г. Томский полк вновь стал пехотным с последующим переименованием в марте 1864 г. в 39-й пехотный Томский.

Весной 1911 г. 39-й пехотный Томский полк, прибывший из Варшавского военного округа

в Московский, разместился на постоянных квартирах в уездном г. Козлове (ныне Мичуринск) Тамбовской губернии.

Борьба крупнейших держав за передел мира, сфер влияния, за захват новых рынков сбыта и источников сырья привела две противоборствующие группировки — Антанту и Тройственный союз — к развязыванию Первой мировой войны. Получив 13 июля 1914 г. известие об австрийском ультиматуме Сербии, Николай II повелел в этот же день привести армию в предмобилизационное состояние, а через 4 дня подписал указ о проведении частичной мобилизации против Австро-Венгрии, к которой привлекались войска 4 округов: Киевского, Одесского, Московского и Казанского.

Летние лагерные сборы 1914 г. под командованием командира полка полковника М. Г. Пацевича, назначенного осенью 1913 г. для Томского полка, который организационно входил в состав 10-й пехотной дивизии, начались 18 мая и проходили недалеко от железнодорожной ст. Сейм (ныне г. Володарск), где его и застало начало Первой мировой войны [8. Л. 1—2].

Согласно боевому расписанию 10-я пехотная дивизия выделяла свой кадровый состав для развертывания второочередной 61-й пехотной дивизии [9. С. 177—178]. В число бойцов вошел и личный состав Томского пехотного полка — 20 офицеров и 200 унтер-офицеров и рядовых для развертывания второочередного 243-го пехотного полка.

После завершения мероприятий по доукомплектованию, развертыванию новых частей и боевой учебе полк в составе 10-й пехотной дивизии убыл к месту назначения. Сосредотачиваемая в районе предстоящих боевых действий 5-я армия под командованием генерала П. А. Плеве развертывалась в районе польского г. Холм, куда и выдвигалась 10-я пехотная дивизия 5-го корпуса, входящего в состав 5-й армии. По замыслу командования армия должна была выйти во фланг и тыл группировки австро-венгерских войск, концентрирующихся в районе г. Львова.

В состав 10-й пехотной дивизии входили: 37-й Екатеринбургский, 38-й Тобольский, 39-й Томский и 40-й Колыванский пехотные полки, 10-я артиллерийская бригада в составе 2 дивизионов по 3 восьмиорудийных батареи каждый и конвойная полусотня. При дивизии находились приданные ей саперная рота 23-го саперного батальона и эскадрон 7-го гусарского Белорусского

полка. Тыловые учреждения состояли из 10-й артиллерийской парковой бригады, дивизионного обоза, дивизионного лазарета и 2 подвижных госпиталей. Боевой состав включал 16 батальонов, 48 легких орудий, 1 саперную роту, 1 эскадрон и полусотню, — всего в боевом составе было около 14 тыс. штыков и 190 сабель. Общая численность дивизии и приданных ей частей насчитывала 18 500 чел. [10. С. 29].

Свой первый бой 39-й пехотный Томский полк, находясь в составе 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 5-й армии, принял 14 августа 1914 г. на русском Юго-Западном фронте, войска которого участвовали в Галицийской битве. В ходе двухдневных наступательных боев против частей 15-й австрийской дивизии 4-й австро-венгерской армии в районе г. Лащова Томашевского уезда Люблинской губернии Польши Томский полк разгромил 5-й пехотный полк австрийцев и захватил его знамя [10].

За проведенный 15 августа бой 39-й пехотный Томский полк был назван в числе особенно отличившихся [9. С. 205—206]. Однако этот успех достался дорогой ценой. Из 4339 чел. личного состава полк за 2 дня боев потерял 84 чел. убитыми, 454 ранеными и 51 пропавшими без вести. К сожалению, на этом потери не закончились: в результате скоротечности боевых действий личный состав полка остался полностью без шинелей и вещевых мешков, которые солдаты сняли перед боем и не успели захватить во время смены позиций [10. С. 24—25].

После Томашевского сражения и взятия г. Томашов войсками 5-го армейского корпуса, в составе которого был 39-й пехотный Томский полк, группировка австрийских войск генерала М. Ауффенберга прекратила сражение в южной Польше и отошла к Карпатам. Лишь задержка с подходом кавалерийских частей позволила противнику избежать окружения и полного разгрома.

С 21 по 30 августа томцы участвовали в Городокском сражении, в результате которого австро-венгерская группировка прекратила боевые действия и отошла за р. Сан. Овладев Галицией, русские войска создали угрозу вторжения в восточные области Германии, в Венгрию и Силезию. Галицийская битва была выиграна русской армией. Потери противника составили 326 тыс. чел., русские войска потеряли более 230 тыс. чел. [11. С. 194].

В начале сентября 1914 г. Томский полк участвовал во взятии польского г. Ярослав, после чего в составе 5-й армии был переброшен под Варшаву в состав Северо-Западного фронта. В конце октября — начале ноября Томский полк принял участие в ожесточенном сражении в районе г. Лодзь, в котором обе воюющие стороны пытались решить свои задачи наступлением. В последующем томцы в составе 5-го армейского корпуса в течение 18—21 ноября вели тяжелые оборонительные бои и под угрозой окружения медленно отходили к Варшаве. В ходе боев был оставлен и г. Лодзь, где томцы потеряли 8 орудий и половину пулеметных расчетов.

Лодзинская операция явилась одной из самых сложных и напряженных в Первой мировой войне и характеризовалась маневренными действиями и большим количеством встречных сражений. Германскому командованию не удалось окружить 2-ю и 5-ю русские армии в районе Лодзи. Русский замысел глубокого вторжения в Германию также не осуществился.

В начале января 1915 г. 39-й пехотный Томский полк, занимая позиции по р. Равка в Польше, составлял часть позиции обороны русских войск, проходившей по линии рек Нида — Пилица — Равка — Бзура. В середине января противоборствующие стороны перешли к боям местного значения. Так, прошедшие боевые столкновения войск у Сохачева, Балимова и Равы оказались неудачны для русских частей, среди которых был и Томский полк, ввиду больших потерь личного состава. Мало того, томцы попали в район массового применения байеровского химического оружия, впервые осуществленного немцами 30 января 1915 г. на р. Равка против русских войск. Было выпущено 18 тыс. снарядов со слезоточивым газом ксиллибромидом. Только благодаря тому, что газ замерз из-за низкой температуры, Томский полк не пострадал.

В период с 11 февраля по 17 марта 39-й пехотный Томский полк, войдя в состав 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса в новую сформированную 12-ю армию под командованием генерала П. А. Плеве, в ходе оборонительных и наступательных действий участвовал в нанесении ущерба германской армейской группе генерала М. Гальвица вплоть до ее отступления в Восточную Пруссию [12. С. 306].

В последующем с конца марта на этом участке фронта обе стороны перешли к позиционной обороне. Томцам пришлось вновь вгрызаться

в землю и постигать все прелести окопной жизни. Вследствие больших потерь и проблем с их восполнением весной 1915 г. изменились штаты пехотных полков. Они были приведены в трехбатальонный состав.

В ходе нового наступления противника с 30 июня по 4 июля 1915 г. Томский полк, по-прежнему находясь в составе 12-й армии во главе с новым командующим, генералом от инфантерии А. Е. Чуриным, вел оборонительные бои против германской 12-й армии, прикрывая тем самым отход главных сил русской армии из Польши.

После разделения Северо-Западного фронта на Северный и Западный 39-й пехотный Томский полк в составе 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса Северного фронта участвовал в ликвидации Свенцянского прорыва противника. В начале нового 1916 г. Томский полк вел оборонительные бои под г. Вильно, находясь в составе 2-й армии Западного фронта [13. С. 24—26].

В связи с гибелью 13 февраля 1916 г. командира 39-го пехотного Томского полка полковника М. Г. Пацевича в командование полком вступил полковник Григорьев [14].

С утра 21 марта 1916 г. 39-й пехотный Томский полк принял участие в начавшемся Нарочском сражении. Ведя наступление в первой линии, полк имел задачу в составе 10-й пехотной дивизии прорвать оборонительные позиции противника в направлении д. Занорочь и выйти во вражеский тыл. Ввиду недостатка боеприпасов, артиллерии и соответственно недостаточно обеспечения сопровождения атаки к концу дня наступление было остановлено, и томцы вернулись в исходное положение.

Последующие наступательные действия полка совместно с главными силами 5-го армейского корпуса с 21 по 29 марта успеха не имели, как, впрочем, и действия остальных соединений и корпусов 2-й армии, в результате чего ей было приказано 30 марта прочно закрепиться между оз. Нарочь и Вишневокское [13. С. 144—145].

Через три месяца после нарочской неудачи 39-му пехотному Томскому полку довелось принять участие во втором этапе операции, которая прославила русское оружие как Луцкий прорыв, названный в последующем Брусиловским. Так, в конце июня 1916 г. 5-й армейский корпус в своем неизменном составе — 7-я и 10-я пехотные дивизии и 10-я артиллерийская бригада — был

переброшен на Юго-Западный фронт и вошел в состав 11-й армии.

К 12 июня 1916 г. 5-й армейский корпус находился на позиции в 25 км к юго-западу от г. Луцка. Все его полки — 37-й Екатеринбургский, 38-й Тобольский, 39-й Томский и 40-й Кольванский — после мартовских боев у оз. Нарочь были заново укомплектованы, получив пополнение более чем в 50 % нового личного состава [15. С. 9]. Из старого кадрового состава 10-й дивизии в частях осталось не более 4—5 офицеров на полк, и только в артиллерийской бригаде, в которой потерь было немного, офицерский состав изменился мало.

С 13 июня 1916 г., после получения приказа от командующего 11-й армией на наступление, 39-й пехотный Томский полк в течение нескольких дней вел тщательную подготовку к предстоящим боевым действиям. В 2 часа 30 минут 16 июня томцы под покровом темноты, усилившейся вследствие дождя, совместно с остальными частями 10-й пехотной дивизии перешли в наступление на позиции 48-й австрийской пехотной дивизии. После двух неудачных атак томцы по приказу начальника дивизии провели третью, которая увенчалась успехом.

Попытка австрийцев провести контратаку силами 100-го и 57-го пехотных полков и отбить селение Губин была остановлена огнем 2-го и 4-го батальонов Екатеринбургского полка и отброшена контратакой 1-го батальона Томского полка. При этом томцы еще и захватили в плен 608 чел. [15. С. 19]. Дальнейшее продвижение Томского и Екатеринбургского полков было остановлено сильным артиллерийским огнем противника. Новая фронтальная атака томцев, на которой начальник дивизии главным образом строил план наступления, не дала решительных результатов. Тем не менее, несмотря на шквальный огонь противника, пехотные полки боевую задачу командования выполнили, а понесенные при атаке 39-м Томским и 37-м Екатеринбургским полками потери свидетельствовали о доблести как офицерского состава, так и солдат, несмотря на то, что в массе это была молодежь, недавно прибывшая на пополнение полков [15. С. 30].

За день боя 39-й пехотный Томский полк потерял убитыми 4 офицеров и 292 нижних чина, ранеными — 15 офицеров и 795 нижних чинов, а всего потери составили 1087 чел., или 30 % офицеров и 33 % нижних чинов от числа бывших в бою. В целом 10-я пехотная дивизия потеряла убитыми

8 офицеров и 369 нижних чинов, ранеными — 25 офицеров и 1369 нижних чинов. На Томский полк приходилась почти половина потерь в 10-й пехотной дивизии за бой 15—16 июня 1916 г. у селения Губин [15. С. 26].

В этих боях у противника было захвачено в плен 45 офицеров и 3132 рядовых преимущественно из состава частей 48-й и 61-й австрийских дивизий и небольшое число из состава 108-й германской дивизии, а также 8 пулеметов, 7 бомбометов и более 3000 ружей [15. С. 27]. Атаки Томского полка у селения Губин и продвижение Екатеринбургского полка значительно облегчили выполнение боевой задачи войскам 5-го Сибирского корпуса.

С утра 5 июля 39-й пехотный Томский полк вновь участвовал в наступательных действиях 10-й пехотной дивизии, закончившихся весьма неудачной попыткой начать форсировать р. Стырь, которая была сорвана сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника. Обескровленный 39-й пехотный Томский полк был выведен в корпусный резерв в д. Полевой и в последующих боях на р. Стырь участия не принимал.

К середине августа наступательные возможности Юго-Западного фронта иссякли, и 22 августа его войска прекратили наступление, перейдя к обороне на достигнутых рубежах. И все же в 1916 г. австро-венгерская армия потерпела сокрушительное поражение, оправиться от которого в полной мере не смогла до конца войны. Потери австро-венгерских и германских войск на восточноевропейском театре военных действий составили 1,5 млн чел. Наступление оттянуло с Западного и Итальянского фронтов Первой мировой войны 34 германские и австро-венгерские дивизии, что существенно облегчило положение союзников. Оно внесло решающий вклад в достижение передела в войне в пользу Антанты [12. С. 306].

Создавшаяся к 1917 г. стратегическая обстановка была тяжелой для германской коалиции и благоприятной для Антанты. Германия не могла вести решительные наступательные действия ни на Западе, ни на Востоке. Она перешла к стратегической обороне. План Антанты строился на использовании своего превосходства в силах и средствах, на возможности закончить войну в 1917 г. Главная роль отводилась англо-французским армиям.

Январь, февраль и частично март 1917 г. на фронте прошли в условиях относительного затишья. В конце февраля 1917 г. в России произошли события,

коренным образом изменившие жизнь в стране и повернувшие ход мировой истории. После падения самодержавия фактически установилось двоевластие Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. Хаос и разложение, царившие в русских войсках, сделали невозможным проведение готовившегося на Юго-Западном фронте наступления в намеченные сроки. Оно было отложено на конец июня.

В предстоящей операции войск Юго-Западного фронта основную роль играли 11-я и 7-я армии, наступавшие в направлении Львова, и 8-я армия, штурмовавшая Калуш. Наступающая преимущественно на 2-ю австро-венгерскую армию 11-я армия для развития успеха 3 армейских корпусов выделила 1-й гвардейский и 5-й армейский корпуса, в который по-прежнему входил 39-й пехотный Томский полк.

Начавшееся 18 июня 1917 г. наступление в направлении г. Злочува первоначально увенчалось успехом, однако ввиду того, что наступательный порыв 11-й армии не был поддержан соседней 7-й армией из-за антивоенных настроений и массового неповиновения солдат, наступление было приостановлено, а Германия, перебросив с запада к месту

сражения 13 дивизий, 6 июля перешла в наступление, которое было невозможно сдержать силами оставшихся боеспособных частей русской армии.

После отхода 11-й армии в направлении г. Збаража и Тернополя с последующей переправой через р. Збруч, являвшуюся пограничной между Российской империей и Австро-Венгрией, попытки противника закрепиться на российской территории оказались тщетными. Несмотря на все революционные волнения, отпор наступающим войскам был дан такой, что немецкое командование, испытывающее трудности в снабжении и пополнении войск свежими силами, приняло решение не возобновлять наступательные операции на этом театре военных действий до осени.

Находясь в составе 10-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта В. П. Гальфтера, 39-й пехотный Томский полк оставался на занимаемых позициях до начала Октябрьской революции 1917 г. и прошел через все завихрения революционных событий, происходящих в армии.

В течение января — марта 1918 г. все полки Российской императорской армии, в том числе и 39-й пехотный Томский полк, просуществовавший более 121 года, были расформированы.

Источники и литература

1. Российский военный сборник. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. А. Е. Савинкин. — М., 1996. — Вып. 10.
2. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 10.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 280.
4. Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796—1825). Справочное пособие. — М., 1997.
5. Голиков В. И., Чернов К. А. Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII—XX вв. — Томск, 2012.
6. История 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. 1786—1886 / сост. штабс-капитан Шелехов. — СПб., 1896.
7. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. — СПб., 1902. — Ч. 19.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2340. Оп. 2. Д. 293.
9. Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. / под общ. ред. П. Ф. Алешкина. — М., 1994. — Т. 3.
10. Надежный Д. Н. Бой у Лацова 27/14 и 28/15 августа 1914 г. — М., 1926.
11. Военная история / под ред. М. Г. Вожакина. — М., 2008.
12. История военного искусства / под ред. А. А. Строкова. — М., 1963.
13. Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. — Л., 1938.
14. РГВИА. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 230.
15. Надежный Д. Н. Бои 10-й пехотной дивизии под Луцком в июле 1916 г. — М., 1926.

Чернов К. А.

БОЕВОЙ ПУТЬ 42-го СИБИРСКОГО СРЕЛКОВОГО ПОЛКА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1914—1918 гг.)

С объявлением 19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 г. мобилизации началось развертывание воинских частей Томского гарнизона до штатов военного времени. В первые дни запасные нижние чины из томичей и жителей Томского уезда (всего более тысячи человек) были призваны в 42-й Сибирский стрелковый полк, горную и мортирные батареи. Одновременно команды из томичей согласно мобилизационному расписанию были направлены на восток, на укомплектование Сибирских стрелковых полков, располагавшихся в Иркутском и Приамурском военных округах.

В течение августа 1914 г. в 42-й Сибирский стрелковый полк прибыло пополнение из Тобольской губернии и с Урала. После укомплектования подразделений начинались занятия: строевая подготовка, повторение уставов, стрельбы. 30 августа эшелоны полка, а также горного и мортирного дивизионов ушли на фронт [1. Л. 10—13]. В полку состояло налицо (по штату) 79 (78) офицеров, 9 (11) классовых чиновников, 4442 (4404) нижних чина, 125 строевых и 447 (345) обозных лошадей [1. Л. 13]. В подразделениях полка насчитывалось: в стрелковых ротах — по 241 нижнему чину, команда разведчиков из 99 чел., команда связи из 39 чел., пулеметная команда из 94 чел., музыкантская команда из 37 чел. и 377 нижних чинов в нестроевой роте [3. Л. 363—379]. Большая часть офицеров и значительная часть нижних чинов имели боевой опыт Русско-японской войны, и в целом полк представлял собой слаженную боевую единицу.

В соответствии с мобилизационными планами в Томске продолжилось формирование второго очередного 54-го Сибирского стрелкового полка. Для этого из состава 42-го полка был выделен так называемый кадр в составе 25 офицеров и 115 унтер-офицеров и рядовых. Остальной личный состав (более 4 тыс. чел.) призывался из запаса, из жителей Томской и Тобольской губерний. Надо сказать, что все призываемые из запаса имели за плечами 3—5 лет действительной военной службы,

а значительная часть также опыт войны с Японией 1904—1905 гг. Через два месяца после объявления мобилизации, после проведения занятий по стрельбе, повторения уставов и прочего 54-й Сибирский стрелковый полк отбыл на фронт. В городе остался запасной батальон 42-го полка, а также горный и мортирный артиллерийские взводы для подготовки пополнений для фронта.

42-й Сибирский стрелковый полк в 1914—1915 гг. действовал в составе 11-й Сибирской стрелковой дивизии 1-го Туркестанского армейского корпуса. В первые недели войны корпус находился на Юго-Западном фронте, но уже в сентябре был переброшен на Северо-Западный фронт. Первый бой 42-й полк принял 14—15 сентября 1914 г. в ходе Варшавско-Ивангородской операции (15.09.1914 — 26.10.1914) Северо-Западного фронта. С 14 по 17 сентября 1914 г. томцы участвовали в деблокировании русской крепости Осовец, заставив немцев отказаться от штурма. С 15 сентября Осовец обстреливала тяжелая осадная артиллерия, но 17 сентября сибирские стрелки создали угрозу обхода и заставили противника снять блокаду крепости. У противостоящей дивизии прусского ландвера (второочередная дивизия из резервистов) стрелки захватили 2 орудия.

Военные исследователи отмечали: «Если русскому командованию удавалось преодолеть

кризисы, создававшиеся в Восточной Пруссии, в Галицийской битве и Ивангород-Варшавской операции (добавим, и в Закавказье), то этим оно в значительной степени обязано притоку новых свежих сил — 6 Сибирских, 2 Туркестанских, 2 Кавказских корпусов. Эти постепенно подходы корпуса играли роль стратегического резерва, необходимость которого до войны отрицалась... и который получил решающую роль в мировую войну» [10. С. 55].

С 29 октября по 11 ноября 1914 г. полк принимал участие в Лодзинской операции, в ноябре 1914 г. участвовал в боях за г. Прасныш. 2-й батальон полка вместе с 4-й Донской казачьей дивизией выбил немцев из Прасныша. Затем для удержания города подтянулись еще два батальона с пулеметной командой. 1-й батальон в это время находился на фланге корпуса в резерве. Во время боев за Прасныш особенно отличилась 10-я рота, солдаты и офицеры которой взяли в плен немецкого офицера и 64 рядовых [2. Л. 35—36]. В результате семидневного первого Праснышского сражения прусский ландвер был отброшен за линию границы. Было взято 4 орудия и 1000 пленных [13. С. 249].

С конца 1914 г. на проведении боевых операций русской армией начал сказываться недостаток в снабжении материальной частью и особенно боеприпасами, получивший название «снарядный голод». В приказе штаба 1-го Туркестанского корпуса от 6 декабря 1914 г. предписывалось ограничиться нормой в 6 снарядов на орудие в день [1. Л. 108].

С 25 января 1915 г. полк участвовал в боях в Августовских лесах. Уже с января этого года часть прибывающих в полк пополнений не имела винтовок [5. Л. 5]. В боях отличилась команда конных разведчиков 42-го полка во главе с поручиком Пепеляевым.

В 1915 г. начальник германского генерально-го штаба Фалькенгайн хотел объединить усилия германских и австрийских армий и в течение лета 1915 г. принудить Россию к сепаратному миру. В третьем Праснышском сражении германцы решили добиться успеха превосходством над русскими в технике и особенно преимуществом в числе орудий и боевых припасов: против 377 русских орудий они имели 1256, то есть превосходили своих противников почти вчетверо.

Главный удар немцев пришелся на 11-ю Сибирскую дивизию, которую атаковали 35-я пехотная,

1-я гвардейская резервная и 86-я и 38-я пехотные дивизии с ближайшей поддержкой 36-й пехотной дивизии и ландверной бригады [15. С. 28]. Всего перед фронтом 11-й Сибирской дивизии находились 48 батальонов, 360 легких и 136 тяжелых орудий, в армейском резерве — 18 батальонов и 80 орудий. В составе 11-й Сибирской стрелковой дивизии под командованием генерала Зорако-Зораковского насчитывалось 230 офицеров и 14 397 нижних чинов — 15 батальонов. На вооружении находилось 26 станковых пулеметов, 30 легких и 12 горных орудий [15. С. 153]. С учетом приданных частей 11-я Сибирская дивизия могла противопоставить противнику 20 батальонов и 44 орудия.

К сожалению, оборудование оборонительных позиций оставляло желать лучшего. Участок обороны 42-й полк принял от частей 2-го Сибирского корпуса всего лишь за 3 недели до сражения. «Комиссия, принимавшая окопы, указала на такие недостатки: а) проволочные заграждения не имеют флангового обстрела, если линия окопов не делает случайного изгиба; б) промежутки между окопами не получают перекрестной обороны ружейным или пулеметным огнем; в) на подступах имеются мертвые пространства, ниоткуда не получающие огня, что позволяет противнику накапливаться в таких местах; г) стойки козырьков из слабого и иногда гнилого леса; д) очень мало траверсов, а тыльных нет вовсе; е) слишком мало окопов для резервов.

Все эти недостатки ко времени начала сражения не были исправлены, так как все внимание было обращено на постройку укрытий для личного состава от тяжелых снарядов. Эти работы отнимали много времени и требовали наряда подвод для подвоза строительных материалов» [15. С. 34]. На момент начала германского наступления положение 11-й Сибирской дивизии надо признать одним из самых трудных на всем русско-германском фронте. За один день по окопам 11-й и соседней 2-й Сибирских стрелковых дивизий немецкая артиллерия выпустила около 2 млн снарядов! На главном участке наступления противника 7 батальонов 11-й Сибирской дивизии при поддержке 22 орудий отражали натиск 33 батальонов с 256 орудиями [14. С. 294]. 42-й Сибирский стрелковый полк, который, занимая центр

расположения дивизии, перекрывал совместно с 44-м полком шоссе, ведущее из Грудуска в Прасныш, оказался на самом острие наступления противника [15. С. 33].

К вечеру 13 июля (30 июня) в строю полков 11-й Сибирской дивизии осталось не более 5000 чел. Прибытие свежих сил — туркестанских стрелковых бригад — дало возможность частям 11-й Сибирской дивизии продолжить борьбу и еще раз оказать германцам сильное сопротивление. В 42-м Сибирском стрелковом полку, вступившем в бой в количестве 3788 штыков и 49 офицеров, вечером осталось 1153 стрелка при 21 офицере [3. Л. 43 об]. Нельзя без душевного волнения читать приказ командира полка, отданный после тех смертельных боев: «В виду того, что полк в бою у д. Опинагура почти что весь poleg, исполнив приказ командира корпуса, мною из оставшихся нижних чинов строевых, каптенармусов, артельщиков, кашеваров и конюхов сформирован сводный батальон» [5. Л. 328]. Всего 11-я Сибирская дивизия потеряла 105 офицеров и 10 951 солдата. Ценой тяжелых потерь русские войска сохранили позиции на р. Нарев [14. С. 495], а войска, находившиеся в Польше, получили возможность отойти и занять новые позиции. Началось «великое отступление», армия арьергардными боями сдерживала германские войска, а значительная часть населения, снявшись с насиженных мест, уходила вместе с русскими войсками. В сентябре 1915 г. в 11-й Сибирской стрелковой дивизии в строю насчитывалось 1916 штыков, а некомплект составлял 10 952 чел. [8. Л. 364—367]. В начале октября в дивизии в строю насчитывалось 1510 штыков, некомплект достигал 11 990 чел. [9. Л. 290—294].

В конце «великого отступления», на 27 октября 1915 г., 42-й Сибирский стрелковый полк, сведенный в 1 батальон четырехротного состава, насчитывал 815 штыков при 15 офицерах. На вооружении находилось 4 станковых пулемета. Созданная гренадерская команда насчитывала 96 солдат, вооруженных только гранатами и холодным оружием. Прибывшее пополнение состояло из 13 прапорщиков, только что окончивших краткосрочные курсы, 596 вооруженных и 752 невооруженных нижних чинов [6. Л. 2].

С огромным трудом русская армия восстанавливала силы после тяжких неудач. К началу 1916 г.

в составе 42-го полка насчитывалось 12 рот, в которых числилось 46 офицеров и 1497 нижних чинов плюс 300 нижних чинов в гренадерских командах. На пополнение прибыло 32 прапорщика и 1890 невооруженных нижних чинов [6. Л. 15]. Прибывающие в полк пополнения состояли из уроженцев Европейской России, и сибирские полки понемногу утрачивали свой «сибирский дух». «Раненые... не возвращались в свои части... Дух части понижала взаимная «чуждость» начальников и подчиненных» [13. С. 26]. Влияние «духа землячества» на спайку воинских частей не учитывалось. Пополнения высылались из разных запасных батальонов во фронтовые части, понесшие наибольшие потери. Как и большинство сибирских частей, 42-й Сибирский стрелковый полк утрачивал свой сибирский и уральский личный состав, что сказывалось на его боевых качествах.

При проведении перегруппировки войск в преддверии планируемого на лето 1916 г. наступления русской армии 11-я Сибирская стрелковая дивизия была выведена из состава 1-го Туркестанского армейского корпуса. Туркестанцев перебросили на Юго-Западный фронт, а 11-я Сибирская дивизия была оставлена на Западном фронте, войдя в состав 4-й армии [11. С. 34]. Летом 1916 г., когда успешно развивалось Брусиловское наступление, Западный фронт, чтобы не допустить переброски войск противника на юг, провел частное наступление в районе г. Барановичи. Это был стратегически важный железнодорожный узел, где перекрещивались железнодорожные пути Москва — Минск — Брест-Литовск — Варшава и Вильно — Ровно. В начале войны там располагалась Ставка русского Верховного главного командования. Летом 1915 г. Барановичи заняли немцы. Первоначально именно Западный фронт должен был наносить главный удар, а в случае успеха планировалось развивать наступление на Брест-Литовск. Однако нерешительный главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт постоянно откладывал планируемое наступление. 11-я Сибирская стрелковая дивизия занимала позиции на восточном берегу р. Щара. Сибирякам противостояла 3-я немецкая ландверная (резервная) дивизия корпуса Войрша. 19 июня (2 июля) 4-я армия начала наступательную операцию на фронте Городищи —

Барановичи. Но неумелая артиллерийская подготовка, несвоевременный ввод ближайших резервов, пассивное стояние около половины армии в то время, когда другая половина истощалась в бесплодных разрозненных атаках, привели к отрицательным результатам [11. С. 42]. Исследователи писали: «Русские долго прилежно работали, создавая целую сеть окопов, разветвляя и переплетая их, чтобы части, с короткого разбега бросившись в атаку, промчались через немецкие окопы. ... Бесчисленные силы свои они волна за волной бросали для овладения нашими окопами. А успех? Часть окопов, выдвинутое полевое укрепление, и только на участке австрийцев прорыв ценой потоков крови» [16. С. 6].

Без всякой артиллерийской подготовки 11-я Сибирская стрелковая дивизия 3 раза пыталась захватить позицию 3-й ландверной дивизии у Лабуз и Дарова. Но напрасно, и тут не было удачи. После этого было выпущено больше 7000 снарядов, из них 2000 тяжелых, с целью подготовки атаки. Но и это не помогло. Исследователи писали: «Снова берега Щары пропитались кровью, — кровью наступавших русских. Они надвигались густыми волнами, и растерзанными неслись от нас через луга, а там их настигал наш убийственный огонь и они падали, как колосья под косой ... Особенно большие потери понес соседний с 42-м полком, 41-й Сибирский стрелковый полк — до 70 % своего состава» [16. С. 6]. Таким образом, 4-я армия, потеряв за 9 дней боев почти 80 тыс. чел., продвинулась, вклинившись в оборону противника, на весьма незначительное расстояние в 2 пунктах, у Городища и к югу от Барановичей. Соседние армии, 2-я и 10-я, не оказывали 4-й действенной поддержки, большей частью производя на позиции немцев артиллерийские налеты, которые не могли обмануть противника, понимавшего истинную цель этих действий.

В 1917 г. 11-я дивизия, переданная в состав 10-й армии Западного фронта, занимала позиции по р. Берез у селения Бакшты (на территории нынешней Белоруссии) в 100 км западнее Минска [12. С. 195]. Как и все части русской армии, 42-й Сибирский стрелковый полк пережил потрясения революции 1917 г. Все боевые действия на фронтах прекратились с обеих сторон. Вместо стереотипных сводок «на фронте обычная редкая артиллерийская и ружейная перестрелка» все чаще стали появляться такие же стереотипные сводки: «на фронте обычное братание и меновая торговля» [12. С. 113—114].

В ноябре 1917 г. после заключения перемирия с немцами и начала переговоров о мире новая — советская — власть приняла ряд мер по постепенной демобилизации, чтобы произвести этот сложный процесс по возможности безболезненно для страны.

С начала нового 1918 г. для командования полка основными задачами стали упорядоченное увольнение солдат, сохранение имущества (большое распространение получила распродажа солдатами обмундирования и снаряжения), поддержание, по возможности, дисциплины, а главное, лояльности к советской власти [7].

В феврале 1917 г. 42-й полк, вернее, то, что осталось от сплоченной боевой части, двинулся с фронта в Томск. По пути командованию приходилось удерживать солдат от самовольных захватов паровозов, на Урале — в Челябинске, Троицке — в помощь военно-продовольственным отрядам из полка убыло 536 чел. [7].

По прибытии в Томск после передачи вооружения и снаряжения представителям новой власти приказом по гарнизону г. Томска от 11 апреля 1918 г. 42-й Сибирский стрелковый полк был расформирован [7. Л. 110].

Источники и литература

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3376 (42-й Сибирский стрелковый полк). Оп. 1. Д. 60 (Оперативные приказы штабов 5 армейского корпуса и 11-й Сибирской стрелковой дивизии. 1 июля 1914 — 15 ноября 1915 г.).
2. РГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 66 (42-й Сибирский стрелковый полк. Журнал военных действий с 1 ноября по 31 декабря).
3. РГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 86 (Дневник списочного и наличного состава 42-го Сибирского стрелкового полка. 1914—1915 гг.).
4. РГВИА Ф. 376. Оп. 1. Д. 103 (42-й Сибирский стрелковый полк. Журнал военных действий с 1 мая по 30 июня 1915 г.).

5. РГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 129 (42-й Сибирский стрелковый полк. Приказы 1915 г.).
6. РГВИА. Ф. 2523 (11-я Сибирская стрелковая дивизия). Оп. 1. Д. 647.
7. РГВИА Ф. 3376. Оп. 1. Д. 237 (42-й Сибирский стрелковый полк. Строевая часть. Папка приказов за 1918 г.).
8. РГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 278919.
9. РГВИА. Ф. 3376. Оп. 1. Д. 278945.
10. Свечин А.А. Общий обзор сухопутных операций // Энцикл. слов. Рус. библиогр. ин-та Гранат. — 7-е изд. — Т. 46. — Четырехлетняя война 1914—1918 гг. и ее эпоха. — Вып. 1.
11. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Сост. А. М. Зайончковский. — М., 1923. — Ч. 6.
12. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Сост. А. М. Зайончковский. — М., 1923. — Ч. 7.
13. Головин Н. Н. Мысли об устройстве будущей Русской вооруженной силы. — Париж, 1925.
14. Керсновский А. А. История русской армии. — М., 1994. — Т. 3.
15. Русская армия в Великой войне: Праснышское сражение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grwar.ru/library/Korolkoff-Prasnysh/index.html>.
16. Фогель В. Барановичи. 1916 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fortressby.com/download/wwi/Vogel1916.pdf>.

Паршуков В. А.

ЕНИСЕЙСКИЕ КАЗАКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

18 июля 1914 г. вышел приказ № 1 по Красноярскому казачьему дивизиону: «Согласно личному приказанию начальника 8-й Сибирской стрелковой дивизии и его же приказу по дивизии от 18 июля сего года за № 2, вверенная мне сотня по имеющемуся мобилизационному плану развертывается в трех сотенный дивизион по приказу В. В. 1910 г. за № 334, я с сего числа вступаю в командование дивизиона. Приказываю всю сотенную отчетность закончить и вести дивизионную... Командующий дивизионом есаул Могилев» [1. Л. 166—167].

С этого приказа началось укомплектование Красноярского казачьего дивизиона по штатам военного времени. Подъесаул Петр Матвеевич Сипкин был отправлен в командировку в г. Минусинск «за приводом казаков Минусинского уезда» — там проживало большинство казаков, подлежащих мобилизации в Енисейской губернии. Офицеру были «переведены по телеграфу» в Минусинск 6 тыс. руб. «для закупки лошадей на безлошадных казаков» [1. Л. 166 об.]. Кроме того, Сипкину перевели 700 руб. «на кормовое довольствие казаков» и 1300 руб. «на фуражное довольствие казачьих лошадей».

Другой офицер дивизиона, сотник С. Р. Усков, убыл «в город Ачинск для приема лошадей от приемной комиссии по Военно-конской повинности для надобностей Красноярского казачьего дивизиона». После объявления войны в России была обнародована государственная реквизиция лошадей у всего населения. Приемная комиссия оценивала стоимость лошади и ее годность в строю, и она передавалась в воинскую часть в полное пользование на время войны.

В Красноярске в это время началась подготовка к приему прибывающих со льготы казаков и их лошадей. Заведующий хозяйством дивизиона подъесаул Борис Федорович Польшман получил по долговому документу 1000 руб. на покупку соломы, сена, дров и на другие хозяйственные надобности.

По штату дивизион должен был иметь 11 офицеров, 482 нижних чина (вахмистров,

урядников и казаков), а также 543 лошади [2. С. 544—545]. Сроки прибытия казаков в казармы дивизиона составили от 10 дней до 3 месяцев (казаки северных уездов) [3. С. 258]. 2 августа 1914 г. в Красноярский казачий дивизион прибыло сразу 83 урядника, приказных и казака, которые «согласно прилагаемого списка» были зачислены «на провиантское, приварочное и чайное довольствие с 2-го сего августа, а на довольствие жалованием и мылом с 1-го августа с. г.» [1. Л. 190]. 83 строевые казачьи лошади были зачислены на фуражное довольствие со 2 августа.

Охваченные патриотическим порывом енисейские казаки, даже не подлежащие призыву, выразили готовность отправиться на войну. «Так енисейский казак станицы Саянской Степан Исаевич Симонов, участник войны с Китаем и Японией, подал прошение на имя Николая II, указал в нем о своем хорошем здоровье (несмотря на 43 года) и отметил, что «невозможность принести пользу Отечеству вызывает во мне глубокую печаль» [3. С. 263]. Однако казак получил от командования отказ и на службу призван не был.

Правда, были и другие случаи, когда «богатые и интеллигентные слои населения» под любым предлогом старались уклониться от военной службы. В Красноярском казачьем дивизионе уволили со службы казака Василия Егоровича Борзова, главного управляющего золотыми приисками «Алтайской компании» в Алтайском горном округе. Освободили от службы и двух сыновей его родственника

Георгия Борзова, обратившегося с ходатайством, что без их помощи его хозяйству, насчитывающему несколько сот лошадей, коров, овец, грозит разорение [3. С. 262].

Не обошлось в дивизионе с началом войны без потери, хотя и не связанной с боевыми действиями. На 20 августа 1914 г. было назначено погребение умершего от туберкулеза легких казака 3-й сотни Алексея Даурского. Командиру сотни подъесаулу Сипкину было предписано «статью 561 Устава внутренней службы в точности выполнить и сделать наряд казаков для отдания последней почести» скончавшемуся во время службы казаку [1. Л. 218].

Командирами сотен в Красноярском казачьем дивизионе были: 1-й сотни — подъесаул П. Ф. Коршунов, 2-й сотни — сотник С. Р. Усков, 3-й сотни — подъесаул П. М. Сипкин. После развертывания Красноярской казачьей сотни в дивизион в него на службу прибыли прапорщики Поляков, Прохоров, Ершов, Юнкер и Гучков [1. Л. 220]. Адъютантом дивизиона был хорунжий Федор Макарович Фереферов, иркутский казак по происхождению. Офицерами Красноярский казачий дивизион был укомплектован полностью.

В начале войны казаки были оставлены в тылу. «На Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы окружным командованием было возложено выполнение целого ряда функций: несение внутренних нарядов и гарнизонной службы, окарауливание военнопленных и доставка их в специальные лагеря и, самое главное, сопровождение маршевых рот, следующих для пополнения действующей армии (то есть контроль за воинскими подразделениями на случай возникновения беспорядков)» [3. С. 262].

Несмотря на желание казаков поскорее попасть на фронт, их просьбы отклонялись вышестоящим начальством. Дело в том, что Красноярский и Иркутский казачьи дивизионы, «единственные среди российского казачества» [3. С. 259], были переданы в распоряжение Министерства внутренних дел. «Именно военно-полицейская служба стала препятствием для отправления восточносибирских казаков на фронт. Здесь иркутское и енисейское казачество проявило наиболее характерные, сложившиеся на протяжении столетий полицейские черты. В 1914 г. казаки сразу же погасили волнения пьяных солдат в Ачинске. В 1916 г. Иркутскому и Красноярскому казачьим

дивизионам удалось, не прибегая к внешней помощи, подавить выступления солдат красноярского гарнизона. Поэтому даже сама мысль об отправке на фронт этих казаков для МВД была недопустима» [3. С. 263].

Вахмистрами в Красноярском казачьем дивизионе служили Георгий Андреевич Лазицкий, Иннокентий Никитич Воротников, Павел Васильевич Байкалов. Старшими урядниками в дивизионе были Николай Алексеевич Монастыршин, Владимир Иокимович Садовский, Никифор Филиппович Ермолаев, Зиновий Иванович Сипкин, Иван Федорович Седельников, Николай Михайлович Семенов, Михаил Михайлович Медведев, Николай Михайлович Ошаров, Иван Николаевич Черных, Петр Николаевич Шеходанов и другие.

По сведениям иркутских ученых Г. И. Романова и П. А. Новикова, с самого начала Первой мировой войны началось бегство иркутских и енисейских казаков на фронт. Несмотря на то, что некоторых казаков возвращали обратно в свои подразделения, многим удавалось попасть в действующую армию.

В октябре 1915 г. 11 енисейских казаков сопровождали пополнение на фронт и решили, пользуясь знакомством со своим бывшим командиром, по происхождению также енисейским казаком, подъесаулом П. М. Сипкиным, попасть на службу в 1-й Аргунский казачий полк, в котором он к тому времени служил. Командиру полка полковнику И. Ф. Шильникову казаки «доложили, что... бежали на войну» [3. С. 267]. После переписки между различными инстанциями военного ведомства казакам Константину Лалетину, Иннокентию Скобееву, Марку, Федоту, Корпию Козьминым, Афанасию Ермолаеву, Петру Лазицкому, Даниилу Каргополову, Иннокентию Спиридонову, Ивану и Ермолаю Песеговым разрешили служить в полку.

Три брата Песеговы — Александр, Максим и Ананий — также бежали на фронт из Красноярского казачьего дивизиона и 20 октября 1915 г. прибыли в Уссурийский казачий полк. Чтобы «запутать следы», они сообщили, что являются сибирскими казаками. Пока командование делало запросы и выясняло ситуацию, братьев, «дезертировавших» на фронт, оставили служить в 1-м Нерчинском полку Забайкальского казачьего войска.

Тяжелое положение на фронте и происшедшее «великое отступление» русской армии в 1915 г. ускорили рассмотрение вопроса об отправке на фронт восточносибирских казаков. «Согласно телеграмме № 6457 от 2 декабря 1915 г., в действующую армию согласились выехать охотниками (добровольцами) 71 иркутский казак... От красноярского дивизиона вызвалось поехать на фронт 110 казаков» [3. С. 270].

Казаков, прибывших эшелонами в апреле 1916 г. в Вольмар около Вендена Лифляндской губернии, определили в 1-й Уссурийский казачий полк, входящий в Уссурийскую конную казачью дивизию. В нее кроме этого полка входили также 1-й Нерчинский казачий полк, 1-й Амурский казачий полк, Приморский драгунский полк, Уссурийский казачий дивизион, 2 артиллерийские батареи и особые команды. Командиром Уссурийского казачьего полка был полковник Губин, а командиром дивизии — генерал-майор А. М. Крымов. Помощником командира Уссурийского казачьего полка по хозяйственной части на конец 1916 г. был полковник Гудзенко, а по строевой части — войсковой старшина Пушков. Командирами сотен в полку служили сотники Бириюков, Савицкий, Калмыков, подъесаул Зубовский и есаулы Антонов и Мазуркевич [4. Л. 11 об., 12 об.]. Всего же офицеров в полку насчитывалось свыше 45 чел. Позже командиром полка стал войсковой старшина Николай Александрович Пушков, кавалер ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия.

Уже 20 мая 1916 г. Уссурийская казачья дивизия тронулась от Вендена к Рижскому заливу, так как в этом районе ждали высадки неприятеля. Спустя некоторое время поступил новый приказ, и 12 июня дивизию перебросили через г. Каменец-Подольск и Черновицы в Карпаты. Здесь дивизия перешла линию Австрийского фронта и по бездорожью, через лес и топкие болота, зашла в тыл австрийцам на 25 верст в обход Карлибабы. Противник не ожидал появления с этого направления русских войск, потому что места считались непроходимыми. Но, проявив выносливость и смекалку, казаки преодолели болота, по несколько верст настилая мосты, чтобы провезти артиллерию. Удар по неприятелю был неожиданным. Наступавший первым Амурский казачий полк взял в плен австрийцев,

захватил много трофеев и австрийскую горную артиллерию.

В одном из боев командир дивизии генерал Крымов также ходил в атаку в конном строю с двумя своими вестовыми-черкесами, зарубив 4 австрийцев и взяв в плен 11. Крымов был любимым начальником казаков. Храбрость генерала произвела на них огромное впечатление и еще выше подняла его авторитет.

Дивизия расположилась в 8 верстах от крепости Карлибаба, где была произведена разведка. Сотня енисейцев также ходила в атаку в конном строю, захватила высоту с орудиями и взяла много пленных.

Казаки с нетерпением ждали приказа, чтобы идти в общее наступление. По сведениям разведчиков, в крепости Карлибаба была страшная паника. Но разговор генерала Крымова с командующим армией генералом Лечицким окончился неожиданным приказом отступить в тыл. По рассказам очевидцев, приняв телефонограмму, генерал Крымов от возмущения разбил трубку и пнул ногой телефонный ящик.

Во время отступления пошли сильные дожди, и казаки хватили немало горя, вытаскивая из грязи артиллерию, а иногда и ездовых вместе с лошадьми. О тех днях вспоминал в эмиграции Георгий Ульянович Юшков, во время Гражданской войны ставший сотником: «В этом же отступлении наш взвод, находясь на левом фланге, ходил в конную атаку под командой прапорщика Чучеловича и попал под пулеметный огонь. Подо мной была ранена лошадь двумя пулями, под командиром взвода лошадь убита, взводный урядник был ранен, а лошадь под ним убита» [5. С. 159].

Уссурийская казачья дивизия отступила в Буковину, где несла службу на боевых участках, сменив Корсунский полк, который в боях понес большие потери и ушел на пополнение и отдых. Казаков с лошадьми спешили, и они 6 месяцев занимали окопы. Коневоды с лошадьми в это время находились в 40 верстах, в местечке Шипот-Камерале, а штаб дивизии и базы — в Обервиках. Припасы и продовольствие казакам на передовые позиции доставлялись на вьючных лошадях.

Раненых вывозили на конных носилках в штаб дивизии, откуда направляли в Черновицы. Перед

отправкой с ранеными старался поговорить сам генерал Крымов, ободряя казаков и желая им скорейшего выздоровления. Он также присутствовал на погребении убитых, которых хоронили с духовенством и оркестром в Шипот-Камерале.

Единственными известными на сегодняшний день воспоминаниями об участии енисейских казаков в германской войне являются записки Георгия Ульяновича Юшкова, опубликованные за границей в «Памятке Енисейского казачьего войска...» [5. С. 157—164]. В своих записках он рассказал о боевых эпизодах, участником которых был вместе с другими енисейцами во время службы в 1-м Уссурийском казачьем полку. Подробно Георгий Ульянович описал бой с немцами на горе после того, как сотня енисейцев сменила заставу Приморского драгунского полка. Сообщил он и о ночном рейде за телом погибшего офицера, сотника Гамбургцева. На р. Серет в Карпатах казаки-добровольцы ходили в разведку под командованием прапорщика Жигалина и привели из вражеского тыла трех «языков» — одного немецкого офицера и двух солдат.

Рассказал Г. У. Юшков и о случае использования казаков в качестве заградительного отряда позади войск. Видимо, это был не единичный случай. То же самое сообщается и в очерке Р. Г. Гагуева и С. С. Балмасова «Генерал Ф. А. Келлер в годы Великой войны и русской смуты». Чинам 3-го кавалерийского корпуса приходилось бороться с нестойкостью соседей. Об этом говорит следующий документ: «5 августа. Шипот Камерале, Карпаты. Командир батальона, стоящего на высоте 1453, обратился к командиру Уссурийского полка с просьбой дать казаков, чтобы стрелять по его солдатам, убегающим с позиции. Тот дал ему восемь казаков. Прошу указать, что делать Уссурийскому полку, который держится и отбивает атаки противника, если батальон отступит с высоты. Генерал-майор [А. В.] Крымов» [6]. Правда, Юшков не сообщает в своих записках о том, что казакам было разрешено стрелять по покидающим позиции пехотинцам: он указывает лишь, что «мы заворачивали их обратно».

Юшков рассказал о потерях среди енисейских казаков: «При отъезде из Войска, думалось нам, что войну захватим к концу, но оказывается до сыта навоевались и около сотни наших казаков легли костями в Карпатах, на родину вернулось мало...» [5. С. 158].

О дальнейшем пути дивизии, а также о том, чем были заняты казаки, в том числе и енисейские, можно узнать из воспоминаний атамана Г. М. Семенова. «В конце 1916 года наша дивизия была выведена из Румынии и расквартирована в Бессарабии в районе города Кишинева. Главная задача, возложенная на дивизию, заключалась в охране железнодорожных узлов и сооружений, а также поимке дезертиров с фронта, которых в тот период было особенно много. ... Мы ловили на станции Узловая до тысячи человек в сутки. Солдатский поток с фронта был настолько значителен, что это явление нельзя было рассматривать иначе, как признак грядущего развала армии» [7. С. 61—65].

Взводными урядниками в 1-м Уссурийском казачьем полку служили енисейские казаки Иннокентий Макридин, Афанасий Шереметьев, Иван Широков, Ф. Чанчиков. Вахмистр Иннокентий Никитич Воротников к маю 1917 г. прослужил на сверхсрочной службе непрерывно в течение 2 лет, за что получил в 1-м Уссурийском казачьем полку единовременное пособие в размере 150 руб. [4. Л. 48]. И. Н. Воротников был уроженцем станции Монокской Минусинского уезда. Родился он 5 июня 1888 г., службу начал казаком в Красноярской казачьей сотне с 21 декабря 1908 г. С этого времени он неоднократно призывался на службу или добровольно поступал на сверхсрочную службу в сотню или дивизион. На 1917 г. Иннокентий Воротников вместе с женой Устиной Георгиевной имели сыновей Ивана и Александра.

В то время как часть енисейских казаков находилась в действующей армии, станичные казаки и делегаты от Красноярского казачьего дивизиона в мае 1917 г. собрались на Первый съезд Енисейского казачьего войска. Представителем с фронта на нем был таштыпский казак Валерий Васильевич Серебренников, на съезде избранный в члены войскового правления — начальником военного отдела. Главным решением съезда было образование Енисейского казачьего войска и создание войсковых органов управления, так как до этого енисейские казаки не имели войскового статуса и именовались казачьим населением Енисейской губернии.

Осенью 1917 г. енисейцы, служившие в 1-м Уссурийском казачьем полку, были сведены в сотню конвоя командующего 3-м конным корпусом генерал-майора П. Н. Краснова и участвовали в походе

на Петроград против большевиков, захвативших власть в столице. А после возвращения на родину казаки-фронтовики и молодые казаки, служившие в Красноярском казачьем дивизионе, участвовали в «сотниковском мятеже».

Таким образом, большая часть енисейских казаков во время Первой мировой войны воевала в рядах 1-го Уссурийского казачьего полка. В составе Уссурийской казачьей дивизии полк

прошел Западный и Румынский фронты. Кроме того, не дождавшиеся отправки на передовую казаки Красноярского казачьего дивизиона сбегали в действующую армию начиная с 1915 г. и служили в различных полках, отрядах и командах. Красноярский казачий дивизион, состоявший из 3 сотен, нес военно-полицейскую службу в тылу несмотря на многочисленные просьбы отпустить его в полном составе на фронт.

Источники и литература

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14294. Оп. 1. Д. 14.
2. Сборник приказов по военному ведомству за 1910 г. — СПб., 1910.
3. Романов Г. И., Новиков П. А. Иркутское казачество (2-я половина XVII — начало XX в.). — Иркутск, 2009.
4. РГВИА. Ф. 2311. Оп. 5. Д. 2.
5. Юшков Г. У. Казаки енисейцы в германскую войну // Енисейские казаки. Их историческое прошлое, быт и служба: По материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым / сост. Н. Н. Князев. — Харбин, 1940.
6. Электронный ресурс. URL: <http://rusk.ru/vst>.
7. Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. — М., 2002.

Зыбала М. (Zybała Marcin)

ПОЛЬСКИЕ СОЛДАТЫ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ. ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ РАЗВИТИЕ КАРЬЕРЫ?

1. Ситуация в Польше во время Русско-японской войны

Подавление январского восстания в 1864 г. послужило толчком к развитию политики ликвидации автономии Царства Польского и интеграции Польши в состав Российской империи. Поступательная русификация Польши, а также установление военного режима правления стали началом усложнения положения Польши во второй половине XIX — начале XX в. Ситуация изменилась в 1894 г., когда на престол Императора Всероссийского и Царя Польши вступил Николай II. Царский визит в Варшаву в 1897 г., обещание реформ в сфере образования и культуры дали надежду на либерализацию русской политики в стране.

Русско-японская война, а также события, которые произошли во время первой русской революции, оживили польское стремление к независимости. Создание политических партий, стремящихся к свободе Польши (как, например, образованная в 1892 г. Польская социалистическая партия), или переговоры польских политиков с правительством Японии во время войны с Россией — это лишь некоторые примеры, показывающие настрой поляков в начале XX в.

Поражение российской армии в войне с Японией, а также ослабление позиции царя и России на международной арене дали Польше возможность восстановить свою независимость.

Польское общество было заинтересовано в военных событиях, о которых очень часто писали польские газеты и журналы. Польская реакция на Русско-японскую войну привлекала внимание некоторых европейских народов. Как пишет К. В. Шевченко в своей статье «Как славяне, мы верим в победу русского оружия...», в начале Русско-японской войны в чешской прессе, в чешских газетах можно было прочитать об отношениях и надеждах польских политиков в связи с войной [4. С. 548].

Особенно критически к полякам относился чешский «Час», который писал о польских радикалах, организующих антирусское восстание в Русской Польше [4. С. 552].

Во время первой русской революции в Варшаве и других польских городах произошли манифестации и забастовки. Самые большие массовые беспорядки наблюдались 23 июня 1905 г. в городе Лодзи, где погибло около 200 демонстрантов, а в городе Островец-Свентокшиском восставшие установили Островецкую республику, которая была независимой в течение 20 дней [2. С. 187].

Русско-японская война и ее последствия, а также события первой русской революции дали полякам реальную возможность начать борьбу за независимость, которая завершилась в 1918 г. образованием Второй Речи Посполитой.

2. Участие и роль поляков в войне

На стороне России в армии сражались 84 польских офицера, которые после 1918 г. стали польскими генералами. Большинство из них окончило военные школы в Петербурге, Москве или Варшаве.

Во время войны некоторые польские солдаты отличались смелостью и героизмом, но, с другой стороны, тогда же польские политики вели переговоры с японским правительством о поддержке польского национализма и о польской помощи в организации акций саботажа в Российской империи. Одним из главных планов польского саботажа был взрыв Транссибирской магистрали. Неспособность выработать единую точку зрения в отношениях с Японией вследствие разногласий между двумя главными польскими политиками, Юзефом Пилсудским и Романом Дмовским, была причиной ограничения польско-японских отношений в 1905 г. Контакты между Японией и польскими политиками способствовали улучшению быта 4600 польских военнопленных, которые находились в 15 лагерях в городе Мацуяма.

Польские солдаты боролись на суше и на море. На суше они служили в Воронежском 124-м пехотном полку, который участвовал в Мукденском сражении и в бою под Ляояном. Кроме того, в составе экипажей русского флота польские солдаты участвовали в самых крупных морских боях войны — в обороне Порт-Артура, в бою у Чемульпо и также в Цусимском сражении, где воевало несколько сотен поляков [5. С. 12—13].

Общее количество польских солдат, участвующих в Русско-японской войне, трудно оценить. Число их колеблется от нескольких тысяч до десятка тысяч, и в исторической литературе до сих пор нет исследований на эту тему.

3. Послевоенная политическая деятельность польских солдат

Как сказано выше, в Русско-японской войне участвовало 84 генерала II Республики Польши. Большинство из них сыграло существенную роль в создании политической элиты независимой Польши. До сегодняшнего дня их вспоминают как героев польской истории, подчас спорных и неоднозначных. Чтобы дать представление о среде польских генералов, мы выбрали 5 самых интересных биографий, которые показывают, какую важную роль в независимой Польше они играли.

Jakub Szyszko-Bochusz (Якуб Шишко-Богуш) окончил Алексеевское военное училище, в 1872 г. начал военную службу добровольцем. Участвовал в сражениях Русско-японской и Первой мировой войн. С 1917 г. командовал запасным полком стрелцов дивизии польских стрелцов генерал-майора Тадеуша Былевского. После присоединения полка к Красной Армии Шишко-Богуш был удален со своего поста. После 1918 г. он был главой Уставной комиссии Польской армии, в 1920 г. участвовал в войне с большевиками, сотрудничая с одним из самых известных польских военачальников XX в. Эдвардом Рыдз-Смиглы. За свои заслуги перед Польшей получил один из важнейших польских орденов — орден Воинской доблести (*Virtuti Militari*).

Stanisław Sochaczewski (Станислав Сохачевский) учился в Киеве и в Елизаветграде (Кировограде) на Украине. Во время Русско-японской войны организовал китайский партизанский отряд. В 1918 г. создал входящий в состав II Польского корпуса русской армии 5-й полк пехоты, который сражался на территории Украины. В 1926 г. участвовал в событиях Майского переворота,

поддержав группу Юзефа Пилсудского. С этого момента он еще более укрепил свою политическую позицию. В 1927 г. Сохачевский получил звание бригадного генерала. Во время Второй мировой войны жил во Франции и Великобритании, поддерживая постоянную связь с Польской Армией. Сохачевский получил орден Воинской доблести (*Virtuti Militari*), сербский орден Белого орла, а также орден Почетного легиона.

Bolesław Szarecki (Болеслав Шарецкий) связал свою жизнь с медициной. Во время Русско-японской войны он работал хирургом в санитарном поезде, а в Первую мировую войну был консультантом Красного Креста. После 1918 г. стал главным врачом Главной военной больницы в Варшаве, а во время Советско-польской войны организовал медицинскую помощь солдатам польской армии. Сентябрьская кампания в Польше вызвала массовую мобилизацию, и в сентябре 1939 г. Шарецкий, который в это время был в отставке, призвали на военную службу. До 1941 г. он находился в советских лагерях, потом вступил в Армию Андерса и был назначен главой здравоохранения армии. В 1945 г. стал первым генералом Войска Польского на Западе. В послевоенной Польше занимал высокие посты в Польской армии, в частности, работал главным хирургом Польской армии и был главой польского Союза охотников. Шарецкий является также автором учебников по военной хирургии, и по сегодняшний день Военно-медицинская академия в Лодзи носит его имя.

Wiktor Thommе (Виктор Томме) участвовал в Русско-японской войне в составе Воронежского 124-го пехотного полка, был ранен и долго находился в больнице. Во время Первой мировой войны воевал на Румынском фронте. В Польше после 1918 г. командовал многими дивизиями. С 1939 г. командовал армией «Лодзь» и участвовал в обороне крепости Модлин. Стоит отметить, что армия «Лодзь» сыграла очень важную роль в Сентябрьской кампании, потому что охраняла доступ к Варшаве с запада. Томме попал в немецкий плен, находился в лагере в Йоханнесбурге. С 1945 г. служил в Войске Польском на Западе, а после войны издал военные мемуары, в которых описал трудную ситуацию в армии во время Сентябрьской кампании 1939 г. Томме написал также несколько полемических статей, в которых выразил свое несогласие с польским генералом Руммелем, военачальником, ответственным за оборону Варшавы в сентябре 1939 г.

Самым известным польским генералом, который участвовал в Русско-японской войне, является

Lucjan Żeligowski (Люциан Желиговский).

С 1885 г. он служил в российской армии, с которой воевал в Русско-японской войне и сражениях Первой мировой войны. В русской армии Желиговский был полковником пехоты. В 1919 г. он вернулся в Польшу, где поддержал группу Юзефа Пилсудского. Наиболее известным событием, в котором участвовал Желиговский, был «бунт Желиговского» — занятие Вильно и части Юго-Восточной Литвы, образование Срединной Литвы и включение ее в Польшу. «Бунт Желиговского» стал причиной установления сложных отношений между Польшей и Литвой.

Затем Желиговский увлекся политической жизнью Польши: в 1935—1939 гг. был членом польского парламента, а во время Второй мировой войны — членом польского правительства в изгнании. Стоит отметить, что генерал был другом Юзефа Пилсудского, с которым связывал свою политическую карьеру. Наряду с политической и военной деятельностью Желиговский писал книги. Самая известная из них — «Воспоминания и размышления» (*«Wspomnienia i rozważania»*), в которой он излагает идеи панславизма. По сегодняшний день Желиговский является фигурой неоднозначной. С одной стороны, он важный герой польской истории, с другой — политик, чья деятельность повлияла на ухудшение польско-литовских отношений.

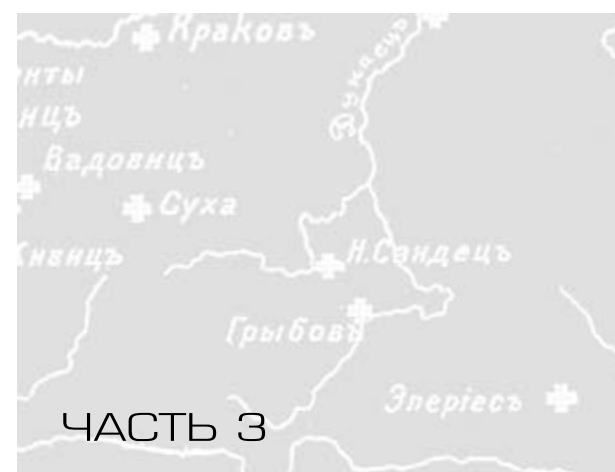
4. Выводы

Положение поляков во время Русско-японской войны было сложным и неоднозначным. С одной стороны, польские солдаты как граждане Российской империи служили в российской армии и боролись против Японии. С другой, поражение России и переговоры польских политиков с японским правительством давали Польше возможность вновь обрести независимость. Ослабление позиций России оказалось идеальной ситуацией для поляков, которые мечтали о свободе.

Польские солдаты, которые участвовали в Русско-японской войне, несмотря на поражение, приобрели многое. Как в массе подчеркивают историки, участие в войне 1904—1905 гг. оказалось полезным опытом, который позже был использован при формировании границ независимой Польши, во время Советско-польской и Второй мировой войн, в сражениях с русской армией (до 1941 г.). Многие из солдат получили звания генералов, составив основу армии независимой Польши, или активно участвовали в политической и культурной жизни послевоенной страны. Можно сказать, что поражение России в Русско-японской войне создало ситуацию, в которой у польских военных сил появился шанс вырасти в самостоятельную армию.

Источники и литература

1. Избранные вопросы в истории японско-польских отношений [Электронный ресурс]. URL: http://www.pl.emb-japan.go.jp/kultura/lista_publicacji.html (дата обращения: 14.10.2013). (Wybrane epizody z historii stosunków japońsko-polskich. URL: http://www.pl.emb-japan.go.jp/kultura/lista_publicacji.html (14.10.2013)).
2. Историческая монография города Островец-Свентокшиский / под ред. Войцеха Коташака. — Островец-Свентокшиский, 1997. (Ostrowiec Świętokrzyski monografia historyczna miasta / red. Wojciech Kotasiak. — 1997.)
3. Олендер П. Русско-японская война на море. — Краков, 2010. (Olender Piotr, Wojna rosyjsko-japońska-działania na morzu. — Kraków, 2010.)
4. Русско-японская война 1904—1905: взгляд через столетие / под ред. О. Р. Айрапетова. — М., 2004.
5. Участие поляков в морских сражениях Русско-японской войны / под ред. Анджея Зберского, Марека Чешлака, Леха Травиского. — Гданьск, 2000. (Udział Polaków w wojnie rosyjsko-japońskiej na morzu w latach 1904—1905 / red. Andrzej Zbierski, Marek Cieślak, Lech Trawicki. — Gdańsk, 2000.)
6. Ставешский П. Биографический словарь генералов Войска Польского: 1918—1939. — Варшава, 1994. (Stawecki Piotr, Słownik biograficzny generałów Wojska Polskiego 1918—1939. — Warszawa, 1994.)
7. Хвалба А. История Польши 1795—1918. — Краков, 2001. (Chwalba Andrzej, Historia Polski 1795—1918. — Kraków, 2001).

Сибирский тыл в годы Русско-японской и Первой мировой войн

Гончаров А. Е.

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ И РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 гг.

Русско-японская война 1904–1905 гг. стала суровым испытанием для транспортной системы Российской империи. Недавно построенная Транссибирская железная дорога, которая считалась совершенством инженерной мысли, оказалась неспособна справиться с наплывом военных грузов. Сложившаяся ситуация как нельзя лучше была описана И. П. Толмачевым: «Каждый солдат, каждая пуля, которую он выпускал на поле битвы, каждый бинт, которым перевязывались его раны, — все доставлялось из Европейской России» [10. С. 219].

Перегруженность железной дороги военными грузами привела к товарному дефициту в Сибири, болезненно ударившему по ее населению и экономике. Британские статистические данные из «Журнала Совета торговли» демонстрируют ту нагрузку, которая выпала на одноколейную железнодорожную магистраль: если в 1903 г. объем грузоперевозок составлял 167 157 525 пд., то в 1904 г. он увеличился до 206 433 658 пд. [12. Р. 125]. Кроме того, жизнедеятельность самой железной дороги также находилась под угрозой, поскольку именно по ней доставлялись рельсы, техника, запасные части и т. п.

Гибель 1-й Тихоокеанской эскадры в конце 1904 г. добавила к уже существующему вопросу обеспечения потребностей действующей армии и Сибири проблему переброски российских военных кораблей на Дальний Восток. Существующий маршрут через Суэцкий канал был длинным и небезопасным, поскольку суда могли подвергнуться нападению в нейтральных водах и в водах стран, поддерживающих Японию, в том числе Великобритании.

В сложившейся обстановке российское правительство предприняло попытку воспользоваться единственным находившимся в его распоряжении транспортным путем, пригодным для крупнотоннажных перевозок и проводки морских судов, — Северным морским путем. Обсуждалось 2 направления использования маршрута:

1. Сквозное плавание вдоль северного побережья Сибири — от Новоземельских проливов до Берингова пролива.

2. Организация провоза грузов через Карское море в устья Оби и Енисея, по которым они будут доставлены до железной дороги.

Проекты по использованию Северо-Восточного прохода для переброски боевых кораблей

Одним из первых, кто обратил внимание правительства на потенциал Северо-Восточного прохода, стал Л. Л. Брейтфус. В своем докладе «Морской сибирский путь на Дальний Восток» он изложил историю его освоения и обозначил основные сложности маршрута [1. С. 28]. Через некоторое время при «Императорском обществе судоходства» была учреждена комиссия по рассмотрению предложений Брейтфуса. Очевидно, что членов комиссии в первую очередь тревожила судьба отечественных боевых кораблей, которые были вынуждены идти через вражеские и нейтральные воды, где они могли подвергнуться нападению, вместо того чтобы воспользоваться территориальными водами России. Комиссия собиралась дважды — 14 и 20 апреля 1904 г. Были предложены радикальные меры по обустройству маршрута: строительство 16 постоянно действующих станций вдоль северного побережья Сибири, проведение масштабных гидрографических и картографических работ, приобретение специализированных полярных судов и т. п. Однако до осуществления этих мер использовать Северо-Восточный проход не представлялось безопасным.

Примечательно, что в этот период к теме Северного морского пути обращались не только

в России, но и за рубежом. Например, американский контр-адмирал Дж. У. Мелвилл полагал, что никаких трудностей для проводки боевых кораблей не существует, ведь Северо-Восточным проходом смогла пройти даже деревянная «Vega» Норденшельда. При этом Мелвилл утверждал, что использование ледокола «Ермак» для подобной операции нецелесообразно и даже рискованно, поскольку судно не сможет нести необходимое количество угля для совершения рейса [11. Р. 167]. Однако проблема заключалась в том, что хотя плавание Норденшельда и доказало возможность судоходства вдоль всего северного побережья Сибири, оно было осуществлено во многом благодаря удачному стечению обстоятельств и, следовательно, не имело практического значения. Кроме того, Норденшельду потребовалась одна зимовка в Арктике, прежде чем он смог пройти маршрут до конца. Подобные условия были неприемлемы для транспортных рейсов, а тем более для военной логистической операции.

Кроме доклада Мелвилла, тема использования Северо-Восточного прохода для проводки Балтийского флота была отражена в ряде зарубежных газетных сообщений. Газетные заголовки гласили: «Русско-японская война», «Балтийский флот», «Предложения по использованию Арктического пути» [11. Р. 5]. Однако делая громкие заявления, газеты тут же ставили под сомнение успех подобной экспедиции [13. Р. 9].

Российское командование так и не решилось на столь рискованный проект и отправило Балтийскую эскадру под командованием З. П. Рожественского на Дальний Восток через Суэцкий канал. Таким образом, использование сквозного Северо-Восточного прохода для переброски боевых кораблей, равно как и грузовых транспортов, осталось лишь проектом. В начале XX в. Россия столкнулась с тем, что оказалась не готова использовать собственные территориальные воды для транспортного судоходства.

Государственная экспедиция на Енисей в 1905 г.

В отличие от непроверенного маршрута по сквозному Северо-Восточному проходу, морской путь через Карское море в устья рек Обь

и Енисей использовался относительно регулярно с 1874 г.: уже в 1893—1899 гг. английская морская торговая компания Ф. У. Лейборна-Попхэма осуществляла по нему ежегодные коммерческие рейсы. Таким образом, имелся богатый опыт использования этого пути для грузоперевозок. Кроме того, правительство уже провело ряд мероприятий по обустройству маршрута: в 1893 г. по заданию Морского министерства и комитета Сибирской железной дороги лейтенант Л. Ф. Добротворский доставил на Енисей 3 речных судна, а в 1894—1896 гг. в Карском море проводились гидрографические работы под руководством А. И. Вилькицкого.

В марте 1905 г. на особом совещании при бывшем Главном управлении торгового мореплавания и портов был поднят вопрос об «установлении правильного сообщения через Карское море»; были обозначены шесть важных пунктов, выполнение которых требовалось для обустройства СМП [6. С. 107—108]. Идея о доставке грузов в Сибирь по морю была поддержана министром путей сообщения М. И. Хилковым, предложившим ее Николаю II.

28 марта 1905 г. на особом совещании было предложено доставить в Сибирь по морю железнодорожные рельсы и другие необходимые грузы [6. С. 106]. Мнения участников совещания разделились, когда против этого проекта как слишком рискованного выступили товарищ министра финансов М. Д. Дмитриев и товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново. Однако после выступления А. И. Вилькицкого, поддерживающего проект, было принято решение снарядить экспедицию на Енисей. Очевидно, в условиях тяжелого военного положения правительство было готово использовать любой шанс для решения поставленных задач. Помимо доставки на Енисей грузов было решено провести туда существенное количество речных судов, задача которых заключалась в транспортировке привезенных грузов вверх по Енисею. В дальнейшем планировалось создать на Енисее казенную речную флотилию [8. С. 12]. Этот шаг демонстрирует всю серьезность транспортного кризиса, который возник в Сибири, — и вот после одиннадцатилетнего перерыва в государственных грузоперевозках по Северному морскому пути и последующего прекращения там коммерческой деятельности по причине закрытия порто-франко

правительство предприняло меры для изменения сложившейся обстановки. На реализацию задачи было ассигновано 8 млн руб. Показательно, что на строительство второй колеи Транссибирской магистрали предназначалось 10 млн руб. [6. С. 107—108]. Таким образом, Северный морской путь временно был приравнен по значимости к железной дороге.

Для участия в организации и проведении экспедиции была создана комиссия, куда вошли такие видные деятели, как С. В. Востротин, Д. Виггинс, А. И. Вилькицкий, К. В. Иванов и И. С. Сергеев (участники гидрографических работ в Северном Ледовитом океане). Организация предприятия была поручена бывшему начальнику Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Б. Е. Иваницкому.

Ввиду срочности было решено закупать суда за границей: в Германии и Англии были приобретены 2 самоходных лихтера, 9 несамоходных лихтеров и 4 буксировочных парохода (табл. 1). Кроме этого, были зафрахтованы еще 3 немецких морских буксира для буксировки лихтеров и 4 крупнотоннажных английских парохода. Следует отметить, что из-за нехватки морских кадров приходилось нанимать команды, состоящие из европейских моряков, что приводило к большим затратам (иностранцы требовали более высокого жалования и страховки за государственный счет [8; С. 18]). Отсутствие продуманной и комплексной государственной политики в отношении Северного морского пути так и не позволило полярному торговому мореходству сформироваться в России.

Таблица 1. Технические характеристики судов экспедиции

Название	Двигатель	Индикаторные силы	Длина корпуса в метрах	Ширина в метрах	Осадка в метрах	Водоизмещение в пудах
Паровые лихтеры						
«Ангара»	2 винта	450	65	8	2,6	46,500
«Лена»	2 винта	450	65	8	2,6	46,500
Буксировочные пароходы						
«Енисейск»	2 винта	700	42,67	6,5	1,47	-
«Минусинск»	2 винта	600	41,17	8,34	1,75	-
«Туруханск»	2 винта	600	39,42	7,04	1,93	-
«Красноярск»	колесный	450	40,8	6	1,41	-
Непаровые лихтеры						
6 — типа «Unterveser» № 1—6	-	-	58	8	2,7	Каждый: 52,700 (все: 316,200)
3 — типа «Indus» № 7—9	-	-	43,5	8,6	1,8	31,000 (93,000) соответственно

Таблица составлена по: Северная морская экспедиция Министерства путей сообщения на реку Енисей в 1905 г. — СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1905. — С. 14.

С самого начала путешествия английские корабли преследовали неудачи — два сгорели еще в порту и были заменены на транспорты Морского министерства — «Свеаборг» и «Гапсаль», пароход «Hampstead» получил пробоину у Вайгача и вынужден был вернуться, а пароход «Roddam» сел на мель в устье Енисея, где был оставлен командой [9. С. 193].

Начальником экспедиции был назначен И. С. Сергеев. Местом общего сбора экспедиционных судов стала Екатерининская гавань. После ухода «Hampstead» в Архангельск в составе экспедиции оставались 22 судна. Учитывая, что пла-

вание должно было состояться в полярных водах, были предприняты соответствующие меры предосторожности: суда шли в сопровождении ледового судна «Пахтусов», кроме того, предполагалось использовать ледокол «Ермак». На каждом судне имелись запасы продуктов на 5 месяцев, теплая одежда, импортные медицинские аптечки [8. С. 17, 26].

10 августа все экспедиционные суда, кроме двух, собрались у острова Вайгач. При перемещении судов ближе к Югорскому Шару «Ермак» сел на каменную банку — снятие его привело к потере времени и угля, сделав ледокол бесполезным для дальнейшего плавания. 21 августа

караван из 22 судов наконец прошел пролив Югорский Шар и направился к устью Енисея. Этот поход стал крупнейшим с 1897 г. Экспедиция отличалась высокой степенью подготовленности. Суда выстраивались в 2 параллельные колонны за «Пахтусовым», связь между ними осуществлялась посредством звуковых сигналов, семафора и фонаря Табулевича. Было принято во внимание, что суда разнотипные; выбрана соответствующая скорость и глубина по ходу маршрута. 26 августа караван вошел в устье Енисея, и на следующий день суда прибыли в Лукову протоку — пункт разгрузки. Таким образом, весь переход от Екатерининской гавани до Луковой протоки без учета стоянки на Вайгаче занял 9 суток.

За речную часть экспедиции отвечал К. В. Иванов, который еще в июле был командирован

в Енисейскую губернию для найма рабочих и доставки их в Лукову протоку, строительства пристаней, установки вех по фарватеру и найма лоцмана. Грузчики были наняты Востротиним, и остальные распоряжения в целом также были выполнены [2. С. 17]. Всего было доставлено 488 тыс. пд. железнодорожных и потребительских грузов. Согласно инструкции, первой партией отправлялись керосин, минеральное масло, пакля, свечи и пр. Часть цемента и рельсов должны были быть вывезены в навигацию 1906 г.

7—10 сентября были подготовлены 2 отряда речных судов, которые направились вверх по Енисею. Морские суда покинули Енисейский залив и, за исключением одного, благополучно достигли Баренцева моря.

Карта маршрута экспедиции 1905 г.

Источник: Северная морская экспедиция Министерства путей сообщения на реку Енисей в 1905 г. — СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1905.

Экспедиция 1905 г. стала наиболее успешным правительственным мероприятием Российской империи по установлению судоходства по СМП. В Сибирь было ввезено 488 тыс. пд. казенных грузов из общих 1 210 тыс. пд., планируемых к доставке туда [7. С. 422]. Создание Енисейской казенной флотилии и некоторых хозяйственных сооружений в Луковой протоке, казалось, станет началом нового этапа в освоении морского маршрута. Однако новых экспедиций не последовало, грузоперевозки через Карское море приостановились на 6 лет. Енисейская казенная флотилия оказалась незадействована, как ожидалось, в перевозках по Севморпути. Такое положение вещей привело к тому, что уже с 1906 г. начали поступать предложения о продаже пароходов в частные руки [4. С. 31]. На губернаторском совещании в Красноярске в 1910 г. было установлено, что флотилия приносит 100 тыс. руб. убытка казне ежегодно [5. С. 9].

Северный путь как выход Сибири на мировой рынок

Для того чтобы вновь привлечь иностранных грузоперевозчиков в Карское море, правительство разрешило беспошлинный ввоз иностранных товаров. 12 апреля 1905 г. на заседании особого совещания под председательством председателя Департамента государственной экономики Государственного совета Д. М. Сольского было принято решение о разрешении беспошлинной доставки ряда иностранных товаров. 5 мая заключение было высочайше утверждено. Город Енисейск был провозглашен порто-франко для военных грузов и предметов первой необходимости для населения на время войны [6. С. 108]. Следующие фирмы и частные лица получили разрешение беспошлинно ввозить товары: гамбургские «August Bolten, William Müller Successors» и «Hartog und Stang», Н. Н. Гадалов, С. В. Востротин, Д. Л. Животовский, П. К. Клепиков, В. А. Зак-Станкевич, товарищество «Павел Бекель», торговый дом «Н. Феттер и Е. Гинкель», А. П. Фоняков. Было разрешено доставить 682 тыс. пд. машин, фарфоровых изделий, химикатов, масел, металлов, инструментов и др. беспошлинно в Енисейск [6. С. 106; 14. С. 182].

Однако несмотря на большое количество предпринимателей, ходатайствовавших о беспошлинной торговле, лишь одна частная экспедиция была организована в этот год в Сибирь. Не найдя грузоперевозчиков, многие частные торговцы

в итоге перепродали свое право иностранным фирмам. В попытке организовать частные грузоперевозки в Карском море германская фирма «Hartog und Stang» направила в устье Оби два морских парохода, которые доставили около 120 тыс. пд. товаров. Груз впоследствии был доставлен в Томск [3. С. 25]. Однако эта экспедиция стала последней для фирмы.

Обещание Министерства финансов продлить срок действия режима порто-франко в устьях сибирских рек, равно как и выработать полный перечень допустимых к беспошлинному привозу товаров, осталось невыполненным. После окончания войны правительство охладело к дальнейшему использованию Северного морского пути, о чем свидетельствует, например, заключение товарища министра торговли и промышленности М. А. Остроградского по законопроекту о порто-франко, внесенному в Государственную думу сибирскими депутатами. Он сообщил, что опыт 1905 г. лишь подтвердил непригодность Северного морского пути в решении стратегических задач [6. С. 118]. Строительство второй колеи Транссибирской железной дороги позволило увеличить объемы грузоперевозок.

Тема освоения Северного морского пути перешла в разряд научных дискуссий и инструментов политической борьбы сибирских областников. Многие сибиряки продолжали видеть в нем, а не в железной дороге путь к экономическому процветанию региона. Наиболее значимой фигурой в этих дискуссиях являлся С. В. Востротин.

Экспедиция 1905 г., которая была, по словам И. П. Толмачева, «экзаменом, выдержанным на полный балл» [10. С. 237], так и не заложила основу для государственного и частного грузового судоходства в акватории Северного морского пути.

В итоге мы видим, что правительство Российской империи обратилось к проблеме развития судоходства в акватории Северного Ледовитого океана лишь в период кризиса, вызванного боевыми действиями. Последующая активизация работы правительства в этой области — гидрографическая экспедиция в Северном Ледовитом океане — произошла незадолго до Первой мировой войны. Как и столетие назад, сегодня мы видим похожую картину: под воздействием внешнеполитического давления российское правительство вновь активизировало свою деятельность по освоению полярных территорий страны.

Источники и литература

1. Брейтфус Л. Л. Морской сибирский путь на Дальний Восток. Краткая история плаваний Карским морем и Сибирским Ледовитым океаном. — СПб., 1904.
2. Вилькицкий А. И. Северный морской путь. — СПб., 1912.
3. Востротин С. В. Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. — СПб., 1908.
4. Министерство путей сообщения. Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог. Эксплуатационный отдел. I делопроизводство. № 15076 от 28 июня 1914 г. «О преобразовании Енисейского казенного пароходства». — СПб., 1914.
5. Миронов В. О. О судоходстве к устью Енисея // Сибирские вопросы. — 1910. — № 42, 43.
6. Остроградский М. Заключение по внесенному в Государственную думу, за подписью 34 членов ее, законопроекту о порто-франко в устьях р. Оби и Енисея // Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII — начале XXI в.: сб. документов и материалов / сост. С. И. Боякова, Е. В. Комлева, Н. П. Матханова, Д. Я. Резун, А. И. Тимошенко, Е. Н. Туманик, М. В. Шиловский, А. Х. Элерт. — Новосибирск, 2011.
7. Пинхенсон Д. М. История открытия и освоения Северного морского пути. В 4 т. — Т. 2. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. — Л., 1962.
8. Северная морская экспедиция Министерства путей сообщения на р. Енисей в 1905 г. — СПб., 1905.
9. Сибирцев Н., Итин В. Северный морской путь и Карские экспедиции. — Новосибирск, 1936.
10. Толмачев И. П. Северный морской путь // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. — СПб., 1912. — Т. 30 (отдельный оттиск).
11. Melville G.W. The Baltic Fleet and the Northeast Passage // The North American Review. — 1904. — Vol. 179. — No. 573.
12. New Route for the Baltic Fleet / Kalgoorlie Miner. — April 13, 1904.
13. Russo-Japanese War / The Sydney Morning Herald. — April 13, 1904.
14. The Board of Trade Journal. — Vol. 50. — London: Printed for HM's Stationary Office by Jas Truscott & Sons, Ltd., 1905.

Зиновьев В. П.

СИБИРСКИЙ ТЫЛ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Различные стороны влияния Первой мировой войны на Сибирь специально изучались такими историками, как З. Т. Тагаров, Л. М. Горюшкин, Н. А. Свешников, В. А. Скубневский, Г. Х. Рабинович, В. И. Пронин, Г. А. Бочанова, М. В. Шиловский, И. А. Еремин. Проблемы нашли отражение в фундаментальных трудах «История Сибири», «История рабочего класса и крестьянства Сибири». Теме этой повезло в том отношении, что в советское время ни одна книга по истории СССР и КПСС не могла выйти без характеристики состояния страны накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

В рамках поиска предпосылок Октябрьской революции Сибирь периода Первой мировой войны изучалась В. П. Сафроновым, В. А. Кадейкиным, Д. М. Зольниковым, М. М. Шорниковым, А. А. Мухиным и многими другими историками. Сейчас нет необходимости анализа предпосылок Октябрьской революции в каждом уезде, но осталась необходимость изучения становления гражданского общества. Осталась Великая революция и связанная с ней воедино Первая мировая война. Тема эта еще недостаточно изучена в силу ее обширности и многоплановости.

Сибирь в период Первой мировой войны, в отличие от времен Русско-японской войны, была глубоким тылом. Но к началу XX в. по сравнению с XVIII — XIX вв. она уже не была изолированной далекой окраиной, а стала частью общероссийского рынка и российского общества, поэтому война оказала на Сибирь такое же глубокое воздействие, как и на страну в целом.

Что принесла Сибирь на алтарь войны? Прежде всего она была поставщиком воинов в действующую армию и за период войны пережила 20 воинских наборов. Около 1 млн чел. были мобилизованы только на селе. Деревня потеряла лучшие рабочие руки, многие дома — хозяев. Сибирь, в которой доля мужского населения была выше, чем в России, отдала относительно больший процент мужчин на фронт (42 %), чем губернии Европейской России. В отдельных губерниях этот процент был выше. В Алтайской губернии были призваны в армию 53,6 % трудоспособных мужчин, в Иркутской — 49,5, в Тобольской — 51,8,

в Томской — 51,5, в Акмолинской — 60,6, в Забайкальской — 54,8, в Енисейской — 38,8 % [1. С. 20]. К тому же до минимума сократилось переселенческое движение. С января по август 1914 г. в Сибирь пришли 324 тыс. переселенцев, а с августа 1914 г. до конца 1917 г. — 42 тыс. чел. [2. С. 248—249].

Солдатские и офицерские погоны надели тысячи горожан. Промышленные и транспортные предприятия остались без наиболее работоспособных и квалифицированных работников. За годы войны были мобилизованы 40 % промышленных и транспортных рабочих. Позднее понадобилось ограничить мобилизацию индустриальных работников, отсрочку получили к 1917 г. 16,5 тыс. рабочих промышленных предприятий Сибирского района (куда входили и Дальний Восток, и Степной край), но ущерб кадрам был нанесен уже в первые месяцы войны. Медицинские и образовательные учреждения также остались без лучших кадров, призванных в действующую армию. В ходе войны правительство было вынуждено прибегнуть к мобилизации политических ссыльных, призвать на подсобные работы, на оборонные предприятия представителей коренных народов Сибири — казахов, алтайцев, бурят. Реквизиция инородцев началась после указа правительства от 2 июля 1916 г. На милитаризованных предприятиях их число составляло от 10 до 15 %. Реквизиция вызвала волнения среди коренных народов Сибири, уход части теленгитов и казахов в Китай и Монголию, восстание в Степном крае.

В свою очередь Сибирь стала местом размещения беженцев, административно высланных

из районов боевых действий, и военнопленных. Осенью 1914 г. в Сибири появились первые военнопленные австрийской армии. В марте 1915 г. их стало 174 тыс. чел., осенью 1916 г. — 244 тыс. [2. С. 249]. До 100 тыс. из них в 1917 г. были отправлены в села для работы в крестьянских хозяйствах. Некоторые заменили хозяев, мобилизованных в русскую армию. Потомки тех военнопленных до сих пор живут в Сибири.

Менее пригодным для народного хозяйства «материалом» были беженцы. В октябре 1915 г. их в Сибири насчитывалось не менее 105 тыс. чел., в 1917 г. — около 85 тыс. Прекратилось движение на восток рабочих. Если в 1913 г. на заработки в Сибирь через Челябинск прошли 64 тыс. чел., то в 1915 г. — 16 тыс., а в 1917 г. — менее сотни.

В итоге серьезно изменился состав занятых в народном хозяйстве. В селах увеличилось значение женского и детского труда. В промышленности и на транспорте резко сократилась доля русских рабочих. В мае 1917 г., по данным Особого совещания по обороне в Сибирском районе, из 104 тыс. рабочих крупной промышленности и механизированного транспорта русские составили 50 тыс. (47,9 %, а до войны — 80 %), китайцы и корейцы — 37,7 тыс. (36,1 %), представители коренных народов Сибири и Казахстана — 9,8 тыс. (9,4 %), военнопленные, в большинстве своем чехи и словаки, венгры, — 6,9 тыс. (6,6 %) [3. С. 369—371].

Кроме людей, в Сибири производили мобилизацию лошадей для восстановления конского состава действующей армии. Общее число лошадей в Сибири увеличилось с 4,1 млн до 4,6 млн голов, но доля рабочих лошадей упала с 70 до 65 % [2. С. 251].

Сибирь стала одним из главных поставщиков сырья и продовольствия для действующей армии. За годы войны валовый сбор хлебов в Сибири вырос на 47 %. Доля Сибири в общей посевной площади страны удвоилась и достигла 9,6 %, при этом доля собранных хлебов выросла до 17 %, поголовье лошадей — до 33 %, крупного рогатого скота — до 21,8 %. Потенциал возможных заготовок в 1917 г. оценивался в 250 млн пд. [4. С. 133—134]. Для снабжения армии хлебом, мясными консервами, кожами был мобилизован громадный рынок Сибири, Степного края, Сынцзяна и Монголии. На границе со степью, в Кургане, Петропавловске, Омске, Барнауле, Бийске, Семипалатинске, был построен ряд консервных заводов и скотобоев,

расширено сухарное производство в Новониколаевске, модернизированы и расширены кожевенные предприятия. Сибирь была источником финансирования войны, здесь добывались основное золото и экспортное масло, меха. Наконец, Сибирь производила в небольшом количестве оборудование для действующей армии — повозки, упряжь, юрты.

Снабжение армии всем необходимым привело к росту промышленного производства в Сибири с 1914 по 1916 г. Число фабрично-заводских предприятий обрабатывающих отраслей выросло в Сибири с 396 в 1914 г. до 470 в 1916 — начале 1917 г., число рабочих на них — с 20,6 до 26,3 тыс. [5. С. 251]. Общее число рабочих обрабатывающих отраслей, включая ремесленные заведения, достигло 93 тыс. чел.

Росло и горнозаводское производство. Если в 1914 г. в Сибири насчитывалось 838 горных и горнозаводских предприятий с числом рабочих 54,4 тыс. чел., то в 1916 г. — 842 с числом рабочих 63,3 тыс. чел. Выросло производство золота, каменного угля, соли, чугуна, свинца [6].

Вывоз стратегических грузов из Сибири и рост транзитных перевозок через Транссибирскую магистраль из тихоокеанских портов увеличили нагрузку на железные дороги. Объем перевозок с 1913 по 1916 г. вырос на 41 % [3. С. 366].

Для снабжения армии боеприпасами, амуницией, продуктами в Сибири, как и по всей стране, были созданы мобилизационные механизмы, которые координировали взаимодействие государственных заготовительных органов и частного капитала. До войны в Сибири армию снабжало окружное интендантское управление. В период войны закупку хлеба для армии доверили Переселенческому управлению. В Сибири уполномоченным по заготовке хлеба стал управляющий складами Переселенческого управления подполковник Н. Ф. фон Штейн с резиденцией в Омске. Закупку производили через кооперативную сеть и посредников. Масло для армии также поставляли кооперативы через договор с интендантством. Серьезную роль в этом процессе сыграли военно-промышленные комитеты, отраслевые союзы предпринимателей, кооперативы. Экономические методы мобилизации средств через заказы и закупки сочетались с внеэкономическими — реквизициями, разверстками, введением продовольственной диктатуры. Распоряжение о реквизиции продовольствия с оплатой на 20 % ниже рыночной

цены командующий войсками Омского военного округа генерал Е. О. Шмит отдал уже 27 февраля 1915 г. [4. С. 80]. 1 мая 1916 г. была прекращена свободная продажа масла. Местные власти этим широко пользовались, разрушая рыночный механизм саморегулирования. Уже в 1916 г. крестьяне начали прятать хлеб и масло, сокращать их производство. Временное правительство 25 марта 1917 г. ввело хлебную монополию и твердые цены, а 30 марта 1917 г. объявило весь наличный хлеб государственным за вычетом «необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца» [4. С. 127]. Одновременно были учреждены продовольственные комитеты. Эти акты Временного правительства окончательно поссорили его с крестьянством России.

Сибирь играла заметную роль в поставке в армию хлеба, масла, обуви, конского снаряжения. В первый заготовительный сезон Сибирь поставила 46 млн пд. хлеба из 273,4 млн пд., заготовленных в России [4. С. 83]. В 1915 г. было поставлено 81 млн пд., в 1916 г. — 53,6 млн пд., а в 1917 г. — 39,5 млн пд. Но она поставляла меньше того, чем могла бы дать при умелой постановке продовольственного дела и большей мощности железных дорог.

Когда стало ясно, что война в один год не кончится, как предполагал Генеральный штаб, стали создаваться особые структуры снабжения армии. 17 августа 1915 г. император Николай II подписал закон «Об учреждении особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства ...» В рамках Особого совещания по обороне работали 3 комиссии: по заготовке хлеба; заготовке мяса, масла и сена; борьбе с дороговизной. На местах действовали уполномоченные Особого совещания, были установлены твердые цены на хлеб. В Сибири уполномоченным вновь стал фон Штейн. Но полномочия прежних представителей Министерства земледелия по заготовке были прекращены не везде, что приводило к дублированию функций. При всех недостатках в работе снабженцев российская армия в период войны испытывала дефицит всего, кроме питания. Но это было только до 1917 г.

Начавшаяся война вызвала в Сибири, как по всей стране, патриотический подъем, германофобию. Первые годы войны привели к росту промышленного производства, грузооборота железной дороги и не слишком заметно сказались на жизненном

уровне населения. Военные 1916—1917 гг. оказались урожайными, и в Сибири скопилось значительное количество продовольственного зерна. Это породило миф о неисчерпаемом хлебном сибирском крае, хотя предыдущие десятилетия характеризовались колебаниями урожайности и хлебного баланса Сибири. Хлеб то ввозился, то вывозился из региона. Сибирские ресурсы не были использованы в период Первой мировой войны в полной мере из-за распада транспортной системы и организационной беспомощности властей.

В период войны в экономике края ускорились процессы концентрации капитала и монополизации отраслей производства. Золотопромышленность, углепромышленность, металлургия оказались в руках столичных банков. Так, деятельность в Кузнецком бассейне общества Кузнецких каменноугольных копей (Копикуза) практически сформировала скелет современной экономики Кемеровской области и планы по освоению Сибири в первых пятилетках. Ленское золотопромышленное товарищество достигло пика своего могущества, добыв в сезон 1914—1915 гг. около 1000 пд. золота, или 40 % российской добычи. На юге Енисейской губернии сформировался, но не успел развернуться еще один горнопромышленный гигант — Общество южно-сибирских металлургических заводов (ЮСГИМЗ). Расширили масштабы своего производства Черемховский синдикат углепромышленников, Судженские копи Л. А. Михельсона. Усилилась экспансия в Сибирь уральских металлургических акционерных обществ. В речных бассейнах господствовали крупные акционерные пароходные общества. В Обь-Иртышском бассейне — «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли» (Товарпар) с правлением в Тюмени, на Енисее — «Акционерное общество пароходства по реке Енисею», на Лене — «Восточно-Сибирское об-во пароходства, торговли и промышленности», главным акционером которого было Лензото. «Сибирское акционерное об-во пароходства, промышленности и торговли», организованное в 1916 г. в Петрограде норвежским капиталистом Йонасом Лидом, скупило в 1917 г. контрольные пакеты акций всех этих обществ. На Амуре монополистом было «Амурское общество пароходства и торговли». В Сибири осталась одна старокупеческая монополия в судоходстве — «Товарищество Байкальского пароходства и торговли» М. А. Коковина.

В сельском хозяйстве на основе крестьянских кооперативов выросли две мощные монополии —

Союз сибирских маслодельческих артелей и Закупсбыт. Кооперацией было охвачено большинство крестьянских хозяйств Сибири, она стала основной формой модернизации аграрной сферы Сибири, как и России в целом, задолго до революции. Война оказалась мощным стимулом ускорения процесса аграрной кооперации.

Иностранный капитал играл в экономике Сибири, вопреки господствовавшему в историографии XX в. мнению, не первые роли. В период войны он был вытеснен из золотопромышленности и большинства горнопромышленных проектов.

В 1916 г. обнаружился дефицит отдельных товаров, что вызвало волнения в городах. В начале 1917 г. рост цен, износ техники, транспортный кризис привели к падению промышленного производства, грузооборота железнодорожного и водного транспорта. В середине 1916 г. обозначился износ вагонов и паровозов. Так, на Омской железной дороге из 17 тыс. вагонов эксплуатировались 1,4, т. е. 9 %, рабочими были 8 паровозов из 10. С трудом заготовленные продукты портились и не доходили до гарнизонов и фронта. Прежний национализм испарился на этом фоне. В Сибири стали популярны лозунги левых партий о свержении царизма, возродились революционные организации. В период Первой мировой войны в Сибири произошло 266 забастовок промышленных и транспортных рабочих, в т. ч. с 19 июля по 31 декабря 1914 г. — 38 с 8465 участниками, в 1915 г. — 84 с 8332 участниками, в 1916 г. — 125 с 20 459 участниками, в январе — феврале 1917 г. — 19 с 2929 участниками [7. С. 8].

Источники и литература

1. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. — Новосибирск, 2003.
2. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. — Новосибирск, 1983.
3. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. — Новосибирск, 1982.
4. Еремин И. А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — март 1918 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. — Барнаул, 2006.
5. Скубневский В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. — Томск, 1991.
6. Зиновьев В. П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX — начало XX в. — Томск, 2009.
7. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в 3 т. — Т. 3. Июнь 1907 — февр. 1917 г. — Томск, 1991.
8. Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914—1917 гг. Хроника и историография. — Новосибирск, 1987.
9. Томск. История города от основания до наших дней. — Томск, 2004.

Нарастание рабочего движения следовало за снижением жизненного уровня и спадом в обществе ура-патриотических настроений. Нарастало и число крестьянских выступлений: если с июня 1914 г. по февраль 1917 г. исследователи зафиксировали 277 таких событий, то с марта по октябрь 1917 г. — 956 [8. С. 228].

Крестьяне, ставшие солдатами, получили новый, ранее совершенно недоступный им социальный и организационный опыт и воинские навыки. Участие в войне или подготовка к ней изменили психологию и жизненные установки половины дееспособного мужского населения Сибири. Концентрация их в крупных гарнизонах изменило классово-политический расклад в городских центрах региона. В Омске гарнизон достигал 60—90 тыс. чел., в Томске — от 50 до 70 тыс., в Иркутске — от 30 до 50 тыс. чел. [1. С. 20]. Сибирское общество утратило доверие к действовавшей власти и с энтузиазмом встретило падение монархии. В листовке Военно-социалистического союза, выпущенной в Томске в феврале 1917 г. и названной «Кто должен победить?», давался прямой ответ: «Ужасная война, начатая капиталистами и их правительствами для нашего порабощения, должна окончиться победой рабочих над капиталом. Мы, рабочие, должны победить!» [9. С. 180]. Революция, вызванная войной, способствовала поражению в войне и привела к «похабному» сепаратному Брестскому миру с Германией. Но большевики вряд ли виновны в поражении: им как наследникам должника пришлось платить по счетам царского правительства. Уроки Первой мировой войны помогли СССР победить во Второй мировой войне.

Харусь О. А.

СИБИРТЕТ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Условия военного времени, внося резкие изменения в систему жизненных координат общества, неизбежно порождают новые формы социального взаимодействия и социальной активности. Одной из таких форм в годы Первой мировой войны стало Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны.

Идея создания особой сибирской организации «помощи раненым» была высказана на первом съезде Всероссийского союза городов (ВСГ) в сентябре 1914 г. 28 сентября 1914 г. сибирские депутаты Государственной думы, члены Государственного совета, представители Общества изучения Сибири и Общества содействия учащимся-сибирякам в Петербурге на квартире С. В. Востротина провели организационное собрание Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (Сибиртета) [1. С. 132]. В задачи общества в соответствии с п. 1 устава входило устройство госпиталей и патронажей для эвакуированных больных и раненых воинов, сбор и предоставление справок для облегчения контактов воинов с родственниками. Общество имело право организации «с надлежащего разрешения» лекций, чтений, научных бесед, концертов, спектаклей и т. п. [2. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6892. Л. 11].

С целью формирования местных отделов члены созданного на организационном собрании комитета общества выехали в Сибирь. Е. Л. Зубашев посетил Томск, Новониколаевск, Барнаул, Бийск, Мариинск, Боготол, Тайгу [3. 1914. 8 нояб., 16 нояб.]. Выступая 16 ноября 1914 г. на учредительном собрании томского отдела Сибиртета, он подчеркивал необходимость создания широкой сети таких отделов по всей Сибири [3. 1914. 18 нояб.]. В Восточной Сибири организатором местных отделов Сибиртета стал депутат Государственной думы от Енисейской губернии С. В. Востротин, побывавший, в частности, в Красноярске и Иркутске [4. С. 195].

Предпринятые усилия увенчались успехом. По свидетельствам местной периодической печати, идея образования Сибирского общества повсеместно встречала сочувственное отношение. Уже в 1914 г. Сибиртет имел 14 отделов, к 1 октября 1915 г. — 34 отдела [1. С. 133—135], а в августе 1916 г. — 52 [5].

Характеристика основных направлений практической деятельности общества достаточно полно представлена в исследовательской литературе. Однако вопрос о побудительных мотивах, которыми руководствовались в своей работе организаторы, рядовые члены, а также лица, оказывавшие в различных формах поддержку и содействие этой общественной инициативе, до сих пор не получил сколько-нибудь обстоятельного ответа. Высказывается мнение, что создание Сибиртета объяснялось прежде всего господствовавшими среди городского населения в начале войны представлениями о краткосрочности военных действий и связанным с этим стремлением местной общественности успеть принять посильное участие в помощи стране [4. С. 195]. И. Г. Мосина объясняет популярность идеи создания самостоятельной сибирской организации «помощи раненым» у местных деловых кругов их неудовлетворенностью возможностями, которые предоставляло участие в деятельности ВСГ. Заказы Главного комитета по снабжению армии в Сибири почти не распространялись, что обусловило более чем скромную роль местных отделов Согора как экономических организаций, способных повлиять на развитие промышленности

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14. В. 25.31.0009).

в регионе. Не выполняли они и функций представительных организаций [1. С. 131].

В дополнение к этим обстоятельствам, обусловившим широкую поддержку идеи создания особой сибирской организации, представляется необходимым обратить внимание и на установленный по настоянию министра внутренних дел Н. А. Маклакова строгий контроль за деятельностью местных отделов ВСГ со стороны губернаторов. Губернская администрация имела все полномочия для наложения вето на решения городских дум о присоединении к ВСГ. Этими полномочиями не преминул воспользоваться, в частности, томский губернатор, приостановивший осенью 1914 г. постановление Думы Томска об образовании комитета ВСГ и тем самым запретивший деятельность отделов ВСГ в губернии [2. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2982 Л. 195]. Кроме того, формирование местных комитетов являлось исключительной прерогативой городских дум. В соответствии с этой нормой городская управа Тюмени, например, поставила вопрос о переизбрании членов местного комитета ВСГ, избранных на собрании горожан [6. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 83, 103]. В этих условиях возможности для проявления общественной инициативы и самодеятельности в рамках отделов ВСГ были сомнительными. Весьма скептически отнеслись к идее присоединения сибирских городов к Союзу и лица, возглавлявшие органы городского самоуправления. На съезде городских голов Томской губернии осенью 1914 г. было высказано мнение, что «участие Сибири в Союзе может выразиться только в оказании средств», а потому присоединение сибирских городов к Союзу не является целесообразным [3. 1914. 25 нояб.].

Не ставя под сомнение значимость перечисленных выше мотивов создания Сибиртета, следует, однако, отметить, что концентрация внимания на «обстоятельствах момента», на факторах ситуативных не может быть признана продуктивной с точки зрения выявления общей логики исторического процесса. Вне поля зрения исследователей в данном случае остается вопрос о наличии глубинных социокультурных оснований в деятельности Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. В результате сам факт существования этой организации предстает как некий эпизод в истории региона, никоим образом не соотносимый с общими тенденциями его социально-экономического,

политического, культурного развития. Между тем имеющийся в распоряжении исследователей конкретно-исторический материал позволяет рассматривать создание и последующую деятельность Сибиртета как одно из проявлений региональной идентичности.

Специфика природно-климатических, экономических, социальных, политических и культурных условий Сибири являлась фоном для формирования у местного населения представления о своей общности, соотнесенности с интересами конкретной территории, ее образом. Начало процессу конструирования региональной идентичности, по мнению специалистов, было положено в конце XVIII в., а на рубеже XIX—XX вв. имела место значительная его активизация, получившая яркое воплощение в идеологии областничества [7. С. 10—13; 8. С. 84—85].

В условиях Первой мировой войны, с одной стороны, региональная идентичность стала одним из значимых факторов возникновения новых форм общественной деятельности в Сибири, с другой стороны, именно в процессе этой деятельности ранее сформированная региональная идентичность актуализировалась.

Аргументом в пользу первого тезиса — региональная идентичность как условие и предпосылка создания Сибиртета — могут служить предварявшие создание этой организации публикации в местной печати, а также рефрен, звучавший в выступлениях организаторов местных отделов. В сентябре 1914 г. в передовой статье газеты «Иркутская жизнь» отмечалось: «Наша окраина выдвигает вопросы, возникшие вследствие искусственной оторванности ее от метрополии. Среди таких вопросов первое место принадлежит вопросу о праве сибирского общества на культурное самоопределение и хозяйственную самостоятельность» [1. С. 129—130]. Прибывший в Сибирь с миссией организации местных отделов Сибиртета Е. Л. Зубашев в беседе с сотрудником газеты «Сибирская жизнь» определил предназначение общества следующим образом: «Выявить в общей, огромной, кипучей деятельности Отечества в эту тяжелую годину имя Сибири, объединить работы и жертвы окраины под лозунгом... «Сибирь идет» — вот та большая задача, которая стоит перед Сибирским обществом для подачи помощи раненым» [3. 1914. 8 нояб.]. В свою очередь С. В. Востротин,

призывая сибиряков к активной работе в Сибиртете, подчеркивал, что «инициатива, энергия и гражданская отзывчивость» позволят привлечь внимание правительства на сознательность всего населения Сибири и полную подготовленность к реформам (в частности, земской и городской) [3. 1914. 17 дек.].

По-видимому, актуализация региональной идентичности в этот период была связана не только со всплеском «местного патриотизма», отражавшего общий патриотический пафос начального периода войны и продиктованного стремлением общественности Сибири заявить о готовности внести свой вклад в обеспечение победы, но и с обострением проблем региона, по-прежнему лишённого целого ряда институтов и необходимых условий для экономического и культурного развития, для полноценной реализации имевшегося у сибирского общества потенциала. Быстрое превращение Сибиртета в довольно крупную организацию объяснялось тем, что именно с его деятельностью местные предприниматели и интеллигенция в первую очередь связывали возможности обоснования реальной значимости региона в решении общегосударственных проблем и необходимости пересмотра социально-экономического и политического правительственного курса в отношении Сибири.

Став своеобразной культурно-исторической основой для социального взаимодействия в рамках Сибиртета, региональная идентичность обрела дополнительные импульсы в процессе его практической деятельности, что нашло свое проявление в поддержке этой общественной инициативы со стороны представителей самых различных слоев населения вне зависимости от их политических взглядов и предпочтений. Предприниматели, ограничивая свое участие в ВСГ внесением вступительных взносов и не создавая местных отделений, предпочитали направлять денежные и материальные средства в первую очередь в комитеты Сибиртета. Газета «Сибирская жизнь» отмечала, что везде, где осенью 1914 г. побывал Е. Л. Зубашев с целью организации отделов Сибиртета, «созывались экстренные заседания, выносились единогласные постановления и зажиточными гражданами делались щедрые пожертвования» [3. 1914. 14 дек.]. Именно пожертвования служили основным источником средств общества. Фирма Винокуровых в селе Камень, например, предоставила

в распоряжение местного отдела Сибиртета 3 тыс. руб. [3. 1914. 29 нояб.]. Томский комитет общества получил по 1 тыс. руб. от торгового дома «Е. Кухтерин и сыновья» и «Технико-промышленного бюро», а также 2 тыс. руб. от мещанского общества [3. 1914. 18 нояб.; 1915. 28 янв.]. Постановление об ассигновании 1 тыс. руб. Сибирскому обществу было принято на частном совещании гласных городской думы в Бийске [3. 1914. 14 дек.]. Около 100 тыс. руб. удалось собрать на изготовление белья и подарков для раненых С. В. Востротину [9. С. 225]. В Енисейской губернии Сибиртет пользовался поддержкой многих организаций. Правления кредитных товариществ, купеческие общества, городские общественные управления делали вступительные взносы и вносили пожертвования [4. С. 198].

Организаторы и активисты Сибиртета предпринимали серьезные усилия для обеспечения консолидации и солидаризации местного населения за счет привлечения максимально широких его слоев к деятельности общества. С этой целью ставилась задача создания отделов в уездах, селах и деревнях [3. 1914. 11 нояб., 18 нояб., 19 нояб.; 1915. 29 окт.]. В декабре 1914 г. городские отделы общества разослали по волостным правлениям воззвание комитета с изложением целей общества и призывом ко всем общественным организациям, частным учреждениям и отдельным лицам поддерживать его деятельность [2. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6892. Л. 3]. Несмотря на то, что воззвание было разрешено военной цензурой, местная администрация наложила запрет на его распространение среди сельского населения и распорядилась немедленно вернуть тексты, поступившие в волостные правления. Формальным поводом для этого распоряжения послужило отсутствие необходимой санкции губернского начальства, а подлинной причиной — небезосновательное опасение, что «общество это (Сибиртет. — О. Х.) поставило своей задачей... объединение всех сибирских научных и общественных организаций» [2. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6892. Л. 19—24].

Тем не менее в октябре 1915 г. руководство Сибиртета вновь обратилось во все отделы с просьбой ознакомить с деятельностью общества жителей сел, деревень и других населенных пунктов. При этом напоминалось об уставном положении, согласно которому для открытия отдела достаточно было наличия 5 членом-учредителей [3. 1915. 29 окт.]. Это условие заметно упрощало процедуру создания отделов общества.

Вместе с тем недовольство местных деятелей Сибиртета вызывал установленный уставом размер членского взноса. Действительные члены общества должны были вносить в кассу единовременно 10 руб., а почетные — 500 руб. единовременно или же по 100 руб. ежемесячно в течение деятельности общества [2. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6892. Л. 11]. Считая этот взнос «вполне аристократическим» и «парализующим» деятельность отделов, представители либерально настроенной общественности рассматривали его как главное препятствие на пути демократизации состава Сибиртета [3. 1914. 13 дек.]. Они предлагали снизить членский взнос и тем самым предоставить возможность вступить в общество широкому массам населения, в том числе сельского. На учредительном собрании томского отдела 16 ноября 1914 г. по предложению Е. Л. Зубашева в качестве временной меры было решено допустить рассрочку 10-рублевого членского взноса, чтобы «облегчить большему числу лиц вступление в томский отдел помощи раненым воинам». Решение было подтверждено на заседании комитета отдела 17 ноября и рекомендовалось через газету «Сибирская жизнь» как средство демократизации состава всем местным отделам [3. 1914. 18 нояб., 19 нояб., 13 дек.]. Найдя доводы сибиряков в пользу снижения членского взноса убедительными, руководство Сибиртета при переработке устава учло их требования.

Кроме того, новый устав, утвержденный в марте 1915 г., в соответствии с пожеланиями местных либералов не содержал положения об ограничении деятельности общества периодом войны, что позволяло рассчитывать на использование его в качестве центра консолидации сил местной общественности и в послевоенный период, а также предусматривал расширение сферы деятельности общества за счет включения в нее вопросов местного городского управления [1. С. 134]. Воспользовавшись новыми уставными полномочиями, Сибиртет уже летом 1915 г. представил в Государственную думу и Государственный совет докладную записку о необходимости срочного введения земства в регионе [3. 1915. 20 авг.].

Следует подчеркнуть, что создание и деятельность Сибиртета были не единственным примером проявления стремления местной общественности к конструированию региональной идентичности в новых условиях. Симптомы

актуализации региональной идентичности нашли отражение и в ряде других общественно-политических практик этого времени. Задачу консолидации общественных сил ставили перед собой организаторы состоявшегося в Омске в апреле 1915 г. съезда представителей городов Западной Сибири, на котором была принята резолюция об образовании Западносибирской областной организации ВСГ [2. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2969. Л. 377; 10. Ф. 270. Оп. 1. Д. 652. Л. 7—9]. В апреле 1916 г. состоялся первый областной съезд представителей городов Восточной Сибири, инициаторы созыва которого, по словам Е. Л. Зубашева, преследовали цель «сплочения разнородных по своим общественно-политическим взглядам элементов» [3. 1916. 30 апр.; 11. Ф. 600. Оп. 1. Д. 884. Л. 63]. Приняв резолюцию об образовании областной организации городов Восточной Сибири и признав целесообразным «по местным условиям» создание на огромной территории Сибири нескольких областных организаций, съезд вместе с тем высказался и за формирование общесибирской организации «в целях объединения работ, касающихся в одинаковой степени всех районов Сибири». Создание этой организации должно было стать предметом обсуждения съезда городов всего региона, созыв которого провозглашался ближайшей задачей [12. Ф. 300. Оп. 1. Д. 357. Л. 4]. Таким образом, имеются основания рассматривать всплеск региональной идентичности как значимую тенденцию в сибирском социуме этого времени, как отражение настроений, получивших широкое распространение.

По мере обострения общенационального кризиса идеи консолидации и солидаризации сибирского населения утрачивали свою изначальную привлекательность, уступая место иным ценностным ориентирам и устремлениям, связанным с социальной и политической поляризацией общества и усилением конфронтации различных его слоев и групп. Обострение общенационального кризиса в стране привело к размыванию региональной идентичности, актуализация которой в условиях военного времени во многом имела ситуативный характер. В этой связи постепенное свертывание деятельности Сибиртета было вполне закономерным: новые условия делали востребованными иные формы общественной и политической активности и придавали иную направленность общественно-политическим процессам в регионе.

Источники и литература

1. Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. — Томск, 1978.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО).
3. Сибирская жизнь. — Томск.
4. Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905—1917 гг. — Иркутск, 1997.
5. Сибирская мысль. — Красноярск. — 1916. — 24 авг.
6. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО).
7. Бороноев А. О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. — СПб., 2003.
8. Зайнутдинов А. Э. Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX—XX вв. к современному сибирству // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — Т. XV. — № 2 (61).
9. Мосина И. Г. Представительные и политические организации буржуазии в Сибири в период империализма: дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1967.
10. Исторический архив Омской области (ГАОО).
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
12. Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО).

АНИСИМОВ А. Л.

**ФИНАНСОВЫЕ ОРГАНЫ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Российский Дальний Восток в период Первой мировой войны был в наихудшем положении по сравнению с остальными регионами Российской империи. Как отмечал известный российский исследователь денежного обращения на восточных окраинах России А. И. Погребецкий, удаленность от центра всегда являлась серьезной помехой для нормального функционирования финансового аппарата, хотя Дальний Восток и справлялся с перебоями денежного обращения.

Пограничный регион тяжело переживал резкие изменения в системе финансовых органов, связанные с революцией, Гражданской войной и интервенцией, которые происходили в России и на ее дальневосточной окраине в конце Первой мировой войны в 1917—1918 гг., и расстройством денежной системы. Административная чересполосица и политические пертурбации еще более усугубляли положение [6. С. 1].

В состав Приамурского генерал-губернаторства входили Приморская, Амурская, Камчатская, Сахалинская и Забайкальская области, Владивостокское военное губернаторство. Административным центром генерал-губернаторства был г. Хабаровск.

Приамурский генерал-губернатор имел право устанавливать особые сборы с иностранного каботажа; сборы со всех судов, плавающих по рекам края и Амурскому лиману; размер оброчной подати и льготы по ее платежу с лиц китайской и корейской национальности, подданных России; сборы с проживавших в крае китайцев и корейцев.

Кроме специальных сборщиков, разбросанных по всему краю, на Дальнем Востоке имелись казначейства: Благовещенское Пристань-Зейское в Амурской области, Петропавловское в Камчатской области, Сахалинское казначейство, находившееся в посту Александровском (ныне г. Александровск-Сахалинский) в Сахалинской области, Николаевское, Хабаровское и Владивостокское, Никольск-Уссурийское и Иманское казначейства Приморской области. По счетной части они были подчинены Амурской

казенной палате, а по административной — военным губернаторам областей. Исполнение бюджета страны и контроль за расходованием государственных средств в российском государстве традиционно проводились казначейскими учреждениями.

Казначейства оказывали банковские услуги населению, такие как размен денег, покупка и продажа билетов государственного казначейства, уплата процентов по купонам от главнейших процентных бумаг и капитала по бумагам, вышедшим в тираж, и билетам государственного казначейства истекших сроков, переводные операции физическим и юридическим лицам, операции сберегательных касс, прием и выдача денег за счет учреждений государственного банка.

Наряду с основными банковскими операциями казначейства активно работали и с ценными бумагами — занимались инкассированием векселей, учтенных учреждениями государственного банка, и покупкой-продажей 4 % государственной ренты. Казначействам также предписывалось распределять в определенном процентном соотношении между государственной казной и земствами поступающие поземельные сборы. Это свидетельствовало о развитии принципа самостоятельности местных бюджетов, которые являлись независимыми от центральной власти. Распоряжались ими органы местного самоуправления.

Все казначейства состояли в ведомстве Департамента государственного казначейства и подчинялись соответствующим казенным палатам. Казенные палаты никаких доходов не собирали

и денежных средств не хранили, а лишь осуществляли надзор и контроль за деятельностью казначейств. Личный состав казначейств определялся особыми штатами и распоряжениями министра финансов.

Предметами ведения казначейств в то время были:

- прием и хранение всех принадлежащих государственному казначейству доходов;
- производство расходов и высылка сумм из поступающих в казначейство доходов;
- продажа всякого рода гербовой бумаги, гербовых марок, бланков, свидетельств и патентов;
- выдача промысловых свидетельств и бесплатных промысловых билетов;
- счетоводство по всем поступающим в казначейство доходам и возложенным расходам, а также по порученному для хранения и продажи казенному имуществу;
- банковские операции: открытие текущих счетов, размен денег, уплата процентов по купонам, перевод денег.

Казначейство начинает активно участвовать в государственном кредитовании. Через его учреждения производились оплаты ассигновок, а также выдача коммерческих кредитов (от имени госбанка и в случае, если в данной местности отсутствовали какие-либо банковские учреждения). Значительно увеличивается объем операций по покупке-продаже ценных бумаг.

В Амурской области, в г. Благовещенске, находилось казначейство, состоявшее из казначея, старшего, бухгалтера и других чинов согласно штату. К 1917 г. Благовещенское казначейство из уездного стало окружным [2. С. 47].

В г. Зея-Пристань существовало свое казначейство, подчиненное Амурской казенной палате.

В г. Владивостоке Приморской области располагался Областной статистический комитет, который подчинялся Амурской казенной палате казначейства.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война и последующие за ней революционные события приостановили процесс формирования системы государственного финансового контроля на Камчатке вплоть до 1920-х гг. [5]. Податная инспекция на Камчатке была образована в 1917 г.

В Хабаровске располагалась Амурская казенная палата, которая в своей деятельности подчинялась непосредственно министру финансов и руководствовалась правилами делопроизводства, счетоводства и отчетности (наряду с казначействами Амурской и Приморской областей), существовавшими для казенных палат и казначейств империи, с изменениями, определенными министерством финансов. Местный надзор за исполнением постановлений о производстве торговли и промыслов возлагался исключительно на участковых надзирателей по акцизной части. Акцизными сборами Амурской, Приморской и Забайкальской областей заведовало Приамурское акцизное управление. Для ревизии отчетности по оборотам областей существовала Амурская контрольная палата в Хабаровске [4. С. 65—68].

Казенная палата распоряжалась всеми финансовыми средствами. Главными ее функциями были сборы окладные, подушные и оброчные, основанные на проходящих ревизиях. Сюда относились проведение ревизии и выявление перемен, происходящих от перечислений, переселений и новых поселений, в налоговой сфере; сбор ясака различными шкурами и продажа их; сборы неокладные, за гербовую бумагу, паспорта и др., пошлины; земская повинность; учет доходов от оброчных статей (солеварение, курение вина); подати и расчеты, связанные с рекрутским набором.

Казенная палата ведала всеми сборами и доходами, получаемыми не только от инородцев, но и с русского населения. Основными плательщиками оставались крестьяне и мещане. Они составляли основную массу населения Дальнего Востока и несли земские повинности. Земские повинности оплачивались либо личной работой, либо наймом посредством денежного сбора. Первые именовались личными, вторые — денежными. Все эти повинности простирались на все податные сословия людей, населявших Дальний Восток.

На местах существовал специальный институт финансовых работников, занимавшихся вопросами сбора налогов, — податных инспекторов. Губернаторам высочайше предписывалось откомандировывать полицейских чинов в помощь податным инспекторам в случаях, когда им оказывалось сопротивление при выполнении

должностных обязанностей по обеспечению сбора податей [4. С. 47].

На податных инспекторов возлагались определенные обязанности:

- постоянное наблюдение за правильностью торговли на назначенных им участках;
- участие в качестве чиновников казенных палат в генеральных проверках торговли;
- председательствование в уездных податных присутствиях, образуемых для раскладки дополнительного сбора с торговли и промыслов;
- содействие казенным палатам по приведению в известность ценности и доходности имущества, подлежащих обложению в доход казны [4. С. 53].

Обнаружив ошибку в действиях правительственных или общественных установлений по взиманию и распределению казенных сборов, податной инспектор не делал по этому поводу никаких распоряжений собственной властью. О замеченной им неправильности надлежало доносить в Казенную палату.

На инспекторов также ложилась обязанность собирать данные об экономическом развитии и возможностях поиска новых источников обложения в регионе. Так, в течение года они должны были предоставить данные о годовых оборотах, условиях производства и предполагаемой прибыли каждого предприятия. Министерством были специально разработаны формы учета — списки всех находившихся на участке предприятий.

На территории проживания коренного населения Дальнего Востока существовала особая система финансовых органов, связанная с традиционной родовой системой управления и государственными финансовыми органами. На родовом управлении лежала обязанность сбора податей.

На инородческие управы были возложены обязанности раскладки и сбора ясака и повинностей [7. С. 23]. Инородческие управы представляли собой высшую ступень инородческого управления. Каждой из них подчинялись несколько стойбищ одного рода и их родовые управления. Управа состояла из головы, двух выборных и, по необходимости, письмоводителя.

Каждое стойбище имело родовое управление, состоявшее из старосты и одного или двух его

помощников, выбираемых из почетных и лучших родовичей. В зависимости от местных обычаев староста или избирался, или наследовал это звание [7. С. 21]. У племен, не имевших инородческих управ, были родовые старосты. Бродячие инородцы не участвовали в денежных земских повинностях и расходах на содержание степного управления и были освобождены от гербового сбора (ст. 40 «Положения об инородцах»). Они управлялись старостами, которые пользовались правом родового управления и инородческой управы. Особым видом инородческого управления являлись сугланы (мирские инородческие сходы) и ярмарки. Сугланы назначались для сбора податей и иногда перерастали в ярмарки.

Закон об инородцах ограничивал разъезды чиновников по инородческим стойбищам. Однако отправление чиновников для сбора податей допускалось на ярмарки и сугланы, если они располагались на расстоянии более 100 верст от места нахождения полицейского управления, и в инородческие стойбища при накоплении значительных недоимок или если в течение 2 лет инородцы этого стойбища не доставляли податей и сборов на ярмарки и сугланы [7. С. 25—26].

Кочевые и бродячие инородцы облагались ясаком через особые комиссии, которые с этой целью посылались в их кочевья. Комиссии были обязаны налагать ясак отдельно на каждый род без отягощения (ст. 755 Закона об установлении прямого налогообложения 1914 г.). Каждый род должен был платить ясак по числу своих ревизских работников-мужчин, имевших возраст от 18 до 50 лет на момент общей переписи, и по тому окладу, который был положен на каждого работника последней комиссией (ст. 756 Закона об установлении прямого налогообложения от 1914 г.). При общей переписи род освобождался от уплаты ясака за умерших и выбывших по другим причинам из рода и перешедших 50-летний возраст. На место выбывших вводились мужчины, достигшие 18-летнего возраста. В связи с этим при каждой переписи допускалось уменьшение или увеличение суммы ясака в зависимости от убыли или прибыли членов рода. За бывших работников платили ясак до следующей переписи по раскладу между собой [7. С. 68—69].

В соответствии с «Правилами для местностей, на кои не распространяется положение о порядке

взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ» в Приамурском крае окладные листы составлялись по сельским обществам и в первых числах января каждого года рассылались местными казначействами через волостные правления. Сельский сход производил разверстку между членами сельского общества. Дело по взиманию окладных сборов в Приамурском крае было сосредоточено в ведении полиции и областного правления и заменявших его учреждений. А имевшиеся в Амурской, Приморской и Сахалинской областях органы податного надзора — податные инспекторы — никакими правами в этом отношении не пользовались [7. С. 82].

После Февральской революции 1917 г. на Дальнем Востоке были ликвидированы местные органы самоуправления Российской империи. Начала создаваться система Советов. 4 марта во Владивостоке был образован Владивостокский временный Совет рабочих и военных депутатов, который создал Комитет общественной безопасности в составе 5 чел. Делегаты избрали также исполнительный комитет Совета, в который вошли 34 чел. В этот же день Советы рабочих и солдатских депутатов были созданы в Чите и Хабаровске, Совет рабочих депутатов — в Харбине, а через день возник Совет рабочих депутатов в Благовещенске. Советы сосредоточили в своих руках всю полноту власти, включая финансовую.

27 февраля 1917 г. самодержавие было свергнуто, победила буржуазно-демократическая революция. 4 (17) марта Владивостокский Совет постановил, что он является революционным центром трудящихся города и его окрестностей. В марте — апреле почти во всех населенных пунктах Приморья были созданы Советы. С 1 по 7 мая во Владивостоке прошел I краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Дальнего Востока, на котором присутствовали делегаты от Приморской, Амурской и Сахалинской областей и от КВЖД. На съезде был избран краевой комитет Совета рабочих и солдатских депутатов.

Одновременно на Дальнем Востоке возникли и другие органы, претендовавшие на власть: комитеты общественной безопасности, земства и другие. В начале марта комитеты общественной безопасности были созданы во Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске. Комитеты общественной безопасности были органами Временного правительства и имели формальные права,

утвержденные Временным правительством. Председателем Владивостокского комитета общественной безопасности стал городской голова кадет В. Ющенко, временный комиссар Временного правительства в Приморской области. В марте 1917 г. Временное правительство назначило своего специального комиссара по делам Дальнего Востока. Одновременно были утверждены и областные комиссары. 14 мая во Владивосток прибыл областной комиссар Временного правительства Милеев.

19 марта Владивостокский Совет принял решение распустить Комитет общественной безопасности и провести выборы в новый комитет. На следующий день исполнительное бюро Комитета общественной безопасности сложило свои полномочия и передало всю полноту власти Совету. Новый Комитет общественной безопасности фактически потерял самостоятельное значение, служа лишь посредником между Временным правительством и Советом и выполняющая функции формальной власти. Установилось двоевластие, хотя фактически власть сосредоточилась в Совете. Постепенно Совет обретал административно-политическую власть не только в городе, но и в области.

В сентябре Совет аннулировал полномочия приморского областного комиссара Временного правительства, что вызвало протест краевого комиссара Временного правительства. Он заявил, что действия Владивостокского Совета являются незаконными.

23 октября 1917 г. I съезд Советов Сибири избрал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь), постоянным местом нахождения которого стал г. Иркутск. Его власть распространялась и на районы Дальнего Востока.

26 октября 1917 г. во Владивосток пришло известие о победе Октябрьской революции в Петрограде. 5 ноября Владивостокский Совет принял решение о взятии власти в свои руки. 6 декабря 1917 г. Хабаровский Совет официально заявил, что власть переходит в его руки. В Благовещенске комиссар Временного правительства Кожевников сложил свои полномочия перед земским собранием, и 7 декабря земская управа объявила себя единственной законной властью в Амурской области. 11 декабря комиссар Временного правительства Русанов

созвал в Хабаровске совещание представителей земств и городских дум. Совещание решило принять власть от Русанова и избрать временное краевое бюро представителей земств и городских самоуправлений Дальнего Востока, которому передавалась вся полнота власти. В ночь

на 12 декабря бюро выехало в Благовещенск, где в распоряжении № 1 объявило себя высшим временным органом краевой власти. Камчатский областной комитет признал власть краевого земского бюро [3. С. 133—136]. После прихода к власти большевиков Россия вышла из войны.

Источники и литература

1. Беликова Л. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Приморье (1917–1918 гг.). — Владивосток, 1957.
2. Берестенко Н. В. Из истории налоговой службы в Амурской области // Амурский краевед. Матер. науч.-практ. конф. (январь 2005 г.). — Благовещенск, 2005. — Вып. 22.
3. Бойко-Павлов Д. И., Сидорчук Е. П. Так было на Дальнем Востоке. — М., 1964.
4. Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы / сост. Н. А. Троицкая и А. А. Торопов. — Владивосток, 1999.
5. Коростелев Д. А. Краткий исторический очерк становления и развития финансового управления на Камчатке (XVIII—XX вв.) [Электронный ресурс]. URL: http://kamchatka.gov.ru/?cont=oi_v_din&menu=4&menu2=0&id=168&oi_v_id=3435 (дата обращения: 20.02.2012).
6. Погребецкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период Войны и Революции (1914—1924). — Харбин, 1924.
7. Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края // Материалы по изучению Приамурского края. — Вып. XXVI. — Хабаровск, 1916. — С. 12, 67—68.

Вторушин М. И.

СНАБЖЕНЧЕСКИЙ КРИЗИС СИБИРСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1916 гг.)

Первая мировая война явилась серьезным испытанием для экономики Российской империи. Затянувшиеся военные действия привели к острому кризису, в первую очередь, промышленности, что отразилось на потребительском рынке страны, в том числе и Сибири. Кризис русской промышленности приостановил процесс механизации труда в сибирской деревне, который начался в период аграрной реформы 1906 г., поскольку, выполняя срочные казенные заказы на боеприпасы и оружие, она прекратила выпуск техники для аграрного сектора народного хозяйства из-за отсутствия металла [1. С. 385]. Кроме того, в регион резко сократились поставки и продажа оборудования и машин сельскохозяйственного назначения из-за разрыва хозяйственных связей со странами германского блока [2. С. 90].

Народное хозяйство Сибири особенно остро нуждалось в кровельном и полосном железе. В то же время главный поставщик металлопродукции в регион — уральские заводы — переживал резкий спад производства. Так, в 1916 г. из 92 домен стояли 25 общей производительностью 1 млн 700 тыс. пд., из них 20 не работали из-за отсутствия сырья [2. С. 90]. В 1916 г. выпуск кровельного железа на заводах Урала сократился с 14,6 млн до 8 млн пд. Владельцы заводов, представленные в Комитете по делам металлургической промышленности, предпочли переложить проблему снабжения железом населения Сибири на плечи правительства — «что же касается обеспечения потребностей населения, то, по мнению Комитета, было бы целесообразно, чтобы нужное количество кровельного железа закупало и распределяло Министерство земледелия» [2. С. 99]. Правительство, чтобы решить эту проблему и обеспечить топливом заводы Урала, попыталось наладить доставку каменного угля из Кузнецких и Судженских копей, но эта попытка встречала большие трудности из-за перегруженности Транссибирской магистрали. Организация «железнодорожно-водных перевозок» сибирского угля из-за недостатка сил речного флота, трудностей пути и больших расходов окончилась неудачей [3. С. 147].

Намерение правительства снабжать Сибирь железом при содействии Министерства земледелия полностью провалилось, поскольку на одни лишь военные нужды в 1916 г. необходимо было заготовить до 10 млн пд. кровельного железа [2. С. 99]. Поэтому осенью 1916 г. твердые цены на металл в Сибири превышали довоенные на 70—300 %, а на частном рынке — в 6—10 раз [3. С. 142]. По сведениям биржевых комитетов, средняя продажная цена кровельного железа в январе 1916 г. была равна 3 руб. 75 коп. с колебаниями от 3 руб. 50 коп. до 4 руб. за пуд [2. С. 101].

В этих условиях возросло значение общих поставок из-за границы. Надо отметить, что еще с довоенного периода техническое обеспечение аграрного сектора народного хозяйства Сибири оказалось в руках иностранных фирм, так как за счет ввоза сельскохозяйственного инвентаря Россия удовлетворяла более половины своих потребностей. Если за 3 довоенных года предприятия страны произвели машин и инвентаря для сельского хозяйства на 163 млн руб., то из-за границы их завезли на 172,5 млн руб. С 1911 по 1914 гг. в Сибирь было завезено сельскохозяйственного инвентаря на 76,7 млн руб., из них более 70 % всех поставок имели иностранное происхождение [4. С. 52]. Кроме экспорта, иностранные фирмы занимались прямой продажей аграрного инвентаря для нужд местного населения, захватив рынок сбыта на две трети [4. С. 53].

Таким образом, техническое обеспечение аграрного сектора региона в значительной мере зависело от импорта [5. С. 127–142]. Это являлось угрозой национальным интересам России, поскольку в случае большого международного кризиса поставки из-за границы сразу же нарушались, а импортная техника, которая эксплуатировалась в народном хозяйстве в больших размерах, оказывалась под угрозой выхода из строя из-за отсутствия запасных частей, что и произошло в годы Первой мировой войны, а затем во время экономической блокады Советской России.

Надо учитывать, что большая часть сельхозтехники, применявшейся в Сибири, была ненадежна в эксплуатации, поэтому постоянно требовала

ремонта и дорогостоящих запасных частей. За 1911 г. запасные части к сельскохозяйственным машинам были проданы на сумму 200 тыс. руб., а в 1912 г. — уже на 350 тыс. руб. В. М. Самосудов, анализируя принципы экспортной политики иностранных фирм, писал: «поставляя на сибирский рынок машины, они “забывали” завозить запасные части к ним» [4. С. 56].

О глубине кризиса снабжения сельскохозяйственной техникой Сибири, например, западной ее части, можно проследить по записке, поданной представителями Всесибирского совета кооперативных съездов в начале 1919 г. в Совет министров российского правительства А. В. Колчака [6].

Таблица 1. Поступление в Западную Сибирь сельскохозяйственных орудий и машин

Год	Объем завоза в Западную Сибирь, пд.
1913 г.	4 339 168
1914 г.	2 329 029
1915 г.	1 364 214
1916 г.	597 554

Приведенные в таблице 1 данные относятся как к завозу в регион импортной машинной продукции, так и к поставкам из других областей России. Например, поставки в Западную Сибирь сельскохозяйственных орудий в 1916 г. составили менее одной седьмой части нормального завоза 1915 г. [6]. Эти данные говорят о зависимости Сибири, например, от поставок промышленной продукции из США [7. С. 90–92], из которых еще до войны в значительных объемах ввозились машины и запасные части [8. С. 244]. В результате сложилась зависимость аграрного сектора

края от экспорта техники и комплектующих деталей иностранного производства [4. С. 64].

Надо отметить, что в период войны американский экспорт в Азиатскую Россию непрерывно возрастал. Если в 1914 г. американский завоз промышленной продукции в регион составил в денежном выражении 1 млн 050 тыс. долларов, то в 1916 г. — уже 124 млн 317 тыс. долларов [4. С. 65]. О значении поставок из США говорят данные таблицы 2 [7. С. 91].

Таблица 2. Динамика развития экспортных поставок из США, тыс. долларов

Номенклатура поставляемых товаров	в 1915 г.	в 1916 г.	в 1917 г.
Сельскохозяйственные машины и шпагат	1517	2846	1145
Автомобили, вагоны, паровозы	16 120	15 163	3670
Рельсы и прочий металл	6702	8926	5858
Станки для обработки	230	3076	1799
Предметы одежды и обуви	311	5531	235
Прочие предметы	9899	30 193	15 283

Сокращение американских поставок в начале 1917 г. имело существенное негативное влияние как на обеспечение народного хозяйства региона техникой, так и на потребительский рынок Сибири [6]. Это отразилось в первую очередь на аграрном секторе края, так как основная масса крестьян вынуждена была по-прежнему использовать примитивную технику или арендовать усовершенствованные орудия труда у кулаков. Так, еще до войны статистические органы выявили в крестьянских хозяйствах Акмолинской области 134 тыс. косуль, 21 тыс. деревянных плугов, 400 тыс. деревянных борон и 54 тыс. железных плугов [9. С. 17].

После вступления США в войну фирмы-поставщики этой страны свели свои поставки

сельскохозяйственных машин, комплектующих к ним материалов и запасных частей в Сибирь почти к нулевой отметке, что привело к выходу из строя значительной части полевой техники [6]. Уже в 1917 г. исправные машины и орудия в аграрном секторе Сибири составляли лишь 63 % всех наличных и 49 % от общего числа необходимых [10. С. 204].

По данным Союза сибирских кредитных союзов (Сибкредсоюз), региональные организации которого активно кредитовали закупки и продажу сельхозтехники, комплектующих материалов и запасных частей, в конце войны потребности сибирского населения в этих товарах выражались в очень крупной сумме почти в 255 млн руб. (таблица 3) [6].

Таблица 3. Потребность аграрного сектора Сибири в сельскохозяйственных машинах и сопутствующих материалах, млн руб.

Сельскохозяйственные машины и орудия	78 308 000
Шпагат	30 347 000
Запасные части к сельскохозяйственным машинам	15 347 000
Металлы разные	36 470 000
Изделия из металла	16 450 000
Предметы технического оборудования и смазочные материалы	50 295 000
Перевозочные средства и другие щепные товары	27 500 000
Итого	254 999 000

Необходимо отметить, что деревня Сибири острее переживала кризис снабжения сельскохозяйственной техникой, так как она была в 2 раза лучше обеспечена усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями труда, чем крестьяне Европейской России [11. С. 11].

Местная индустриальная база накануне войны была очень слабой, в первую очередь, из-за отсутствия в регионе каких-либо форм металлургии и машиностроения, что серьезно сказывалось на внутренних потребностях населения края. Так, имевшиеся железоделательные заводы (Петровский, Николаевский, Абаканский и Гурьевский) имели производительность до 600 тыс. пд. чугуна в год, но после открытия Транссибирской магистрали не выдержали конкуренции с заводами юга России и Урала и были закрыты. В годы войны они по-прежнему стояли, хотя Металлургический комитет стремился восстановить их работу [2. С. 129].

В военный период в Сибири промышленность была представлена в основном мелкими предприятиями по переработке аграрного сырья, которые в мирное время полностью ориентировались на вывоз своей продукции в метрополию. Эти заведения давали до двух третей всей промышленной продукции. Основное место принадлежало пищевкусовому производству, в первую очередь, мукомольно-крупяным мельницам. В совокупном объеме продукции перерабатывающей промышленности мукомольное производство составляло 61,3 %, затем шли маслоделие — 22,4 % и винокурение — 16,3 % [12. С. 26]. Горнодобывающие предприятия давали в общем валовом продукте сибирской промышленности около одной трети. На первом месте находилась золотодобыча. Несмотря на определенные успехи промышленности Сибири в довоенный период, ее доля производства

в общем объеме валовой продукции промышленного производства России составляла всего около 2 % [12. С. 28], поэтому она была практически непригодна для удовлетворения потребностей местного населения в фабричных товарах.

Неразвитая структура сибирской промышленности, сложившаяся еще в довоенный период, в случае кризиса индустрии в Европейской России не могла преодолеть товарный дефицит ряда изделий в регионе своими силами. В первую очередь это касалось изделий из металла, так как металлургическая и машиностроительная отрасли в структуре сибирской промышленности составляли чуть более 1 %. Налицо имела устойчивая зависимость сибирского народного хозяйства, как указывалось выше, от поставок необходимых металлоизделий и делового железа из Европейской России и с заводов Урала. Годовая потребность сибирского края в этих товарах составляла в объеме 11—15 млн пд. [7. С. 112].

Война дала определенный стимул к развитию сибирской индустрии, что должно было способствовать известному насыщению региона фабричными товарами местного производства. Так, если в 1900 г. в Сибири было 167 кожевенных заведений, то в 1917 г. — уже 423 [13]. По другим данным, в 1914 г. в регионе было до 700 предприятий по переработке кож, а в 1917 г. их количество достигло 1120 [14. С. 58].

Стимулировали развитие кожевенной промышленности в регионе и неудачи правительства при закупке готового сырья за границей, где оно стало жертвой мировых спекулянтов. Имея информацию о намерении правительства России приобрести большую партию готовой кожи в США, английские перекупщики скупили все ее запасы в Америке, в результате чего цена на этот товар была поднята на 20 %. Как выяснилось позже, за последние 5 месяцев 1916 г. в Англию наряду с отправкой из США огромного количества обуви было вывезено 13 млн 898 тыс. фунтов кожи, что намного превышало собственную потребность страны. России пришлось приобретать кожу не на рынке Америки, а у английских спекулянтов, которые за посредничество взяли 10 % сверх цены на мировом рынке. Таким образом, правительство заплатило за эту кожу на 30 % больше ее начальной цены.

Вся спекулятивная махинация принесла бюджету России убыток в 4 млн 080 тыс. долларов [15. С. 283].

В годы войны в Сибири выросло количество мыловаренных заводов. В 1916 г. действовало уже 262 предприятия этого производства (по другим данным, 206 [14. С. 50]), что покрывало все потребности населения края, но стоимость пуда мыла возросла с 5 руб. в довоенный период до 150 руб. в годы войны, сделав его недоступным большинству населения [7. С. 120].

В годы войны возникло несколько суконных фабрик, но вся их продукция уходила на удовлетворение нужд фронта, так как в основном фабрики вырабатывали армейское сукно. Среди предприятий по производству товаров народного спроса имелось 5 спичечных фабрик, выпускавших до 200 тыс. ящиков в год. Действовало 8 стекольных заводов мощностью до 60 тыс. пд. в год, 2 табачные фабрики, 7 крахмальных заведений, 2 фарфоровые и несколько маслосточных фабрик [14. С. 50], но владельцы предприятий в основном ориентировались на казенные заказы, отказавшись от поставок на сибирский рынок.

В лучшем положении оказалась лесная промышленность, которая подчинялась лесному ведомству Министерства государственных имуществ. Во время войны казенные лесные заготовки в регионе резко увеличились из-за начавшегося в метрополии топливного кризиса. Сибирь должна была обеспечивать дровами Петроград, Москву, Киев и поволжские города и одновременно поставить для железных дорог до 12 млн шпал и до 450 тыс. куб. саженой дров. Кроме того, военное ведомство выдало огромные заказы на снарядные ящики, ложа винтовок, колесные ободья, древесный спирт, канифоль, формалин, сажу и т. д. Для выполнения этих заданий в крае увеличилось число предприятий лесной промышленности. Если в 1914 г. лесному департаменту подчинялись 9 лесопильных заводов, то в 1916 г. — уже 30 деревообрабатывающих и лесопильных предприятий [15. С. 22]. Всего на территории Сибири в период войны работало 127 лесопильных и 9 деревообрабатывающих предприятий [17].

Уровень развития местной промышленности, как указывалось выше, до 1914 г. мог удовлетворять лишь часть потребностей края. Поэтому возникшие в 1915 г. в регионе товарный кризис

и дороговизна вызвали оживление кустарного производства. Конечно, нельзя говорить о кустарной промышленности как об одном из серьезных источников, способных облегчить тяжелое положение страны, но, тем не менее, следует рассматривать ее как силу, которая позволяла хотя бы частично удовлетворить товарный голод городов и мест, расположенных вдали от производства [18. С. 49].

Подводя итоги, можно признать, что сложившийся в предвоенные годы дисбаланс отраслевой структуры народного хозяйства Сибири создал зависимость удовлетворения потребностей населения региона от поставок всех видов промышленных изделий из метрополии и из-за границы. В годы войны это привело к тотальному кризису снабжения, что стало предпосылкой к возникновению в Сибири революционной ситуации.

Источники и литература

1. Финн-Енотаевский А. Капитализм в России (1890—1917 гг.). — М., 1925.
2. Тарновский К. Н. Комитет по делам металлургической промышленности и монополистические организации // Исторические записки. — 1956. — № 57. — С. 80—143.
3. Залесский С. А. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны // Исторические записки. — 1956. — № 55.
4. Самосудов В. М. Паразитизм иностранного капитала в сельском хозяйстве Западной Сибири // Из истории Западной Сибири и Омской области. — Омск, 1963. — Вып. 20.
5. Лукин А. А. Американская монополия «Интернешнэл Харвестер Ко» в Сибири // Из истории Сибири. — Томск, 1971. — Вып. III.
6. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1015. Оп. 3. Д. 5. Л. 1.
7. Огановский Н. П. Народное хозяйство Сибири. — Омск, 1921.
8. Дроздов А. В. Сельскохозяйственное машиноснабжение сибирской деревни // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. — Омск, 1998. — С. 244—247.
9. Обзор Акмолинской области за 1914 г. — Омск, 1915.
10. Горюшкин Л. М. К вопросу о влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири 1861—1917 гг. — Новосибирск, 1967.
11. Соколов В. Сельское хозяйство Сибири // Жизнь Красной Сибири. — 1920. — № 2.
12. Московский А. С. Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма. — Новосибирск, 1975.
13. Известия Центросоюза. — 1918, 15 дек. — № 5.
14. Соколов В. Сибирское наследство // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. — Омск, 1920.
15. Бабичев Д. С. Деятельность русского правительственного комитета в Лондоне в годы Первой мировой войны (1914—1917) // Исторические записки. — 1956. — № 57.
16. Шапиро. К характеристике сибирской промышленности // Жизнь Сибири. — 1922. — № 3.
17. Советская Сибирь. — 1921. — 20 июля. — № 150 (510).
18. Николаев В. Кустарная промышленность Сибири // Красная Сибирь. — 1921. — № 2.

Черкасов И. А.

СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВОСТРОТИН В IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Степан Васильевич Востротин — одна из самых ярких личностей сибирской истории начала XX в. К его жизни и деятельности неоднократно обращались исследователи, в том числе А. А. Кара-Мурза [1], А. Н. Тимофеев [2], В. И. Федорова [3]. При этом деятельность С. В. Востротина в качестве депутата Государственной думы освещалась вкратце. Цель настоящей статьи — дать более подробный обзор работы С. В. Востротина на пленарных заседаниях и в комиссиях четвертой Государственной думы, время полномочий которой пришлось на крайне сложные для России годы Первой мировой войны, а также коснуться его деятельности в качестве комиссара Временного комитета Думы.

С. В. Востротин родился 18 декабря 1864 г. [4. Л. 31 об.], его отец — потомственный почетный гражданин, владелец десятка золотых приисков — происходил из крепостных крестьян Каслинского чугунолитейного завода. Степан Васильевич с отличием окончил Казанский ветеринарный институт и учился в Парижской медицинской школе у Луи Пастера, но после смерти отца вынужден был вернуться в Енисейск и принять семейное дело. Занимаясь предпринимательством, благотворительностью и общественной деятельностью, он снискал уважение своих земляков. С. В. Востротин являлся одним из лидеров партии кадетов Енисейской губернии, 22 мая 1911 г. он был избран депутатом третьей Государственной думы взамен скончавшегося В. А. Караулова. С. В. Востротин участвовал в работе по думской проверке внесенного правительством проекта бюджета на 1912 г. и работал в комиссии по мерам борьбы с пожарами. 25 октября 1912 г. он был переизбран в четвертую Думу.

В годы работы IV Думы Степан Васильевич входил в большое количество комиссий. Видную роль он играл в финансовой комиссии, где подготовил доклады «О содержании срочных сообщений в заливе Петра Великого и по побережью Приморской области из Владивостока до бухты Датты в течение 1915 г.» и «О беспопыльном пропуске через Архангельск, а также финские порты буковой клепки с обручами и без оных» [7]. Но главным своим делом в этой комиссии С. В. Востротин считал подготовку и обсуждение

доклада «Об организации срочных пароходных сообщений под русским флагом между портами Европейской России и устьями рек Оби и Енисея через Карское море».

Широко известна многолетняя работа Востротина по продвижению идеи использования Северного морского пути и восстановления режима порто-франко (беспошлинной торговли) в устьях сибирских рек. Идеей торговли Сибири с Европой через Северный морской путь Востротин увлекся давно, обстоятельно изучил историю мореплавания в Карском море и сам прошел этим путем сначала во время своего свадебного путешествия на корабле Дж. Виггинса, а в 1913 г. — на судне капитана И. Самуэльсена «Коррект» вместе с Ф. Нансеном. Путь этот был опасный, но вполне проходимый, и для активного развития торговли здесь нужно было только обеспечить выгодные условия — режим порто-франко. Однако правительство в данной ситуации поддерживало помещиков Европейской России, которые понимали, что при наличии северного порто-франко сибирский хлеб составит серьезную конкуренцию хлебу из Европейской России. Поэтому вся северная торговля России в начале XX в. шла, как при Рюриковичах, через Архангельск. Во время Первой мировой войны этот единственный военный порт на Севере не справлялся с огромным количеством грузов. Вывоз из Архангельска военных грузов по узкоколейной дороге был затруднен, и там скапливалось огромное количество необходимого

для армии товара: «ящики, лежавшие на земле, от тяжести наложенных поверх грузов буквально вращались в землю» [8]. Активные действия немецкого флота в Балтийском море парализовали балтийскую торговлю и наконец убедили правительство в необходимости использовать Северный морской путь.

Еще в юности С. В. Востротин познакомился с идеями областничества и с тех пор стал последовательным сторонником защиты особых интересов Сибири на всех уровнях. Областники стремились к созданию Сибирской областной думы для решения хозяйственных и культурных вопросов сибирских губерний и областей — такая дума должна была увенчать здание самоуправления в Сибири. Но прежде всего областники считали необходимым распространение на Сибирь земской реформы. Работая в комиссии по местному самоуправлению, С. В. Востротин продолжал дело В. А. Караулова, который был одним из основных разработчиков проекта о введении в Сибири земского самоуправления. Этот проект был принят III Думой, но отклонен Государственным советом.

В IV Думе была предпринята новая попытка добиться земского самоуправления для Сибири. К этому времени учреждения земства требовали уже многие регионы России. 29 февраля 1916 г. были внесены проекты о введении земских учреждений в Архангельской губернии, Тверской области, Области войска Донского и Сибири. Все законопроекты были направлены для разработки в комиссию по местному самоуправлению.

Обосновывая необходимость распространения на Сибирь земской реформы, Степан Васильевич критиковал намерение правительства разработать проект введения земств для Тобольской и Томской губерний, а для прочих губерний и областей провести лишь предварительное обследование на предмет подготовленности к реформе. Востротин говорил: «Таким образом ... вопрос самой коренной, безотлагательной нужды Сибири... откладывается на неопределенное будущее ... Сибирь уже давно ждет земских учреждений ... Ведь дореформенные порядки в Сибири и способ управления сковывают совершенно всю местную жизнь, не дают возможности развить производительные силы изобилующей колоссальными природными богатствами страны. Вопрос ... должен был получить надлежащее разрешение после

Высочайшего рескрипта на имя Иркутского генерал-губернатора гр[афа] Кутайсова от 5 апреля 1905 г., тогда еще Иркутскому генерал-губернатору поручалось приступить к разработке земского законопроекта ... С момента опубликования Высочайшего рескрипта ... прошло 11 лет, а после отклонения законопроекта в Государственном Совете четыре года и до сих пор мы не видим внесенного и разработанного правительством земского законопроекта... представители правительства и верхняя палата исполнены недоверия к демократической крестьянской Сибири и ее интеллигентным силам, а отсюда идет и довольно распространенная легенда о сибирском сепаратизме. Нельзя скрывать, что за долгий период сибирской истории там накопилось действительно много недовольства и горечи. На Сибирь смотрели как на далекую колонию, куда выбрасывались все отбросы Европейской России. Нигде произвол и беззаконие русского чиновничества не достигали такого апогея, как в Сибири. ... Сибирь и до сих пор остается колонией, местом ссылки и не имеет земства. Вот почему мы, сибиряки — убежденные сепаратисты, но сепаратисты особого рода. Мы давно, гораздо раньше, чем вы, поняли русскую правительственную власть, которая тормозила развитие России, задерживала ее поступательное движение вперед, а Сибирь оставляла без удовлетворения самых элементарных ее нужд... Мы действительно стремились отделиться от такой правительственной власти, но мы всегда были вместе с великой Россией... наша привязанность и любовь к России не только физическая, кровная, но мы с ней связаны глубокими духовными нитями... Пора, наконец, и за сибирским крестьянством и населением признать право на земское самоуправление. Надо обеспечить радостное возвращение нашим сибирским войскам на родину, где они нашли бы уже готовую организованную земскую помощь» [5. Ст. 2701—2707].

Законопроект был передан в комиссию, и работа над ним продолжилась. Сибирь получила земство 17 июня 1917 г. по закону Временного правительства «О введении земских учреждений в Архангельской губернии и в губерниях и областях Сибири». Земство было введено на всей территории Сибири — губернское, уездное и волостное (за исключением некоторых районов, населенных нерусскими народами). Избирательное право получили граждане обоего пола

с 20-летнего возраста, проживавшие в соответствующем городском поселении или волости. Таким образом, Сибирь получила такое же земство, как и остальная Россия.

В Думе рассматривался один из важнейших для повседневной жизни сибиряков законопроект об охоте. Степан Васильевич активно участвовал в корректировке этого законопроекта как член комиссии по охоте. Население значительной части Сибири жило в основном промыслами, и необходимо было тщательно следить, чтобы новый регламентирующий охоту документ учитывал интересы сибиряков. Всего в комиссии заседали трое сибирских депутатов, в том числе С. В. Востротин, для которого охота была любимым делом с юношеских лет. Он заявил себя противником основных положений законопроекта и по окончании обсуждения объявил, что законопроект вообще не соответствует Сибири [9. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 536. Л. 12]. Проект действительно, как показало обсуждение, нуждался в серьезной доработке. Предусматривался обширный список территорий, на которые законопроект не распространялся. Востротин добился внесения в этот список Анциферовской, Пинчугской, Кежемской и Идринской волостей Енисейской губернии.

С точки зрения С. В. Востротина, поскольку охота в Сибири была средством выживания, законодательство должно было создать для сибиряков льготные условия: разрешить охотиться на казенных землях (а это большинство земель Сибири) без специального разрешения, охотиться на некоторую дичь и зверей круглый год (как для пропитания, так и в целях безопасности — на хищников). Также Востротин указывал, что применяемая к задержанным браконьерам мера наказания — изъятие ружья — слишком сурова для тех, кто живет только охотой и не может позволить себе вновь приобрести дорогостоящее оружие. Представители ведомств и большинство комиссии выступили против столь широких охотничьих льгот для Сибири. Тем не менее Востротину удалось внести в проект ряд важных поправок. Так, в Сибири была с оговорками разрешена весенняя охота на уток и гусей [9. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 535. Л. 56]. Также Востротин добился того, чтобы добыча задержанных браконьеров не уничтожалась, а продавалась через ведомство (речь шла о дорогостоящих шкурках пушных зверей).

После начала Первой мировой войны Степан Васильевич неоднократно посещал армию; он стал одним из учредителей Сибирского общества подачи помощи больным и раненым и возглавил его красноярский комитет. С. В. Востротин состоял также членом Особого совещания по продовольственному делу, Центрального военно-промышленного комитета и Главного комитета Всероссийского союза городов (Согор).

Еще одна важная страница деятельности С. В. Востротина в годы войны — участие в комиссии по борьбе со вздорожанием продуктов первой необходимости, которая была создана Думой в 1915 г. Особенностью новой комиссии было то, что она имела объект занятий (дороговизна), но не имела предмета (Дума не передала в комиссию ни одного законопроекта, и комиссия была свободна в выборе направления своих занятий). В основу работы комиссии было положено предложение С. В. Востротина: «Устранение общих причин дороговизны крайне трудно. Надо изучить частные причины вздорожания отдельных предметов и наметить мероприятия по их удешевлению» [9. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 517. Л. 4 об.]. Были созданы четыре подкомиссии: по продовольствию, топливу, изделиям обрабатывающей промышленности и об участии земских и городских общественных управлений и кооперативов в борьбе с дороговизной.

Обсуждая участие городских и земских организаций в решении проблем дороговизны, комиссия пришла к решению о необходимости создания центрального органа, контролирующего продовольственный вопрос. Состав нового органа подробно не обсуждался, но комиссия была согласна на преобладающую роль в нем Земсоюза и Согора. В числе обязанностей общественных организаций по борьбе с дороговизной комиссия указала устройство городских складов муки, сахара и топлива, оборудование собственной хлебопекарни и мясных лавок, холодильников и общественных доходных домов.

С началом Первой мировой войны сессии Государственной думы созывались нерегулярно, в основном для принятия бюджета. Не работали во время думских каникул и комиссии. Часть депутатов уезжала в родные края, часть — на фронт. Многие трудились в общественных организациях. Поэтому, а также в силу отдаленности Енисейской губернии С. В. Востротин не мог часто посещать заседания

Думы. Однако он продолжал депутатскую работу другим образом, постоянно общался с избирателями. Внимание к нуждам избирателей было характерной чертой всех сибирских депутатов.

Депутатские запросы создавали большие неудобства для правительства: это было одной из причин, почему сессии Думы в тяжелые дни войны созывались редко. Когда Думу все же созывали, с ее трибуны лился нескончаемый поток критики в адрес исполнительной, а затем и верховной власти. Государственная дума сыграла немалую роль в формировании настроений, под воздействием которых в феврале 1917 г. российская монархия была сметена.

Февральская революция стала неожиданностью для Думы и ее Совета старейшин, которому пришлось брать на себя руководство ситуацией. Попыткой действий в этом направлении стало образование Временного комитета Государственной думы (ВКГД) во главе с М. В. Родзянко. Чтобы взять в свои руки контроль над ведомствами, ВКГД ввел институт комиссаров, которые командировались в государственные учреждения для контроля за их деятельностью.

Вечером 28 февраля С. В. Востротин узнал, что назначен комиссаром продовольствия в министерство земледелия [10. С. 462—463]. 1 марта он был назначен также комиссаром в Особое совещание по продовольствию. Степан Васильевич вспоминал: «...в распоряжении канцелярии находились сотни телеграмм с требованием о немедленной подаче хлеба не только в потребительские районы и города ... но и настойчивые требования о подаче хлебных продуктов и от разных участков расположения армии на фронте... Удовлетворить эти безотложные нужды можно было лишь ускорением передвижения продовольственных поездов» [10. С. 536]. С. В. Востротин вынужден был отправить несколько специальных поездов с продовольствием, имевшимся тогда в Петрограде.

3 марта Востротин подписал распоряжение о создании местных продовольственных комитетов.

12 марта 1917 г. С. В. Востротин был назначен товарищем нового министра земледелия А. И. Шингарева, затем — представителем ВКГД в Общегосударственном продовольственном комитете. Знания, полученные в годы думской работы, должны были помочь ему, однако частая смена министров Временного правительства влекла за собой и смену их ближайших помощников. В дальнейшем С. В. Востротин был членом Временного совета Российской республики (Предпарламента). В октябре 1917 г. Временное правительство распустило Государственную думу и упразднило ВКГД. Впоследствии С. В. Востротин безуспешно баллотировался в члены Учредительного собрания [11. С. 107].

Деятельность С. В. Востротина как депутата четвертой Государственной думы и позднее комиссара ВКГД была посвящена важнейшим для Сибири и России в целом вопросам. Именно в период работы в Думе были заложены предпосылки его активной роли в событиях Гражданской войны, а местный авторитет Степана Васильевича приобрел общероссийский характер. Вся страна узнала енисейского депутата по его речам в общем собрании Думы, а авторитет среди высшей бюрократии и руководства армии он приобрел благодаря работе в организациях, занимающихся помощью фронту.

После Октябрьского переворота 1917 г. С. В. Востротин возглавлял правительство при генерале Д. Л. Хорвате на Дальнем Востоке, затем при А. В. Колчаке находился во главе Комитета Севморпути. После С. В. Востротин оказался в эмиграции. В Китае и во Франции он занимался научной и публицистической деятельностью. Скончался Степан Васильевич 1 мая 1943 г. и был похоронен в Ницце на русском православном кладбище Кокад.

4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 819. Оп. 1. Д. 695.

5. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия IV. 1915—1916 гг. Заседания 1—60 (19 июля 1915 г. — 20 июня 1916 г.) — Пг., 1916.

6. Гордеев О. Ф. Февральская революция и сибирское земство [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-285904.html>.

7. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. IV созыв. Сессия IV. 19 июля — 3 сентября 1915 г. — Пг., 1915.

8. Родзянко М. В. Крушение империи. — М., 1992.

9. Российский государственный исторический архив (РГИА).

10. Николаев А. Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля — 3 марта 1917 г.: дис. ... докт. ист. наук. — СПб., 2005.

11. Государственная дума Российской империи (1906—1917 гг.): энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. — М., 2008.

Источники и литература

1. Кара-Мурза А. А. Степан Васильевич Востротин: «Сибирь — продукт вольного народного завоевания...» // Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. — М., 2007. — 2-е изд.
2. Тимофеев А., Черкасов И. Степан Васильевич Востротин — верный сын Сибири (опыт портрета на фоне эпохи) // Сибирский исторический альманах. — Т. 1: Гражданская война в Сибири. — Красноярск, 2010.
3. Федорова В. И. К изучению экономической программы сибирской буржуазии (по материалам политической биографии С. В. Востротина) // Красноярский край — 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чтений (Красноярск, ноябрь 2005 г.) — Красноярск, 2005.

Шилина А. С.

СИБИРЯКИ В ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1 августа (19 июля) 1914 г. Германия объявила войну России. 2 августа (20 июля) 1914 г. был опубликован Высочайший манифест. В нем царь заявлял: «Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врагов» [12].

На страницах восточносибирских периодических изданий разного толка был перепечатан полный текст Высочайшего манифеста о войне от 20 июля 1914 г. Естественно, что внести соответствующие исправления в уже готовые гранки для печати удалось не сразу. Одними из первых эту работу сделали официальные издания: областные и губернские ведомости. Не заставили себя ждать и издания частного характера: томская «Сибирская жизнь», «Омский вестник», тобольский «Сибирский листок», иркутская «Сибирь», красноярские «Отклики Сибири», «Минусинский край» и другие.

Сибиряки встретили известие о начавшейся войне патриотическими манифестациями на улицах и площадях городов и молебнами в церквях и храмах. Уже вечером 20 июля в Томске прошли по городу представители разных слоев населения (рабочие, студенты Томского университета, преподаватели, многочисленные обыватели) общей численностью около 2 тыс. чел. Лозунги манифестантов были красноречивы: «Да здравствует Государь!», «Да здравствует армия и флот!», «Да здравствует Франция и тройственное согласие!». Конечно, эти настроения не могли не вызвать одобрения со стороны томского губернатора В. Н. Дудинского, пообещавшего передать сведения о событии непосредственно императору [13].

В Омске 21 июля «в разных частях города состоялись патриотические шествия». Здесь инициаторами акции выступили рабочие, строившие городской водопровод. К ним присоединились жители окрестных домов. Из толпы слышались возгласы «Долой Австрию и Германию!» и «Да здравствует Сербия и Россия!». Губернатор поддержал патриотические настроения манифестантов, заявив,

что «вообще против таких манифестаций он ничего не имеет» [3].

В небольшом по численности населения, хотя и губернском городе Тобольске 22 июля вечером в городском сквере состоялся митинг в поддержку царя. Среди митингующих появились тобольский губернатор А. А. Станкевич и начальник местного гарнизона, что еще более воодушевило собрание [19].

В Красноярске 22 июля состоялась патриотическая манифестация численностью около 100 человек под национальным флагом, при участии духового оркестра [10].

В день появления манифеста в Успенском соборе Омска прошли торжественные молебствования «о даровании победы русскому воинству» [3]. В тот же день в Красноярском кафедральном соборе во имя Рождества Пресвятой Богородицы был отслужен молебен о здравии Государя и даровании победы русскому оружию [7]. 25 июля в Томске в университетском храме в полдень прошло торжественное богослужение «о даровании победы русскому воинству» [14].

Представители других конфессий не могли не откликнуться на царский манифест. 26 июля молебен «о ниспослании победы русскому оружию» прошел в молитвенных домах Томска, на другой день — в лютеранской церкви [14]. 6 августа в тобольском костеле была отслужена торжественная месса «о здравии Государя Императора и всего царствующего Дома и о даровании победы русской армии». 30 августа в местной синагоге единогласно заявили о поддержке манифеста пришедшие туда евреи [23]. 9 августа омские мусульмане по призыву городского муллы

Сулейманова пришли в мечеть, чтобы выразить свои патриотические чувства к Государю и Отечеству [23].

О своем верноподданничестве заявили представители всех национальностей. В Тобольске польские колонисты отправили телеграмму на имя императора с выражением верноподданнических чувств [22]. В Мариинске 6 августа прошла еврейская манифестация, завершившаяся составлением на имя томского губернатора телеграммы «с просьбой повергнуть к стопам Государя выражения верноподданнических чувств и беспредельной любви евреев города Мариинска» [16]. Примеру мариинской общины последовали и томские евреи, организовавшие аналогичную манифестацию 15 августа и исполнившие возле здания городской Думы народный гимн [18].

Столицу информировали о происходящем сибирские губернаторы. То же делали и городские думы. 22 июля омский губернатор А. Н. Неверов отправил в адрес царя и великого князя Николая Николаевича две телеграммы следующего содержания: «акмолинцы, как один человек, с радостью отдадут свою жизнь за честь, счастье и благополучие дорогой Родины во славу Вашего Величества» [4]. Омская городская дума выступила в телеграмме к императору от лица всего городского населения, «одушевленного чувствами безграничной преданности Своему Государю», которое «повергает к стопам Его Императорского Величества неизменную готовность встать в ряду с другими городами на защиту дорогой родины и пожертвовать всем, что потребует она на борьбу с врагом» [5].

26 июля 1914 г. тобольский губернатор А. А. Станкевич также отправил телеграмму на имя императора: «Древний Тобольск... всеподданнейше повергает к стопам Вашего Императорского Величества одушевляющие его жителей горячие чувства верноподданнической преданности и молитвенного пожелания одержать полную и решительную победу над высокомерным коварным исконным врагом славянства и дорогой нашей родины» [20].

Помимо словесного выражения своих чувств жители Сибири активно начали сбор средств для армии: это были и деньги, и продукты, и вещи. В городах помощь оказывалась в виде сборов материальных средств: отчислений от заработной

платы, пожертвований, обустройства лазаретов и больниц и др. Так, в Красноярске об ежемесячных отчислениях в 1 % от своего жалования заявили служащие торгового дома «Алекс. Смирнов и сыновья» [11]. Ежемесячные пожертвования в благотворительных целях делали и частные лица. В Минусинске одними из первых с такой инициативой выступили П. Н. Пашенных, Г. З. Узунов, В. В. Федоров и др. [1]. В Тобольске преобладали небольшие, но многочисленные пожертвования [18—20], в Омске было больше крупных вкладов [6], а в Томске люди несли и свои незначительные сбережения, и крупные суммы [16]. Помимо кружечных сборов в городах устраивались благотворительные мероприятия в пользу семейств запасных. Уже 22 июля в Красноярске прошло благотворительное гулянье в пользу местной общины Красного Креста [8]. 10 августа по инициативе Минусинского пожарного общества было также устроено благотворительное гулянье [1].

Вместе с тем было немало случаев, когда тяжелое положение страны использовалось в корыстных целях. В первые же дни войны небывалого размаха достигла спекулятивная деятельность. Во всех сибирских городах произошел резкий скачок цен на продукты первой необходимости. Особенно заметно возросла цена таких жизненно важных продуктов, как мука и сахар [3, 19]. Уже 24 июля красноярские «Отклики Сибири» отмечали, что в городе начинается спекуляция хлебобулочными изделиями: цена на хлеб оставалась прежней, но вес буханки уменьшался. Стоимость куля муки выросла на 1 руб. 25 коп., а фунт сахара подрос в цене с 7 до 20 коп. [8]. Такие же известия приходили и из Иркутской губернии. В первые дни войны в иркутскую городскую управу поступило заявление от гражданина Липчинского о вздорожании муки. Так, в довоенное время куль крупчатки стоил 6 руб. 25 коп, 18 июля — уже 6 руб. 75 коп., а 19-го — 7 руб. [9]. В целом же в Иркутске цены выросли на 15—20 %, в Черемхове — на 25—30 %, в Зиме — на 30—40 % [10].

«С открытием же войны, пользуясь к тому же полной неосведомленностью нашей деревни, деревенские Кит Китьчи являются инициаторами по распусканию самых нелепых слухов, причем каждую нелепицу они стараются использовать в своих корыстных целях, набавляя цены положительно на все товары», — отмечало издание

Забайкальского товарищества кооперативов «Наше дело» [2]. Сообщения о недовольстве местного населения таким положением дел регулярно появлялись на страницах периодической печати Томска, Омска, Красноярска, Иркутска и других городов. В этой ситуации местная администрация не могла остаться в стороне: вводились принудительные таксы на продукты, налагались административные взыскания [15, 17].

Краткий обзор событий из жизни сибирского региона в первые недели Первой мировой войны

позволяет сделать ряд выводов по изучаемой проблеме. С началом войны население Сибири было охвачено патриотическим подъемом. Он выразился как в моральной поддержке государя, так и в материальной помощи фронту и семьям мобилизованных. На фоне патриотических настроений происходило единение общества и властей в деле помощи фронту. Одновременно с этим уже с первых дней все слои населения осознали тяжесть переживаемых страной событий и ожидали ее усугубления с течением времени.

Источники и литература

1. Минусинский край. — 1914, 10 авг. — № 65.
2. Наше дело. — 1914, 11 авг. — № 11—12.
3. Омский вестник. — 1914, 22 июля (3 авг.). — № 158.
4. Омский вестник. — 1914, 24 июля (5 авг.). — № 160.
5. Омский вестник. — 1914, 25 июля (6 авг.). — № 161.
6. Омский вестник. — 1914, 1 (13) авг. — № 166. — 1 (13) августа 1914 г.
7. Отклики Сибири. — 1914, 22 июля. — № 85.
8. Отклики Сибири. — 1914, 24 июля. — № 86.
9. Отклики Сибири. — 1914, 1 авг. — № 92.
10. Отклики Сибири. — 1914, 2 авг. — № 93.
11. Отклики Сибири. — 1914, 5 авг. — № 95.
12. Сибирская жизнь. — 1914, 22 июля. — № 157.
13. Сибирская жизнь. — 1914, 24 июля. — № 159.
14. Сибирская жизнь. — 1914, 25 июля. — № 160.
15. Сибирская жизнь. — 1914, 1 авг. — № 166.
16. Сибирская жизнь. — 1914, 10 авг. — № 173.
17. Сибирская жизнь. — 1914, 12 авг. — № 174.
18. Сибирская жизнь. — 1914, 17 авг. — № 178.
19. Сибирский листок. — 1914, 24 июля. — № 86.
20. Сибирский листок. — 1914, 29 июля. — № 88.
21. Сибирский листок. — 1914, 3 авг. — № 90.
22. Сибирский листок. — 1914, 12 авг. — № 94.
23. Сибирский листок. — 1914, 2 сент. — № 103.

Кузьменко А. С.

СИБИРСКИЙ ТЫЛ И «НЕДОБРОВОЛЬНЫЕ» МИГРАНТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война стала настоящим катализатором миграционных процессов. Для Восточной Сибири, где в начале XX столетия ощущалась потребность в увеличении численности городских жителей, которую естественный прирост покрыть не мог, вызванный этим мировым конфликтом механический поток мог компенсировать низкий уровень естественного движения. Именно поэтому оседание «недобровольных» мигрантов в крупных городских поселениях вдоль линии железной дороги в первые годы не встречало препятствий со стороны местного чиновничества.

Согласно документации Ачинского комитета помощи беженцам, с 6 сентября по 1 ноября 1915 г. в данном районе было зарегистрировано прибытие 973 мигрантов. Из них 666 чел. поселилось в городе и лишь 296 чел. — в уезде [2. Л. 31].

Летом 1916 г. о сосредоточении «недобровольных» переселенцев в городской местности докладывал военный губернатор Забайкальской области. На подчиненной ему территории подавляющее большинство мигрантов местом остановки выбрало именно г. Читы. Здесь к концу июля 1916 г. осело 1196 из прибывших в область 1627 чел. [5. Л. 51].

Существовавшая в распределении населения диспропорция между городом и деревней изначально создавала благоприятную атмосферу для прибывавших мигрантов: оказываясь в городе, они не претендовали на экономические ниши, занимаемые местными жителями. Кроме того, их бедственное положение вызывало волну сострадания.

Натуральные пожертвования на постоянной основе поступали в организации, занимавшиеся попечительством «недобровольных» мигрантов. Благотворительные лотереи проводились с неизменным успехом, собирая до нескольких тысяч рублей. Так, в октябре 1915 г. в Иркутске общественными организациями была осуществлена акция «День Незабудки», направленная на усиление средств местного комитета по сбору пожертвований для «населения, пострадавшего от неприятельского вторжения» [7. Л. 69].

Вплоть до начала резких социально-политических потрясений в 1917 г. отчеты обществ помощи беженцам и другим мигрантам содержали значительные статьи дохода «от организаций и частных

лиц». Так, весной 1916 г. Енисейский и Красноярский епископ Никон пожертвовал региональному комитету помощи беженцам 3000 руб. «на содержание детского дома» [1. Л. 29].

С затягиванием военных действий поток «недобровольных» мигрантов в Восточную Сибирь не ослабевал. Одновременно с этим городское население Восточной Сибири начинало вплотную сталкиваться с проблемой продовольственного и топливного кризиса.

Все было поставлено на учет. Население страдало от недостатка вещей, поднялись цены, в том числе даже на керосин и хлеб — товары, пользовавшиеся наибольшим спросом. Так, прошедшая в январе 1916 г. ярмарка в г. Минусинске, куда съезжались торговцы не только из Енисейской губернии, но даже из Урянхайского края, отличалась, по свидетельствам современников, необычайным вздутием цен и огромными барышами для коммерсантов и просто обладателей того или иного товара. Особенно высокими оказались цены на мануфактуру. В стороне не остались даже производители сельскохозяйственных товаров. «Топленое масло, — утверждала газета «Сибирская жизнь», — прошло по неслыханной цене — 20 рублей пуд... Табак, который на ноябрьской ярмарке прошлого года [1915] в Ермаковске продавали по 90 копеек за пуд и на декабрьской дошел у нас до 3 рублей, нынче продавали по 7 рублей 20 копеек за пуд» [10. С. 2].

Война вызвала резкое увеличение перевозок по железным дорогам. В результате нормальные хозяйственные связи с европейскими губерниями России ослабли, а Восточная Сибирь стала лишаться самого необходимого для поддержания

производства хотя бы в минимальных объемах. Закрытые порты, не пригодные к перевозке необходимых товаров, вынуждали предпринимателей возить их из Владивостока через всю страну. Это сильно затягивало доставку товаров и повышало их стоимость за счет увеличения транспортных расходов.

Однако в отличие от центральных районов страны в восточносибирских городах данный кризис проходил в менее разрушительной форме. Регион являлся крупным сельскохозяйственным производителем и вполне мог обеспечить население, в том числе горожан, зерном, продукцией скотоводства, рыбного и охотничьего промысла.

Данные экономические особенности региона способствовали тому, что местное население не изменило градус своего отношения к дополнительным «едокам» в лице «недобровольных» мигрантов. Рост налогов и вздорожание продуктов первой необходимости также не вызвали негативной реакции внутри сообщества-реципиента. Общественное мнение не винило переселенцев в ухудшении экономической обстановки — ответственными закономерно считались торговцы и предприниматели. Даже резкие шаги со стороны приезжих не приводили к негативной реакции общества или администрации.

Так, в Еланском попечительстве мигрантов произошел следующий случай. Когда вышел приказ об их выселении в сельскую местность, заведующий приютом для беженцев распорядился закрыть водопровод. Призываемые, однако, саботировали приказ и выезжать отказались. Узнав о распоряжении, городской голова П. Ф. Ломовицкий не пошел на конфликт и немедленно открыл водопровод. Заметим, что в течение всего этого времени местное население никак не реагировало на противостояние. И это уже в условиях длительного продовольственного кризиса и нарастающей безработицы.

В сельской местности, численность населения которой превышала городскую во много раз, взаимоотношения местных жителей и пришлых мигрантов резко отличались.

Обладая более стабильным экономическим положением, крестьяне-старожилы практически не нуждались в заботе государства. Их обременяло вторжение переселенцев. Аграрные — столыпинские — переселенцы, в свою очередь, были озабочены увеличением числа хозяйств, претендовавших на получение государственных ассигнований. Появление «недобровольных» мигрантов в сельской

местности восточносибирских губерний закономерно вызвало негативную реакцию со стороны местных жителей.

На начальном этапе войны данная реакция была практически невыраженной. Общество Восточной Сибири оказалось более устойчивым. Во-первых, глубокое тыловое положение оградило его от непосредственного столкновения с разорением материальных и людских ресурсов из-за военных действий. Во-вторых, отдаленность и суровый климат привлекли сюда меньшее количество «недобровольных» мигрантов.

В первые месяцы появления переселенцев в Сибири деревня радушно принимала несчастных. Заведующий Устьянским подрайоном писал: «Имею честь донести, [что] в настоящее время крестьяне вверенного мне подрайона дают приют беженцам в своих селениях и обязались первое время кормить их» [2. Л. 16]. Подобную ситуацию описывали и начальники других участков. Однако интерес и беспокойство, возникшие среди населения с началом военных действий, вскоре сменились полной апатией, как только пришло осознание, что «неприятель далеко и сюда не доберется». «Что ж, что война, война испокон веков была... Это народу умножилось — народ проредить хотят» [9. С. 4]. Подобное отношение вылилось в неприятие благотворительной помощи не только «недобровольным» мигрантам, но и местным семьям, оставшимся без кормильцев, которые ушли солдатами на фронт.

Дальнейшие тяготы военного времени, рост налогов, повышение цен на продукты первой необходимости, инфляция — все это ставило местное население перед выбором: заниматься благотворительностью и помогать «жертвам войны» или выживать самим. «Сельское общество отдало беженцам квартиры натурой, — информировал енисейского губернатора начальник Ачинского уезда, — но к оказанию дальнейшей помощи это общество средств не имеет. Я не покидаю надежды пробудить и в населении чувства братского сострадания к прибывшим уже сюда, и могущим прибыть беженцам» [4. Л. 19].

Некоторые исследователи полагают, что отрицательное отношение местных к мигрантам было обусловлено нежеланием последних приживаться, их готовностью вернуться на родину в любой день, в любую минуту [14. Р. 133]. Однако анализ архивного материала позволяет сделать иной вывод — о том, что решающим фактором стала

неподготовленность мигрантов к местным условиям труда. Если в европейской части России, где климатические условия были схожи с условиями мест выхода мигрантов, приезжие, как правило, приносили с собой более прогрессивные методы обработки земли и в результате оказывались подчас более успешными, нежели местные жители, то в восточносибирских селах дело обстояло иначе. Ачинский уездный комитет помощи беженцам сообщал: «Местное старожильческое население отрицательно относится к труду беженцев, так как их труд, благодаря незнанию ими местных условий, надо сказать, менее продуктивен такого же старожил» [3. Л. 279 об. — 280].

Негативно сказывалась и разница менталитетов. Восточносибирское крестьянство являлось общинным. Община поддерживала и подпитывала правосознание, объединяла перед внешней угрозой, помогала в бедственном положении. В свою очередь губернии, ставшие донорами «недобровольной» миграции для изучаемого региона, общинного землевладения не развили. В западных районах преобладало подворное землевладение; в Прибалтике же община вообще отсутствовала. В результате, оказавшись на новом месте, мигранты были вынуждены столкнуться с совершенно иным отношением к труду. Их индивидуализированные навыки входили вразрез с традиционным видением крестьян. В то же время старожилы-хуторяне, наиболее близкие к прибывшим мигрантам по укладу жизни, не были настроены на включение в свои хозяйства новых членов. Все это вело к психологическому неприятию «недобровольных» мигрантов со стороны сельского населения, росту отчужденности в отношении них.

Еще более сложное положение ожидало переселенцев, оказавшихся на территории инородческих общин. Здесь мигрантов встречал кардинально иной быт, иные культурные, этнические и религиозные традиции. Мигранты испытывали подсознательный страх перед «необъятной неведомой страной», в которой они оказывались вследствие достаточно стрессовых процессов. Они труднее вписывались в восточносибирскую природно-климатическую среду и приспособлялись к ней.

Дополнительные трудности создавало то, что переселенцы не имели опыта и традиций повседневного общения с иноэтничным населением. Поэтому чаще всего они относились к аборигенам с опаской и пренебрежением, видя в них «непонятных конкурентов» [13. С. 239—240].

Закономерным следствием такого отношения становилась все большая степень отграниченности приезжих от местных жителей.

Основным занятием коренного инородческого населения издревле было скотоводство. Переселявшиеся на восток мигранты, как уже было сказано, являлись земледельцами. Очувтившись в районах с преимущественным развитием скотоводческой отрасли сельского хозяйства, они оказывались невостребованными на рынке труда и не могли найти себе источников заработка.

Поручик Булатов, сопровождавший из Петрограда во Владивосток груз морского ведомства, доложил министру внутренних дел о бедственном положении «недобровольных» мигрантов в Восточной Сибири. «Очень много беженцев, — значилось в докладе от 9 июня 1916 г., — находится на станциях Забайкальской железной дороги, где жители в виду степного и горного характера местности совершенно не занимаются хлебопашеством, а исключительно скотоводством» [6. Л. 25].

Не владевшие ни скотом, ни денежными средствами мигранты были фактически лишены заработков и поставлены на грань выживания. В то же время местное инородческое население благотворительной деятельностью не занималось, что оставляло переселенцев на полном иждивении государственных и административных органов. Финансирование последних с каждым последующим месяцем уменьшалось, а значит, ухудшалось и положение «недобровольных» мигрантов.

Заметим, что подобная ситуация наблюдалась не только в деревне — в городе, несмотря на близость к управленческим структурам и общественным организациям, призревавшим переселенцев, мигранты также оказались в затруднительном состоянии.

В результате «недобровольные» переселенцы выработали достаточно деструктивную позицию в отношении управленческих структур, способных позаботиться о них. В этот же период падает градус притяжения местного населения и в особенности сельских жителей. «Отношение беженцев к местным вследствие культурного уровня колонистов отрицательное», — значилось в секретном докладе для енисейского губернатора.

Однако в активное, открытое противостояние данный конфликт не переходил. Вместо этого наблюдалось стремление «недобровольных» мигрантов отграничить себя от местного населения. Причина этого лежала в том, что кроме тяжелого

травматического опыта они испытывали и ретравматизацию. С одной стороны, выезд был связан с непосредственной угрозой для жизни, в том числе угрозой, исходящей от гаранта защиты — своего собственного государства. С другой, вторичную травму переселенцы получали в результате контакта с иной культурой, которая, будучи родственной (особенно для русских), оказывалась достаточно враждебной.

Примечательно, что несмотря на довольно пестрый этнический состав населения, конфликтов на этой почве зафиксировано не было. Значительное число в среде вынужденных мигрантов и депортированных лиц представителей еврейского и немецкого этносов также не вызвало проявления активного недовольства со стороны местных жителей. Напротив, в июне 1915 г. Иркутский биржевой комитет обратился к министру торговли и промышленности князю В. Н. Шаховскому с докладной запиской, содержащей предложение разрешить евреям-беженцам и выселенным из районов военных действий (то есть вынужденным мигрантам) свободно проживать в пределах Иркутской и Енисейской губерний, а также Забайкальской и Якутской областей. «Это мероприятие, — значилось в документе, — окажется чрезвычайно полезным для развития торговли и промышленности Восточной Сибири, остро нуждающейся в предприимчивых людях и капиталах» [8. С. 2]. Это объясняется достаточно низким уровнем обыденной этнической конфликтности. Стабильность и невысокая степень межэтнических столкновений создавалась

за счет обитателей острогов, беглых преступников и ссыльнопоселенцев. Большинство конфликтов происходило на чисто уголовной почве и, по мнению исследователей, в отсутствие «благоприятного» для таких эксцессов полиэтнического фона просто не могло иметь серьезных последствий.

Таким образом, несмотря на довольно негативные тенденции, обусловленные присутствием «недобровольных» мигрантов на территории Сибири, отрицательных настроений на начальном этапе в их отношении не возникало. Они совершенно закономерно рассматривались в качестве жертв войны и государственной политики. Последнее, кстати, повлияло на обострение взаимоотношений центральной и региональных властей, способствовало учащению «самовольничества» со стороны местных чиновников.

Лишь ухудшение экономической ситуации вместе с намеренной социальной изолированностью самих мигрантов спровоцировало рост конфликтных настроений в сельской местности. При этом вектор конфликта шел лишь по экономической, хозяйственной ветке — ни этническая, ни профессиональная составляющие затронуты не были. Обострение отношений с местным населением в деревне привело «недобровольных» переселенцев к подобному же противостоянию с административным аппаратом восточносибирских губерний. В конце концов это создало мощный вытесняющий фактор. Восточносибирское общество не справилось с задачей по встраиванию в свой состав «недобровольных» мигрантов.

Источники и литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 1. Д. 245.
2. ГАКК. Ф. 595 Оп. 13. Д. 323.
3. ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 3. Д. 3435.
5. ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427.
6. ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3472.
7. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. — Иркутск, 1994.
8. Сибирская жизнь. — 1915, 17 июня.
9. Сибирская жизнь. — 1915, 8 янв.
10. Сибирская жизнь. — 1916, 9 янв.
11. Сибирь. — 1916, 14 июня. — С. 3.
12. Гагагова Л. С. Межэтнические отношения // Россия в начале XX в. / под ред. акад. А. Н. Яковлева. — М., 2002.
13. Шерстова Л. И. Факторы обострения межэтнических отношений в Южной Сибири в начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. — Барнаул, 2003.
14. Gattrell P. A Whole Empire Walking. — Bloomington: Indiana University Press, 2005.

Пруцков В. Ю.

«АНТИНЕМЕЦКАЯ КАМПАНИЯ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НЕМЦЕВ В СИБИРЬ

В настоящее время изучение этнической истории, этнических миграций и процессов приобретает большую актуальность в исторической науке. Выделяется широкий спектр проблем, в том числе касающихся характера и факторов внутренних и внешних миграций немецкого населения. По своему характеру миграция немцев разделялась на насильственную (депортация) и добровольную (чаще всего по экономическим причинам). Учитывая сложность процесса формирования немецкой диаспоры в сибирском регионе, ее этническую, культурную и социальную самобытность, не вызывает сомнения необходимость выявления причин и характера миграции немцев в Сибирь.

С конца XIX в. по 1914 г. наблюдается массовое добровольное переселение немцев в Сибирь. В силу специфики германо-русских отношений исследователи фиксируют коренное изменение характера переселения с началом Первой мировой войны. Как отмечает в своей статье Т. Б. Смирнова: «Добровольные миграции сменяются полосой депортаций и насильственных переселений» [1. С. 175—176].

Насильственный характер переселение немецкого населения приобрело в результате выхода «ликвидационных законов», а также «ограничительных и запретительных мер» в отношении немцев, которые с наступлением войны превратились в нацию врага. Выходу «ликвидационного законодательства» предшествовал законопроект 1910 г. П. А. Столыпина. В. Н. Шайдуров пишет, что появление законопроекта в 1910 г. под руководством П. А. Столыпина предполагало введение ограничительного землевладения для немецкого населения губерний только Западного края. Немецкое население других регионов было встречено и встретило этот законопроект как угрозу для их положения и, как утверждает В. Н. Шайдуров, это привело к всплеску миграционной активности среди поселян-собственников [2].

Л. Малиновский видит в законопроекте П. А. Столыпина добрые намерения в отношении немецкого крестьянства: так, он отмечает, что «П. А. Столыпин был благодетелем немецкого фермерства, предоставив ему бесплатно или дешево обширные владения

в Сибири. Закон вовсе не был направлен против колониального землепользования, а был призван ограничить приток новых колонистов и передачу им собственности в тех западных губерниях, где они селились на землях польских помещиков. На эти земли претендовали русские помещики и богатые крестьяне. Передача этих земель русским соответствовала русификаторской политике российского правительства в Польше». По мнению Л. Малиновского, проект «не содержал никакой вражды к старым немецким колониям, хотя впоследствии был использован против них черносотенно-консервативными кругами» [3. С. 121—123]. Тем не менее этот проект спровоцировал миграционную активность немцев-колонистов. Дальнейшие действия консервативной части руководства страны ужесточили политику в отношении немцев в начале Первой мировой войны. В течение 1915—1916 гг. были приняты законы, действие которых распространилось сначала на западные и центральные губернии, а затем на всю империю.

В 1915 г. вышли законы от 2 февраля и от 13 декабря, ограничивавшие землевладение и землепользование для российских немцев [4. С. 568—570, 576—585]. Воспрещалось совершение ими всякого рода актов приобретения права собственности, права залога, а также права владения и пользования недвижимым имуществом, равно как участие в публичных торгах на указанное имущество. Следующим шагом стало решение «О прекращении землевладения

и землепользования российских немцев в приграничных местностях» [4. С. 570—72], вышедшее в том же году. Данным решением предписывалось отчуждение по добровольному соглашению недвижимого имущества в западном и южном приграничных пространствах.

В Сибири ситуация отличалась от того, что происходило в западных и центральных губерниях. П. Вибе отмечает, что в целом в Сибири на местах «губернские власти относились к немцам достаточно лояльно» [5]. В Сибири антинемецкая кампания не принимала форму агрессивных массовых выступлений, как это было в центральных губерниях [6. С. 292].

20 октября 1916 г. решением «Об особом порядке прекращения владения российских немцев надельными землями в Сибири» [4. С. 614—617] устанавливался особый порядок прекращения надельного землевладения лицами немецкой национальности в Каинском уезде Томской губернии, в Тюкалинском и Ишимском уездах Тобольской губернии. Данным положением предписывался переход земли, полученной на основании правил о переселении 1912 г., в распоряжение Переселенческого управления. Земли, состоявшие во владении немцев, на основании Положения о сибирских крестьянах подлежали переходу в распоряжение крестьянских обществ с исключением из них бывших владельцев. За отъем земли предусматривалось вознаграждение. Постройки и инвентарь подлежали оценке.

«Антинемецкая кампания» проявлялась в нагнетании обстановки в средствах массовой информации, чему способствовали различные вновь созданные комитеты и организации. 1 июня 1916 г. вышло положение «Об особом комитете по борьбе с немецким засильем» [4. С. 585—587]. Данный комитет провозглашал борьбу за освобождение российского государства от немецкого влияния во всех областях народной жизни. Было сформировано негативное отношение к гражданам немецкой национальности. В своей статье П. Вибе и С. Баах пишут: «Воинствующий национализм стал проявляться в стихийных движениях и создании организаций, выражавших неприязнь к российским немцам» [7. С. 55].

С 1914 по 1916 гг. шел процесс выселения немецких колонистов с западных окраин страны. В основном это были волыньские немцы [8. С. 730]. 23 июня 1915 г. вышло постановление Особого

совещания при штабе Верховного главнокомандующего о чистке войсками прифронтовых районов [4. С. 573]. В документе предписывалось выселение немцев-колонистов в местности вне театра войны за собственный счет. В 1915 г. немцы были выселены из прифронтовой зоны Азовского побережья и Волынской губернии. В восточные районы страны с 1915 по 1918 гг. было выслано 200 тыс. волыньских немцев. Среди депортированных были и интернированные немцы из Восточной Пруссии, направленные в Сибирь [1. С. 176].

Кроме выселенных немцев-колонистов, в Сибирь прибыло значительное число военнопленных. Н. А. Баранцева приводит данные по Енисейской губернии: «К 1920 г. количество немцев (по сравнению с 1911 г.) возросло до 4849 чел. (на 294,9 %), главным образом за счет военнопленных и беженцев. Позднее немецкое население в Енисейской губернии уменьшилось на одну треть после отправки на родину военнопленных» [9. С. 51]. Более 240 тыс. военнопленных к началу 1917 г. было размещено на территории Омского и Иркутского военных округов. Среди них подавляющее большинство (99,4 %) составляли военнослужащие Австро-Венгрии (223,7 тыс.) и Германии (18,2 тыс.) [10. С. 205].

В связи с революционными событиями 1917 г. ситуация изменилась: вышло постановление, принятое Временным правительством, законсервировавшее действие «ликвидационных законов» [4. С. 628—630]. Начался процесс возвращения депортированных немцев к себе на родину, но в условиях войны вернуться удалось не всем [1. С. 176].

Таким образом, с началом войны и выходом «ликвидационных законов» в 1915 г. характер миграции немецкого населения России изменился с мирного на насильственный и вынужденный. Началась череда депортаций, которая была завершена только после Февральской революции. Также была начата «антинемецкая кампания» в средствах массовой информации. Создавались организации, способствовавшие разжиганию негативного отношения к лицам немецкой национальности. Политика царского правительства в отношении немецкого населения в годы Первой мировой войны способствовала его миграционной активности внутри страны. Кроме того, названные процессы оказали заметное влияние на привычный уклад жизни немцев в сибирском регионе.

Источники и литература

1. Смирнова Т. Б. Миграции и динамика численности немецкого населения Западной Сибири в конце XIX — начале XXI в. // Известия Алтайского государственного университета. — Барнаул, 2007.
2. Шайдуров В. Н. Формирование немецкой диаспоры в Сибири в начале XX в. и ликвидационное законодательство Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://new.hist.asu.ru/german/pub2.html> (дата обращения: 11.10.12).
3. Малиновский Л. П. А. Столыпин, его аграрная реформа и немецкие колонисты // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871—1941 гг. — М., 2002. — С. 119—125.
4. Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652—1917 / сост. В. Ф. Дизендорф. — М., 2006.
5. Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. — Омск, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/wiebe/glava1-1.html> (дата обращения: 12.12.12).
6. Баах С. В., Вибе П. П. Положение немцев Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Ключевые проблемы истории российских немцев. — М., 2004.
7. Вибе П. П. Антинемецкая кампания в Сибирском регионе в начале XIX в. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871—1941 гг. — М., 2002.
8. Алишина Г. Н. Выселение немецких колонистов из прифронтовых районов в Сибирь в годы Первой мировой войны (на примере г. Кольвань Томской губернии) // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет. — М., 2011.
9. Баранцева Н. А. Немцы юга Средней Сибири: основные тенденции этносоциального развития конца XIX — первой трети XX в. // Гуманитарные науки Сибири. — 2009. — № 3.
10. Шлейхер И. И. Пленные Первой мировой войны и немцы-колонисты в Сибири // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. — М., 1998.

Шиловский М. В.

АЛКОГОЛЬНЫЙ ВОПРОС В СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В первые месяцы после начала Первой мировой войны в сибирских городах по инициативе муниципалитетов была прекращена продажа спиртных напитков. В связи с этим в Томской губернии управление акцизными сборами закрыло 200 винных лавок. В первую очередь закрывались торговые точки в отдаленных районах губернии, а также недавно открытые и обслуживаемые новичками — старые служащие в связи с увольнением получали от казны вознаграждение за 9 месяцев.

Кое-где решения о прекращении торговли принимали крестьяне, например, в с. Таштыпском Минусинского уезда Енисейской губернии. К 1 октября 1914 г. в Иркутске закрыли 64 казенных винных лавки, а к новому году предполагалось ликвидировать еще 108. 19 декабря того же года местная городская дума решила ходатайствовать о прекращении не только на время войны, но и навсегда торговли в городе крепкими напитками, виноградным вином и пивом [1. С. 24—25].

Данная акция не привела к истреблению пьянства. Как менялось отношение горожан к «сухому закону», можно проследить по дневнику И. И. Серебренникова на примере Иркутска. 6 августа 1914 г.: «В городе все еще не разрешена продажа спиртных напитков, нет поэтому пьяных на улицах, нет, конечно, и озорства... Запрещение продажи водки — вот в корне решающее вопрос об алкоголизации средство». 19 декабря: «Заседание Думы (городской. — М. Ш.) сегодня затянулось до часу ночи. Рад, что Дума постановила возбудить ходатайство о воспрещении в г. Иркутске торговли крепкими напитками, виноградными винами и пивом навсегда... Что-то из этого выйдет?» 30 декабря 1914 г.: «Сегодня Городская дума вновь подтвердила свое постановление от 19 декабря с. г. о воспрещении в г. Иркутске торговли виноградными винами. Губернатором уже отдан приказ об опечатании складов виноградных вин». 23 марта 1915 г.: «Второй день Пасхи... За два дня праздника я не видел на улицах Иркутска ни одного пьяного». 10 апреля 1916 г.: «Праздник Св. Пасхи. На улице как-то сумрачно, холодно. Падают снежок. Гудят колокола. Чаше, чем в прошлом году, встречаешь подвыпивших. Видно самогонка

и маньчжурский пшеничный спирт не без успеха распространяются по городу» [2. С. 34—212].

С 1915 г. фиксируется всплеск массового самогонварения в сельской местности и в городах. «С начала войны казенная водка перестала существовать, — вспоминал Г. М. Карнаухов. — До 17 года варили пиво. Хмельное. От него пьянели. Пришедшие с фронта солдаты привезли искусство варить самогон. Хлеба было много. Техника (чугунка, горшок, ствол от берданки, корытце со льдом или водой из колодца для охлаждения) постепенно совершенствовалась» [3. Л. 38]. В частности, в Тобольской губернии были отмечены не только случаи использования аппаратов для приготовления самогона отдельными частными лицами, но и приобретение их «вскладчину целыми селениями» [4. № 7. С. 58].

Введение с началом мобилизации «сухого закона» преподносилось властями как панацея. «Водка — вот зло, которое всегда порождало в деревнях и городах ряд преступных выступлений, — декларировал акмолинский губернатор в октябре 1914 г. — Лишь только злой напиток был окончательно изъят из обихода деревенской жизни все просветлело, все успокоилось, все зажило счастливой, радостной, деловой жизнью» [5. Л. 6 об. — 7]. Енисейский губернатор И. В. Хозиков по этому поводу в сентябре 1914 г. в донесении в МВД разразился панегириком: «Временное прекращение продажи крепких напитков отразилось на населении самым благоприятным образом, особенно в сельском быту, где возникавшие прежде на почве пьянства семейные неурядицы и хулиганство молодежи ныне не имеют места». Как водится, в подобного рода акциях властям казалось

возможным в кратчайшие сроки административными мерами ликвидировать вековое зло. И тот же енисейский губернатор 9 октября оптимистически вещал: «Хотя за последнее время и появилось в продаже взамен водки так называемая “самогонка” значительной крепости домашнего приготовления и другие опьяняющие напитки, но для уничтожения этого зла в самом корне мною преподаны полицейским и врачебным чинам губернии соответствующие указания. Мера эта, в связи с наложением мною на виновных в выделке и продаже опьяняющих напитков и за появление в публичном месте в состоянии явного опьянения — суровых административных взысканий, на основании изданных обязательных постановлений, полагаю, со временем окончательно уничтожит последние пережитки народного пьянства» [5. Л. 9—10 об.].

Но прекращение продажи крепких спиртных напитков спровоцировало массовый всплеск самогонварения, и самогонка из экзотического продукта превратилась в неотъемлемый элемент повседневности. О том, как это выглядело на практике, можно судить по материалам новониколаевской газеты «Алтайское дело» за первые 2 месяца 1917 г.: 8—9 февраля в ходе облавы на самогонщиков в д. Крутельки Томского уезда у крестьянина Трусова был обнаружен «завод», изъято 15 ведер самогонки и около 50 ведер закваски; у крестьянина Тихонова — «завод», 20 ведер самогонки, 50 ведер закваски; Красовского — «завод», 15 ведер самогонки, 20 ведер пива; Габаденко — «завод», 20 ведер самогонки, 60 ведер закваски; Пулятова — «завод», 20 ведер самогонки; Шитько — «завод», 20 ведер самогонки. 3 февраля в д. Березовке Барышевской волости было обнаружено 9 самогонных «заводов» и уничтожено 45 бочек и кадок самогона и бражки, «составлено много протоколов, от которых не избежала ни одна семья». В феврале в пос. Кубанском Каинского уезда было привлечено к ответственности 20 чел., отобрано 7 винокурных заводов. Тогда же в Новониколаевске был «обнаружен хорошо оборудованный самогонный завод с приспособлением для очистки самогона. Конфискованная изюмная бражка содержит 21 градус спирта, так что самогон должен получиться содержанием 45 градусов, что является своего рода рекордом. По делу привлечена девица Н. Я. Полищук 21 год» [6. 1917. 15, 16, 25 февраля, 2 марта].

Начиная с 1915 г. в губернаторских донесениях тема самогонварения становится постоянной, и они демонстрируют все большую озабоченность. Томский и. д. губернатора 21 апреля сообщает в МВД: «После состоявшегося запрещения продажи казенного вина и вообще спиртных напитков, в губернии стало замечаться развитие тайного винокурения, производства в широких размерах домашнего пивоварения, а также приготовление и продажа суррогатов водочных изделий» [7. Л. 5]. Действия акцизных чиновников и полицейских по пресечению нелегального производства спиртных напитков начинают встречать противодействие со стороны крестьян и аборигенов.

Так, 4 марта 1915 г. в аиле Тайлоп Кондомской волости Кузнецкого уезда Томской губернии после обнаружения здесь тайного винокурения «иногородцами сего аила в количестве 20 человек было совершено вооруженное нападение» на акцизного надсмотрщика, были ранены три человека из числа лиц, его сопровождавших. Примерно в то же время в трех верстах от аила «при взятии “каштাকা” (винокурный завод) местные иногородцы оказали вооруженное сопротивление: стреляли из ружей крупной дробью в акцизного надсмотрщика, бывших с ним понятых в числе пяти человек и полицейского сотского, причем последнего они избили прикладами и стволами ружей» [8. Л. 1—1 об.]. Крестьяне села Усть-Колбинского Мариинского уезда Томской губернии после обнаружения у них винокурных «заводов» сначала разбежались, а затем из селения выбежала толпа в 50 чел. и начала стрелять из ружей в сторону акцизных чиновников [9. С. 124]. Наконец, в декабре того же года «в деревне Мало-Боборькиной той же волости Томского уезда толпой крестьян в числе около 150 человек было совершено нападение на местных полицейского урядника и стражников, прибывших в эту деревню для обнаружения тайного винокурного завода, причем у стражников насильниками было отнято оружие, а самим нанесены побои; в отношении же полицейского урядника толпа ограничилась угрозами избиения» [7. Л. 20].

Серьезно криминогенная обстановка в связи с развитием нелегального винокурения в 1915 г. обострилась в Енисейской губернии. 11 января в Енисейском уезде после обнаружения в лесу «завода, бывшим ссыльнокаторжанином-”сахалинцем” выстрелом из ружья был убит становой

пристав Алексеев, совершивший преступление застрелился [10. Л. 1—1 об.]. 25 апреля после обнаружения вблизи села Кольцовского Кучеровской волости Канского уезда винокурного завода крестьяне соседнего села Соколовского «в числе 8-ми человек, укрывшись в чаще леса, открыли по полиции стрельбу». При проведении обыска у одного из них, Ивана Батуру, «в подполе была обнаружена большая в плетеной корзине бутылка с самогонным вином, за которой спустился полицейский урядник Галинат и начал поднимать ее наверх; когда к подполью подошли пристав и другой полицейский урядник Бейников, чтобы помочь Галинату, в это время сын Батуры Михаил Батуру, схватив доску, закрывавшую подполье, размахнулся и ударил ею вниз, направляя удар в голову наклонившихся станowego пристава и урядника Бейникова; оба успели выпрямиться и удар пришелся по бутылке, задев голову Галината» [10. Л. 8—9 об.]. 5 июля в д. Шумихе Амонашевской волости Канского уезда после обнаружения в одном из домов самогонки ружейным выстрелом из окна был убит полицейский урядник Д. А. Лемешко [10. Л. 13].

Губернские власти фактически расписались в собственном бессилии. Исполняющий обязанности губернатора 16 апреля 1915 г. доносил «наверх»: «Благодетельные последствия закрытия продажи спиртных напитков в значительной степени парализуются тайным винокурением, борьба с которым, при всей интенсивности работы администрации и полиции является для последней не под силу». 11 мая вице-губернатор констатировал, что «тайное винокурение приобретает характер все более и более развивающейся злокачественной язвы на родном организме, требующей безотлагательного принятия экстренных мер». В качестве таковых, помимо увеличения числа полицейских, предлагалось «становление круговой ответственности всего сельского общества за обнаружение в их пределах заводов, с наложением на все общество соответствующих штрафов, часть коих шла бы на содержание стражи, а другая часть употреблялась бы на просветительные учреждения в деревне». 11 декабря в очередном донесении уже новый губернатор Я. Г. Гололобов признает, что бороться с пороком имеющимися средствами «становится положительно невозможным». На специально состоявшемся под председательством губернатора 15 декабря 1915 г. совещании

«постановлено ходатайствовать об усилении для этой цели состава полиции и акцизного надзора, с привлечением в некоторых случаях для обнаружения винокурения воинских частей и, наконец, о высылке занимающихся тайным винокурением лиц в другие местности распоряжением правительства и по приговорам обществ» [11. Л. 5—16 об.].

Образно ситуацию на потребительско-алкогольном рынке в начале 1917 г. отобразила одна из томских газет:

*«Богомолицы-старушки
О грехах своих твердят,
Поминая про «косушки»,
Тайно пьют денатурат.
Самосидку ищет нищий,
И рабочий, и студент...
Ищет как голодный пищи
Адвокат-интеллигент.
Ищет все и все желают
Воротить златые дни,
Но никто того не знает,
Что вернутся ли они»* [1. С. 53].

Показательно трагический в этом плане случай произошел в богом забытом Среднеколымске Якутской области, где от употребления одеколона отравились и скончались купеческий сын Н. Бережнов, городской староста Г. Нехорошев и учитель церковно-приходской школы М. Сивцев. 11 мая 1915 г. они распили два флакона одеколона [12. С. 53].

В конце 1914 г. накануне рождественских праздников власти несколько ослабили антиалкогольную кампанию, а кое-где разрешили торговать вином, в частности, в ресторанах. В Красноярске на улицах сразу же появилось много подвыпивших, которые распевали песню «Пускай могила меня накажет» [1. С. 26].

Запрет на продажу спиртного негативно отразился на функционировании ресторанов и распивочных. В сентябре 1914 г. около трети кухмистерских с продажей пива и ресторанов третьего разряда в Иркутске самоликвидировались. Рестораны Томска обратились в городскую управу с ходатайством разрешить им продажу виноградных вин, поскольку «рестораны наши перестали посещаться публикой». Усилилась контрабанда китайского спирта из Маньчжурии. Там четверть его стоила 2 руб. 20 коп. — 2 руб. 50 коп., а в Забайкалье уже 15 руб. [1. С. 26].

Несмотря на потенциальные убытки, сибирские кооператоры поддержали необходимость введения «сухого закона». На съезде кооперативных учреждений Томской губернии, проходившем в Новониколаевске 1—4 марта 1915 г., по этому поводу была принята специальная резолюция: «Томский губернский кооперативный съезд в г. Новониколаевске заслушав ряд докладов о состоянии и задачах кооперации в Сибири и, находя, что для улучшения условий деревенской жизни необходимо прежде всего повышение сознательности и хозяйственного благополучия крестьян и что значительным препятствием к этому всегда была водка, отнимавшая у деревни и деньги и разум, постановил: выразить желание, чтобы торговля спиртными напитками в России никогда больше не возобновлялась» [13. Л. 21].

Однако, как установила С. Ю. Шишкина применительно к Тобольской губернии, «деревня

благодаря “сухому закону” значительно увеличила потребление городских товаров, но промышленность в условиях войны не способна была увеличить производство предметов широкого потребления. Расстройство транспорта и твердые цены подрывали заинтересованность крестьян в реализации хлеба — на вырученные деньги мало что можно было купить, так как цены на промышленные изделия росли, а их поставки в деревню сокращались. В декабре 1916 г. на заседании Тюменской городской думы гласный Антонов, говоря о сокращении сельскохозяйственного производства, заявил: “Деревня перестала давать городу продукты, производить их ей сейчас нет интереса... город безбожно поднял цены на все продукты, нужные крестьянам, и как ответ на это деревня отказывается кормить город; она вырабатывает продукты лишь для себя”» [14. С. 179].

Источники и литература

1. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 — март 1921 г.). — Новосибирск, 2013.
2. Серебренников И. И. Претерпев судьбы удары. Дневники 1914—1918 гг. — Иркутск, 2008.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 144.
4. Шишкина С. Ю. Патриотизм и толерантность в общественных настроениях в годы Первой мировой войны (на материалах Зауралья) // Сибирский исторический журнал (Тюмень). — 2006.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ДПОО. 4-е делопр. 1914. Д. 138. Ч. 1.
6. Алтайское дело (Новониколаевск). — 1917.
7. ГАРФ. ДПОО. 4-е делопр. 1915. Д. 108. Ч. 77.
8. ГАРФ. ДПОО. 4-е делопр. 1915. Д. 77. Ч. 3.
9. Кижяева Т. А. Образ власти в менталитете крестьянства Томской губернии в годы Первой мировой войны // Алтайская деревня в первой половине XX в. — Барнаул, 2007.
10. ГАРФ. ДПОО. 4-е делопр. 1915. Д. 20. Ч. 6.
11. ГАРФ. ДПОО. 4-е делопр. 1915. Д. 108. Ч. 20.
12. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632—1917 гг. / сост. А. А. Калашников. — Якутск, 2000.
13. ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 196.
14. Шишкина С. Ю. Линия конфликтов в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Зауралья) // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях). — Омск, 2009.

Калюга А. Е.

ГОДЫ ЛИХОЛЕТЬЯ

Первая мировая война, окрещенная историками схваткой имперских амбиций между двумя военно-политическими группировками европейских держав, Антантой и Тройственным союзом, поставила под угрозу судьбы многих государств и народов. Более 70 млн солдат, преимущественно бывших крестьян, были вырваны из привычного уклада жизни и брошены в мясорубку войны. В сырых окопах испытывали мобилизованные тяготы и лишения фронтовой жизни, сражаясь с такими же, как они, солдатами противника, проливая кровь «За Веру, Царя и Отечество».

Из Минусинского округа Енисейской губернии было призвано больше всего воинов в сравнении с другими округами. Мобилизованы были и крестьяне из Притубинья — Курагинской, Имисской, Поначевской, Шалоболинской и Кочергинской волостей, впоследствии вошедших в состав Курагинского района. В воспоминаниях потомков значится цифра выявленных — 295 чел., но действительное их количество было значительно больше [1. С. 12].

С первых дней войны Россия, в том числе Притубинье, перешла на военное положение. Одна за одной проводились мобилизации, общее количество которых в Сибири достигло 20 [1. С. 18]. Не подлежали мобилизации старатели золотых приисков. Были призваны на фронт родные братья Георгий, Матвей и Иван Симоновы из с. Пойлово, Гавриил Мельников из Шалоболына, Никита Мурамщиков из д. Камешки, Иван Комаров из с. Поначево и др. [2. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 131. Л. 86].

В тылу увеличились денежные налоги, подати и повинности. Цены на промышленные и сельскохозяйственные товары возросли в 2—3 раза. Появилась спекуляция. Наблюдались факты торговли недоброкачественными товарами. На промышленных предприятиях и золотодобывающих приисках рабочий день был увеличен до 12—16 часов, а заработная плата стала ниже на 15—25 %. Как результат, участились случаи саботажа, уклонения от работы. В 1915 г. на Ольховско-Чибихевских приисках прокатилась волна забастовок и стачек [2. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 131. Л. 86—87].

Ухудшилось в Притубинье и положение крестьян. Многие хозяйства остались без достаточной

рабочей силы. Основная масса трудоспособных мужчин призывного возраста (около 53 %) была мобилизована на фронт, тыловые работы, различные виды служб, в военные и учебные команды [1. С. 18]. Из крестьянских хозяйств забирали лошадей — упряжных и верховых. На 10—15 % сократились посевные площади. Из-за плохой обработки пахотных земель снизилась их урожайность, а отдельные участки и вовсе пришли в запустение и стали непригодными для посева.

В деревнях ощущалась острая нехватка железа, угля, керосина, спичек, соли, мануфактуры и других предметов первой необходимости, а также фабрично-заводских изделий. Крестьяне выходили из создавшегося положения путем самообеспечения. Соль (так называемый бузун) добывали в местных горах, уголь для кузниц — в горах Убруса. Продукты питания обменивали на базарах и ярмарках на заводские изделия [2. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 131. Л. 87].

Ситуацию в Притубинье осложняли прибывшие переселенцы, эвакуированные из западноевропейских прифронтовых губерний, каторжные заключенные, ссыльные, штрафники. Для их устройства местным властям необходимо было выделять жилплощадь, продукты питания.

В это время состоятельные граждане — золотопромышленники, золотоскупщики, купцы, крестьяне крепких зажиточных хозяйств, — пользуясь большим спросом на продукты и промышленные товары, увеличивали свои капиталы. Так, «Акционерное общество Ольховских золотодобывающих приисков и рудников» во главе с хозяином К. И. Иваницким в 1916 г. получило чистого дохода более 230 тыс. руб.

Увеличили свои доходы в лихолетье Дистлеры, Пашенных, Ходовы, Мухины и др. [2. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 131. Л. 89].

В 1916 г. на фронтах сложилось тяжелое положение по причине поражений в боевых операциях и значительных потерь личного состава. Правительство приняло решение о мобилизации на фронт политзаключенных и политссыльных, а на тыловые работы — уголовников и инородцев.

По воспоминаниям краеведа А. Г. Шароватова, к тыловой работе на Черемховских угольных копях был привлечен уроженец с. Бугуртак Имисской волости И. С. Бузулаев, член ВКП(б) с 1915 г. К Красноярскому дисциплинарному батальону были приписаны в 1916 г. А. И. Окулов — уроженец д. Шошино Кочергинской волости, член ВКП(б) с 1903 г., и А. П. Базаркин — уроженец с. Курагино, член ВКП(б) с 1917 г., и др.

В связи с бедственным положением крестьянства стало нарастать антивоенное движение. Оно выражалось в отказе крестьян от уплаты податей и налогов, сборов и пожертвований на нужды фронта, отказе от военных поставок фуража и продовольствия, а самое главное, людских ресурсов. Начались уклонения от мобилизации. Наблюдались волнения и выступления женщин-солдаток, матерей и жен, престарелых родителей, писавших прошения об отсрочке или отмене призыва в армию, а тем более на войну их мужей и сыновей. Положение усугубил и неурожай 1917 г. — во всем Минусинском уезде выгорели посевы, и население стало получать хлеб по карточкам.

Повсеместно, в том числе и в Притубинье, участились случаи воровства, конокрадства, поджогов. В результате этого страдали в основном хозяйства зажиточных крестьян. Широкое распространение получили самосуды, которые организовывались местными органами власти в лице волостных, сельских и деревенских старост и старшин. Так, на основании решения схода были убиты братья Гордей и Василий Хмелевы из с. Пойлово, обвиненные в конокрадстве по доносу зажиточных крестьян. Подобное произошло и в д. Белый Яр Кочергинской волости, где были убиты Василий Лабутин, кузнец Василий Воробьев и братья Софроний и Иннокентий Свинуховы, обвиненные в намеренном поджоге местных крепких хозяйств.

Все чаще случались грабежи на дороге Курагино — Минусинск, в таежных и подтаежных

зонах Притубинья, где проходили золотоскупщики, старатели (бергальи) и охотники. Так, на дороге в горах Тараса и Убруса был убит золотопромышленник В. Г. Дистлер. При выходе из тайги с пушшиной по окончании охотничьего сезона был убит охотник Варфоломей Запольский. Чуть позже та же участь постигла охотников Осипова и Цыганкова из д. Михайловки Имисской волости. Большинство происходящих убийств и разбоев приписывалось банде разбойника Самошки. Также бытовало мнение, что это дело рук беглых каторжников, царских преступников, солдат-дезертиров царской армии и уклоняющихся от мобилизации [2. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 131. Л. 95—96].

Тяготы военного времени непосильным бременем легли на плечи крестьянства. «Моя мама всегда плакала, когда про “царскую” войну говорили, — вспоминает старожил д. Уральской Курагинского района Н. Я. Скопинцев. — Тяжело было в деревне. Из нашей родни многие воевали: мой отец Я. П. Скопинцев, материн брат И. Н. Наумкин. А. П. Кирькин был ранен в руку, а материной сестры муж — З. Пузанов погиб». Но вера в спасение Отечества подвигала сибиряков на чудеса героизма. Крестьянин из с. Карташово Поначевской волости П. И. Дивеев — участник Русско-японской и Первой мировой войн — за храбрость был удостоен звания старшего унтер-офицера и награжден четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя медалями. Участник двух войн Н. К. Довбуш также стал полным Георгиевским кавалером [2. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 9. Л. 49—51].

Отличились и крестьяне из д. Покровка Имисской волости, воевавшие в армии А. А. Брусилова: унтер-офицеры П. Д. Евдокимов и П. Д. Колотилкин, прапорщик И. И. Фролов, командир стрелковой роты Н. И. Фролов, фельдшер Т. А. Пучков. За боевые заслуги они были награждены высшими знаками доблести для младших офицерских чинов и рядовых — Георгиевскими крестами и медалями. По воспоминаниям дочери И. И. Фролова Александры, сам А. А. Брусиллов вручил ее отцу именную серебряную шашку. Но награды и шашка были изъяты в ходе нескольких арестов в период политических репрессий 40-х гг. XX в., а их хозяин умер в лагере п. Подкуня в 1943 г. Руководство не простило храброму офицеру выступлений против раскулачивания крестьянства несмотря на то, что он участвовал в партизанском движении, вступил

в члены ВКП(б) в 1921 г. и был награжден орденом Красного Знамени. В 1962 г. И. И. Фролов был реабилитирован. Пятью годами ранее реабилитировали и П. Д. Евдокимова, расстрелянного в 1937 г. в г. Минусинске [2. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 9. Л. 49—51].

В документах Курагинского архива имеются автобиографии и личные листки по учету кадров депутатов Артемовского районного Совета и руководителей хозяйств, в которых указаны скудные сведения об их участии в Первой мировой войне: это И. И. Богданов — уроженец Полтавской губернии, который воевал с 1915 по 1917 гг. в 181-м полку, Г. Е. Казаченко — уроженец Смоленской области, воевавший с 1914 по 1917 гг. в 319-м полку, С. У. Пишков — уроженец Тамбовской губернии, воевавший с 1915 по 1916 гг. на Австрийском фронте, Е. Р. Цыганков — уроженец Могилевской губернии, воевавший с 1914 по 1917 гг. в 85-м пехотном полку на Австрийском фронте, и др. [2. Ф. Р-167. Оп. 2. Д. 15—18]. Этим бывшим ратникам повезло, их не коснулась волна репрессий и преследований — возможно, потому, что они добровольно переехали в место спецпоселения раскулаченных граждан, коим являлся Артемовский (Ольховский) золотой рудник.

«На войне как на войне» — в этих строчках и самоотверженность, и обреченность. В 1914—1918 гг. количество русских военнопленных в Германии составило около 1 млн 400 тыс. чел. Прошел через лишения плена Т. С. Добарин — уроженец Полтавской губернии, в советское время работавший в артемовской ВКП(б) и народным

судьей Артемовского района [2. Ф. Р-167. Оп. 2. Д. 5. Л. 166].

По странному стечению обстоятельств основанием для политических преследований геологов Красноярского края в 40—60-х гг. XX в. стали свидетельства участника Первой мировой войны И. Г. Прохорова, уроженца с. Тагашет Поначевской волости. С начала войны он был призван на фронт и в 1917 г. попал в плен. В Курагинском районном архиве в его личном фонде находится на хранении альбом с фотографиями периода плена, на которых изображены русские военнопленные, кладбище русских воинов в местечке Гамайн и др. Вернувшись из плена, И. Г. Прохоров участвовал в партизанском движении, организовал в с. Тагашет коммуны «Красный луч», а с 1931 г. перешел в систему геологоразведки, где проработал более 20 лет, занимаясь поиском редкоземельных металлов. В 1950 г. ему было присвоено звание техника-геолога 1-го ранга и назначена пенсия республиканского значения [2. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 21].

События Первой мировой войны были забыты новой, советской, властью, но это не умаляет храбрости и стойкости русских воинов. 1 августа 2013 г. впервые был отмечен День памяти российских воинов, павших в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг., утвержденный Законом РФ «О днях воинской славы и памятных датах России». Это подтверждение тому, что потомки чтят и помнят свою историю и предков, которые защищали честь государства и ковали славу Отечеству.

Источники и литература

1. Комарова Т. Тем, кто в забвенье брошен был судьбой... Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. — Красноярск, 2007.
2. Курагинский районный архив.
3. Библиотечный фонд Курагинского районного архива. Книги Памяти жертв политических репрессий. Тома «Д-И» — «Т-Ф». — Красноярск, 2005—2009.

Коновалова Н. А.

«НАШ НИКОЛАШКА — ДУРАЧОК...». ОТНОШЕНИЕ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА К ПОСЛЕДНЕМУ РОССИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРУ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Историки, рассуждая о причинах, повлекших революционные события 1917 г., чаще всего говорят об изменении отношения русского крестьянства к царской власти. В ряду событий, ставших ключевыми во взаимоотношениях русского крестьянства и царя, называют и крестьянскую реформу 1861 г., обернувшуюся разочарованиями, и Русско-японскую войну, и Столыпинскую аграрную реформу. В их числе не последнее место занимает Первая мировая война.

Долгое время, обращаясь к теме влияния Первой мировой войны на отношение крестьянства к царю, исследователи, как правило, рассматривали лишь солдат, то есть только мобилизованную часть крестьянства, выбирая в качестве источника для анализа их настроений солдатские письма и песни [12, 15, 16, 18]. Следственным делам об оскорблении царя со стороны крестьян, не ставших прямыми участниками войны, должного внимания не оказывалось.

Культуру русского дореволюционного крестьянства, как, впрочем, любую бесписьменную культуру, называют «молчаливой». В этой ситуации следственные дела, заведенные на крестьян, — один из немногих источников, позволяющих услышать «голос» этого многочисленного сословия Российской империи, узнать его отношение к происходящим событиям.

В поле нашего внимания попали следственные дела, заведенные по факту оскорбления царя представителями крестьянского сословия. «Непригожие речи», или, как их еще называли в текстах документов, «неприличные», «дерзкие речи», «площадная брань» — это высказывания, наносившие ущерб чести российского императора и российской монархии, произнесение которых влекло за собой уголовную ответственность. Следственные дела об оскорблении царя в период Первой мировой войны возбуждались на основании «Уголовного Уложения, высочайше утвержденного 22 марта

1903 года», третья глава которого содержала статьи «О бунтах против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и членов Императорского Дома» (ст. 99—107) [11. С. 181—195].

Оскорбление царя каралось по ст. 103 Уголовного Уложения, которая предполагала наказание каторгой сроком до 8 лет за надругательство над изображением императора и Императорского Дома (1 ч. ст. 103) и заключением в крепости за публичное выставление печатных и изобразительных материалов с целью оскорбления императора и Императорского Дома (2 ч. ст. 103). Большинство же дел возбуждалось по 3 части указанной статьи, которая гласила, что «если же заочные оскорбления, угроза или надругательство учинены по неразумению, невежеству или в состоянии опьянения, то виновный наказывается арестом» [11. С. 190].

Следственные дела об оскорблении царя попали в поле внимания историков еще в начале XX в., но тогда этот источник не воспринимался как репрезентативный в связи с тем, что, как правило, произносящий «непригожие речи» находился в нетрезвом состоянии [14, 17]. П. В. Лукин, доказав, что пьяное состояние — это лишь попытка подсудимых получить наименьшую меру наказания, реабилитировал данный источник [13. С. 13—15].

Следственные дела об оскорблении крестьянами царя отложились в нескольких фондах

¹Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 13-11-55002.

Исторического архива Омской области: в фонде Главного управления Западной Сибири (ф. 3) за более ранний период (конец 1860 — начало 1880-х гг.), Омского окружного суда (ф. 10), Омской судебной палаты (ф. 25), прокурора Омского окружного суда (ф. 33), а также в виде отдельных документов в переписке о лицах, обвиняемых в оскорблении царя, в архивном фонде Омского жандармского управления (ф. 270). Следственные дела включают в себя такие делопроизводственные документы, как обвинительные акты, выписки из заседаний судебной палаты, протоколы, вопросные листы, дознавательные материалы, переписку следственных органов и органов местной власти по поводу обстоятельств уголовного дела, приговор суда. В своей совокупности они раскрывают обстоятельства произнесения бранных речей в адрес последнего российского императора, зачастую содержащих нецензурные выражения.

Исследователи отмечают, что война всегда была для русского крестьянства временем предельной концентрации, потому что отнимала у семьи кормильцев и основных работников. Крестьяне болезненно относились к рекрутству и мобилизации, объявляемой правительством в связи с разгоревшимся военным конфликтом, так как это приводило к значительному сокращению рабочих рук и увеличению доли женского труда. Отношение крестьянства к военной мобилизации видно по следственному делу, заведенному накануне Первой мировой войны в связи с оскорблением царя крестьянином Михаилом Ивановичем Покоевым. Обстоятельства дела были таковы: 1 марта 1914 г. в с. Ново-Рыбинском Акмолинского уезда в избе, где помещалось местное сельское правление, собралось несколько человек, в том числе полицейский урядник Григорий Верченко, приехавший в с. Ново-Рыбинское для взыскания с крестьян недоимок. Вечером в избу эту зашел «в очень нетрезвом виде» местный крестьянин Михаил Покоев, который, увидев полицейского урядника Верченко, стал ругать его за то, что тот взывает с крестьян недоимки. Затем в присутствии находящихся в избе крестьян он «дозволил себе дерзостное неуважение» к царствующему императору, сказав: «какая у нашего Царя правда есть, когда у меня сына взяли на военную службу, а мне оставили малышней, да еще из нас кровь тянут» [1. Л. 26]. Очевидно, что по мере затягивания военных действий и привлечения

дополнительных людских ресурсов на фронт крестьянское недовольство росло.

Узнавая о неудачах русских войск на фронте, крестьяне винили прежде всего Николая II за то, что он не смог подготовиться к войне должным образом. Крестьяне отмечали, что вместо того, чтобы делать оружие, царь сосредоточился на тех мерах, которые были очевидно непопулярны в народе несмотря на их объективную пользу. Речь идет о введении в 1894 г. винной монополии, со временем распространившейся на всей территории Российской империи, и о запрете на продажу и потребление алкогольных напитков до окончания военных действий, введенном в 1914 г.

Эти факты не оставались незамеченными, когда крестьянин произносил бранные речи о царе. Так, 27 сентября 1915 г. в с. Песьянском Безруковской волости Ишимского уезда Тобольской губернии в доме сельского старосты Шарапова во время чтения воззвания Ишимского военно-промышленного комитета о сборе железа и других металлов на военные нужды крестьянин Емельян Семенович Нефедов, прервав выступавшего, заявил: «Государь поздно хватился изготовлять снаряды, нужно было это делать раньше, а не торговать вином» [10. Л. 13—13 об.]. 1 сентября 1915 г. в помещении Корнеевского сельского управления Кокчетавского уезда был зафиксирован похожий случай, когда в ходе разговора крестьян Трофима и Гаврила Пивоваровых, Дмитрия Воробьева, Семена Ковылина и Федора Мисюка про войну последний, рассуждая о недостатке оружия у русского войска, назвал царствующего императора «собакой и сволочью» и сказал, что орудия для войны готовить у него не было времени, «так как Царь торговал водкой и гулял с немками в саду» [4. Л. 4]. Последняя фраза свидетельствует о том, что крестьяне были осведомлены о немецком происхождении императрицы Александры Федоровны, принцессы Гессен-Дармштадтской, интерес к которому сознательно подогревался со стороны царской оппозиции.

Из материалов следственных дел по оскорблению царя следует, что в крестьянской среде бытовало мнение о том, что, запретив народу употребление спиртных напитков, себе Николай II в нем не отказывал. По донесению начальника Омского жандармского управления прокурору Омского окружного суда, сделанному 5 февраля 1915 г., крестьянин д. Крыловской Всесвятской волости

Петропавловского уезда Яков Родионович Будник и крестьянин той же деревни Федор Никитич Мурлыкин вели разговор про войну, в ходе которого в ответ на фразу Мурлыкина: «Наш батюшка Царь день и ночь старается и не имеет покоя из-за этой проклятой войны» Будник ответил: «Старается, он, собака, сукин сын, сидя в зале, пивши ром» [2. Л. 1]. О другом подобном случае в с. Покорном той же волости Акмолинского уезда в апреле 1915 г. прокурору Омского окружного суда доносил акмолинский уездный начальник: крестьянин Юрий Иоганович Рек, беседуя с крестьянами-односельцами о ходе военных действий, при чтении в газетах известий о поражении немцами части 10-го русского корпуса, «с явным намерением возбудить среди окружающих неуважение к Высочайшей Особе сказал: “Наш Царь только пьянствует, да по бл...ям шляется, только и может делать валенки да перчатки, а орудие делать не может”» [3. Л. 9].

Подобные высказывания в адрес царя во время действия «сухого закона» позволяют судить о том, что крестьяне ощущали отсутствие единения народа с царем, идея которого исконно существовала в крестьянской культуре и поддерживалась официальными теориями российской монархии.

Встречаются случаи, когда крестьяне, высказывая недовольство Николаем II, сравнивали его с германским императором, и сравнение это было не в пользу русского царя. Так, 25 января 1916 г. товарищ прокурора Омского окружного суда доносил прокурору Омского окружного суда, что крестьянка Псковской губернии и уезда Биндеман, увидев в избе крестьянки с. Петровского Благовещенской волости Петропавловского уезда Прасковьи Бежиковой на стене картину «Заморский змей и русский витязь» с изображением германского императора Вильгельма, австрийского императора Франца Иосифа и турецкого султана, заявила, что «напрасно Вильгельма изображают в таком виде, как он изображен на картине, так как человек умный и добрый, у него много фабрикантов и “специалистов”, “а вот наш Николашка — дурачок”» [6. Л. 8]. Если в приведенном выше примере национальность произносящей речи крестьянки непонятна (следственные органы так и не смогли установить место ее проживания), то в другом подобном случае крестьянин

Яков Павлович Орел, 49 лет, проживавший в пос. Выселке-Павловском Омского уезда, в начале декабря 1915 г., зайдя к своей соседке, крестьянке Анастасии Поздняковой, в избу, во время разговора о войне произнес схожие фразы, заявив, что «наш Государь, никогда не одолеет Германца, Он — Государь-дурак, лишь только строил заведения да кабаки, а орудия не готовлял, а Германский — умный, он готовлял и теперь заберет Москву, Петроград и Киев, а Государя нашего возьмет в плен и тогда наше Государство переведется». На замечание присутствующей рядом крестьянки Поздняковой, что этого никогда не будет и что у нас «имеется наследник престола», Орел с руганью выразился: «какой там Наследник, Его Государыня набегала, Его этого Наследника тоже надо убить, чтобы его не было, тогда останутся одни дочери у Царя, но найдется добрая душа, что истребит и их» [7. Л. 2].

В целом стоит отметить, что в крестьянском понимании было возможно три типа войны: война оборонительная, как Отечественная война 1812 г.; война захватническая, позволяющая решить проблему густонаселенности центральных губерний Российской империи, и война за православную веру [15. С. 83]. Поскольку Первая мировая война не относилась к их числу, а была войной за сферы экономического и политического влияния, то она не оправдывалась в глазах крестьян переживаемые финансовые и людские потери.

Непонимание крестьянами сущности начавшейся войны отражено в словах крестьянина с. Городище Омского уезда Степана Карева, который через месяц после начала войны (в конце августа 1914 г.) так объяснял в разговоре ее причины: «наш Государь Император проиграл в клубе в карты и совестно Ему было заплатить дань», вот он и «начал с Германией войну и съел (в значении «убил». — Н. К.) моего брата» [8. Л. 5].

Эта война не смогла оправдать не только огромные людские потери, но и правящего царя. Начальник Омского жандармского управления писал прокурору Омского окружного суда о том, что 18 февраля 1916 г. крестьянка пос. Мало-Тимофеевского Татьяна Аркатова в доме крестьянина Пономарева, сына которого взяли на действительную службу, «когда зашел разговор о текущей войне, указав пальцем на портрет Государя Императора, сказала: “Этот черт виноват во всем”» [5. Л. 7].

В связи с нарастающим недовольством агитаторы различных партий находили в деревне плодородную почву для распространения революционных идей. Так, заведующий розыскным пунктом в г. Новониколаевске Томской губернии 31 мая 1916 г. доносил начальнику Омского жандармского управления, что крестьянин Томской губернии Каинского уезда Ново-Ярковской волости д. Сизевой Борис Миронович Жарков «в присутствии посторонних лиц, с целью возбудить неуважение к Священной Особе ныне Царствующего Государя Императора, будучи трезв, позволил себе заочно оскорбить Особу Государя Императора, сказав: “Когда кончится война, тогда

долой нашего Царя к е...ой матери <...> и выберем президента”» [9. Л. 39].

Употребляя в своих речах такие чуждые своей культуре понятия, как «президент», «республика», заимствованные у оппозиционных российской монархии партий, крестьяне, как и прежде, выступали за самодержавное устройство. Источники уже советского времени, в частности, письма крестьянства советским вождям, показали, что разочарование, которое испытало российское крестьянство в начале XX в., относилось лишь к личности последнего русского царя, а не к самодержавию как принципу государственного и земного устройства.

Источники и литература

1. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 870.
2. ИАОО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 112.
3. ИАОО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 113.
4. ИАОО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 118.
5. ИАОО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 125.
6. ИАОО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 119.
7. ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 589.
8. ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 591.
9. ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 657.
10. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 164. Оп. 1. Д. 432.
11. Уложение 22 марта 1903 г. Изд-е Н. С. Таганцева. — СПб., 1904.
12. Голоса из окопов (Солдатские письма 1915—1916 гг.) // Красная летопись. — 1928. — № 1.
13. Лукин П. В. Народные представления о царской власти в России XVII в. — М., 2000.
14. Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. — М., 1911.
15. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918). — Екатеринбург, 2000.
16. Солдатские письма в годы мировой войны // Красный архив. — 1934. — № 4—5.
17. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений. — М., 1912.
18. Шашков В. И. Политические настроения сибирского крестьянства в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2001.

Социальная помощь и благотворительность в период войн начала XX в.

Ермакова Е. Е.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ВОИНАМ — УЧАСТНИКАМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вступление Российской империи в Первую мировую войну в августе 1914 г. оказало огромное влияние на общественное сознание, подняв волну патриотизма в разных слоях русского общества. С началом военных действий по всей стране возникают многочисленные общественные организации, призванные оказывать помощь фронтовикам и их семьям, а также раненым, беженцам и другим категориям населения, пострадавшим от войны.

В Енисейской губернии создаются отделы общероссийских или сибирских специализированных общественных организаций, деятельность которых направлена на оказание помощи участникам войны. К подобным организациям можно отнести Красноярский комитет Всероссийского союза городов, Красноярский дамский комитет Красного Креста, Красноярский отдел повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям; в Красноярске и во всех уездных городах губернии действовали отделы Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и т. д.

Общественные организации оказывали различные виды помощи. Например, деятельность местных отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам выражалась в устройстве питательных пунктов, патронатов для проходящих раненых, в оказании денежной помощи и сборе вещевого довольствия [1. С. 2—8]. Участники Красноярского дамского комитета Красного Креста сами изготавливали и приобретали для фронтовиков предметы первой необходимости: лазаретные принадлежности, белье, теплую одежду; посылали солдатам подарки, в которые входили необходимые на фронте вещи: мыло, сахар, табак, починочный материал для сапог и т. д. Только за 2 первых года войны комитет собрал 34 324 руб., на которые были закуплены различные предметы для военных, отправленные на полевые склады Красного Креста [2. С. 4—5].

Одна из главных задач организаций, помогавших военным и их семьям, заключалась в привлечении как можно большего количества денежных средств. Финансовые средства поступали из разных

источников. Прежде всего, члены организаций платили членские взносы. Например, в уставе Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам указывалось, что действительные члены вносили в кассу общества единовременно 10 руб., вносящие же «500 рублей единовременно или обязавшиеся вносить ежемесячно по 100 рублей в течение деятельности Общества» считались почетными членами [3. С. 4]. Однако главную статью доходов обществ составляли благотворительные взносы. Поступали как крупные, так и мелкие частные пожертвования. Так, в 1914 г. золотопромышленник В. П. Усков перечислил городскому попечительству, помогавшему жертвам войны, 3000 руб., в том же году в этом обществе был произведен кружечный сбор на 4502 руб. [4. С. 3].

Наряду со сбором пожертвований общества пополняли свои фонды путем организации лотерей, спектаклей и других увеселительных мероприятий. Например, в ноябре 1914 г. Красноярским дамским комитетом Красного Креста в театре «Кинемо» В. А. Полякова организовывалась демонстрация картин, доход от показа которых в размере 422 руб. пошел «на усиление средств» комитета [5. С. 3]. В 1916 г. дамский комитет организовал любительский спектакль в Общественном собрании, который принес доход в 613 руб. [2. С. 5].

Важно отметить, что активное участие в оказании помощи воинам и их семьям принимали и другие общественные организации (образовательные, страховые, предпринимательские и т. д.). В 1916 г. Общество взаимного страхования от огня выделило Красноярскому отделу Сибирского общества подачи помощи

больным и раненым воинам 800 руб. и дополнительно 1000 руб. на подарки для фронтовиков [6. Л. 8]. За свою благотворительную деятельность в годы Первой мировой войны это общество получило благодарность от бельгийского консула [7. С. 3]. В 1915 г. Общество попечения о народном образовании в г. Енисейске помогло Енисейскому отделу Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям в организации лотереи, доходы от проведения которой пошли на помощь фронтовикам [8. С. 13]. Силами членов клуба Вольно-пожарного общества был организован маскарад, позволивший собрать сумму пожертвований в размере 1080 руб. в пользу Красноярского дамского комитета Красного Креста [2. С. 5].

Предпринимательские организации, в которые входили крупные купцы-промышленники, также оказывали значительную помощь фронтовикам и их семьям. Например, Акционерное общество пароходства по р. Енисей в 1915 г. ассигновало городскому попечительству, помогавшему жертвам войны, 1000 руб. [4. С. 3]. В 1916—1917 гг. данное общество выплатило пособия семьям служащих, призванных на фронт, в размере 574 руб. и на протяжении всей войны активно помогало Красноярскому дамскому комитету Красного Креста [2. С. 4—5]. В 1915 г. Купеческое общество пожертвовало вышеупомянутому городскому попечительству 3600 руб. [4. С. 3] и т. д.

Большой вклад в оказание социальной помощи военным и их семьям вносили кооперативы, которые выделяли пособия на лечение, образование детей членов товариществ, помогали семьям воинов в обработке земли и т. д. Например, в 1915 г. на общем собрании членов кредитного товарищества в с. Уринском было постановлено «принять деятельное участие в организации помощи солдатским семьям при посевах и уборке полей, предоставить им в бесплатное пользование сеялки и жатки из прокатных пунктов» [10. Л. 29]. В 1915 г. члены Восточно-сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли постановили организовать в городах Енисейской губернии добровольческие отряды из учащейся молодежи и военнопленных для проведения земледельческих работ в хозяйствах крестьян, призванных в действующую армию [11. Л. 2].

Помощь жертвам войны оказывали не только отдельные товарищества, но и союзы кооперативов. В 1915 г. Союз кредитных товариществ Енисейской губернии организовал и отправил

на фронт передвижной лазарет, 3 питательных пункта и баню. Подобные передвижные лазареты имели большое значение на фронте, так как целый ряд тяжелых ранений требовал немедленной и серьезной медицинской помощи, которую не могли оказать находящиеся на передовой перевязочные пункты [12. С. 17]. На организацию данного санитарно-питательного отряда Союз кредитных товариществ выделил в 1915 г. 10 тыс. руб., а Союз городов ассигновал на содержание отряда 17 тыс. руб. [13. С. 9].

Наряду с кооперативами участникам войны и их семьям оказывали помощь и профсоюзы. Так, в протоколе общего собрания Союза служащих в торговых и торгово-промышленных предприятиях г. Красноярска указывалось, что из капитала Союза выделялось 300 руб. на нужды фронтовиков, а также устанавливались добровольные отчисления в размере 2 % от жалования на помощь семьям членов профсоюза, призванных на войну [14. Л. 21].

Активную поддержку общественным организациям, помогавшим воинам — участникам Первой мировой войны, оказывало городское самоуправление. Так, в феврале 1915 г. Красноярская городская дума приняла решение «об отводе местному управлению Красного Креста в Николаевской слободе участка городской земли под постройку богадельни для калек-воинов и об отпуске ежегодного пособия в 1000 руб.» [15. С. 89]. Городскому попечительству о семьях призванных воинов в том же году Дума ассигновала 2000 руб.

Городское самоуправление выступало инициатором создания добровольных комитетов и организаций в годы Первой мировой войны. В 1914 г. представитель красноярского самоуправления, городской голова П. С. Смирнов участвовал в Первом всероссийском съезде городов в Москве, созданном в связи с необходимостью организации помощи государству в условиях войны [12. С. 8]. В том же году в Красноярске открылся Красноярский комитет союза городов, поддерживаемый Городской думой и правительством. Одной из главных обязанностей комитета являлась выдача пособий раненым. По подсчетам комитета, в первый год войны было выплачено 168 руб. нуждающимся воинам [13. С. 8].

В 1915 г. Красноярской думой был создан Комитет помощи беженцам, в состав которого вошли как гласные Думы, так и лица, пользующиеся избирательным правом на выборах в органы городского

самоуправления. В том же году по инициативе Городской думы был открыт Красноярский областной военно-промышленный комитет, в который вошли семь гласных от Думы, с предоставлением права приглашать от всех слоев городского общества представителей, желающих принять участие в работе Военно-промышленного комитета, а также представителей общественных организаций и кооперативов. Комитет занимался производством и поставкой на фронт кожаных сапог для военных [16. С. 18].

Необходимо также отметить, что по инициативе Городской думы созывались съезды представителей самоуправления городов Енисейской губернии с привлечением различных общественных организаций для оказания необходимой помощи пострадавшим от военных действий. 15—17 июля 1915 г. под эгидой Городской думы и Красноярского комитета был созван Первый съезд представителей городов Енисейской губернии. В работе съезда принимали участие представители органов местного самоуправления Минусинска, Ачинска, Канска, Енисейска, Красноярска. На съезд также прибыли делегаты от общественных организаций, которые оказывали помощь пострадавшим от военных действий: от Красноярского отделения российского Красного Креста, Красноярского отделения

Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам, кооперативов, дамских комитетов и других организаций. Главной целью съезда являлась координация действий органов городского самоуправления и общественных объединений для оказания более эффективной помощи жертвам войны и их семьям [13. С. 5—7].

Таким образом, в годы Первой мировой войны в Енисейской губернии большую роль в сфере социальной поддержки участников войны и их семей играли общественные организации. Помощь оказывалась как специализированными организациями, так и добровольными объединениями самого широкого профиля: образовательными, культурно-просветительскими, коммерческими организациями, кооперативами и пр. В них принимали участие самые широкие слои населения, руководствуясь чувством гражданского долга. Общественные организации координировали свою деятельность, объединяясь в союзы и проводя совместные съезды, что повышало эффективность их работы. Большой вклад вносили также органы городского самоуправления, которые нередко выступали инициаторами создания подобных объединений, осуществляя активную поддержку их деятельности.

Источники и литература

1. Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. — Пг., 1916.
2. Записка о деятельности Красноярского дамского комитета Красного Креста (за период с 1 сентября 1915 г. по 1 сентября 1916 г.). — Красноярск, 1916.
3. Устав Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам. — Красноярск, 1914.
4. Енисейская мысль. — 1915, 15 янв.
5. Енисейская мысль. — 1915, 11 янв.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 170. Оп. 1. Д. 58.
7. Енисейская мысль. — 1915, 13 янв.
8. Отчет по устройству лотереи-аллегри 25 марта 1925 г. в пользу Енисейского местного отдела Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. — Енисейск, 1915.
9. Отчет Акционерного Общества Пароходства по р. Енисею за 7 операционный год (с 1 ноября 1916 г. по 1 ноября 1917 г.). — Красноярск, 1918.
10. ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 323.
11. ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 948.
12. Вестник приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам. — Красноярск, 1915. — № 1.
13. Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в г. Красноярске. 15—17 июля 1915 г. — Красноярск, 1915.
14. ГАКК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 5.
15. Сборник постановлений Красноярской Городской Думы за 1915 г. — Красноярск, 1916.
16. Сборник постановлений Красноярской Городской Думы за 1916 г. — Красноярск, 1917.

Катцина Т. А.

ПОД ДЕВИЗОМ: «ВСЯ СИБИРЬ ИДЕТ!» (СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОДАЧИ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ ВОИНАМ И ПОСТРАДАВШИМ ОТ ВОЙНЫ)¹

Первая мировая война вызвала к жизни ряд общественных учреждений и частных обществ. Рост их числа и количества видов объективно способствовали выявлению и реализации различных интересов граждан, решению общенациональных проблем военного времени. К концу 1915 г. только в Енисейской губернии, включая самые отдаленные ее окраины (Усинский пограничный округ и Туруханский край), функционировало более 100 мелких благотворительных организаций [1. С. 8], чья деятельность была направлена на оказание разнообразной помощи жертвам войны.

Широкой известностью, особенно в азиатской части России, пользовалось Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (далее Сибирское общество помощи раненым, или Сибиртет), организованное в сентябре 1914 г. по инициативе сибирских общественных деятелей и членов Государственного совета и Думы от Сибири: С. И. Акерблома, Н. К. Волкова, С. В. Востротина, Е. Л. Зубашева, И. А. Кирилова, В. И. Лосева, А. И. Макушина, А. А. Скороходова, В. П. Сукачева, И. П. Толмачева, И. С. Шелковникова

[2. С. 1]. Центральный комитет общества располагался в Петрограде.

К концу 1914 г. в составе общества действовало 14 отделов, в сентябре 1915 г. — уже 34, из них 5 (Московский, Харьковский, Киевский, Рижский и Варшавский) — в пределах Европейской России, остальные в Сибири. В формировании отделов приняли участие специально командированные в Западную Сибирь — Е. Л. Зубашев, в Восточную — С. В. Востротин. Ставилась задача объединить всю Сибирь в общей работе помощи раненым.

«Необходимо объединиться, организовать планомерную деятельность, — говорил по этому поводу в своей речи на открытии Томского отдела уполномоченный Сибиртета профессор Е. Л. Зубашев. — У нас уже есть такие организации, как земский союз и другие. Общеземский союз развивает свою работу под девизом: “Вся земская Русь идет!” — Всероссийский городской союз: “Вся городская Русь идет”. Пусть же и сибирское Общество помощи раненым объединит всю Сибирь. Пусть и его работа идет и развивается под девизом: “Вся Сибирь идет!” Пусть выявится имя Сибири в общей большой, большой работе» [3. С. 470—471].

Целью Сибиртета провозглашалось «оказание помощи раненым и больным и вообще пострадавшим от настоящей войны путем: а) устройства подвижных (полевых и этапных) лазаретов

Профессор Е. Л. Зубашев

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту «Социальное попечение в Восточной Сибири в условиях войн начала XX в.» № 13—11—24002.

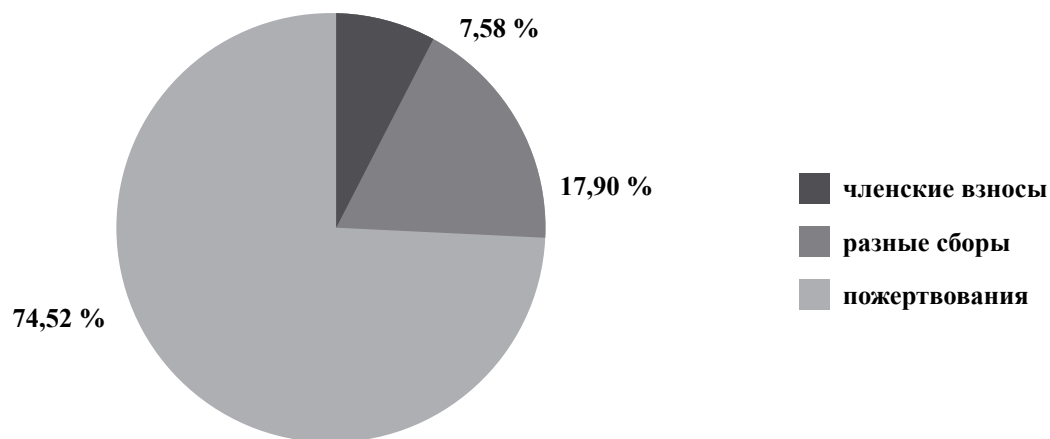

Рис. 1. Структура средств отделов Сибиртета (составлено по: [4. С. 59])

и врачебно-питательных, санитарных и других отрядов в местах военных действий; б) устройства госпиталей, патронажей, приютов, убежищ, санаторий и богаделен; в) организации трудовой, материальной, медицинской и юридической помощи пострадавшему от войны населению и содействия детям пострадавших в получении образования и помещении в приютах и т. п.; г) собрания и выдачи справок для облегчения раненым сибирякам сношений с родиной, а жителям Сибири — получения справок о находящихся в действующей армии, эвакуированных раненых и больных воинах, а также находящихся в плену» [2. С. 7].

Задачи Сибирского общества помощи раненым были схожи с задачами Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов (ВСГ) помощи больным и раненым воинам — крупнейших общественных объединений, возникших по инициативе москвичей и устроенных на общественных началах. Однако если Земский и Городской союзы в дополнение к частным средствам получали значительные государственные субсидии, без которых их обширная деятельность была просто немыслима, то Сибиртет аккумулировал членские взносы, пожертвования, сборы по квитанционным книжкам и подписным листам, кружечные сборы, доходы от концертов, лекций, чтений, бесед, спектаклей и т. п. Структура средств отделов Сибиртета представлена на рис. 1.

Общая сумма средств, собранная отделами к октябрю 1915 г., за исключением Омского,

Петропавловского и Курганского, составила 320 874,21 руб. Самые крупные средства дали губернии: Томская (более 66 %), Московская (около 15 %) и Енисейская (около 10 %), Забайкальская область (около 5 %) [4. С. 58—59].

Мероприятия Сибирского общества помощи раненым имели несколько направлений. Виды этой помощи и распределение денежных средств отображены на рис. 2.

Почти 75 % средств, которыми располагали отделы, направлялись на нужды передовых позиций. Даже когда раненых стали эвакуировать в Сибирь и для них нужно было устраивать питательные пункты, отделы оказали предпочтение помощи на передовых позициях. Так, Новониколаевский отдел, обратившись в Комитет с просьбой исхлопотать ему от ВСГ денежную поддержку для питательного пункта, устроенного им, заявил, что он скорее согласится на закрытие этого пункта, чем откажется от помощи своему отряду, находящемуся на фронте.

Потребность в оказании помощи больным и раненым солдатам резко возросла с первых же дней войны, и для ее удовлетворения существовали казенные учреждения — Военно-санитарное управление Военного министерства и Главное управление Российского общества Красного Креста. Они имели не только опыт работы во всероссийском масштабе, но и уже готовую систему благотворительных учреждений и соответствующий медперсонал, которые

отсутствовали у новоявленных филантропических организаций [5. С. 369—370]. Тем не менее Сибиртет в кратчайший срок организовал и отправил на театр военных действий два санитарных отряда в следующем составе каждый: основной склад, тыловой госпиталь, две летучки (каждая состояла из 2 врачей, 2 фельдшеров, 5 сестер милосердия и 30 санитаров для операций непосредственно на линии огня). Состав отряда определялся приблизительно в 152 чел., 80 лошадей, 20 одноколки, 4 легковых автомобиля и один грузовик. К 1916 г. Сибирское общество помощи раненым совместно с ВСГ организовало 10 передовых врачебно-питательных и 5 транспортных отрядов.

Для солдат отделы Сибиртета приобретали белье, теплые вещи. В адрес комитета Сибирского общества помощи раненым, доставлявшего на передовые позиции рождественские или пасхальные подарки, приходили выражения благодарности в письмах:

*«Милостивый Государь,
Г[осподи]н Председатель*

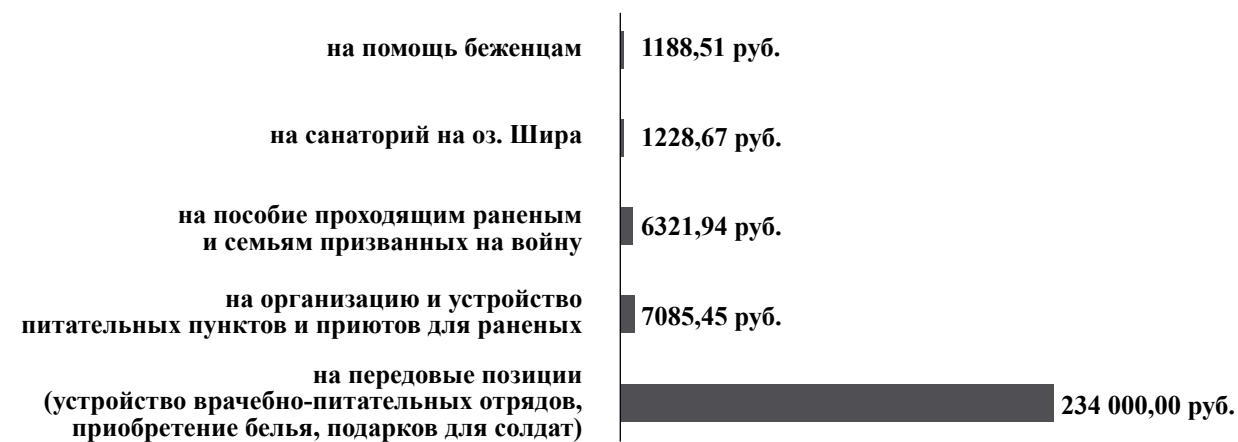
Я, г[оспода] офицеры и нижние чины полка сердечно благодарим Комитет за присланные подарки офицерам и нижним чинам полка к празднику Св. Пасхи, которые были доставлены на позицию вашим уполномоченным К. М. Сидловым.

Глубоко тронуты чисто родственной заботой комитета» [6. С. 24—25].

Питательные пункты и приюты стали организовываться в Сибири в конце декабря 1914 г. Естественно, что располагались они на станциях и в селениях, находящихся при железных дорогах и на других оживленных путях сообщений, как, например, в Каинске, Новониколаевске, Камне, Бийске, Ачинске, Красноярске, Канске и т. д. Каинский отдел перечислял пособие (562 руб. 60 коп.) питательному пункту, организованному железной дорогой при ст. Каинск, содержал подводы для доставки раненых со станции к воинскому начальнику и обратно, выдавал им пособие на содержание, приобретал белье и т. п. Каменский отдел организовал приют совместно с Дамским комитетом и местным отделом Красного Креста. Дамский комитет принял на себя ведение хозяйства, а отдел Красного Креста — содержание приюта в равных долях.

Помимо устройства приютов, питательных пунктов и патронатов для раненых, некоторые отделы оказывали им помощь в виде денежного пособия и вещего довольствия, как, например, отделы Московский, Красноярский, Енисейский, Минусинский, Канский, Ачинский и Хабаровский. Красноярский отдел обратился, кроме того, ко всем кредитным товариществам, находящимся на главных путях следования раненых, с просьбой организовать прием раненых и снабжать их теплой одеждой до ближайшего приемного пункта. Минусинский отдел при содействии Ачинского организовал этапные станки по дороге от Ачинска до Минусинска. Канский отдел

Рис. 2. Структура основных направлений помощи Сибиртета осенью 1915 г., руб. (составлено по: [4. С. 60—61])

выдавал на дорогу кормовые деньги — 50 коп. на каждые 50 верст, в зимнее время снабжал нуждающихся раненых комплектами теплой одежды [7. Л. 80 об. — 88 об.].

Санатории для больных и раненых воинов были открыты Омским отделом в Боровом и Красноярским на оз. Шира, но спроса на них не было: сказывались удаленность этих курортов от железной дороги, недооценка климатического и курортного лечения, стремление раненых вернуться как можно скорее к родственникам.

В денежной помощи семьям призванных на войну отделы Сибиртета почти не принимали участия, так как она находилась в ведении городских, волостных и сельских управлений. Только в редких случаях выдавались небольшие пособия отдельным лицам, как, например, в Каменском отделе — 500 руб. на заготовку дров для семей запасных [15. С. 67].

Более существенную помощь семьям призванных на войну отделы оказывали выдачей справок об убитых, раненых, попавших в плен и без вести пропавших воинах. Это имело большое значение при малой распространенности грамотности. Комитетом Красноярского отдела была организована юридическая помощь больным и раненым воинам и их семьям. Эту обязанность выполняли присяжные поверенные К. И. Сыромятников, П. И. Кусков, И. С. Казанцев [8. С. 9].

В помощи беженцам, которые появились в Сибири осенью 1915 г., приняли участие не все отделы Сибиртета, поскольку беженская волна к тому времени не успела докатиться до таких городов, как Бийск, Барнаул, Кузнецк, Енисейск, Минусинск, Канск, Чита, Троицкосавск, Сретенск. В других местностях заботы о беженцах перешли к самостоятельным организациям — отдельным беженским комитетам, как в с. Татарском, Ачинске, Красноярске, Иркутске, Благовещенске, Хабаровске и Владивостоке. Впрочем, представители Сибирского общества помощи раненым вошли в состав этих комитетов. Участие Каинского отдела в помощи беженцам выразилось в денежных субсидиях, найме квартир и подвод для следования беженцев со станции в города и далее из городов в села. Томский отдел открыл приют на 100 детей беженцев с ежемесячным расходом в 1000 руб.; Нижнеудинский — оборудовал

Рис. 3. Листовка о сборе средств

помещение для раненых и беженцев; Тобольский — организовал регистрационное бюро, медицинский и санитарный осмотр прибывающих беженцев, питательный пункт, наем помещений для беженцев, продовольственную помощь, бюро труда и бюро по оказанию нуждающимся беженцам юридической помощи [4. С. 67].

Таким образом, по мере затягивания войны деятельность Сибиртета приобретала новые направления. При этом специфика его отделов в Сибири была обусловлена значительной удаленностью региона от театра военных действий, вследствие чего здесь первоначально развивалась такая форма помощи фронту, как сбор пожертвований на военные нужды. Что касается деятельности отделов, находящихся в пределах Европейской России, то она выразилась преимущественно в регистрации сибиряков, раненых, убитых и попавших в плен, в пределах тех незначительных средств, которыми

располагали отделы. Отделы Варшавский, Рижский и Киевский, находясь в ближайшем тылу, испытали на себе последствия, связанные с осенним отступлением армии, и приостановили свою работу; Харьковский отдел изначально оказался нежизнеспособным.

Численный состав отделов Сибиртета, по которому можно судить не только об активности общества, но и об интересе к нему со стороны населения, к сожалению, не поддается точному учету, так как некоторые отделы не предоставляли отчетов. Самым многочисленным из отделов являлся Мариинский с 341 чел., за ним следовал Тобольский — 319, Новониколаевский — 198, Томский — 197, Хабаровский — 168, Красноярский — 161 и Московский — 114, затем шли Барнаульский — 91, Каменский — 83, Курганский — 80, Владивостокский — 74, Нижнеудинский — 61, Благовещенский — 58, Ачинский — 56, Киевский — 49, Енисейский — 46 и Каинский — 43, за ними Татарский — 33, Ялуторовский — 32, Троицкосавский — 30 и Кузнецкий — 25, наконец, Минусинский — 20, Сретенский — 18, Канский — 18, Читинский — 15, Морозовский — 13 и Усть-Каменогорский —

7 чел. [4. С. 57]. Десятирублевый членский взнос «служил несомненным препятствием для вступления в члены Общества весьма многим жителям», особенно сельским, для которых он был чрезмерно велик. Отчасти поэтому компенсировать дефекты сибирского общественного устройства, обусловленные отсутствием земских учреждений, и создать широкую сеть мелких «ячеек общественности» на селе Сибиртету не удалось. В 1916 г. были зафиксированы сельские отделы общества в селах Камень, Морозовское и Татарское Томской губернии [9. Л. 15]; селах Таштыпское, Усть-Абаканское, Аскызское Енисейской губернии [10. . 26—36]. Сдерживающим фактором были и действия губернской администрации, которая не раз запрещала проведение благотворительных сборов, концертов, спектаклей в пользу отделов Сибиртета, в то время как другим лицам и организациям такая возможность предоставлялась. Все это сокращало приток пожертвований, ставило под угрозу устойчивость финансовой основы отделов; малые по числу членов отделы оказывались наименее жизнеспособными.

Источники и литература

1. Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снабжению армии. — 1915. — № 3.
2. Устав Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий. — Пг., 1915.
3. Дагаев Н. Сибирь и нужды войны // Трудовая помощь. — 1915. — № 5.
4. Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год. С 1 октября 1914 г. по 1 октября 1915 г. — Пг., 1916.
5. Куликов С. В. Финансовые аспекты деятельности Российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914— февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования / отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова. — СПб., 2008.
6. Письма с позиции. Командира 26-го Сибирского стрелкового полка от 24 марта 1915 г. за № 1564. Действующая армия. Г-ну Председателю Комитета Сибирского О-ва для подачи помощи раненым воинам // Вестник Приенисейского края ... — 1915. — № 2.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 132. Оп. 1. Д. 2.
8. Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в г. Красноярске 15—17 июля 1915 г. — Красноярск, 1915.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1427. Оп. 1. Д. 305. Л. 52.
10. Вестник Приенисейского края ... 1916. № 5—2.
11. Сибирь. — 1914, 29 нояб.

Горелов Ю. П., Ростов Н. Д.

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–1905 гг.)

В Сибири в годы Русско-японской войны имелось большое число семей фронтовиков, нуждающихся в помощи. Положение усугубили неурожай сельскохозяйственных культур предвоенных лет, большое количество иждивенцев в крестьянских семьях и высокий процент мобилизации в сибирских регионах. Ответственными за попечительскую работу являлись уездные распорядительные комитеты, которые возглавляли крестьянские начальники и отставные приставы.

Работа по оказанию помощи проводилась согласно заявлению нуждающегося; прошение рассматривалось уездными распорядительными комиссиями в недельный срок. Помощь оказывалась только семьям солдат, которые не имели собственных средств к существованию. Других родственников просителей (родителей, братьев, сестер) передавали под опеку местных благотворительных организаций. Все пособия привязывались к имущественному цензу семьи. Пайки были мизерными. Власти руководствовались не увеличением благосостояния солдатских семей, а лишь созданием условий для их выживания. При назначении пособий учитывались процент мобилизации, географические условия края, урожайность сельхозпродукции в данной местности, а также, как уже было сказано выше, имущественный ценз и состав семьи.

В июле 1904 г. газета «Сибирская жизнь» отмечала, что волостные правления Западной Сибири через уездные полицейские власти стали получать ежемесячно до 16 тыс. руб. на попечительские выплаты семействам фронтовиков. В Мариинске попечительский комитет помогал таким семьям деньгами, идущими на закупку продовольствия, посевного материала, наем квартир. В августе этой помощью в городе уже пользовалось 62 семьи и 189 хозяйств. Осенью 1904 г. сибирским губернаторам пришел циркуляр от попечительского Александровского комитета, в котором разъяснялось, что организация оказывает помощь семьям только разовыми пособиями в размере годового оклада кормильца. В виде исключения

по ходатайствам местных властей постоянным пенсионным обеспечением комитета могли пользоваться отдельные солдатские дети и жены. Однако для получения данной помощи необходимо было предоставить справки о службе, ранении или смерти кормильца, документы о наличии детей, здоровье вдовы, о доходах и политической благонадежности поступающей под опеку семьи.

Как следует из документов, извлеченных из сибирских архивов, на различные пособия могли претендовать наиболее обездоленные семьи. Например, многодетная семья Г. А. Шабалина из г. Калтана с февраля 1904 г. до конца войны получала пособие от 1 руб. до 1 руб. 80 коп. Аналогичные суммы получали семьи К. И. Муратова (с. Пучеглазово), Е. М. Вагина (д. Каракан). В лучшем положении были семьи солдат Рогова и Юрьева из г. Кузнецка: они получали до 10 руб., но из разных источников (городской управы, попечительского комитета, местных благотворительных фондов). Все эти мизерные пособия имели привязку к земельному наделу, количеству скота и составу семьи. Например, молодой солдатке Н. В. Новиковой с тремя детьми из Яшкинской волости, жившей у обеспеченных родителей, несмотря на то, что муж пропал на войне, в получении пособия было отказано. Аналогичное положение было в других населенных пунктах Томской губернии.

На Алтае размер пособия от казны составлял 1 руб. на человека, с 1 марта 1905 г. пособие было увеличено до 1 руб. 15 коп. и могло выплачиваться как деньгами, так и натурой. Правильность

составляемых списков на казенное пособие удостоверяли приговоры сельских обществ. Пособие выплачивалось уездными распорядительными комитетами семьям фронтовиков по день их окончательного возвращения со службы. Кроме того, по решению сельских обществ из мирских денег семьям фронтовиков и ратников государственного ополчения выдавались пособия на отопление, как деньгами, так и натурой. За ноябрь 1904 г. в д. Лушниковой (сегодня деревня Лушиково Тальменского района) Боровлянской волости семи семьям было выдано на отопление 3 руб. 50 коп. из расчета 50 коп. на семью. Сельские общества также оказывали семьям мобилизованных помощь в вывозке сена с полей и молотье хлеба. В Красноярске по итогам 10 месяцев 1904 г. пособие получили 234 солдатки на сумму 522 руб. Ежемесячные списки солдаток включали от 30 до 50 чел. Пособия были небольшими, до 2 руб., и только женщинам, имеющим более двух детей, давались пособия по 3 руб. [14. 11 июля]. В Томске осенью 1904 г. в помощи нуждалось 618 солдатских семей. Они в среднем состояли из 3 человек, и численность нуждающихся в пособии определялась в 1696 лиц. Таким семьям в ноябре выдали 5826 руб., т. е. по 3 руб. на семью, еще по 2 руб. им выдал Дамский комитет.

Особенностью осеннего попечительства в Сибири было и то, что наконец-то в регионе сложились властные органы, отвечающие за попечительскую работу. Этому способствовало Высочайшее повеление императора от 5 августа 1904 г. Оно, учитывая сложившуюся практику, образовывало двухступенчатые комитеты по призрению семейств нижних чинов. Высшими считались губернские и областные комитеты, в них входили: губернатор, предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, председатель и члены земских управ, а также ряд лиц из губернских общественных организаций. Низшим звеном считался уездный комитет. В него входили уездный предводитель дворянства, председатели и члены земских управ, земские или крестьянские начальники, податные инспектора, исправники, городские головы, участковые попечители, уполномоченные земств по призрению. Эти организации получили право проводить попечительскую работу, решать вопросы по жалобам, привлекать к такой деятельности необходимые кадры. Общее представление о попечительских комитетах

дают следующие данные. В годы войны в России функционировало свыше 90 губернских, областных, уездных комитетов, каждый четвертый из которых находился в Сибири. Особенностью данной работы было то, что попечительство в большинстве своем (на 75 %) проводилось уездными организациями [11. С. 11]. В Сибири губернские и областные комитеты были только в Амурской, Приамурской, Семипалатинской, Акмолинской областях и Енисейской губернии, остальные территории обслуживались уездными и городскими (Омск, Петропавловск) комитетами. Структура административного подчинения попечительских чиновников в Сибири была следующей: главными лицами в попечительстве Сибири являлись губернаторы, в уездах — их начальники, на местах — крестьянские начальники. В комитетах кроме административных служащих на общественных началах работали преподаватели, врачи, священники, представители казачьих войск и других слоев сибирской интеллигенции. Циркуляром МВД от 15 августа 1904 г. властям было официально разрешено выдавать пособия на поддержку приходящих в упадок хозяйств фронтовиков [3. Л. 20].

Практически в течение всей войны часть жен фронтовиков испытывала нужду в жилье, строительном материале, топливе. Они жаловались и на грубое отношение властей. Такие претензии высказывали солдатки Е. Ефимова, Е. Саликова, К. Горбунова, О. Логинова и многие другие (Томская губерния). Многие тысячи сибирских семей потеряли кормильцев, тягловую силу и рабочие руки. Из сибирских уездов постоянно шли донесения о тяжелом положении семей запасников. Редакция столичного журнала «Образование» провела опрос о положении населения в сибирской провинции и получила в ответ 420 писем. Из них в 75 % (321) отмечалось уменьшение зарплаты, в 79 % (330) — рост нищеты [19. С. 47—55]. Свидетель этих событий журналист А. Смирнов отмечал, что в Сибири на 20—40 % снизилась заработная плата на заводах горного и металлургического ведомств. Из-за сокращения числа рабочих мест работоспособные мужчины и женщины нередко объединялись в небольшие артели для сбора подаяний с целью прокормить свои семьи. В отдельных уездах число обнищавших по сравнению с довоенным временем выросло в 3 раза. Повсеместно росло количество вдов

и калек. Аналогичные факты в своих отчетах центральным властям приводят сибирские губернаторы.

В таких условиях местные власти согласно статье 38 Устава о воинской повинности обязаны были оказывать помощь нуждающимся семьям. Вместе с тем здесь возникали серьезные финансовые проблемы, так как в каждом сибирском уезде призвали к осени 1904 г. от 3000 до 4000 чел. В летний призыв сибирские власти ожидали удвоения числа призывников. На 1 января 1905 г. на помощь каждой семье запланировали по 10 руб. ежемесячно, однако таких денег у властей не было. В результате администрация решила позаимствовать средства из местных продовольственных капиталов, государственного казначейства, сумм обязательного страхования. Тем не менее со всеми семьями расплатиться не удалось. Например, запасные чины г. Барнаула продолжали даже в декабре 1905 г. требовать от чиновников денежных компенсаций за участие в японской войне.

Наиболее гуманное решение утвердили для своих служащих, воюющих на Дальнем Востоке, земские организации. Они сохраняли своим работникам их гражданские должности, семьям нижних чинов назначали пособия в размере полного оклада, а офицерским — его половины [16. С. 207—208.]. Но земств, как известно, в Сибири не было, и эти льготы не затронули основную массу нуждающихся. Только с июля 1905 г. правительство решило сохранить за семьями вольнонаемных служащих, попавших на войну, часть их окладов. Сибирским властям было рекомендовано выдавать женам 20 % содержания кормильца, а детям до 17 лет — по 2 руб. на ребенка. Однако средства рассчитывались так, чтобы семья укладывалась в месячное жалованье забранного на войну работника.

Предметом особой заботы чинов Землеустройства была помощь семьям своих работников, ушедших на войну. Гавриил Фадеевич Кукарцев из 3-й землеустроительной партии, призванный в начале мобилизации в Читинский отдельный резервный батальон, регулярно получал деньги, отчисляемые ему в помощь его товарищами. В апреле 1904 г. он получил 87 руб. 65 коп. По его просьбе половина пожертвований с декабря 1904 г. направлялась Худяковой Татьяне Харитоновне. Не могут оставить равнодушными

и многочисленные пожелания работников Алтайского землеустройства о пожертвованиях на нужды проживающих в деревнях беднейших семей низших чинов, ушедших на войну.

Необходимо отметить также деятельность попечительства, состоящего под покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. На 13 ноября 1904 г. 51 семье мобилизованных в Боровлянской волости были предоставлены беспроцентные денежные ссуды. Нуждающейся семье фронтовика Тихона Есина из деревни Кошелевой, его жене Анне Матвеевне, размер ссуды составил 30 руб.: 15 руб. на покупку коровы и 15 руб. на поддержание хозяйства. По журналу Барнаульского уездного распорядительного комитета, 126 семьям запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения Шаховской волости было выдано 1883 руб. 35 коп. [17. С. 182—184].

Основными источниками финансирования уездных комитетов для оказания помощи семьям фронтовиков являлись губернские правления, губернаторы и частные лица. Так, Кузнецким уездным комитетом Томской губернии за всю войну было получено 5623 руб. 35 коп. Из них 3008 руб. 59 коп. было получено от губернского правления и томского губернатора и 2028 рублей 28 коп. пожертвованы частными лицами [5. Ч. 3. Л. 245—246].

К 1 июля 1905 г. из Сибири на войну было призвано 148 997 низших чинов, 245 857 чел. получали различные пособия. Общая сумма затрат на призрение по Сибири составила из местных источников 938 650 руб. 73 коп. Размер ассигнований из казны достиг 4 749 371 руб. 95 коп.

Особенно тяжело было детям-сиротам. Алексеевский комитет, образованный манифестом 11 августа 1904 г. в день крещения наследника престола царевича Алексея, согласно своему уставу начал работу только летом 1905 г. В первую очередь он опекал офицерских сирот. Именно этим подросткам Государственный совет гарантировал средства на покупку теплой одежды, обуви, школьных принадлежностей, оплату проезда в учебные центры европейской части страны. Однако с конца 1905 г. комитет из-за большого числа жертв стал заниматься и солдатскими сиротами. На учет было

поставлено свыше 50 тыс. таких детей. С 1906 г. свыше 75 % собранных средств стало уходить на солдатских детей [9. Л. 6].

В Барнауле при нехватке денег Городская дума с целью экономии средств провела перерегистрацию сирот фронтовиков [1. Л. 149]. После уточнения списков в октябре 1905 г. гласные города решили ассигновать на помощь детям дополнительно 3 тыс. руб. Свои действия власти объяснили тем, что осенью 1905 г. они собрали всего 3300 руб. благотворительных денег, что было в 3 раза меньше, чем на это же время в 1904 г., следовательно, без дополнительных сумм в городе оказалась невозможной любая попечительская работа [1. Л. 173].

Проблема сиротства в Сибири оставалась долгое время актуальной и после войны. Городские сироты составляли менее 1 %, тогда как сельские — 99 % от общего числа. Наибольшее количество детей-сирот было в Бийском уезде — 731 чел., Барнаульском — 677 чел., Змеиногорском — 314 чел., Кузнецком — 215 чел., Мариинском — 126 чел. Это объясняется тем, что сельскими жителями именно этих уездов комплектовались наиболее пострадавшие в боях Барнаульский и Томский пехотные полки. Вместе с тем дети героев имели от комитета мизерные ежемесячные пособия до 2 руб., на которые невозможно было существовать. В связи со смертью родителей или по достижении ими совершеннолетия выплата пособия прекращалась [7. Л. 50].

Источники и литература

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 51. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4288.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17263.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 52. Д. 266.
5. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). ОДФ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1.
6. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). ОДФ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 369.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 217. Оп. 1. Д. 4.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 217. Оп. 1. Д. 6.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16325. Оп. 1. Д. 91.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 194. Д. 90.
11. Краткий отчет комиссии по объединению мер призрения семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных на действительную военную службу. — СПб., 1905.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. — Т. 24. — Отд. 1. — № 25007.
13. Семипалатинские областные ведомости. — 1904.
14. Сибирская жизнь. — 1904.
15. Барнаул. Летопись города. Ч. 1. — Барнаул, 1995.
16. Внутреннее обозрение // Русская мысль. — 1904.
17. Ростов Н. Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — Барнаул, 2005.
18. Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX в. — Кемерово, 2003.
19. Смирнов А. Письма из провинции // Образование. — 1904. — № 11.

Бибинова В. В.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В Енисейской губернии просветительские общества попечения о начальном образовании были созданы в 1884 г. в городах Красноярске, Енисейске, Минусинске. За 30 лет деятельности они прошли несколько этапов в своем развитии. С момента создания и до революции 1905—1907 гг. общества переживали самый продуктивный период — они открывали начальные школы, книжные склады, организовывали воскресные школы, проводили народные чтения. Это стало возможным благодаря социальному составу членов обществ — в них входили губернаторы, высшие духовные иерархи, купцы, чиновники, священники. Однако уже начиная с 1903 г. общества начинают передавать школы на содержание городов.

Революция 1905—1907 гг. постепенно либерализовала настроения большей части членов обществ. Особенно это было заметно в обществах городов Енисейск и Минусинск. По всей вероятности, это объясняется более демократическим составом их участников. Именно о таких обществах П. Кропоткин писал, что они «сглаживают до известной степени классовые различия, создающиеся по рождению или принадлежности к тому или другому сословию, а также к той или другой политической партии или вероисповеданию» [3. С. 272]. Активное участие членов периферийных обществ в революционных событиях привело к тому, что они были распущены и восстановились только в 1912 г., уже как общества попечения о народном образовании.

После революции 1905 г. В. И. Чарнолуский, анализируя деятельность просветительских обществ на ниве образования, отмечал, что, несмотря на прогресс в их работе, нигде не достигнуто такое положение, «при котором можно было считать вполне удовлетворительными образовательные потребности и запросы всего населения в совокупности и каждого отдельного лица в частности» [20. С. 35]. Действительно, благотворительные общества не смогли решить государственных задач, требующих колоссальных финансовых вливаний. Однако их давление во время первой русской революции на государственные структуры сыграло позитивную роль

в оформлении образовательной политики. Государство предприняло усилия по распространению грамоты, сделав вывод, что «правительство не может допустить, чтобы половина народонаселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-либо сословия».

В условиях послереволюционной реакции В. И. Чарнолуский предлагал работать по «восполнению тех количественных “дефектов” в действующей системе общественных организаций образования, благодаря которым не все граждане получают одинаковое удовлетворение своих образовательных потребностей», а также тех из них, которые «не входят в сферу действующей системы общественной организации образования» [20. С. 36]. Таким видом деятельности, не входящим в систему государственной политики, была внешкольная деятельность. Именно ею и стали заниматься просветительские общества.

Судя по отчетам, с началом Первой мировой войны просветительские общества основное время и силы тратили на организацию досуга взрослых. Председатель Красноярского общества попечения о начальном образовании А. Р. Шнейдер выражал этим недовольство, объясняя свою позицию: «Подготовка к сознательной жизни, развитие ума, воли и чувств начинается в детском возрасте. Нам недостает подростковых и детских библиотек и клубов

на окраине» [16. С. 109]. Самыми распространенными формами работы среди взрослых были лекции и чтения. Этой работой занимались не только члены обществ, но и учительство. Ряд циркуляров Министерства народного просвещения обязывал «приступить к организации народных чтений по вопросам войны, будящих инициативу частную и общественную по удовлетворению нужд военного времени» [16. С. 6].

Основное содержание лекций касалось освещения хода военных действий, разъяснения политики царизма в военно-политических вопросах, а также здорового образа жизни в связи с введенным «сухим законом». В периодической прессе того времени часто встречались сообщения о проведении чтений, спектаклей в сельской местности. В сообщениях отмечалось, что народ «не в кабаке: развиваются новые потребности» [15. С. 78]. Директор народных училищ Енисейской губернии Н. Березовский писал, что «каждая сельская школа стала рассадником внешкольного образования», и благодаря чтениям «крестьяне имеют довольно правильное представление о ходе военных событий, несколько ознакомились с географией театра военных действий, военным и культурным достоянием воюющих стран» [18. С. 10—11]. На фоне победных реляций о числе лекций, прочитанных в сельской местности, председатель общества о начальном образовании А. Р. Шнейдер указывал на «неуспех устройства народных лекций» в г. Красноярске [16. С. 109].

Гораздо большую пользу члены общества видели в ремонте своей библиотеки, проведении кружечных сборов в пользу детской колонии для учеников начальных городских училищ. Они организовывали различные акции по сбору средств, обращаясь к горожанам через газету: «Помогите школьникам» [19. С. 87]. Детская колония общества попечения работала каждое лето, в том числе в 1914—1916 гг. Детей и персонал размещали в 2 домах на берегу р. Качи недалеко от д. Солонцы. Руководителем колонии неизменно назначался В. А. Сипкин. «Грустно одно: соседи ли из Солонцов, или кто другой грабят и разоряют эти детские гнезда: выдергивают пробои, тащат заслонки, уносят дрова, словом, все движимое крадут» [5. С. 2]. В течение лета организовывалось 3 смены по 25—30 «детей бедных кварталов». Купание, труд в огороде, ловля рыбы, чтение, рисование, лепка, игра в футбол, крокет, постановка спектаклей — эти формы работы практиковались в колонии. В красноярском городском

саду обществом попечения была устроена игровая площадка, так называемый детский сад, где в летнее время дети могли играть под присмотром членов общества.

Красноярское общество попечения о начальном образовании в период войны переживало не самые лучшие времена из-за истощения своей кассы в связи с расходами на строительство Дома просвещения и приобретение для него мебели. Дом просвещения был открыт в 1915 г. Когда городская управа обратилась в общество с предложением предоставить Дом просвещения для раненых, члены общества приняли решение: «Предоставить только тогда, когда будут использованы все свободные помещения в городе» [6. С. 3].

Следует назвать еще одну благотворительную и просветительскую организацию, созданную в Красноярске в 1913 г., — Лигу белого цветка. Идея создания общественной организации по борьбе с туберкулезом возникла в Швеции в 1908 г. В 1910 г. Лига была учреждена в Петербурге. Ее целями были просветительская работа и сбор денежных средств для помощи больным. Отделение Лиги было создано в Красноярске. В годы войны усилия участников Лиги были направлены на разъяснительную профилактическую работу среди населения и сбор средств для устройства колонии больных туберкулезом детей. Ее члены активно работали по привлечению средств на организацию оздоровления детей, в частности, проводили Дни белого цветка. Летом 1915 г. они открыли летний санаторий на даче Севастьянова. Но соседи по даче Н. Н. Гадалов и А. Г. Юдин обратились в Городскую думу с просьбой выселить больных детей с дачи, опасаясь инфицирования своих близких. Члены общества с возмущением писали: «Живя в городе, почтенные горожане с явным презрением относятся ко всякой опасности и антисанитарии, а, приехав на дачу, они тотчас делаются трусливыми, мнительными и подозрительными выше всякой меры» [11. С. 3]. Обращение было рассмотрено на заседании Думы, где председатель общества врачей В. М. Крутовский выступил против «эгоистических стремлений» заявителей, для которых «чужды интересы ближних» [11. С. 4].

В Красноярске работало Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим, охватившее своей деятельностью более 400 учителей. Это был своего рода профессиональный союз. Созданное в 1903 г. общество в годы войны

организовывало народные чтения, лекции, содержало санаторий для учителей на оз. Шира. В 1911 г. общество решило построить Учительский дом, однако сбор средств был скудным. Основная часть средств собиралась из взносов учителей, и из-за низкой зарплаты их размер оказался мизерным. К примеру, в 1916 г. было собрано 519 руб. Редактор журнала «Сибирская школа» Г. Итыгин писал, что многие учителя равнодушно относятся к обществу. Общество имело библиотеку «для проживающих в глухих углах Енисейской губернии». В тяжелое военное время организаторы заключили договор с обществом врачей о льготном отпуске лекарств и рядом бакалейных лавок для учителей — членов общества. Но льготами пользовались в основном городские учителя.

В 1914 г. в Канске возродилось Общество вспомоществования нуждающимся учащимся, прекратившее свою работу в 1912 г. Инициатором возрождения был директор реального училища Рудницкий. В общество входили врачи, учителя. В 1915 г. было создано Общество вспомоществования учащим и учившим в церковных школах Енисейской епархии.

С началом войны в Енисейской губернии возникло много благотворительных организаций, комитетов, активизировались существующие организации, далекие от просветительства, но решающие проблемы детей. К примеру, в составе комитета помощи беженцам была учреждена школьная секция, которая обратилась к учителям с просьбой о снабжении учеников из семей беженцев учебниками и школьно-письменными принадлежностями. Такая работа была проведена учителями среди учеников и их родителей. Собирались книги, карандаши, ручки, белье, носовые платки. Школьная секция открыла ясли в Николаевской слободе.

В деятельности благотворительных обществ и органов власти этого периода просматривается преемственность. К примеру, в 1914 г. Енисейское отделение комитета великой княгини Елизаветы Федоровны принимает решение: «Выдача денежных пособий является наименее желательной формой помощи. При призрении детей желательно по возможности не отделять детей от матерей. Устройство яслей предпочтительнее устройства приютов» [6. С. 3]. На первом съезде представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в 1915 г. делегаты приняли созвучное решение:

«Необходимо внушать пострадавшим воинам, способным к какому-либо труду, чтобы они не уклонялись от труда и не рассчитывали исключительно на благотворительную помощь, которая может быть лишь только временной» [12. С. 13].

Канский съезд крестьянских начальников, рассматривая вопрос об оказании трудовой помощи населению в уборке хлеба, постановил: «Ввиду возможных недобросовестных домогательств солдаток приглашать лиц, которые добровольно приняли бы на себя надзор за полевыми работами. Для малолетних детей солдаток организовать приюты-ясли простейшего типа, для чего привлечь сельские попечительства, духовенство и учительский персонал» [9. С. 3]. Городской голова С. И. Потылицын говорил: «Солдатки предпочитают бездельничать и получать небольшую помощь, нежели работать» [12. С. 14].

Общественность по-разному реагировала на подобные решения и высказывания, демонстрировавшие снижение патерналистской ответственности государства за положение дел в семьях, попавших в тяжелую материальную ситуацию. Газета «Отклики Сибири» с недоумением писала, что Енисейское отделение комитета великой княгини Елизаветы Федоровны к 1 марта 1915 г. собрало 9800 руб., «но отнюдь не на непосредственную помощь семьям запасных. Какая необходимость заставляет держать деньги в кредитных учреждениях в то время, когда эти деньги могут быть употреблены на помощь семействам запасных» [8. С. 3].

Анализ работы просветительских обществ позволяет сделать вывод, что организаторами предпринимались усилия по вовлечению в их деятельность новых членов, изысканию средств на проведение благотворительных акций. При этом испытывались трудности как организационного, так и психологического характера. К примеру, в Красноярском обществе попечения о начальном образовании возник и тлеет конфликт по поводу расходования средств на строительство Дома просвещения. В Канском обществе вспомоществования нуждающимся учащимся часть его членов публично выражала недовольство избранием председателем акушерки Афанасьевой: «Помилуйте. Кто же ее знает? Придет в хороший дом — ее и не примут» [7. С. 2]. Газета «Отклики Сибири» писала: «Не поэтому ли подобные общества впадают жалкое существование и, в конце концов, совсем замирают?» [7. С. 2]. Эта же газета в 1915 г. напечатала фельетон

«Бал с поцелуями», написанный одним из ее учредителей Тангейзером, в связи с публикацией информации о «громчайшем материальном успехе» на благотворительном балу в Дагестанской области:

*Да, это был чудесный бал,
Пределов не было веселью.
Там женицин каждый целовал
С ... благотворительною целью!
Бал в помощь раненым. Иной
Мужчина так «помочь» старался,
Что от одной спешил к другой
И — целовался, целовался...
Звенели деньги, смех дрожал,
Пределов не было веселью...
Ах, это был чудесный бал
С благотворительною целью!» [9. С. 2].*

Анализ работы просветительских благотворительных обществ свидетельствует о кризисе их деятельности к концу 1915 г. Это было связано с общим настроением в обществе, уставшем от войны. А. Шнейдер объяснял трудности также

«усложнением жизни», необходимостью работать среди широких городских масс, а не «среди верхушек народных низов». Он писал, что «недостаточна изолированная работа какой-либо одной общественной организации благотворительного типа, вне связи с кооперативами, профессиональными организациями, вне поддержки города и государства» [17. С. 98]. Эти выводы коррелируют со словами В. Чарнолуского: «Чем большее развитие получают понятия о социальной справедливости, равенстве и свободе, чем шире развиваются рамки общественного хозяйства, построенного на основе удовлетворения общественных потребностей на общественные средства, чем больше развиваются свободные общественные союзы кооперативного и профессионального характера — тем сфера “благотворительности” и благотворительных организаций все более суживается» [20. С. 124]. Таким образом, организаторы просветительских обществ, знавшие эту работу изнутри, приходили к выводу об их ограниченных возможностях для решения системных образовательных и просветительских задач.

Источники и литература

1. Дикий Э. Л., Зимняя И. А. Милосердие: проблема психологии? // Психологический журнал. — 1991. — Т. 12. — № 2.
2. Енисейские епархиальные ведомости. — 1915. — № 24.
3. Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса. — Пг.-М., 1922.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. — М., 1990.
5. Отклики Сибири. — 1914. — № 27.
6. Отклики Сибири. — 1914. — № 166.
7. Отклики Сибири. — 1914. — № 195.
8. Отклики Сибири. — 1915. — № 79.
9. Отклики Сибири. — 1915. — № 100.
10. Отклики Сибири. — 1915. — № 104.
11. Отклики Сибири. — 1915. — № 126.
12. Протоколы I съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и семьям в г. Красноярске 15—17 июля 1915 года. — Красноярск, 1915.
13. Сибирская мысль. — 1915. — № 46.
14. Сибирская мысль. — 1915. — № 77.
15. Сибирская школа. — 1916. — № 1.
16. Сибирская школа. — 1916. — № 2.
17. Сибирская школа. — 1916. — № 3.
18. Сибирская школа. — 1916. — № 5.
19. Сибирская школа. — 1916. — № 6.
20. Чарнолуский В. И. Частная инициатива в деле образования. — СПб., 1910.

Долидович О. М.

ДАМСКИЕ КОМИТЕТЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С началом Первой мировой войны в России резко возросла потребность в благотворительной помощи. В то же время в атмосфере единения населения благотворительность стала основной формой выражения патриотических настроений, приобрела массовый характер. В Восточной Сибири, как и по всей стране, наблюдалось широкое общественное движение по оказанию помощи фронту и пострадавшим от военных действий. Подъем патриотических настроений захватил и женскую часть населения.

Города Восточной Сибири не были включены в состав эвакуационных пунктов за дальностью расстояний, поэтому большого наплыва раненых и больных здесь не наблюдалось, особенно в начальный период войны. Как правило, помощь было необходимо оказывать лишь раненым, проездом следующим домой.

В Енисейской губернии по инициативе губернатора И. И. Крафта возобновил работу Красноярский дамский комитет Красного Креста (он был создан еще в период Русско-японской войны). На первом общем собрании 17 августа 1914 г. было избрано правление комитета, куда вошли 15 дам. Председательницей избрали супругу генерал-майора Л. А. Андрееву, ее помощницами стали супруга действительного статского советника, председателя окружного суда Е. Л. Кгаевская и супруга вице-губернатора В. В. Писаренкова. В состав комитета вошли жены и дочери видных чиновников и купцов города — А. Ф. Агеева, А. В. Байкова, Н. В. Доброхотова, А. А. Жоголева, М. Г. Иорданская, А. А. Кускова, М. И. Кускова, М. Ф. Осокина, С. А. Озерская, М. Т. Прокопенко, Е. А. Селенс, Е. К. Шемякина. С сентября 1914 г. обязанности председательницы исполняла Е. Л. Кгаевская. В 1915 г. количество членов правления комитета возросло до 25. Вообще же состав комитета и распределение обязанностей среди дам неоднократно менялись (в связи с отъездом некоторых или по личным обстоятельствам) [8. С. 1].

Администрация города предоставила Дамскому комитету помещение в здании окружного суда. Основной задачей организации стало оказание

помощи участникам и жертвам войны. Деятельность комитета по изысканию денежных средств была очень разнообразной: дамы организовывали гулянья в городском саду, на пароходах, на катке, демонстрацию фильмов в электротeatре «Кинемо» и кинематографе «Аквариум», проведение кружечных сборов, устраивали лотереи-аллегри, продавали портреты героев войны [6].

Кроме того, в адрес Дамского комитета поступали систематические пожертвования от чиновников различных правительственных учреждений в виде ежемесячных отчислений от жалованья. Так, в 1914 г. от сотрудников общей и мировой магистратуры, прокурорского надзора, судебных следователей, нотариусов, присяжных, частных поверенных Красноярска поступило 2272 руб. 20 коп., от чиновников Енисейской казенной палаты — 1126 руб., от преподавателей мужской гимназии — 627 руб. 90 коп., всего 5100 руб. 34 коп. Поступали единовременные пожертвования со стороны учреждений и частных лиц (2700 руб. 68 коп.). По распоряжению губернатора Крафта были разосланы подписные листы в пользу участников и жертв войны, по которым поступило 2352 руб. 32 коп. Общая сумма пожертвований за первый год работы комитета была довольно значительной и составила 18 870 руб. 32 коп. [6. Л. 4—5].

Прием пожертвований осуществлялся ежедневно с 11 до 15 часов, за исключением воскресных и праздничных дней. Полученные средства комитет направлял на приобретение теплого белья, одежды, одеял, бумаги, мыла, табака и подарков

для больных и раненых воинов. Вещи отправляли в Варшаву, Вильно, Киев на склады Красного Креста, а для воинов, находившихся на передовой, непосредственно в войсковые части (19-й, 30-й, 31-й, 50-й и 51-й Сибирские стрелковые полки).

Большое количество вещей было изготовлено руками участниц комитета. Они шили белье, лазаретные и госпитальные принадлежности для раненых, теплую одежду, изготавливали кисеты и различного рода подарки для воинов. Комитету оказывали помощь учащиеся Красноярской женской гимназии и прогимназии, городских школ, частные лица, воспитанники приютов, семьи солдат, призванных на службу. Так, в 1916 г. ученицы Красноярской женской гимназии сшили и связали для раненых и солдат действующей армии около 9000 предметов [1. Л. 9].

Через Дамский комитет отправляли на фронт подарки для воинов Красноярская мужская гимназия, Дамский комитет при Ачинско-Минусинской железной дороге, Енисейский комитет Красного Креста, Енисейский дамский комитет Красного Креста, Казачинский дамский кружок Красного Креста, Красноярская учительская семинария, Красноярская телефонная станция, городское отделение государственного банка, Енисейское губернское акцизное управление, Тюремное отделение Енисейского губернского управления и частные лица.

Ежемесячные отчеты Дамского комитета публиковались в местной газете и направлялись

Красноярский Дамский комитет

в Главное управление Красного Креста. Предварительно их проверяла ревизионная комиссия в составе епископа Никона, начальника Енисейского управления земледелия и государственных имуществ С. Н. Велецкого, прокурора окружного суда В. С. Иванова, почетного мирового судьи Н. Н. Гадалова, городского головы С. И. Потылицына [9. С. 8—14].

В 1915—1916 гг. Дамский комитет продолжал свою работу. Общая сумма пожертвований с сентября 1915 г. по сентябрь 1916 г. составила 15 433 руб. 97 коп. [8].

Дамские комитеты Российского общества Красного Креста действовали и в городах Енисейске, Канске, а также в крупных селах — Абане, Рыбинском, Уяре Канского уезда, Казачинском Енисейского уезда. Такие комитеты уделяли много внимания помощи семьям призванных на войну в организации сбора урожая [2. Л. 1—4]. Так, в апреле 1915 г. был образован Дамский комитет в селе Большой Улуй. В помещении церковно-приходской школы комитет открыл ясли на 30 детей лиц, призванных на войну. Ясли действовали в период полевых работ. Оставив в них детей, солдатки-матери могли принимать участие в сборе урожая, а также в совместных работах — «помочах» [7. Л. 1—2].

В августе 1914 г. был образован Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам. Союз занимался оборудованием госпиталей, санитарных поездов, пунктов питания, заготовкой медикаментов, белья, обучением ме-

дицинского персонала. В дальнейшем он начал также выполнять заказы главного интендантства на одежду и обувь для армии, организовывал помощь беженцам.

14 октября 1914 г. в Красноярске был образован местный комитет Всероссийского союза городов. В него вошли 5 членов из состава гласных под председательством городского головы. Однако из-за занятости городского головы и гласных практически сразу же в состав комитета были введены 12 дам с правом совещательного голоса. В дальнейшем всю работу осуществляли дамы.

Деятельность Комитета была успешной, и в 1915 г. Красноярский комитет союза городов официально запросил Городскую думу об утверждении проекта организации Дамского комитета. Планировалось, что Дамский комитет Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам будет заниматься следующими вопросами: лечением и трудоустройством раненых, содержанием приюта-убежища для раненых, организацией сбора денег и вещей, заготовкой одежды и белья. Дамы должны были избрать председательницу, двух товарищей, казначея, секретаря. Председательница имела право созывать заседания Дамского комитета самостоятельно по мере необходимости. Городская дума проект одобрила, Дамский комитет Всероссийского союза городов начал свою работу.

С апреля 1915 г. с театра военных действий стали прибывать раненые, которых размещали в специальном приюте. Если раненый выздоравливал, его снова направляли в войска, в противном случае выплачивали пособие на проезд домой. Местным воинам, оставшимся калеками, помогали трудоустроиться (сторожами, раскльными, курьерами и т. п.) Комитет выдавал ежемесячное пособие в размере казенного пайка и квартирные (всего по 4 руб.) каждому воину.

Комитет также занимался заготовкой теплой одежды, белья для воинов и больничных комплектов для подвижных госпиталей сибирских отрядов. К праздникам Пасхи и Рождества проводился сбор подарков для воинов.

Дамские комитеты Красноярска устраивали лотереи, концерты, спектакли, благотворительные сборы, собирали пожертвования и подарки для солдат. Осенью 1914 г. в Красноярске был создан специальный склад для сбора пожертвований. Железная дорога бесплатно перевозила такие грузы. Дамский комитет Союза городов

до 1 апреля 1915 г. отправил на фронт 5 транспортов и 1365 пд. благотворительных грузов. До ноября 1915 г. Дамский комитет Красного Креста отправил на фронт 7 транспортов с подарками.

Деятельность Дамского комитета Красного Креста и Дамского комитета Всероссийского союза городов различалась незначительно. Первый обеспечивал постоянное призрение тем, кто полностью утратил трудоспособность, — калекам, а второй оказывал временную поддержку и помощь раненым и больным [10].

Многие дамы входили одновременно в состав правлений двух красноярских дамских комитетов. Это объясняется тем, что в восточносибирских городах была малочисленная общественность, желающая и имеющая возможности заниматься благотворительностью. В основном это были представители местной администрации, некоторых сословных (купечество, духовенство) и профессиональных (врачи, учителя) групп.

Весной 1915 г. в деятельности всех благотворительных организаций, и дамских комитетов в том числе, наметился спад. Повлияли общая экономическая ситуация, ухудшение жизни в городах, дороговизна: быстро росли цены на сахар, дрова, мыло и другие товары первой необходимости. Кроме того, существенно выросло количество нуждающихся в благотворительной помощи — в город стали поступать раненые, начались всероссийские сборы в пользу разоренных войной окраин. Увеличивалось и число семей воинов, которым требовалась помощь.

В конце 1915 г. в Красноярске был образован Дамский комитет о раненых при управлении Ачинско-Минусинской железной дороги. Комитет проводил сбор средств по подписным листам среди сотрудников, кружечные сборы среди железнодорожных служащих [3. Л. 1—21].

Довольно многочисленным был Дамский комитет по оказанию помощи семействам призванных на военную службу нижних чинов и ратников запаса в Минусинске — в состав его правления входило 115 дам [11. С. 55]. 7 марта 1915 г. дамы комитета проводили однодневный сбор пожертвований пасхальных подарков для воинов. Председательница О. Волконская отметила в отчете, что много подарков сделали дети, которые писали записки воинам. Так, ученица первого класса минусинской женской гимназии писала: «Дорогие мои солдатики. Поздравляю я Вас

с высокаторжественным праздником и светлым Христовым Воскресением. Желаю Вам побить врага и вернуться домой здоровыми и невредимыми. Затем до свидания». Из церковно-приходской школы ученицы писали: «Здравствуй, добрый воин, позволь поздравить тебя с праздником Святой Пасхи. Желаем благополучно провести его и вернуться с поля битвы к семье своей героем и невредимым. Шлют это едино племянники твои, всегда скорбящие о воинах своих» [5. Л. 1—3].

Дамские комитеты Енисейской губернии работали до 1917 г., когда под влиянием революционных событий были закрыты или самораспустились.

В исследуемый период социальный состав дамских комитетов значительно расширился и демократизировался. Работа в дамских комитетах становилась явлением модным, массовым в сибирских городах. К своей работе участницы комитетов относились чрезвычайно ответственно, проявляли настойчивость и изобретательность в поисках новых источников благотворительных поступлений. Не было случаев, чтобы их деятельность носила показной характер.

Большинство женщин, работавших в комитетах, были замужними дамами средних лет или вдовами. Как правило, патриотично настроенные молодые девушки уезжали на фронт в качестве сестер милосердия — они не были ограничены семейными узами, не имели детей, тогда как

женщины замужние, не горевшие юношеским максимализмом, но желающие оказать действительную помощь, были готовы выполнять ежедневную рутинную работу (сбор пожертвований, изготовление белья и т. п.), не оваянную ореолом романтизма, славы или мученичества, в тылу.

Как и прочие благотворительные гражданские ассоциации, дамские комитеты в период Первой мировой войны пытались восполнить пробелы в области социальной политики государства. В начальный период войны основным содержанием их деятельности были помощь раненым воинам, подготовка местных госпитальных учреждений, материальная поддержка семей мобилизованных. Комитеты также активно занимались изготовлением белья и подарков для солдат действующей армии. Со второй половины 1915 г. в деятельности благотворителей появились новые направления, связанные с оказанием помощи беженцам, военнопленным, разоренным окраинам страны.

Деятельность дамских комитетов Сибири была аполитичной, эти организации сотрудничали с властью. В то же время они предлагали совершенно новые формы самоопределения и общения для женщин. Основанная на отчетности и выборности внутренняя жизнь объединений прививала их членам представления о гражданственности, справедливости. В дамских комитетах сибирячки получили опыт гражданской самодеятельности.

Источники и литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 265. Оп. 1. Д. 294.
2. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 542.
3. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 581.
4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 736.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 753.
6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 758.
7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 800.
8. Записка о деятельности Красноярского Дамского комитета Красного Креста за период времени с 17 августа 1914 г. по 1 сентября 1915 г. — Красноярск, 1915.
9. Красноярский Дамский комитет Красного Креста. Отчет за 1915 г. // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, беженцам и переселенцам и промышленности по снаряжению армии. 1 декабря 1915 г. Красноярский Комитет союза городов // Вестник красноярского городского Общественного Управления. — 1915. — № 2—3.
10. Об организации при местном Комитете союза городов особого Дамского Комитета // Вестник красноярского городского Общественного Управления. — 1915. — № 18—19.
11. Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организации помощи призванным воинам и их семьям в г. Красноярске 15—17 июля 1915 г. — Красноярск, 1915.

Нагорных В. В.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И МИНУСИНЦЫ

На 2014 г. приходятся 3 трагические даты отечественной военной истории: 110 лет назад началась Русско-японская война, 100 лет назад — Первая мировая война, 75 лет назад — Вторая мировая война. Между этими датами — годы, вместившие перевороты, революции, войны.

Минусинцы были участниками всех войн начала XX в., а Первая мировая война забрала из сел южной части Енисейской губернии добрую половину русского мужского населения. К сожалению, никогда не удастся подсчитать, сколько минусинцев участвовало в той или иной войне. Но есть и другой вклад — работа в тылу, пожертвования. Вот о таком, косвенном, участии минусинцев в Первой мировой войне и пойдет речь.

Поводом к войне послужило убийство сербами 15 (28) июля 1914 г. в Сараево (Босния) наследника австро-венгерского престола, в результате чего Австро-Венгрия объявила Сербии войну. На следующий день Россия начала мобилизацию в пограничных с Австро-Венгрией районах. Германия потребовала от России прекратить мобилизацию и, не получив ответа, 19 июля (1 августа по новому стилю) объявила войну России, а через 2 дня — Франции и Бельгии. Вскоре война охватила большинство государств Европы.

Спустя 3 дня после начала войны, 22 июля 1914 г., местная газета «Минусинский край» опубликовала Высочайший Манифест о войне с Германией. В нем было сказано: «... Следуя своим историческим заветам, Россия единая по вере и крови со славянскими народами; с полным единодушием и особою силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни... Ныне предстоит оградить честь, достоинство и целостность России и положение ее среди великих держав» [1].

26 июля 1914 г. в Санкт-Петербурге был объявлен новый манифест, в котором говорилось: «... Ныне Австро-Венгрия объявила войну не раз спасавшей ее России. Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие... Да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках,

с крестом в сердце...» [2. Л. 34]. Этот манифест был получен в Минусинске только 5 августа. Минусинский уездный исправник переслал его настоятелю Вознесенской церкви, священнику о. Суховскому с просьбой «огласить таковой в храме в первый праздничный день» [2. Л. 33].

Вся тяжесть войны в Европе в который раз пала на русский народ. Государство не просило о помощи, а почти требовало. 3 августа Минусинская управа обратилась к минусинцам: «Мир нарушен, призваны на действительную службу запасные нижние чины и призываются ратники государственного ополчения 1-го разряда. По уходе призванных остаются семьи и в отдельных случаях только одни малолетние дети и престарелые родители. Помогите семьям защитников нашего дорогого Отечества. Жертвуйте, кто что сможет. Жертвуйте деньгами, жертвуйте припасами, вещами и платьем. За пожертвованными вещами может быть прислана подвода».

В это время енисейский губернатор направил Минусинскому уездному съезду крестьянских начальников телеграмму, в которой говорилось: «Прошу принять самое деятельное участие к пробуждению среди населения сознания долга, оказать широкую поддержку хозяйствам крестьян, призванных в ряды армии, в отношении уборки урожая, посева зерновых путем общественных работ» [4]. В тот год в Минусинском уезде к августу поспели не только озимые, но и яровые хлеба. Были составлены списки: к 3 августа в Минусинске осталось 150 семейств после мобилизации запасных, 20 семейств — после мобилизации ратников.

В августе был создан Комитет по сбору пожертвований в пользу семейств, как тогда их называли, призванных на войну. Отмечалось: «Открывая свои действия, комитет глубоко уверен, что

все жертвователи, которыми так обильна земля русская в дни бед и несчастий, охотно откликнутся» [5]. Председателем этого комитета и других, возникших позже, был городской голова Павел Александрович Бахов. В состав комитета входило 22 чел. На заседании решено было выдавать особо нуждающимся по 1 руб. на взрослого и по 50 коп. на ребенка. Еще до открытия комитета была собрана немалая сумма (216 руб.), плюс члены комитета внесли еще 170 руб.

К 9 августа число семейств, записавшихся для получения казенного пособия, достигло 185. Минусинцы откликнулись на призывы о помощи. Некоторые изъявили желание делать ежемесячные пожертвования. Например, П. Н. Пашенных — по 25 руб. в месяц, В. В. Федоров и Г. З. Узун — по 5 руб., М. А. Олефир — 3 руб. Служащие городского управления, банка, торгового дома «Трифон Савельев и сыновья», потребительского общества, магазина Г. М. Вильнера постановили делать отчисления 2 % от жалованья ежемесячно, причем сам Г. М. Вильнер согласился вносить сумму, равную сумме пожертвований его служащих, вместе взятых. Были и единовременные пожертвования. Городская дума пожертвовала 1000 руб. из запасного капитала.

В течение 1914—1916 гг. многие общественные мероприятия в Минусинске шли под лозунгом помощи солдатским семьям. Так, 10 августа 1914 г. сбор от гулянья в загородном саду поступил в пользу семей солдат. Литературно-музыкально-драматическое общество дало благотворительный спектакль «Последняя жертва» по пьесе Островского. Дамский комитет устраивал кружечные сборы в пользу солдаток, а также сборы от летних гуляний на оз. Тагарском, которые предназначались для увечных воинов и солдатских детей.

Летом 1916 г. городское управление опубликовало отчет о деятельности различных благотворительных комитетов. С начала войны по 20 июля 1916 г. попечительством о семьях призванных было собрано пожертвований наличными деньгами 21 099 руб. 74 коп. По Минусинскому отделу сибирского общества помощи раненым за это время было собрано 4961 руб. 90 коп., а по городскому комитету о беженцах поступления достигли 2038 руб. 74 коп. В эти суммы не вошли единовременные сборы: с учетом последних городское управление смогло собрать для помощи

пострадавшим от войны более 40 тыс. руб. Сумма внушительная, если учесть, что население города составляло чуть более 15 тыс. чел.

Городская дума обратила внимание на то, что в то время, когда служащие из своего скромного содержания делают ежемесячные процентные отчисления, огромная часть гласных Думы (т. е. депутатов), являясь зажиточными домовладельцами, не состоят членами комитета помощи и не делают никаких пожертвований, но в думских заседаниях горячо «ораторствуют» о страждущих воинах [6].

Наибольшая нагрузка в организации и сборе пожертвований для семей, призванных на войну, а позже на помощь раненым и больным солдатам выпала на долю православной церкви. Именно церковнослужителям пришлось «пробуждать среди населения сознание долга», именно они собирали деньги, и именно им приходилось отвечать на упреки властей в недостаточности собранных средств.

9 сентября 1914 г. Съезд духовенства Енисейской губернии постановил: «1) отчислять ежемесячно с доходов и жалованья духовенства, начиная с 1 августа, впредь до окончания войны, по 2 %; 2) половину этой суммы передавать в местный комитет, а вторую пересылать в губернский комитет для оборудования “кроватей для раненых воинов”; 3) отчислять 1 % с валового дохода со всех церквей епархии на больных и раненых воинов». Был издан также указ «О немедленном образовании в каждом приходе попечительских советов», причем эти советы должны были предоставлять ежемесячно отчет о своей деятельности и собранных суммах. В сентябре 1915 г. благочинный, священник Павел Суховской, в своем рапорте в Енисейскую духовную консисторию сообщает: «в пользу солдатских семей по Вознесенскому приходу собрано 25 руб. 52 коп., каковые и розданы солдаткам, кроме того, передано в городской комитет 34 руб.» [7. Л. 61].

Комитеты и общества помощи создавались не только по инициативе местных органов, существовало и несколько «императорских» обществ. Все они предписывали церквям незамедлительно представить сбор средств. «Городское управление, препровождая воззвание общества повсеместной помощи, просит настоятеля кладбищенской церкви оказать содействие к производству более успешного сбора доброхотных

пожертвований молящимися прочтением перед сбором воззвания. Сумму собранную переслать в городское управление, 5 декабря 1916 г.» [8. Л. 127].

Если проанализировать, на что еще собирались деньги в церквях Минусинского уезда в годы войны, заслуживает удивления не столько щедрость, сколько суровость минусинцев. Только перечень статей расхода составил более 20 пунктов. Вот некоторые из них: на церковно-приходские школы, на постройку храма в память освобождения крестьян от крепостной зависимости, на храм Святой княгине Ольге, на памятник Минину и Пожарскому, на памятник русским воинам в Лейпциге, на храм Сергия Радонежского на Куликовом поле, на борьбу с проказой, пьянством и пр.

Не идеализируя те времена, надо отдать должное царской власти в ее добром намерении сохранить память о погибших в войне. В октябре 1914 г. вышел указ: «Об оказании духовенством содействия к увековечению памяти воинов, павших жертвою настоящей Великой Европейской войны, путем устройства для них братских кладбищ, постановки в приходских церквях досок с начертанием их имен и сооружения на их родине, на более видных местах, памятников, хотя бы примитивного устройства, в виде часовен, крестов, каменных столбов и т. п.» [7. Л. 99]. Остается сожалеть, что это благое пожелание на местах поддержано не было. Ни в документах архива, ни в местных газетах тех лет нет никакого упоминания о создании подобных или хотя бы примитивных памятников.

Что знали о войне в Европе минусинцы? Какие вести доходили до Сибири? В местных кинотеатрах (точнее, электротеатрах) с начала 1915 г. стали демонстрировать военную хронику из районов боевых действий. Газета «Южная Сибирь» 29 мая 1916 г. сообщала: «Электротеатр «Заря». Только 2 дня монополярная картина «Война» всех союзных 1914—1915—1916 гг. держав России, Франции, Англии, Италии, Сербии, Бельгии, Черногории. В 5 больших отделениях. Картина снята на театре военных действий. Иллюстрируется оркестром духовой музыки и звуковыми эффектами. Цены от 30 до 59 коп.». Кстати, в электротеатрах давались благотворительные сеансы в пользу увечных воинов-инвалидов.

Военные события Первой мировой, хотя и происходили далеко, повлияли на жизнь минусинцев буквально с первых дней. Выросли цены на сахар, керосин, спички, мясо, дрова. Учебные заведения испытывали проблемы с получением учебников, тетрадей. Помимо роста цен на сахар возникла проблема с его распределением, был создан «сахарный» комитет. Летом 1916 г. на одного едока приходилось по 1 фунту (410 г) сахара, потом норму увеличили до 2 фунтов в месяц. 30 сентября была проведена даже «сахарная» перепись с целью уточнения списка едоков. Согласно этой переписи население города составляло 12 087 чел., в том числе 5227 мужчин и 6851 женщина. До войны же в городе проживало около 14 500 чел. В предварительном документе «сахарного» комитета указывается, что до войны население Минусинского уезда составляло 317 тыс. чел. На войну же было призвано 10—15 %. Таким образом, можно приблизительно назвать число мобилизованных в уезде — от 32 до 47 тыс. чел. [9].

Ни одна война не обходится без убитых, раненых, военнопленных. Во время войны в русский плен попало 2,3 млн чел. (австрийцев, немцев, турок, болгар и др.). Значительная их часть была сконцентрирована в лагерях Урала и Сибири. Уже зимой 1915—1916 гг. в Сибири находилось 240 950 военнопленных, в том числе в Красноярске — 13 тыс., в Канске — 6 тыс., в Ачинске — 2750 чел. По Минусинску точных данных нет, но имеется указание на присутствие военнопленных и здесь. В сентябре 1916 г. «Минусинский вестник» сообщал: «Местный столяр Панов обратился в городское управление с просьбой представить ему пять военнопленных для работы в столярной мастерской, т. к. его рабочие призываются, а найти других он не может» [10].

На любой войне есть место подвигу. К сожалению, достаточно сведений о непосредственных участниках военных действий найти не удалось. Из местных газет известно, что добровольцами на войну пошли минусинские мещане А. С. Бударев и И. Е. Солдатов. В газете «Южная Сибирь» за 19 июля 1916 г. дается описание боя, в котором отличились Н. Н. Мартьянов (сын основателя музея) и еще один минусинец — С. А. Шлихтер. Оба юноши воевали в команде пеших разведчиков. «Во время боя в ротах, в которых они сражались, были выбиты из строя все

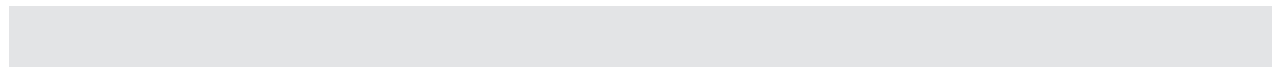
офицеры. Тогда Шлихтер и Мартьянов стали во главе своих рот и повели их в атаку. Первым был ранен Н. Н. Мартьянов ружейной пулей в грудь. Но несмотря на полученное ранение, он снова повел роту вперед» [11]. С. А. Шлихтер в том же бою был смертельно ранен и скончался по пути в Минский госпиталь. За свои подвиги С. А. Шлихтер и Н. Н. Мартьянов получили боевые награды.

В России вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» неразрывно связаны во все времена. Еще в июле 1915 г. съезд представителей го-

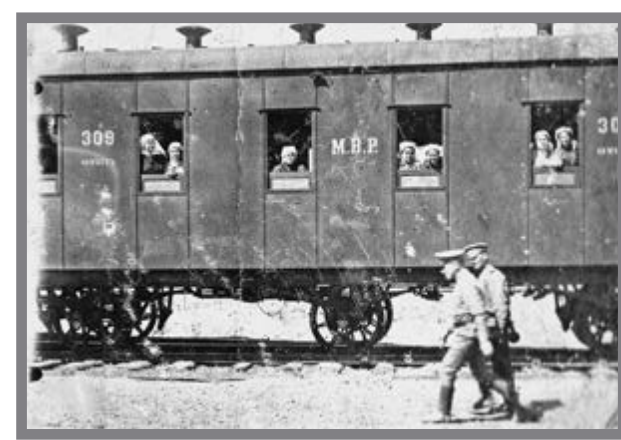
родов России вынес приговор: «Роковым препятствием на пути к конечной победе стоят все те же старые пороки нашей государственности — безответственность власти, ее оторванность от страны... На смену нынешнего правительства должны быть призваны люди, облеченные доверием народа...». В конечном итоге руководство России не смогло довести войну до победного конца. Возглавляемое В. И. Лениным советское правительство в марте 1918 г. заключило сепаратный мирный договор с Германией и ее союзниками.

Источники и литература

1. Минусинский край. — 1914, 22 июля.
2. АГМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 505.
3. АГМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 506.
4. Минусинский край. — 1914, 3 авг.
5. Минусинский край. — 1914, 10 авг.
6. Минусинский вестник. — 1916, 23 июля.

Последствия военных конфликтов начала XX в. Историческая память и образы войны

Белгородская Л. В.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА КАК МЕСТО ПАМЯТИ РОССИЯН, БРИТАНЦЕВ И АМЕРИКАНЦЕВ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Всякая национальная история пишется не только с учетом реальных достижений политического деятеля или страны на том или ином этапе развития: она описывает событие пристрастно, через призму ее собственных государственных или национальных интересов и приоритетов.

Теория «мест (фигур) памяти» Пьера Нора, которая позволила ему произвести, по словам Б. Ф. Шенка, инвентаризацию мест и фигур коллективной памяти французов, стала методологической базой данной статьи в рамках так называемой новой культурной истории. Для «мест памяти» характерно наличие «материального ядра», переменчивого символического значения, а также присутствие функциональной задачи вызывать воспоминания [1].

Историческая память россиян сохранила яркий образ войны 1904—1905 гг., что нашло отражение не только в официальной литературе, энциклопедистике, но и в народных песнях, солдатском фольклоре.

В качестве источника для исследования войны как места памяти иностранцев избраны не ставшие еще объектом исследования материалы в справочно-энциклопедических изданиях Великобритании и США — универсальных, тематических, биографических справочных трудах. Специальное внимание уделено материалам новейшей американской 4-томной «The Encyclopedia of Russian History», содержащей 1500 статей, написанных 500 учеными-русистами.

Бесспорно, одной из самых популярных для американских издателей и читателей темой в новейшей истории является Русско-японская война 1904—1905 гг. Ни одно историческое издание справочного характера не обходит вниманием это событие. Повышенный интерес к этой войне может иметь несколько объяснений. Во-первых,

оба государства географически близко расположены к Америке, поэтому ход военных действий рассматривается как конфликт, который охватил страны, находящиеся в непосредственной близости к геополитическому пространству США. Во-вторых, после Испано-американской войны 1898 г. Америка значительно укрепила свое влияние в Тихом океане и стремилась ко всемерному ослаблению соперников. В-третьих, это был первый в новейшей истории случай сокрушительного поражения крупной морской евразийской державы от азиатского государства. Наконец, Америка выполнила миротворческую функцию в конце войны и была отмечена знаком благодарности мирового сообщества в виде Нобелевской премии мира, врученной президенту Теодору Рузвельту (заметим, что Рузвельт был первым американцем — лауреатом престижной премии). Это стало признанием мирового статуса державы. Мы полагаем, что в прошлом веке американцы долго испытывали «комплекс Перл-Харбора», поскольку «никогда не битая страна» пережила в 1941 г. жестокое военное поражение¹. Желание разобраться в причинах усиления дальневосточного государства с красочным описанием поражения России в начале века психологически смягчало горечь неудачи американцев в 1941 г.

Приведем несколько общих оценок войны зарубежными изданиями. «Колумбийская энциклопедия» сообщала, что это был империалистический конфликт, выросший из разногласий Японии и России в Маньчжурии и Корее. Война

была серией быстрых японских побед. Результатом конфликта стало приобретение Японией статуса мировой державы и продолжение дальневосточным государством активной империалистической экспансии в XX в.

«Оксфордская иллюстрированная энциклопедия» информировала, что это война между Россией и Японией из-за Маньчжурии и Кореи. Японцы неожиданно, без объявления войны, напали на российский крейсер «Варяг», стоявший на якоре в гавани корейского порта Чемульпо, после того как Россия не выполнила соглашения по выводу своих войск из Маньчжурии. Российская военно-морская база в Китае Порт-Артур и Мукден были захвачены японцами. Война закончилась подписанием Портсмутского мира. Это унижающее поражение привело Россию к русской революции 1905 г.

«Американа» в 1994 г. убеждала читателей, что японцы в конце 1890-х гг. опасались усиления русского влияния в Маньчжурии и Корее. 8 февраля 1904 г. без объявления войны они атаковали Порт-Артур. Официально война была объявлена Россией и Японией 10 февраля 1904 г. В результате Япония добилась расширения территориальных владений в Азии и получила признание в качестве главной политической силы в Тихоокеанском регионе.

Война описывалась как серия быстрых и красивых побед японской стороны, обусловленных близостью военных баз страны к театру военных действий, мастерством полководцев (особенно флотоводцев) и геополитическими просчетами русских. Особенное внимание привлекало Цусимское сражение. Материалы излагались с позиции «той» стороны и даже иллюстрировались японскими фотографиями и рисунками. «Оксфордская иллюстрированная энциклопедия» печатный материал проиллюстрировала японской литографией с подписью «Цусимское сражение явилось военно-морским триумфом Японии в Русско-японской войне». Другое издание сообщало: «Цусима стоит в одном ряду с Трафальгаром, Шидуэем и Лейтским заливом, среди самых разрушительных поражений в истории морского флота» [3. С. 311]. В «Новой стандартной энциклопедии» («New Standard Encyclopedia») читаем о том, что блестящую победу в Цусимском сражении адмирала

Того можно сравнить только с триумфом адмирала Нельсона в битве при Трафальгаре. 27 мая 1905 г. Россия потеряла 8 броненосцев, 9 крейсеров, 3 броненосца береговой охраны, 400 чел. погибло в ходе сражения, 7300 моряков попало в плен, включая 3 адмиралов [6. Р. 354—356].

Изучив десятки справочных изданий, мы обнаружили единичные случаи правильного написания фамилии адмирала З. П. Рожественского — командующего Тихоокеанской эскадрой: везде она транслитерируется как Rozhdestvensky (Рождественский). Хотя ради справедливости заметим, что и в российских изданиях написание фамилии часто искажено. Зарубежный читатель получает информацию и в таком варианте: 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием З. П. Рожественского, сформированная на Балтийском море, похожая на стаю уток, прошла 28 тыс. км до Цусимского пролива, чтобы быть блестяще уничтоженной в 90-минутном бою. Россия потерпела полное поражение на суше и на море². В вышедшей в начале XXI в. американской «Энциклопедии российской истории» сказано, что описание похода и гибели Тихоокеанской эскадры можно назвать российской сагой.

Но, во-первых, переход был гораздо короче; во-вторых, бой был продолжительнее: он длился полных 3 дня; в-третьих, материал написан с использованием лексических единиц времен «холодной войны». Приведем отдельные итоговые оценки из энциклопедических изданий: «Россия потеряла престиж», «Цусимское сражение явилось военно-морским триумфом Японии», «Полный японский триумф в мае», «Унижающее поражение», «Только «Аврора» дошла до Владивостока», «Только 3 из 38 кораблей вернулись домой во Владивосток» [10. Р. 8071].

В американских изданиях, на наш взгляд, чрезмерно преувеличиваются миротворческая роль США в подписании Портсмутского мира и личный вклад президента Теодора Рузвельта в переговорный процесс. Оценки, подобные утверждению энциклопедии «Американцы», что президент удовлетворил просьбу Японии, заставил Россию сесть за стол переговоров, блестяще организовал конференцию, повторяются из издания в издание. «Несмотря на победы на суше и на море, Япония не была способна самостоятельно

¹ Флаг атаки в форме латинской буквы «Z», который реял на корабле адмирала Того во время Цусимского сражения, был поднят Нагумой на миноносце «Акаги» в качестве сигнала к атаке на Перл-Харбор в декабре 1941 г.

² Дословно в «Британике» сказано, что русские корабли были подобны стае хромых уток, но выражение «lame ducks» используется в английском языке также для обозначения полных неудачников.

принудить Россию сдаться» [12. Р. 8 278]. Визуальный образ часто формируется американским плакатом «Аллегория на русско-японский мирный договор, подписанный в Портсмуте» [9. Р. 1 334].

Теодор Рузвельт в начале политической карьеры с большой симпатией относился к России и писал, что Россия единственная среди европейских держав была в прошлом «неизменно дружественна нам». Уже в начале следующего века, отдавая должное роли России в Азии, активизации ее экспансионистских планов, он начинает смотреть на нее глазами враждебных ей англичан.

Позиция США по отношению к России на мирной конференции в Портсмуте не была вполне честной и открытой. В конфиденциальной переписке президент не скрывал своего плана: «Витте и прежде всего царь должны отчетливо понять, что эта война проиграна, мир должен быть подписан с ясным осознанием того, что японцы — победители» [13. С. 126—128]. Историк Н. А. Нарочницкая пишет: «Хотя на переговорах японская делегация требовала все Курилы и весь Сахалин, страна была столь сильно истощена войной, что в действительности была готова согласиться на принадлежность Сахалина России без денежной компенсации». Автор утверждает, что американцы знали о таком положении вещей, но Т. Рузвельт специальной телеграммой уверил Николая II в твердой позиции Японии и угрозе для России в случае проволочки потерять территории восточнее оз. Байкал. Император и С. Ю. Витте были вынуждены принять предложение.

Отечественная традиция считать, что американцы сыграли в 1905 г. в отношении нашей страны благородную роль, восходит к 1930-м гг., когда СССР налаживал отношения с Америкой, а печатные издания нашей страны формировали образ исторического партнера и союзника России. Похоже, сама американская сторона к моменту подписания мира уже осознала факт решительного и неблагоприятного для нее изменения баланса сил на Тихом океане. Японцы

были настолько вдохновлены блестящей победой в 1905 г., что стали срочно разрабатывать «доктрину Монро» для Азии в надежде противостоять западному миру, утверждала «Американская энциклопедия» в годы Второй мировой войны. По мнению ряда новейших зарубежных изданий, война усилила имперский аппетит Японии и способствовала нагнетанию напряженности в Тихоокеанском регионе. Русское поражение в войне имело 2 важных политических последствия: Русскую революцию и утверждение Японии в качестве мировой державы. В трудах содержатся и такие оценки: это первый глобальный конфликт современной эры, прелюдия Первой мировой войны; конфликт, способствовавший росту японского национализма. Помощь Теодора Рузвельта привела «к потере мира японцами»: последние утратили всякое доверие к западной дипломатии вплоть до Второй мировой войны.

Таким образом, военная история России нашла отражение в массовых и специальных справочно-энциклопедических изданиях Великобритании и США. Это были большие обзорные материалы, статьи-обзоры и статьи-справки о русской армии, полководцах, аналитические статьи по истории войн. Часто подача материала обуславливалась особенностями политического момента, своеобразным госзаказом руководства двух стран. Трактовка военной истории в очень большой степени строилась по законам дуалистической оппозиции: «наши — враги», «мы — они», «победитель — побежденный», «свой — чужой».

Наибольшее внимание привлекали войны, к которым имели отношение британская и американская стороны. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что Русско-японская война давно стала «местом памяти» россиян и, в определенной степени, американцев. Она практически не вошла в историко-культурную память англичан, в отличие, например, от Крымской войны. Последняя проблема заслуживает специального исследования.

Источники и литература

1. Шенк Б. Ф. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). — М., 2007.
2. Russia // The Columbia Encyclopedia. — New York, 1963.

3. Русско-японская война // Оксфордская иллюстрированная энциклопедия: в 9 т. — М., 2002. — Т. 4.
4. Japan // The Encyclopedia Americana. — 1994. — Vol. 15. — P. 831.
5. Russian-Japanese War // The Encyclopedia Americana. — 1994. — Vol. 24. — P. 47.
6. Russian-Japanese War // New Standard Encyclopedia Funk and Wagnalls. — Vol. 21. — N.Y.
7. Russian-Japanese War // Encyclopaedia Britannica. — 1964. — Vol. 19.
8. Кинан Д. Кто есть кто в военной истории / пер. с англ. — М., 2007. — С. 309.
9. Russian-Japanese War // Encyclopedia of Russian History. — 2004. — Vol. 3.
10. Russian-Japanese War // The World Book Encyclopedia. — Chicago, 1946. — Vol. 19.
11. Military power and policy // The Cambridge Encyclopedia of Russia and the former Soviet Union. — Cambridge, 1994.
12. The World Book Encyclopedia. — Chicago, 1946. — Vol. 19.
13. Уткин А. И. Теодор Рузвельт. — Свердловск, 1989.
14. Нарочницкая Н. А. Россия и русские. — М., 2003.
15. Union of the Soviet Socialist Republics // The Encyclopedia Americana. — 1946. — Vol. 27.
16. The Random House Encyclopedia. — N.Y., 1983.

Кутилова Л. А.

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПРАВ МЕНЬШИНСТВ В ПРОЦЕССЕ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1919 г. в Версале состоялась конференция по итогам Первой мировой войны. Основополагающим при построении новых государств на ней был признан национальный принцип. За основу была взята «вильсонская интерпретация самоопределения» как самая «известная и авторитетная» [1. С. 40]. Однако, разрабатывая планы реорганизации Европы, политические лидеры держав-победительниц напрямую столкнулись с серьезной проблемой существования национальных меньшинств или национально неоднородных территорий, особенно в пограничье.

Проблема осложнялась тем, что, по словам Д. Ллойд Джорджа, «только что освобожденные народы Южной Европы готовы были перегрызть друг друга глотку в погоне за лучшими кусками наследства умерших империй» [2. Т. 1. С. 267]. Камнем преткновения стали Галиция, Силезия, Восточная Пруссия, Тешинская область, Банат и другие территории.

Особенно настойчивы были поляки, поддержанные Францией в своем стремлении воссоздать Польшу в границах 1772 г. Принцип национального самоопределения никак не соответствовал их требованиям. Р. Дмовский (в 1917—1919 гг. председатель Польского национального комитета) утверждал, что разные национальности и территории принадлежат полякам по праву завоевания, осуществленного предками. При таком подходе к решению польской проблемы Д. Ллойд Джордж вполне резонно пророчествовал усиление ирредентистских настроений и новые войны за «национальные территории» [2. С. 348].

Обсуждение границ чехословацкого государства и вопроса о включении в его состав Богемии, населенной немцами, заставило Э. Бенеша уже в феврале 1919 г. выступить со специальным заявлением о том, что Чехословакия обязуется гарантировать права немецкого меньшинства. Сам факт присоединения Богемии к славянскому государству был спорным, но чашу весов в пользу Чехословакии перевесили политические обстоятельства

и экономические интересы нового государства. Республика брала на себя обязательства обеспечить немцам в Богемии право пропорционального представительства в органах власти, равный доступ ко всем должностям, свободу вероисповедания, государственные школы на родном немецком языке и др.

Таким образом, и в силу сформировавшейся национальной чересполосицы, и в силу политических предпочтений и экономических увязок провести в жизнь национальный принцип оказалось делом практически неосуществимым. Один из политиков справедливо отметил, что в реальной практике конференции в Версале «древний жестокий закон победителя заменил обещанную победу права» [2. Т. 2. С. 154].

1 мая 1919 г. страны Антанты учредили Комитет новых государств и защиты меньшинств. Основной целью комитета была разработка специальных договоров о меньшинствах. Первый из них — с Польшей — был подготовлен 6 мая 1919 г., но его обсуждение на пленарном заседании конференции вызвало «бунт малых государств». Серьезную оппозицию сформировало стремление победителей навязать малым государствам принудительные гарантии прав национальных меньшинств. Ее возглавил премьер-министр Румынии Й. Братиану, поддержанный представителями Польши, Чехословакии, СХС (государства словенцев, хорватов и сербов). Более всего их возмущали дискриминация, двойные стандарты в поведении Лиги

Действительно, новым государствам был обещан равный суверенитет, но договоры о меньшинствах должны были подписать только они, ими не охватывалась даже побежденная Германия. Вместе с тем и Румыния, и Польша, и Чехословакия, и СХС-государство готовы были гарантировать национальные и религиозные права меньшинствам, но настаивали на генерализации системы защиты прав меньшинств. Возникли и другие сложности. Сербия, например, отстаивала идею нераспространения статей договоров о меньшинствах на собственно сербскую территорию, утверждая иной статус земель, отторгнутых от побежденных держав и присоединенных к ней. С точки зрения Сербии, договоры не должны были распространяться на так называемые старые меньшинства. Польша посчитала нарушением суверенитета односторонние обязательства и отвергла условия договора о меньшинствах. Лишь после непосредственного обращения Верховного совета Лиги Наций к премьер-министру Польши конфликт удалось сгладить.

После бурных дебатов 28 июня 1919 г. был подписан первый из серии специальных договоров о меньшинствах — договор главных союзных и объединившихся держав с Польшей, ставший типовым для остальных четырех: с Чехословакией, Румынией, СХС-государством и Грецией. В договоре с Польшей было сформулировано положение о приоритете международных норм над национальным законодательством. Статья 1 утверждает, что обязательства государства в отношении меньшинств имеют преимущество перед любыми законами и подзаконными актами, договоры о меньшинствах должны быть приняты в качестве основного закона. Правительство Польши провозгласило равенство граждан вне зависимости от происхождения, национальности, языка, религии, подчеркнув при этом, что все польские граждане имеют право на свободу публичного и частного исповедания веры. Признавая гражданами всех тех, кто был рожден или проживал на территориях, вошедших в состав польского государства, правительство брало обязательство предоставить всем желающим право оптации. Причем статья 3 при выборе другого гражданства и переезде в другую страну на постоянное место жительства сохраняла за оптантами недвижимое имущество. Статья 7 закрепляла

правило, согласно которому различие в религии не должно было служить препятствием для замещения разного рода должностей. Договор предоставил право свободного использования родного языка в бытовом общении, в торговле, при совершении религиозных обрядов, в судах, в средствах массовой информации и в публичных собраниях. Меньшинства должны были получить беспрепятственную возможность для создания за свой счет благотворительных, религиозных, общественных учреждений. В деле просвещения предоставлялось право начального образования на родном языке при обязательном изучении языка польского. Статьи 10 и 11 гарантировали специфические права евреев (например, право субботы). Еврейские школы должны были получать пропорциональную часть общественных средств.

Все перечисленные положения были повторены в договорах победивших держав с Чехословакией, СХС-государством, Румынией и Грецией, но в них фиксировались и особые положения. Например, в договоре с Румынией указывалось на необходимость признания без каких-либо формальностей евреев, проживающих на румынской территории, гражданами государства, и содержалось требование предоставить саксонским и чешским общинам в Трансильвании местную автономию в вопросах обучения и религии. Договор с СХС-государством особо оговаривал права мусульманского меньшинства на сохранение обычаев в области семейно-брачных отношений. В соглашении с Чехословакией были оговорены права русин в Закарпатье: им предоставлялась широкая автономия, в том числе право на создание собственного сейма и законодательные права во всех вопросах, касающихся языка, школы, религии. Чехословацкое правительство и русинский сейм должны были определить пределы своей компетенции. Губернатора русин предстояло назначать президенту республики, но он нес ответственность перед сеймом. Правительство гарантировало русинам возможно большее представительство во всех властных структурах, а также справедливое представительство в общегосударственном парламенте.

Всего под гарантии Лиги Наций было поставлено 18 международных актов помимо названных — разделы о защите меньшинств в 4 мирных договорах с побежденными странами, Австрией,

Болгарией, Венгрией, Турцией; 6 деклараций, сделанных на совете Лиги Наций Албанией, Литвой, Латвией, Ираком, Финляндией, Эстонией; конвенции польско-данцигская, германо-польская, о Верхней Силезии и о Мемеле. Кроме того, существовали аналогичные документы, которые не имели отношения к коллективным международным гарантиям. Они отражали заинтересованность одного государства в судьбе своих соплеменников в других странах, как, например, греко-итальянский договор о Додеканезах или австро-чешский о гражданстве и защите меньшинств.

Внутригосударственные законодательства некоторых стран пошли даже дальше тех положений, которые закрепила Лига Наций. Так, чехословацкий закон от 29 февраля 1920 г. допускал употребление языков национальных меньшинств в армии, в администрации, обязывал принимать заявления от граждан и давать ответы не только на чешском, но и на родном языке. Этот порядок устанавливался для тех местностей, где не менее 20 % населения принадлежало к меньшинству. Дальше предписаний Трианонского мирного договора пошло венгерское законодательство. Самым либеральным стал закон о культурной автономии национальных меньшинств, принятый в Эстонии 12 февраля 1925 г. Согласно этому документу меньшинствам предоставлялись права юридического лица. Еще одним примером демократизма в решении проблем этнических меньшинств может служить законодательство Дальневосточной республики [4].

Эстонский закон или законодательство ДВР — акты внутригосударственные, рассмотренные же ранее законы, принятые новыми государствами, были определены как обязательства международного значения и в качестве таковых поставлены под гарантию Лиги Наций. О негативном отношении новых стран к этой системе речь уже шла. Неудивительно, что вопрос о ее универсализации неоднократно поднимался в Лиге Наций, особенно при приеме новых членов, поскольку в декабре 1919 г. Ассамблея Лиги приняла решение, согласно которому все государства, претендующие на вступление в сообщество, должны были принять меры для реализации принципов договоров о меньшинствах.

Резюмируем вышесказанное

1. В результате территориального разграничения после Первой мировой войны стремление тесно связать государственные и этнические границы, следуя национальному принципу и принципу самоопределения, оказалось нереализованным. В некоторых случаях проведенная перекройка карты не уменьшила, а, наоборот, увеличила количество меньшинств — немцы из Германии оказались в Польше, Данциге, Шлезвиге, Эльзасе, Лотарингии, Верхней Силезии, немцы из Австрии расселились в Италии, Чехословакии, Югославии и т. д. Список вновь созданных меньшинств можно продолжить [6. С. 18].

2. Зачастую произошло это потому, что политика ликвидации меньшинств как дестабилизирующего фактора международных отношений была принесена в жертву политической выгоде, экономическим интересам или историческим традициям, а значит, система защиты меньшинств стала не следствием реализации принципа самоопределения, а дополнением к перекройке карты Европы, которая была совершена в Версале. Представление, что она будет элементом, стабилизирующим Версальскую систему, не оправдалось. А. Абашидзе и Л. Дадзани недаром называют созданную Лигой Наций систему защиты меньшинств недееспособной с самого начала [7].

3. Думается, однако, что дело здесь не только в том, что миротворцы редуцировали принцип самоопределения и из всеобщего превратили его в выборочный. Важным представляется то, что создатели системы меньше всего думали об этническом развитии, сохранении языка, религии, традиций меньшинств в условиях других государств. Наоборот, среди них господствовало убеждение, что гарантия национальных и религиозных прав позволит безболезненно пережить процесс в начале адаптации, а затем и ассимиляции меньшинств в новых государствах. Например, О. Чемберлен или А. Бриан высказывались недвусмысленно в том плане, что цель договоров — подготовить меньшинства к полному слиянию, растворению в окружающем сообществе [8. С. 41]. Как указывает Х. Арентс, договоры признали то, что в начале XX в. было практически всеобщим убеждением — лишь люди одинакового происхождения могут быть гражданами страны и пользоваться полной правовой защитой, а представителям другой национальности требуется особый закон,

пока они не будут полностью ассимилированы [9. С. 370]. В Лиге Наций звучали даже другие голоса: закон страны не может отвечать за лиц, настаивающих на своей иной национальной принадлежности.

4. Развитие института защиты прав меньшинств не входило в намерения миротворцев еще и потому, что это могло повлечь за собой вопрос о защите меньшинств в тех странах, где ее не существовало, и даже в самих державах-победительницах и их колониях.

5. Необходимо также отметить, что в анализируемых документах объектами защиты являются не сами меньшинства в качестве субъектов международного права, национального коллектива, имеющего специфические права. Меньшинства рассматриваются лишь как сумма индивидов, связанных происхождением, языком, религией, каждый из которых наделен

определенными гражданскими и политическими правами. Следовательно, в договорах нормируется не коллективное бытие меньшинств, в силу разных обстоятельств оказавшихся вне пределов собственных национальных государств, а права личности. Существование меньшинств в качестве коллективной индивидуальности в договорах не рассматривается. Эта ситуация не случайна, она отражает убеждение в том, что гарантии прав личности вполне достаточно для свободного существования и развития, а этничность, религия, язык — это те области, которые относятся не к публичному праву, а к сфере личного осуществления гражданами общественных свобод. Представление о том, что существуют специфические права наций как коллективных индивидуальностей, которые не исчерпываются правами личности, еще не стало достоянием широкой общественной и политической мысли.

Источники и литература

1. Системная история международных отношений в двух томах. — Т. 1. События 1918—1945 гг. — М., 2006.
2. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. — М., 1957. — Т. 1—2.
3. Ключников Ю., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть II: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. — М., 1926.
4. Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология. — М., 1995. — Т. 3.
5. Вишняк М. Право меньшинств. — Париж, 1926.
6. Капоторти Ф. Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. — Нью-Йорк: ООН, 1979.
7. Абашидзе А., Дадзани Л. Защита прав национальных меньшинств — одна из основ демократии [Электронный ресурс]. URL: http://www.rau.su/observer/N16-17_94/16-17_09.htm.
8. Кечекьян С. Ф. Международно-правовая защита национальных меньшинств. — Баку, 1929.
9. Арентс Х. Истоки тоталитаризма. — М., 1996.
10. Иванов Л. Н. Лига Наций. — М., 1929.

Тарасенко Т. В., Тарасенко В. Е.

ОБРАЗЫ РОССИИ И ЯПОНИИ НА ПЛАКАТАХ И КАРИКАТУРАХ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Плакат, как известно, должен быть понятным и хорошо восприниматься зрителем, откликаться на актуальные темы. Поэтому с утратой актуальности он «теряет» и зрителя, так как спустя некоторое время образы, изображенные на плакате, становятся непонятными.

Если мы обратимся к российскому плакату времен Русско-японской войны, то изображения на нем условно можно разделить на 3 группы: 1) плакаты, на которых воспроизведены эпизоды военных действий, например, «Беспримерный бой "Варяга" и "Корейца" под Чемульпо»; 2) сатирические плакаты, на которых высмеивается японский император и его отношения с Великобританией и США, например, плакат 1904 г. «Японский император и его лукавые доброжелатели: Джон Булл и Дядя Сэм»; 3) плакаты, где представления о России (русском) или Японии (японце) носят метафорический, а порой и стереотипный характер.

Остановимся на последней группе плакатов. Чтобы понять изображения на российских плакатах времен Русско-японской войны, надо вернуться к истории взаимоотношений двух стран.

Представления русских о Японии в период с XVII в. по вторую половину XIX в. формировались на основании кратких, фрагментарных сведений о немногочисленных российско-японских контактах, которые, как правило, были непреднамеренными, случайными, тем более что на протяжении 300 лет Япония проводила политику строжайшей изоляции. В результате значительная часть издававшихся в России материалов о Японии до середины XIX в. представляла собой переводы западноевропейских публикаций.

В 1852 г. для установления дипломатических и торговых отношений с русским правительством в Японию была направлена экспедиция вице-адмирала Е. В. Путятина, деятельность которого завершилась подписанием в 1855 г. первого русско-японского договора — Симодского трактата.

Большое влияние на формирование образа Японии в России оказали очерки «Русские в Японии в начале 1853 и в конце 1854 гг.», принадлежащие перу русского писателя И. А. Гончарова, секретаря экспедиции Е. В. Путятина. Благодаря живости и доступности изложения они были очень популярны в русском обществе. Образ Японии в очерках И. А. Гончарова достаточно сложен и противоречив. С одной стороны, Япония предстает перед читателем в образе дряхлого старца, который движется медленно, черепашью шагом. По мнению писателя, причина этого — изоляция от внешнего мира, что делает страну беспомощной, лишает японцев элементарных перспектив развития. С другой стороны, писатель сравнивает японцев с детьми: как дети, они зачастую ленивы, непослушны, малообразованны, боятся всего нового, но и любопытны; как всем детям, им необходимо воспитание и твердая рука взрослых. Весьма показательны, что в роли учителей автор видит европейские страны. Писатель надеялся, что эту роль выполнит и Россия, и не хотел для Японии таких воспитателей, как «хитрые, неугомонные промышленники американцы» [2. С. 263]. Идеи, высказанные И. А. Гончаровым, перекликались с настроениями определенных слоев русского общества, видевших в Японии обширное поле для политической и культурной деятельности. Азия и азиатские народы в русском обществе того времени ассоциировались с отсталостью и немощью. В основе общепринятого взгляда как в России, так и в других европейских странах лежала уверенность в превосходстве и уникальности европейского пути развития. Представители русского общества единодушно заявляли о предназначении европейцев нести пользу человечеству, приобщая отсталые народы к просвещению.

Рис. 1. Воительница Афина и восточный змей

70—90-е гг. XIX в. в истории российско-японских отношений почти единодушно признаны исследователями «эрой добрых отношений». По сравнению с предшествующими годами именно в этот период XIX в. значительно увеличилось количество русских путешественников, побывавших в Японии. Итогом многих контактов стали дневники, путевые записки, значительная часть которых публиковалась на страницах русских газет и журналов. Авторы этих текстов принадлежали к различным слоям русского общества; степень их образованности и осведомленности была неодинакова, но эти материалы, являясь ценными источниками, позволяют проследить эволюцию представлений русского общества о Японии. Именно в эти годы формируется образ «Японии-ученицы», жадно впитывающей основы европейской цивилизации, что выгодно выделяет ее из остального азиатского мира, говорит о ее способности к восприятию европейской науки и культуры и тем самым сближает с цивилизованным миром. «В лице японского народа, — подчеркивает анонимный автор одного из очерков, — монгольская раса, видимо, выступает

на сцену всемирной истории в качестве доброго исторического деятеля. Коренные государственные реформы и заимствования от иностранцев всего хорошего с изумительной быстротой и легкостью следуют одно за другим. Тридцати пяти миллионный народ, как один человек, точно встал ото сна и принялся за наперед намеченную работу, и, точно наследник, по достижению определенного возраста вступающий во владение отцовским имением, полной горстью берет накопленные другими народами сокровища цивилизации» [3. С. 210].

Однако в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. положительный образ любознательной Японии-ученицы начал меняться. С одной стороны, сохраняется преемственность прежних представлений о возрождающейся Японии и положительно оценивается ее интерес к европейской цивилизации. С другой стороны, прежний оптимизм оценок сменяют настороженность и сарказм. Особое раздражение вызывает стремление Японии к самостоятельности как во внутренней, так и во внешней политике, причину чего находят и в избытке самомнения японцев, и в бездумном подражании негативным образцам западной культуры. Усиливается негативное отношение к происходящим в Японии переменам, в частности, к реформам периода Реставрации Мэйдзи.

У российского общества слова «Япония», «японец» стали вызывать, во-первых, ощущение угрозы, которую представляла собой стремительная модернизация Японии, ее возможное превращение во влиятельный центр азиатского мира; во-вторых, чувство пренебрежения и скепсиса, возникших из предубеждения в том, что японский народ неспособен развиваться самостоятельно.

Эти противоречивые, негативные представления о Японии преобладали в русском обществе до начала XX в. Именно эти стереотипы в восприятии Японии существенным образом сказались на дальнейших взаимоотношениях двух стран, предопределив выбор, сделанный русским правительством как во время Японо-китайской войны 1894—1895 гг., так и в последующее десятилетие. Военные столкновения начала XX в. усугубили негативное отношение русского общества к Японии и японцам.

Поэтому неудивительно, что Россия на плакатах времен Русско-японской войны представлена в образе мудрой воительницы богини Афины, побеждающей восточного дракона — Японию. Это

представление о России-наставнице, передающей европейские ценности и культуру ученице Японии, сформированное в 80-е годы XIX в. (рис. 1).

Другой образ, который активно эксплуатируется на плакатах Русско-японской войны, — образ былинного богатыря. Японцы на этих плакатах приобрели яркие монголоидные черты (что недвусмысленно отсылало зрителя к былинам и татаро-монгольскому нашествию), стали озлобленными желтыми карликами, пытающимися сражаться с доблестным былинным богатырем на белом коне — Россией (рис. 2).

В начале XX в. образ России (русского) в Японии также претерпел негативные изменения, связанные с переменой в политических отношениях между странами. Значительную роль в утверждении, распространении и закреплении образа коварной России играла пропаганда, намеренно проводимая японскими СМИ. Кроме того, был возрожден и гиперболизирован образ России как «угрозы с Севера».

На японских карикатурах времен Русско-японской войны Россия часто изображалась как опасное, агрессивное животное: осьминог, орел, тигр, медведь. Так, плакат «Юмористическое

Рис. 3. Россия в образе осьминога

Рис. 2. Желтые карлики и доблестный богатырь

изображение дипломатических связей в Евразии» был призван показать истинную природу и империалистические намерения России, дипломатические отношения которой, как щупальца огромного красного осьминога, захватывают все большее количество стран (рис. 3).

Осьминог не случайно изображался красным. До этих событий русских, пришедших с севера через Хоккайдо или Курильские острова, в Японии также называли *akahito* («красные люди»)

или *akaezo* («красные северные варвары») из-за того, что те были розовощекими и носили лисьи шубы. После экспедиции 1807 г. Хвостова и Давыдова (чьи фамилии стали в Японии символами жестокости, пиратства и воровства) русских стали называть *akaoni* («красные демоны»). Следует отметить, что в отличие от *akahito* и *akaezo*, которые были новыми словами для японского языка, слово *akaoni* лишь приобрело дополнительное значение «русские». Изначально в японской мифологии красный демон — *akaoni* — это демон, приносящий такие болезни, как оспа, скарлатина или корь, а также похищающий детей. Обычно он изображался как огромное страшное человекоподобное существо красного цвета с острыми когтями и клыками, длинными косматыми волосами и рогами на голове (рис. 4).

Истоки этих изображений станут понятными из осознания того, что восприятие японцами России было двойственным на протяжении всей истории взаимных контактов. Жители Японии традиционно испытывали к России целый комплекс противоречивых чувств. С течением времени образ северного соседа приобрел ряд неприглядных мифологизированных черт, а сама Россия до сих пор непопулярна среди японцев.

На протяжении периода Эдо с 1600 по 1868 г. Япония была закрытой страной, избегавшей каких-либо сношений с остальным миром. Россия стала единственной из западных стран, в которой японцам не только довелось побывать, но из которой они смогли вернуться: это были японские моряки и торговцы, попавшие в Россию в результате кораблекрушений у берегов Камчатки.

По сей день в Японии хорошо известны имена лейтенанта Давыдова и мичмана Хвостова, предпринявших в 1807 г. грабительские вылазки на территорию японской фактории на Курильских островах, чтобы отомстить за «унижение» России, выразившееся в отказе принять российское посольство во главе с Николаем Резановым. Население Японии не знает, что эти действия не были санкционированы российскими властями, а их исполнители — наказаны за самоуправство. По мнению Кимуры Хироси, «воздействие этого инцидента было настолько велико, что его нельзя оставить незамеченным. Он привел к росту русофобии» [5. С. 82].

Середина XIX в. стала ключевым моментом, когда образ России начал постепенно меняться в лучшую сторону благодаря деликатной русской

Рис. 4. Карнавальная маска красного демона

дипломатии, политическому и экономическому сотрудничеству двух стран и возросшему культурному обмену между Россией и Японией. В 1855 г. Япония разрешила русским создать в Хакодате первую дипломатическую миссию. Вскоре в этот город прибыл иеромонах Николай, ставший главой русской православной церкви в Японии. В 1867 г. епископ Николай приступил к переводу Библии на японский язык. Перевод Библии и развитие православной общины в Японии по сей день играют важную роль в культурном и духовном обмене между Японией и Россией. Как отмечал Т. Акидзуки, в период Эдо русские зачастую представлялись японцам гораздо более привлекательными, чем другие иностранцы, например, англичане или голландцы [1. С. 34]. Англичане казались «нечестными и своекорыстными», тогда как русские — «благородными и щедрыми аристократами». Многим японцам даже казалось, что методы освоения русскими Сибири несут пользу и просвещение туземным народам, и их должно брать как пример, не говоря уже о том, что многие мыслители, к примеру, Сакума Седзан и Екои Сенан, обращаясь к изучению истории России, однозначно видели в политике реформ Петра I образец для подражания.

Дружественные отношения между странами продолжались до Японо-китайской войны 1894—1895 гг., вернее, до так называемого тройственного вмешательства, когда Франция, Германия и Россия потребовали, чтобы Япония отказалась от своих завоеваний на Ляодунском полуострове, в том числе от Порт-Артура. Когда эти территории были переданы Китаю в аренду России, а в 1898 г. Порт-Артур стал русским портом, Япония восприняла произошедшее как тяжелый и оскорбительный геополитический удар: «Когда Россия присвоила себе преимущества и территории Манчжурии, от которых Япония была вынуждена отказаться, это болью отзывалось в сердцах японцев» [4].

В тот период в печатных СМИ Японии карикатуристы изображали Россию как тигра или медведя — животных, символизирующих угрозу. Япония считала свои опасения существующими, поскольку Россия медлила с выводом своих войск с территории Китая, введенных туда в 1900 г. для подавления Боксерского восстания.

В 1903 г. в Японии было образовано анти-русское общество Taigo doushi kai («Анти-русское сообщество»), которое пропагандировало необходимость войны с Россией и разжигало неприязнь и даже ненависть по отношению к русским.

Под предлогом «предотвращения угрозы» в январе 1904 г. Япония начала войну против России. 6 февраля 1904 г. дипломатические отношения были разорваны японской стороной. В этот период времени образ России снова начал переосмысляться как негативный, преимущественно из-за пропаганды, проводившейся СМИ и правительством.

Как известно, образы военного времени выражают враждебные чувства, ненависть, презрение.

Источники и литература

1. Акидзуки Т. Рассвет русско-японских отношений (Нитиро канкэй но рэймэй) / Тосиюки Акидзуки. — Токио, 1999.
2. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». — М., 1976.
3. Ермакова Л. М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. — М., 2005.
4. Макс-Клейн Джеймс Л. Япония. От сегуната Токугавы — в XXI в. — М., 2006.
5. Стрельцов Д. В. Образ России в современной Японии: факторы формирования. Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. — М., 2004.

В сатирических журналах того времени появилось множество карикатур, изображавших русских трусами, ворами, пьяницами и сластолюбцами.

Часто Россию изображали поверженной и осмеянной японскими солдатами или эпическими героями. Например, осенью 1904 г. журнал «Ниппонти» («Страна Япония») поместил 2 карикатуры художника Сюнко Накасимы. Одна из них называлась «Достижения домохозяйки. Страдания орла» и была опубликована 7 сентября 1904 г., т. е. через 5 дней после одной из успешных атак японцев на Ляоян. На карикатуре генерал Оку Ясуката в образе домохозяйки («оку-сан») держит за горло огромного орла, символизирующего Российскую империю, а генерал Куроки Тамэмото и японские солдаты ошипывают его. По форме поза орла напоминает Ляодунский полуостров: место, где разворачивались военные действия, а его клюв — гавань Порт-Артура. В карикатуре присутствует игра слов: фамилия генерала Оку записывается иероглифом оку («внутренний, сокровенный, глубокий, домашний»), также этот иероглиф является составной частью японского слова okusan, или okusama, что означает «жена, хозяйка».

Другая карикатура — «Неистовая сцена истребления тигра из Порт-Артура» — изображает героя спектакля Кабуки силача Ватоная, которому удалось победить тигра. Ватонай — герой пьесы японского драматурга Тикамацу Мондзаэмона «Битвы Консинга», описывающей завоевание Китая маньчжурами в 1644 г.

Итак, плакаты Русско-японской войны были отражением политической пропаганды в России и Японии того времени. На них эксплуатировались образы, сложившиеся за всю небольшую историю межгосударственных отношений двух стран.

Жулаева А. С., Луцаева Г. М.

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС В ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ НАЧАЛА XX в.

Начало XX в. стало для России периодом бесконечных потрясений: Русско-японская и Первая мировая войны, революции, Гражданская война, коренное переустройство общества, сопровождавшееся гибелью граждан. Несмотря на то, что в период всех войн, за исключением Гражданской, территория Восточной Сибири была глубоким тылом, данные события оказали огромное влияние на изменение привычного уклада жизни населявших ее людей.

Духовный мир крестьян Восточной Сибири складывался из многообразных противоречивых процессов различной масштабности и интенсивности. События октября 1917 г. положили начало формированию нового духовного мира граждан России. Более 900 лет духовный мир в стране основывался на религиозной вере, в особенности на православной. В послереволюционный период в основу новой государственной идеологии был положен атеизм. Кроме того, на эволюцию политического и общественного сознания крестьян оказали влияние войны, революция и голод. В 1920-е гг. в мировосприятии крестьян причудливым образом уживались старые и новые представления о мироздании. Основной массе сельского населения были присущи традиционная общекрестьянская идеология, в которой просматривались элементы языческих верований и современных религий, и неоднозначная реакция на идеологические реалии советской действительности. Отдельные компоненты новой идеологии воспринимались очень узким слоем крестьян.

Как правило, проявления традиционной идеологии в деревне не выступали в чистом виде, а элементы новой не являлись зрелыми и, тем более, завершенными. Традиции и новации сложно переплетались, но в целом к концу рассматриваемого периода традиционное крестьянское мировоззрение, подвергшись определенным изменениям и деформации, оставалось относительно монолитным, особым и своеобразным миром крестьянских ценностей. На состоянии крестьянской ментальности отразился

конфликт традиционных ценностей и обновленческих веяний. По мнению философа Ортеги-и-Гассета, «кризис наступает тогда, когда система убеждений прежних поколений теряет для новых поколений свою значимость, и человек оказывается без мира» [2. С. 15]. Он не знает, что думать о мире, что делать. Ситуация принимает для него характер катастрофы, так как разрушены мировоззренческие и поведенческие стереотипы, являющиеся основополагающими для жизнедеятельности человека.

Что же явилось основным движущим мотивом крестьянской революционности XX в.? Отторжение модернизации как таковой или конкретных форм, средств и способов ее проведения в крестьянских обществах? Если последнее верно, то крестьянство должно было проявить симптомы своей способности к преобразованиям, сигнализировать о желательной для него модели. Российское крестьянство в первые десятилетия нашего века обнаружило такие симптомы во всех сферах жизни. В различных районах восточносибирского региона разным было соотношение динамики и традиций, наблюдалась и неравномерность происходивших изменений. Старожилы и переселенцы, дети, молодежь, люди среднего возраста и старики, женщины и мужчины — все эти населяющие восточносибирскую деревню слои по-разному относились к происходившим в стране и регионе переменам, к процессу распада традиций и устоев, формированию нового образа жизни, вовлечению крестьян в общественно-политическую жизнь.

В качестве долговременной перспективы лидерами партии и государства выдвигалась задача создания нового типа культуры — культуры социалистической. Принципиальные установки в области культуры были сформулированы в Конституции РСФСР 1918 г. и в партийной программе РКП(б) 1919 г. Конституция законодательно закрепляла обязанность государства предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование. Главные принципы культурно-просветительной работы в деревне формировались в послереволюционный период исходя из тезиса свершения культурной революции на селе. Препятствием для культурно-просветительной работы в восточносибирской деревне являлось отсутствие материальной базы, опорных пунктов культуры. В центральных районах школы и клубы организовывались в бывших помещичьих усадьбах, в Восточной Сибири подобной возможности не было из-за отсутствия таких усадеб. Повышению общественно-культурной активности крестьян мешали бюрократические методы руководства, произвол чиновников и ориентация власти на не пользовавшиеся уважением у селян неимущие слои. Кроме того, общественно-культурные мероприятия нередко служили лишь идеологическим прикрытием очередного изъятия у жителей деревень произведенного продукта и проводились небольшой частью населения — беднотой и партийной молодежью.

Мировоззренческие стереотипы любого социального слоя включают взгляды его представителей на власть, то есть отношение как к местным органам власти, так и к государственной власти в целом. Отношение крестьян Восточной Сибири к политическому режиму в стране традиционно колебалось от призывов к безвластию, анархии до «подданнического» смирения и покорности авторитету высшей власти. Необходимо отметить, что крестьянские общественно-политические мировоззренческие стереотипы, а следовательно, и стереотипы поведения отличались по половозрастному признаку. Так, суть зреющего в начале 1920-х гг. в восточносибирском селе «конфликта поколений» заключалась в ширящейся пропасти между консерватизмом и традиционализмом старшего поколения и революционностью и новаторством молодежи, ставшей авангардом большевистской власти в силу своей психологической внушаемости,

мобильности, активности. Население таежных областей отличалось большей степенью радикализма, являясь социальной базой нового режима, что подтверждается расположением очагов партизанского движения в Восточной Сибири в период Колчака. Здесь в основном расселились переселенцы, не успевшие хозяйственно окрепнуть к началу 1920-х гг. на своей новой малой родине. В середине 1920-х гг. социальные обследования деревни следующим образом характеризовали особенности социально-психологического облика двух рассматриваемых групп населения: «Старожилы настроены выжидательно, иногда говорят, что сибирякам стало тяжелее, чем до революции. Новоселы настроены безоговорочно советски. Они испытали власть помещиков, они знают, что такое малоземелье, смысл революции для них понятнее, результаты нагляднее. Из новоселов были в основном партизаны и сейчас их больше в партии» [3. Л. 2—126]. В целом руководители партии и государства умело использовали радикализм «низов», манипулируя «левацкими» настроениями определенной части сельского населения, которая включала в себя молодежь, бедноту, бывших красных партизан.

В период перехода общества от гражданской войны к мирной жизни крестьяне Восточной Сибири в крайне расплывчатых формах воспринимали идеи коммунизма. Но они без всякого сопротивления, охотно предоставляли будущий коммунистический строй своим детям, а еще лучше — внукам. Анализ массовых источников по восточносибирскому региону начала 1920-х гг. также подтверждает, что «отношение крестьянства к компартии и советской власти в целом удовлетворительное, к местным же организациям — отрицательное»; «деревенская ячейка противопоставляется партии в целом, так же как местная власть — РИК и сельсовет — противопоставляются советской власти» [4]. Кроме того, традиционными чертами крестьянского сознания являлись, во-первых, вера в высшую справедливость и защиту, носителем которых считалась верховная власть в лице царя; и, во-вторых, недоверие к чиновничеству, местным инстанциям, обманывающим народ. Поэтому злоупотребления на местах и в городе, грубость и самоуправство уполномоченных, противоречивость в распоряжениях «сверху», бесхозяйственность и несуразные действия агентов продкома вызвали возмущение большее, чем даже разверстки

и повинности. Партийные ячейки на местах бездействовали, рассуждая так: «Все равно Советской власти ничего не будет, а вот себе-то врага наживешь». Крайнее возмущение вызывали у крестьян частные случаи пьянства, воровства, взяточничества и аморального поведения членов сельских ячеек РКП(б) [1. С. 4—21].

Недовольство у крестьян вызывало и налоговое обложение. Оно выражалось в их отказе от выполнения разверсток и трудовых повинностей. Свое поведение сельские жители мотивировали либо тем, что хлеб и скот, которые могут быть сданы, уже взяты Колчаком, Красной Армией, бандитами, либо отсутствием телег для перевозки, либо угрозой голода. Экстремизм части общества, порожденный войной, дополнялся широким распространением у другой части крестьянства противоположного явления. Основная масса деревенского населения устала от войны, насилия и разорения и, как сообщают архивные источники, в следующую мобилизацию идти воевать не собиралась [6. Л. 25]. Большинству крестьян по самой их природе было все равно, какая власть, красная или белая, лишь бы она не мешала им сеять, жать и продавать хлеб. Именно поэтому в крестьянской среде в первой половине 1920-х гг. определенное распространение получили анархические идеи.

Общественно-политические стереотипы крестьян первой половины 1920-х гг. включали отождествление верховной власти с ее лидерами. Крестьянские чаяния, мечты, просьбы направлялись к В. И. Ленину лично. Искренняя любовь к вождю части сельских жителей сочеталась подчас с его обожествлением. Культ Ленина стал важным компонентом в формировании нового политического сознания крестьян. Массовые письма свидетельствуют о неподдельном горе, охватившем значительную часть сибирского крестьянства в связи со смертью вождя.

В середине 1920-х гг. существовали районы и группы населения, где традиционный уклад сохранялся более успешно, чем в других. Осторожность и недоверие части крестьян к чуждым их традиционной природе новациям, насаждаемым «сверху», защищали исконные ценности данного социального слоя от авантюризма и перегибов большевистской власти. Проявление консерватизма крестьян подчас преувеличивалось источниками официальной власти. Расценивая осторожность и традиционализм деревенского населения как фактор, тормозящий

восстановление аграрного сектора экономики, власть тем самым оправдывала свои репрессии и усиление тоталитарного нажима на селе.

Таким образом, в восточносибирской деревне наблюдались все типы политической культуры: патриархально-традиционная, подданническая и активистская. Отношение крестьян к власти зависело от аграрной политики последней. На разверстку крестьяне ответили массовым сопротивлением, включая вооруженные выступления.

Воздействие неблагоприятных внешних (политических и экономических) факторов на образ жизни и хозяйственный уклад крестьян в Восточной Сибири вело к обострению религиозных настроений и чувств. Религия дает выход и утешение — в этом причина распространения в первой половине 20-х гг. XX в. в восточносибирском регионе религиозных сект. В то же время значительная часть крестьян сохранила традиционную православную веру, неразрывно связанную с исконной земледельческой моралью и трудовой этикой. Религиозное сознание являлось стержнем всей системы традиционного крестьянского мировоззрения, а религиозное поведение — основой образа жизни и бытия земледельца. В то же время для восточносибирского крестьянина была характерна полусознательная вера — «детская религиозность», сочетавшаяся с языческими представлениями и суевериями. Отход сельского населения от православной веры нельзя воспринимать как какой-то «скачок» в безрелигиозное состояние. Изменения в отношении к религии проявлялись, прежде всего, в отрицании внешней символической стороны (иконы, обряды, праздники и т. п.). Постепенное падение традиционной христианской веры вело к разрушению целостности крестьянского миропонимания, к потере нравственных ориентиров и, как следствие, готовило почву для восприятия крестьянством в качестве религии новой коммунистической идеи. В целом религиозность крестьян, являясь частью их образа жизни, определяла общую социально-культурную направленность мировоззрения и поведения, колеблющихся от скептицизма к окружающей жизни, аполитизма и апатии до религиозно-сектантского или революционно-коммунистического фанатизма. В первой половине 1920-х гг. крестьянские представления о добре и зле, вере и безверии, порядке и анархии, а также о божественности царской власти, законе, справедливости, правде

претерпели серьезную деформацию, трансформировавшись в специфическое мироощущение, сочетающее черты традиционной крестьянской психологии и новой коммунистической морали.

Все эти изменения, естественно, не могли не затронуть важнейший социальный институт, каковым является семья. Возвращаясь с фронтов, мужчины несли домой ценности и понятия военного времени: безверие, цинизм, отход от земледельческого труда и семьи. Потрясения военного времени разрушали традиционную иерархию внутри крестьянской семьи, подрывая авторитет главы семьи, усугубляя проблему «отцов и детей». Деорганизация внутри крестьянской семьи первой половины 1920-х гг. стала следствием разрушения традиционных земледельческих ценностей и трудовой крестьянской этики. Проявлением семейной деорганизации явилось распространение в среде крестьян свободных добрых отношений, внебрачных связей и разводов и, как следствие, рост абортотворения и венерических заболеваний. Хозяйственный раздел, обнищание стали следствием распада большой патриархальной семьи, хотя традиционный патриархальный семейный уклад еще сохранялся не только в отдельных семьях, но и в целых селах и районах, особенно в удаленных от железных дорог и городских торгово-промышленных центров. На семейно-бытовой уклад влияли традиции и обычаи конкретной деревни. Поэтому в Восточной Сибири встречались рядом деревни «пьяные» и «трезвые», «разгульные» и строго соблюдающие семейную нравственность, православные, сектантские и атеистические.

Изучение стереотипов мировоззрения и поведения восточносибирских крестьян позволяет

выделить несколько характерных особенностей. В отличие от европейского крестьянина, сибиряку были свойственны большая самостоятельность, способность адаптироваться в трудных природно-географических условиях, умение сочетать черты коллективиста-общинника и индивидуалиста-собственника. Суровые природные условия Восточной Сибири вынуждали крестьян держаться «миром» с целью оказания взаимопомощи. В то же время богатство, собственность, нажитые трудом крепкой крестьянской семьи, пользовались наибольшим уважением у сельских жителей. А «лодырь», «лентяй» и «бедняк» являлись для восточносибирских крестьян понятиями одного ряда, синонимами. Изменения, произошедшие в мировоззрении и поведении сельского населения, в хозяйственном и семейно-бытовом укладе восточносибирских крестьян и в целом в образе жизни селян под воздействием проводимой советской властью в первой половине 1920-х гг. внутренней политики, характеризовались тенденциями, присущими всей стране. Специфика же этих процессов определялась особенностями природно-географического, имущественного положения сельского населения Восточной Сибири, его исторического опыта.

Таким образом, в изучаемый период в восточносибирской деревне было заметно преобладание традиционного образа жизни над пропагандируемым властью. Смыкание интересов власти и народа шло главным образом на почве борьбы с социальными язвами (пьянство, хулиганство, уголовный бандитизм и прочее). Крестьянина как практика меньше интересовали проблемы, не касавшиеся сферы его жизнедеятельности.

Источники и литература

1. Бюллетень ЦКК РКП (б) и НК РКК СССР. — 1925. — № 6.
2. Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Вопросы философии. — 1989. — № 4.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 604.
4. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 658. Л. 264.
5. Хатаевич М. О проверке деревенских ячеек РКП(б) // Деревенский коммунист. — 1925. — № 17/18. — С. 21.
6. ГАО. Ф. 878. Оп. 2. Д. 17.

Кудряшов В. В.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В СИБИРИ И МИРОВАЯ ВОЙНА

В годы Первой мировой войны Сибирь была местом, где различные политические силы вели идейно-политическую борьбу по вопросам отношения к войне. Ситуация осложнялась тем, что в самых разных сибирских регионах в это время пребывала в ссылке наиболее активная и авторитетная часть леворадикальных политических партий, находившихся в непримиримой оппозиции к царскому правительству и не признававших социально-экономическую и политическую системы России.

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 г., стала серьезным испытанием для международного социалистического движения. Лозунг пролетарского интернационализма, объединявший социалистические и рабочие партии, многими лидерами был забыт. Патриотические чувства неожиданно оказались присущи пролетариату. Как справедливо отмечал С. В. Тютюкин: «Существенные различия в уровне сознания отдельных слоев пролетариата, влияния на него господствующих классов, а также мелкой буржуазии, с которой он был связан тысячами нитей, — все это приводило к тому, что при отражении отношения рабочих к войне как величайшему народному бедствию позиция различных групп трехмиллионного пролетариата (не говоря уже о всех 18—20 миллионах наемных рабочих) по вопросу о защите отечества отнюдь не была и не могла быть однозначной» [17. С. 77]. Вопрос об отношении к войне привел к расколу в политических партиях пролетариата.

Данный вопрос не раз становился предметом специальных исследований в советский период, начиная с анализа деятельности Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В результате в советской историографии темы прочно утвердилась точка зрения о единственно верной позиции по отношению к войне, которую разделяла партия большевиков.

В отношении других партий история вопроса и его оценки напрямую связаны с господствовавшими на разных этапах идеологическими установками. Пристальное внимание уделялось разоблачению меньшевиков. П. У. Петров указывал: «Меньшевики везде, в том числе и в якутской ссылке, были оборонцами. Из якутских

ссыльных только большевики были пораженцами» [16. С. 110]. Но Е. М. Ярославский писал о многочисленности группировок среди ссыльных меньшевиков в якутской ссылке, многие из которых стояли на позициях пораженчества [19. С. 31—32].

Авторы «Истории Сибири» указывали на многообразии политических направлений и идейно-политическую борьбу среди ссыльных, но отказывались рассматривать позитивную сторону деятельности меньшевиков в объединенных социал-демократических организациях Сибири. Особенно ярко это проявилось при характеристике отношения меньшевиков к войне. Авторы «Истории Сибири» и «Очерков по истории Иркутской организации КПСС» Ф. А. Кудрявцев и Г. А. Вендрих называли известных меньшевиков И. Г. Церетели, Н. А. Рожкова, В. С. Войтинского и других «оборонцами». В то же время эти исследователи считали вышедшие при активном участии тех же меньшевиков «Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение» яркими антиоборонческими изданиями.

Несмотря на идеологическое давление, появлялись исследования, в которых авторы доказывали, что положение в социал-демократических организациях Сибири было более сложным. В. Сафронов, изучив деятельность социал-демократов в Енисейской ссылке, пришел к выводу, что в вопросе об отношении к мировой войне среди меньшевиков единства не было: часть из них встала на позиции оборончества, часть — интернационализма [8. С. 98].

Пристальное внимание в 1970—80-е гг. исследователи сибирской ссылки обращали

на идейно-политическую борьбу ссыльных большевиков с меньшевиками, эсерами, анархистами. В целом, признавая размежевание среди ссыльных в годы Первой мировой войны, ученые не ставили своей задачей изучение идейных позиций противников большевиков.

Подробный анализ исторической литературы об отношении социал-демократии к войне был дан В. В. Буханцовым. В обстоятельной статье автор отметил позитивные моменты в изучении темы и противоречивость оценок позиции отдельных представителей ссыльной социал-демократии в вопросе о войне.

В годы войны в меньшевизме обозначились 3 направления. Патриотическое, или оборонческое, возглавил Г. В. Плеханов. Он считал виновниками войны Германию и Австро-Венгрию, а союзников России по Антанте — Англию и Францию — защитниками «интересов международного пролетариата и социального прогресса». Россию Плеханов видел исключительно обороняющейся страной и полагал, что поражение ее в войне отрицательно скажется на «дальнейшем ходе русского экономического, социально-политического (по пути к конечной цели нашей партии — демократической республике) развития» [1. С. 353]. Осенью 1915 г. Плеханов написал воззвание «К сознательному трудящемуся населению России», которое получило одобрение со стороны царских властей. «Первый русский марксист» откровенно призывал к гражданскому перемирию в стране, рекомендовал рабочим «отвергнуть как неразумную... всякую вспышку и всякую стачку, способную ослабить силу сопротивления России неприятельскому нашествию» [11. С. 246]. Фактический призыв Плеханова к поддержке интересов буржуазии и правительства в войне не получил одобрения среди оборонцев и заставил некоторую их часть перейти к идее «самозащиты», то есть передачи дела обороны из рук царизма в руки русской демократии, включая пролетариат и буржуазию.

Меньшевики-центристы осудили войну, расценив ее как борьбу великих держав за передел мира. Заявляя о своей приверженности принципу пролетарского интернационализма, выступая за скорейшее заключение справедливого мира, они были противниками каких-либо активных массовых действий.

Лидером интернационалистического направления в меньшевизме был Ю. О. Мартов. Войну он определил как «порождение империалистического непримиримого антагонизма». Война, по его мнению, обострила внутренние противоречия в развитых капиталистических государствах и создала предпосылки новой революции. Демократическая революция в России, считал он, возможна в рамках мировой антиимпериалистической революции [1. С. 359—368].

Среди ссыльных меньшевиков в Сибири были представители всех течений. О своей позиции они заявляли в легальной и нелегальной печати, она проявлялась в отношении к революционной деятельности в составе объединенных организаций РСДРП.

Оборонцы составляли меньшинство. Их позиция нашла отражение на страницах газеты «Минусинский листок», которую фактически редактировал ссыльный меньшевик М. И. Хачатуров. Материалы газеты внушали читателям мысль, что правительство необходимо поддерживать, чтобы выиграть войну. Оборонцы оправдывали увеличение налогового бремени, считали возможным привлечение в состав правительства и к делу организации обороны представителей социалистических партий. Меньшевики-оборонцы поддержали идею создания военно-промышленных комитетов. А. В. Байкалов и Либман вошли в состав Красноярского ВПК. Ряд ссыльных Минусинска, Иркутска, Киренска, Манзурки приняли участие в сборе средств для русских волонтеров во Франции. Некоторые административно-ссыльные меньшевики были приняты на военную службу и зачислены в Сибирский стрелковый запасный полк [18. С. 127—128].

Позиции ссыльных центристов были неоднородны, порой непоследовательны. Они в своих взглядах на войну сближались с интернационалистами. К. М. Ермолаев в письме, направленном из Минусинска в Петроград в сентябре 1914 г., отмечал, что с началом войны «создалось такое сложное положение, переплелось и перепуталось столько разнообразных политических тенденций, что не мудрено даже самое крайнее разномыслие среди вчерашних полных единомышленников» [2. Ф. 827. Оп. 1. Д. 363. Л. 51]. Он считал, что «война должна вызвать переворот во всех странах. Империализм будет поражен не победой, а общими последствиями войны» [2. Ф. 827. Оп. 1. Д. 363. Л. 51].

Самым ярким примером приверженности ссыльных меньшевиков принципу пролетарского интернационализма стали «Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение», вышедшие в свет по инициативе Иркутского комитета РСДРП. Политическую линию журналов определял И. Г. Церетели. Литературную группу составили меньшевики В. С. Войтинский, Н. А. Рожков, С. Л. Вайнштейн, Ю. С. Вайнберг, Ф. И. Дан, большевик Н. Г. Чужак. Задачей журнала определялось научное исследование «вопросов, настойчиво требующих скорейшего разрешения» и объединение народов против войны [13. С. 116—130]. В. С. Войтинский охарактеризовал войну как «чудовищную мировую катастрофу», назвав ее экономические причины. Он пришел к выводу, что война есть «законное детище капиталистического хозяйственного строя, положившего в основание всех взаимоотношений между людьми и между государствами эксплуатацию и соперничество» [4. С. 14—20].

В. С. Войтинский проанализировал настроения в различных кругах в связи с войной. Он раскрыл реакционную сущность политики правящих кругов России, которые стремились скрыть истинные причины войны и оправдать свою агрессивную политику. Автор подчеркивал, что лозунги и призывы монархистов и кадетов к единению и патриотизму выгодны только буржуазии, которая стремится извлечь максимальную прибыль в условиях войны. Войтинский считал, что объединение сторонников феодально-крепостнических порядков («Святой Руси») и носителей новых капиталистических ценностей («Великой России») будет иметь кратковременный характер. Такое объединение экономического прогресса с подавлением демократии автор назвал «помесью паука и жабы». Он полагал, что иллюзии начального периода войны неизбежно будут развеяны тяготами, которые буржуазия и правящие круги переложат на плечи трудящихся масс. Войтинский поддержал позицию и декларацию социал-демократической фракции в Государственной думе, которая заявила, что не может быть единения народа с властью в условиях отсутствия свободы и демократии.

Политический ссыльный Н. А. Рожков, рассмотрев состояние хозяйства в условиях войны, доказывал, что в России нарастает экономический кризис, что сказывалось на положении пролетариата и крестьянства. Анализируя причины

втягивания России в войну, Н. А. Рожков справедливо определил, что к такому шагу правительство толкнула буржуазия, стремившаяся заполучить большую прибыль. Рожков видел главную причину войны в экономическом противоборстве Германии и Англии, а противостояние между другими государствами считал дополнением к основному конфликту. Выход из войны Рожков видел в глубоких хозяйственных и социальных реформах на пути к демократизации российского государства.

О причинах и характере начавшейся войны высказался на страницах «Сибирского обозрения» Ф. И. Дан. Он сравнил Русско-японскую и начавшуюся мировую войны, их влияние на социально-экономическое и политическое развитие России. По мысли Ф. И. Дана, за 10-летие после Русско-японской войны интересы буржуазии и дворянства значительно сблизились, что нашло свое отражение как во внутренней, так и во внешней политике. С. Л. Вайнштейн отметил, что война на время отвлекла рабочих от революционной борьбы, но не прекратила ее, так как задачи русской революции остались нерешенными. Он заявил, что «виден путь решения» [5. С. 11—20].

На страницах иркутских сборников нашел отражение национальный вопрос, который обрел особую значимость для многонациональной Российской империи с началом войны. Война спровоцировала волну еврейских погромов в западных областях России. Ю. С. Вайнберг пришел к выводу, что права малых народов попираются в угоду классовым экономическим интересам буржуазии. Решение еврейского вопроса А. Я. Горнштейн видел в победе демократических сил во главе с пролетариатом в России, а лучшим выходом для Польши — предоставление ей автономии [5. С. 47—54].

Ссыльный И. Г. Церетели рассмотрел позиции различных групп международной и российской демократии в первые месяцы войны. Церетели считал, что левые социал-демократы в преддверии войны допускали серьезную ошибку, не поддерживая демократические силы в борьбе с гонкой вооружений, за разоружение. Он подверг критике позицию правых социал-демократов, которые видели в борьбе мировых держав за колонии прогрессивное развитие капитализма. Церетели полагал верной позицию большинства II Интернационала, которое

поддерживало борьбу за полную демократизацию государственного строя и самоопределение наций. И. Г. Церетели считал, что в условиях шовинистического угара, характерного для начального периода войны, революционные действия нецелесообразны. Он верил, что отступление партий II Интернационала от принципа пролетарского единства носит вынужденный и временный характер, и перелом в сознании рабочего класса обязательно произойдет.

И. Г. Церетели подверг критике взгляды Г. В. Плеханова, «к голосу которого демократия привыкла прислушиваться с особым вниманием» [5. С. 38]. Соглашаясь с Плехановым в оценке развития демократических прав и свобод в Англии и Франции, Церетели считал, что война остановила эти страны на пути прогрессивного, демократического развития. Поэтому главным условием дальнейшего совершенствования демократии он видел решительную борьбу с войной, скорейшее установление мира. Церетели считал, что в развязанной войне много виновных, что каждая из великих держав стремилась к войне ради захвата и эксплуатации новых территорий. Важным представляется вывод Церетели о том, что совместное выступление большевиков и меньшевиков в Думе глубоко символично и подчеркивает необходимость единения партии в новых исторических условиях. Позднее, сразу после февральских событий 1917 г., развивая идею единства РСДРП, он полагал, что «пути развития революции еще далеко не определены, что от большевиков зависит — предотвратить гражданскую войну или толкнуть страну к анархии, что реальная роль большевизма определится только тогда, когда в Россию возвратится Ленин» [7. С. 41—42].

Иркутские сборники привлекли внимание общественности. В них получили теоретическое обоснование и большую четкость антивоенные настроения. Сборники стали известны в Центральной России и за границей. Ю. О. Мартов назвал иркутские журналы «светлой точкой среди серой русской периодической прессы наших дней. Да и одной ли русской? В социалистической печати других, кроме России, воюющих стран мы также не много найдем изданий, с такой ясностью и решительностью выразивших социалистическую точку зрения на войну, как это сделал орган сибирских товарищей» [14. С. 211].

Антивоенную направленность имела газета «Забайкальское обозрение», которую в 1915 г. редактировал Н. А. Рожков. К сотрудничеству в ней он привлек политических ссыльных из Иркутска, которых хорошо знал по совместной работе. Политические ссыльные определили содержание и тон газетных материалов. Их публикации способствовали распространению антивоенных настроений по Восточной Сибири.

В состав редакции входили как большевики, так и меньшевики. По отдельным вопросам между ними вспыхивали споры. Острая дискуссия возникла вокруг воззвания Г. В. Плеханова. По настоянию читинских меньшевиков А. А. Войлошникова, Б. О. Хеладзе и некоторых других членов редакционного коллектива оно было напечатано 26 октября 1915 г. Затем редакция поместила ряд материалов с критикой позиции первого русского марксиста. Среди политических ссыльных, осудивших взгляды Г. В. Плеханова на страницах «Забайкальского обозрения», были большевики В. Н. Соколов и Е. Преображенский, меньшевики Ю. С. Вайнберг, Н. А. Рожков, В. С. Войтинский.

Отбывавший ссылку в Минусинске Ф. И. Дан подверг критике оборонческую позицию Г. В. Плеханова, противопоставляя ей интернационалистическую. Ф. И. Дан выступил с инициативой воззвания к русским рабочим и получил поддержку. Свои подписи под документом, направленным в Париж, поставили меньшевики Е. Л. Бройдо, К. М. Ермолаев, М. И. Хачатуров, большевик А. П. Голубков и другие. Декларация минусинской группы ссыльных революционеров стала предметом обсуждения на собрании социал-демократов Красноярска в ноябре 1915 г. Активное участие в обсуждении приняли ссыльные меньшевики Я. Х. Боград, В. И. Николаев, большевик А. Шлихтер и другие. Документ получил одобрение и поддержку живших в Красноярске революционеров [2. Ф. П-42. Оп. 7. Д. 4. Л. 12]. Я. Х. Боград подготовил лекции «Похороны социализма» и «Кто такой Плеханов и почему его так хвалят буржуазные партии», с которыми выступал перед рабочими и ссыльными. Лекции пользовались неизменным успехом.

Против социал-шовинистических взглядов Г. В. Плеханова выступил А. А. Иоффе, находившийся в ссылке в с. Абан Канского уезда Енисейской губернии. В январе 1916 г. он направил письмо и статью в редакцию самарской

газеты «Наш голос». А. А. Иоффе подчеркнул, что при всех условиях для пролетариата «есть путь непримиримой, ни на секунду не прекращаемой, ни на момент не затемняемой классовой борьбы». Только на этом пути, полагал автор, пролетариат сможет достичь своей цели [9].

По некоторым позициям в вопросе о войне к социал-демократам примыкали ссыльные бундовцы и эсеры. Основное внимание бундовцы уделяли возможности разрешения еврейского вопроса в России. Осознавая слабость своих позиций, они начали теснее взаимодействовать с меньшевиками, что можно расценивать как положительный фактор в сплочении революционных сил. Неоднозначным было отношение к войне среди ссыльных эсеров. Сильные позиции имели оборонцы в Иркутске. Они считали «всякую подпольную работу безнравственной» в условиях войны, фактически выступая в поддержку правительства. Центристы во главе с А. Р. Гоцем и Е. М. Тимофеевым, правильно указав на причины войны, видели выход в «демократизации самой государственности» не только России, но и всех воюющих стран. Эсеры-интернационалисты в многочисленных листовках призывали к прекращению войны и установлению справедливого мира, превращению «мировой войны в революцию» [18. С. 132—134].

Источники и литература

1. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 г. — М., 1996.
2. Государственный архив Красноярского края.
3. Забайкальское обозрение. — 1915—1916.
4. Сибирский журнал. — 1914. — № 1.
5. Сибирское обозрение. — 1915. — № 1.
6. Буханцов В. В. Историческая литература об отношении ссыльных социал-демократов к мировой империалистической войне // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1989. — Вып. 1.
7. Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений / под ред. Ю. Г. Фельштинского. — Benson Vermont, USA, 1990.
8. Горенский М., Кудрявцева А., Сафронов В. Между двумя революциями: Очерки истории Красноярской большевистской организации. 1907—1917 гг. — Красноярск, 1960.
9. Из истории социал-демократической интернационалистской мысли во время войны // Красная летопись. — 1924. — № 1.
10. История Сибири. Сибирь в эпоху капитализма. — Л., 1968. — Т. 3. — 530 с.
11. История политических партий России. — М., 1994.
12. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск: Очерки по истории города. — Иркутск, 1971.

С затягиванием войны и нарастанием экономических трудностей в России общественно-политические настроения в обществе все более радикализировались. Не обошла эта тенденция и ссылку. «Ссылка повсеместно исключительно пораженческая», — констатировал в 1916 г. начальник Енисейского жандармского управления [2. Ф. 827. Оп. 1. Д. 282. Л. 11].

Политические ссыльные при отсутствии прочных связей с партийными центрами вынуждены были самостоятельно определять свое отношение к войне. Ограничения в общении с границей с началом военных действий затрудняли идейное самоопределение. На формирование позиций ссыльных революционеров влияние оказала их прежняя партийно-фракционная принадлежность. Важную роль в определении отношения к мировой войне ссыльных и местных социал-демократов сыграли известные организаторы и теоретики РСДРП. Они приняли самое активное участие в создании, издании, редактировании и распространении газет и журналов антивоенного направления. Ссыльные социал-демократы сумели правильно раскрыть экономические и политические причины Первой мировой войны, ее характер. Идеиные позиции большинства политических ссыльных были близки, что создавало благоприятные условия для дальнейших совместных выступлений под общим знаменем революционных сил.

13. Кудряшов В. В. Большевики в восточносибирской ссылке (1907 — февраль 1917 г.). — Братск, 2008.
14. Левин Ш. М. Социалистическая печать во время войны // Красный архив. — 1922. — № 2.
15. Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Ч. 1. 1901—1920 гг. — Иркутск, 1966.
16. Петров П. У. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. — Якутск, 1952.
17. Тютюкин С. В. Война, мир, революция: Идеиная борьба в рабочем движении России: 1914—1917 гг. — М., 1972.
18. Хазиахметов Э. Ш. Из истории идейной борьбы среди политических ссыльных Сибири в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX — февраль 1917 г.). Вып. 5. — Иркутск, 1980.
19. Ярославский Е. Накануне февральской революции в Якутске // В якутской неволе: Из истории политической ссылки в Якутскую обл. / Сб. якутского землячества. — М., 1927.

Шевелев Д. Н.

КОНЦЕПТ «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ (июнь 1918 — декабрь 1919 г.)

Переломные периоды в жизни любого общества всегда вызывали и вызывают повышенный интерес исследователей. В такие ключевые моменты истории старый привычный мир рушится, ему на смену приходят новый социальный порядок, новые социальные институты и практики. Прежние механизмы общественной интеграции перестают работать, уступая место новым коллективным идентичностям.

Одной из таких переломных в отечественной истории эпох являлась революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война. За короткий период на территории бывшей Российской империи образуется несколько правительств, а в политическом поле начинают конкурировать различные «рецепты спасения» — концепции выхода из кризиса, стабилизации положения и перехода к новой модели развития.

В результате сложного взаимодействия государственной власти в лице антибольшевистских политических режимов, сменявших друг друга на востоке России на протяжении второй половины 1918 — начала 1920 г., и общества здесь сформировался свой специфический политический дискурс (или, вернее, дискурсы), своя особая политическая лексика и правила ее употребления. Дискурс в данном случае — это не только особый способ организации речевой деятельности, но и особый способ понимания и интерпретации окружающего мира, социальной и политической действительности. Учитывая усталость общества от войны, политическую пассивность и преобладание обывательских настроений среди значительной части населения, правительствам противоборствующих сторон необходима была действенная система мер идейной мобилизации.

Политическая идеология имеет сложную структуру. Как теоретическое построение она содержит в себе смысловые и ценностные компоненты — концепты. Известный отечественный лингвист Владимир Ильич Карасик определил концепты как «ментальные образования,

которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые, осознаваемые, типизируемые фрагменты опыта» [1. С. 24]. В структуре концепта можно выделить ценностный, образный и понятийный элементы [2. С. 91].

Политическая пропаганда антибольшевистских правительств востока России активно использовала запечатленный в памяти и зафиксированный в непосредственном жизненном опыте подвиг солдат и офицеров российской армии на полях сражений Первой мировой войны. Само участие России в войне, жертвы, которые принесла она на алтарь общей победы, рассматривались как своеобразный символический капитал, особый ресурс, которым антибольшевистские силы могут воспользоваться в мобилизационных целях в настоящем.

Для того сообщества, которое мы можем обозначить как «антибольшевистское движение», образ России в великой войне был двойственен, а оценки ее участия и вклада в достижение общей победы — неоднозначны. С одной стороны, если воспользоваться терминологией такого направления, как *memory studies*, это образ триумфальный. Согласно господствующим в среде участников антибольшевистского движения представлениям, Россия в этот период сильна и едина, она плечом к плечу со своими союзниками сражается с Германией, олицетворяя противостояние европейской «цивилизации» новому «варварству», не раз спасая союзников. С другой стороны, это образ травматический: пусть не по своей воле, но Россия предала союзников.

С этой точки зрения Брестский мир рассматривался как величайший национальный позор.

В то же время правительство адмирала А. В. Колчака надеялось, что союзниками не будут забыты «великие усилия» России, «приложенные ею к общему делу», «ее бесчисленные кровавые жертвы», и их по достоинству оценят. В результате Россия сможет достойно предстать на «мирном конгрессе, где будут подводиться итоги войны», что позволит ей вновь занять место великой державы. В опубликованной в начале декабря 1918 г. правительственной декларации «Об окончании войны против Германской коалиции» говорилось: «Надломленной исключительными тягостями длительной борьбы, России не суждено было остаться в рядах союзников до счастливого дня победы. Но, вместе с союзниками, она празднует эту победу, ожидая ее благодетельных результатов для всего мира и для исстрадавшегося русского народа... Российское Правительство в сознании того, что союзные державы руководятся великими идеалами гуманности, справедливости и международной солидарности, с признательностью примет их содействие в трудах своих по воссозданию России, ибо Россия не должна оставаться в современном ее состоянии, угрожающем цивилизованному миру новыми великими потрясениями и длительным лишением утомленных народов благ мирной жизни, а победителей — плодов их подвигов» [3. 10 дек.].

Рассмотрим основные стратегии репрезентации смысловых и ценностных компонентов концепта «Первая мировая война» в политической пропаганде антибольшевистских правительств востока России.

Антигерманская направленность сибирского правительства начала проявляться еще в его подпольный период. В одном из интервью госсекретаря Временного правительства автономной Сибири В. И. Моравский заявил: «Для отвращения германских сил с западного фронта и для предотвращения германизации Сибири, могущей безмерно усилить Германию, союзникам необходимо создать Уральский фронт, и тут нам вполне по пути с ними» [4. С. 134].

Летом 1918 г., очерчивая круг задач, стоявших перед молодой Сибирской армией, периодическая печать основной упор делала на предстоящем восстановлении Восточного фронта и продолжении войны с Германией. Именно

«тевтоно-мадьярские орды» центральных держав представляли в образе главного врага омского правительства и Сибири в целом. Большевики же рассматривались как подчиненная и послушная воле Германии сила. «Не надо закрывать глаз на то, что, вступая в открытую борьбу с советской властью, — отмечала томская “Заря”, — Сибирь с Временным сибирским правительством во главе входит в прямое столкновение с германским империализмом. Выступление Сибири — прямая угроза германскому владычеству в России. В этом отношении Германия, конечно, всеми силами будет поддерживать своего позорного вассала — советскую власть против активного выступления автономной Сибири, опирающейся на поддержку противогерманской коалиции. Это нужно твердо помнить... На полях Сибири разыгрывается новая фаза мировой войны, начавшейся в 1914 г. Недаром на стороне советских войск в Сибири сражаются пленные мадьяры и немцы, в рядах войск Сибирского Временного правительства — чехословацкие отряды, направляющиеся на англо-французский фронт».

Однако вплоть до начала августа 1918 г. Сибирское правительство воздерживалось от официальных заявлений относительно как Германии, так и бывших союзников России по Антанте. Такая осторожность в оценках Брестского мира, как указывал в своем дневнике премьер-министр П. В. Вологодский, была связана с тем, что возглавляемое им правительство «на первых порах решило не фрондировать по этому поводу, а выждать проявления определенных последствий этого мира». Однако, как пишет далее Вологодский, «оказалось, что как чехословаки, так и представители других дружественных держав, недоумевали по поводу такой неопределенности отношения Сибирского правительства к этому миру» [5. С. 70].

6 августа 1918 г. председатель Совета министров Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский и 3 министра (И. А. Михайлов, Г. Б. Патушинский и М. Б. Шатилов) в связи с началом призыва на военную службу лиц, родившихся в 1898 и 1899 гг., обнародовали специальную декларацию. «Освобождение земли Сибирской, — отмечалось в декларации, — близится к концу. Настанет пора для Сибири приступить к разрешению новых, еще более трудных и ответственных задач, начертанных на ее знамени: ей предстоит содействовать восстановлению

других частей Российского государства, раздробленного Брестским миром, которого не признают народы России» [6. 18 авг.; 7. С. 254].

По воспоминаниям Г. К. Гинса, командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов остался недоволен неопределенностью этого заявления. «Он был взбешен эзоповским языком декларации, — пишет он, — в которой не говорилось, как относится само Правительство к Брестскому миру и намерено ли оно послать сибирскую армию на русско-германский фронт. Гришин категорически требовал (выделено в источнике. — Д. Ш.) ясного заявления по этому вопросу» [8. С. 126]. 10 августа 1918 г. министры Временного Сибирского правительства подписывают новую декларацию — «Обращение к союзным державам». «Близится день, — указывалось в этом документе, — когда Сибирская армия вместе с другими братскими и союзными силами станет в ряды борцов на новом русско-германском фронте» [6. 24 авг.; 7. С. 275].

Важным элементом в работе пропагандистского аппарата сибирской контрреволюции являлось формирование образа Германии как составной части идеологии врага. При этом периодическая печать, правительственный осведомительный аппарат во многом опирались на стереотипы массового сознания, созданные союзнической пропагандой в годы Первой мировой войны.

Конструируя образ врага, антибольшевистская пропаганда искусственно создавала и поддерживала миф о тесной связи большевистского руководства с германским правительством и генеральным штабом. «Большевистская власть практически так тесно связала свою судьбу с судьбой Гинденбурга, — констатировали «Отечественные ведомости», — что разделить их нет возможности. Нити, связующие правительствующий и военный аппарат советской республики с германским посольством и германским штабом, уже давно вышли наружу... Правительство Ленина и Троцкого уже давно стало, по существу, правительством, союзным Германии» [9. 13 окт. (30 сент.)].

Вплоть до Компьенского перемирия (11 ноября 1918 г.) в сибирской прессе преобладали 2 темы, так или иначе связанные с Германией. Первая из них — «немецкие деньги» большевиков — породила буквально шквал разоблачительных документальных публикаций, как правило,

с кричащими, сенсационными заголовками: «Кто они?», «Русские большевики на службе германского штаба», «Потрясающие разоблачения» и т. д. «Конечно, ни для кого теперь не секрет, — утверждала одна из газет, — что «пролетарские вожди» Ленин, Троцкий и остальная свора не что иное, как прислужники немецкого кулака, продавшиеся за немецкие серебреники» [10. 11 мая]. Это служило своеобразным лейтмотивом такого рода публикаций, достоверность которых не подлежала сомнению. Примечательно, что «разоблачительная» кампания во многом инициировалась Американским бюро печати, распространявшим на территории Сибири так называемые документы Сиссона.

Другой популярной газетной темой того времени, напрямую связанной с поставленной проблемой, являлись комментарии по поводу Брестского мира, реакция на который была однозначно негативной. «Как будто осуществились слова Бисмарка: «Германия оставляет побежденным только слезы, чтобы они имели, чем плакать... Брестский мир является завершением величайшего предательства, которое когда-либо знала история. Он является и несмысленным национальным позором» [9. 12 окт. (29 сент.)], — резюмировал высказывавшиеся в прессе мнения известный публицист того времени А. Я. Гутман (Ган).

Лидеры антибольшевистского движения были озабочены поиском своего рода «формулы оправдания», благодаря которой они вновь смогли бы обрести доверие и помощь союзников. Антисоветская пресса стремилась представить большевистский режим как не отвечающий национальным интересам России, придать ему черты фиктивности, эфемерности, «неподлинности». В то же время антибольшевистские силы идентифицировали себя с «истинной Россией». «Русский народ, подлинный, “всамделишный народ”, а не тот бутафорский “народ”, от имени которого выступали и продолжают выступать различные самозванцы, — отмечалось в одной из газет, — давно уже связал свою судьбу с судьбой союзников, связал самыми крепкими и неразрывными узами — узами крови, и никогда ни мыслями, ни делами этому освященному кровью союзу не изменял» [11. 26 янв.]. Эта «истинная» Россия, которая, по существу, никогда не прекращала вооруженного противостояния Германии, по утверждению антибольшевистской пропаганды, не может быть

ответственна за измену союзникам и «брестский позор». «Гражданская война вывела нас из строя. Брестский мир ослабил фронт внешний, но вместо него народился внутренний фронт, на котором остаткам русской армии пришлось вести борьбу против немецких наступавших войск и их союзников большевиков» [12. 27 дек.], — оправдывала действия противников советской власти газета «Военные ведомости».

Сложившаяся в Сибири после антибольшевистского переворота ситуация представлялась идеологам контрреволюции благоприятной для того, чтобы если не искупить, то хотя бы частично загладить вину России перед союзниками. «Сибирь имеет полную возможность искупить общерусскую вину перед союзниками, — писала красноярская «Свободная Сибирь», — и она должна ее искупить, во что бы то ни стало» [13. 17 (4) сент.].

Следует отметить, что тезис о «германской угрозе» использовался антибольшевистской пропагандой, хотя и менее активно, и после окончательного военного разгрома центральных держав и завершения Первой мировой войны. «Нам, русским, — писал публицист Л. В. Арнольдов в статье “Помните о Германии”, — в особенности надлежит памятовать о Германии». Призывая к мобилизации «национального духа», играя на патриотических настроениях русского общества, автор патетически восклицал: «А окровавленную Бельгию, систему мирового шпионажа, подводные лодки, ядовитые газы, цеппелины, отравленные холерными вибрионами колодцы, пытки русских пленных, а палец генерала Гофмана, который при полном лакейском молчании Троцкого и Иоффе ползал в Бресте по карте, выкраивая из Великой России — Московию. Вы это все помните, или успели забыть?» [14. 16 июня].

Особую значимость для идеологии восточной контрреволюции приобретает концепция славянского единения перед лицом «пангерманского хищника», базировавшаяся на доктрине панславизма и успешно использовавшаяся русской пропагандой в годы Первой мировой войны. Только теперь союзниками «тевтонского зверя» — его «передовыми отрядами» — по версии антисоветской прессы выступали «мадьяро-большевистские орды», представлявшиеся в глазах общественного мнения серьезной угрозой для

самоопределения славянских народов. Этот вопрос имел повышенную остроту еще и в связи с тем, что в красноармейских отрядах служило много австрийских и венгерских интернационалистов из числа военнопленных.

Если же вспомнить, что силой, сыгравшей решающую роль в свержении Советов на территории Урала, Сибири и Поволжья, был Чехословацкий корпус, то становится понятным, почему актуализация данной установки являлась важнейшей составляющей политической пропаганды Белого Востока. «Долго и жестоко судьба расплескивала великое славянское море, — писала газета “Наш путь”, позиционировавшаяся как “орган славянского единения”, — но и она не могла разделить его. Вновь воскресла прекрасная Польша, мощная Чехо-Славия, а героическая Сербия объединилась после потоков крови со своими близкими. В стороне только Болгария, но будет время, и она со слезами покаяния придет в лоно славянства... Мы, русские, знаем, что пока жива Россия, она будет стоять за все славянство! Ибо славянство — душа России!» [15. 15 (2) сент.].

Консолидация славян, по мнению идеологов антибольшевистского движения, могла знаменовать начало нового этапа мировой истории. «Славянство освобождается от чужеземного гнета и объединяется, давая тем самым начало новому периоду европейской истории, который может быть назван “славянским” и расцвет которого, конечно, еще в будущем» [10. 8 мая], — писала весной 1919 г. газета «Голос сибиряка».

С другой стороны, борьба с «пангерманизмом» облекалась в благородные одежды исполнения особой, значимой для всего человечества миссии. Так, А. Иванов в статье «Роль России и славянства в расовом равновесии», опубликованной в красноярской «Свободной Сибири», утверждал, что объявление войны России со стороны Германии и Австрии было равносильно началу «всемирной расовой борьбы». «Идея объединения славян на свободных союзных началах, — утверждал он, — является единственной серьезной преградой торжественному шествию [германских народов] по всему земному шару. Это последний оплот расового равновесия во всем человечестве» [13. 28 (15) нояб.].

На территории Урала, Сибири и Поволжья формировались русско-чешские, русско-сербские, польские, югославянские, украинские, карпато-русские

части для борьбы с «германо-большевизмом». «Под славянским именем не смеет скрываться трус, дезертир и большевик», — писала издававшаяся в Сибири сербская газета «Единство».

Таким образом, мы видим, что образ Первой мировой войны, особенно его ценностное наполнение, активно эксплуатировался политической пропагандой правительств Белого Востока. Объединенный «тевтоно-большевистский» фронт был, по существу, пропагандистским изобретением, призванным обеспечить помощь союзников. «Мы определенно и ясно говорим, — писала газета “Русская армия” в марте 1919 г., — что единый русско-германский большевистский фронт, представляющий из себя грозную опасность всей человеческой культуре и цивилизации... должен вызвать со стороны всего человечества, всего мира, не менее единый фронт, фронт поборников прогресса, культуры и цивилизации» [11. 28 марта].

Пропагандистская трансляция указанного концепта была направлена на вполне определенную аудиторию:

- население подвластных антибольшевистским правительствам территорий;

- правительства, политические и общественные круги стран — союзниц России по Первой мировой войне;

- представителей славянских народов (чехов, словаков, поляков, сербов, карпатороссов), оказавшихся вовлеченными в российскую Гражданскую войну.

Цель актуализации образа заключалась в конструировании вполне определенной политической идентичности, базирующейся на национальных, державных и патриотических ценностях, а также памяти о былом величии России. Сложнее обстоит дело с определением результатов использования данной пропагандистской стратегии, ее эффективности. Свою мобилизационную роль на начальном этапе Гражданской войны она, безусловно, сыграла. Однако расчеты антибольшевистских сил на признание заслуг России не оправдались. Претендовавшее на роль всероссийского правительство адмирала А. В. Колчака не было приглашено для участия в Парижской мирной конференции. Кроме того, не состоялось и его признание странами Антанты.

Источники и литературы

1. Карасик В. И. Языковые ключи. — М., 2009.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002.
3. Правительственный вестник (Омск). — 1918.
4. Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. — 1928. — Т. 4 (29).
5. Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918—1925 гг.). — Рязань, 2006.
6. Сибирский вестник (Омск). — 1918.
7. Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. документов и материалов. — Новосибирск, 2007.
8. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг. — М., 2009.
9. Отечественные ведомости (Уфа, Екатеринбург). — 1918.
10. Голос сибиряка (Уфа). — 1919.
11. Русская армия (Омск). — 1919.
12. Военные ведомости (Новониколаевск). — 1918.
13. Свободная Сибирь (Красноярск). — 1918.
14. Сибирские стрелки (Б. м.). — 1919.
15. Наш путь (Омск). — 1919.

Корнеева Г. А.

СОСТОЯНИЕ ОТДЕЛОВ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СИБИРИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1912–1917 гг.)

Поражение правомонархического движения в России, уход из общественно-политической жизни «черной сотни» фактически к кануну Февральской революции 1917 г. в исследованиях объясняется комплексом «разнохарактерных причин, связанных со спадом массового революционного движения», а собственно содержание развития кризиса уже после 1907 г. понимается «как ответная реакция на спад революционной активности». Кризис перерос в деградацию и разрушение всего движения в условиях Первой мировой войны, которая стала для правых партий и организаций «не объединяющим», «а разрушающим фактором, ослабив и превратив их в конечном счете в недееспособные партийные объединения, потерявшие какое-либо значение в общественном движении» [1. С. 429; 13. С. 38; 8. С. 110].

В современной историографии перелом в деятельности отделов правых партий в Сибири датируется 1912 г., и весь последующий период в истории правомонархического движения в регионе характеризуется противоречивой, но устойчивой тенденцией кризиса и спада, завершившейся в 1915–1916 гг. деградацией и развалом правых организаций. Вместе с тем в комплексе причин поражения черносотенцев актуализирована проблема: почему правые потерпели поражение, имея достаточно «сильные точки опоры», «не смогли в полной мере использовать консервативную энергию массы мещанства и крестьянства, которая проявила свою силу осенью 1905 г.», и полностью уступили свои позиции левым уже накануне войны и фактически сошли с политической арены в период мировой войны.

Значительный комплекс источников по истории правомонархического движения в Сибири введен в научный оборот в исследованиях А. П. Толочко, М. В. Станковой, Е. Л. Бузмакова, А. Е. Язынина, А. Г. Ноздрина. Но в основном в сибирской, как и общероссийской, историографии внимание акцентируется на анализе внешних определяющих факторов движения кануна и периода Первой мировой войны. Вместе с тем документы официального делопроизводства и личного происхождения, публицистика (газета красноярских союзников «Сусанин», томских

«Сибирская правда») содержат информацию о наличии некоторого потенциала в традиционном архетипе даже в условиях кризиса и развала движения накануне и в период Первой мировой войны. В источниках получили отражение реакция с мест на завершение раскола в Главном совете СРН в 1911–1912 гг., на развитие раскола — в местных отделах СРН после 1913 г., проявление инициативы «с мест» по открытию новых или переводу старых отделов в Дубровинский СРН (ВДСРН) накануне и в период войны с мотивацией, выражением личного отношения к своему «вождю» и «полководцу», а после отхода от активной деятельности А. И. Дубровина — к новому «руководителю» Е. А. Полубояриновой.

Хотя репрезентативность обоснования инициативы «с мест» в ряде случаев вызывает сомнение (особенно коллективная мотивация ходатайств о разрешении открыть новый подотдел), антропологический подход с позиций структурализма к проблеме позволяет выявить переданные в семантике языка «матрицы», ценностные ориентации и установки традиционных социальных общностей (в данном случае деревни, губернского, областного центра, уездного или безуездного города) в структурах (архетипах) сознания («картине мира»), рефлексии: в частности, понимание последствий раскола, все более нарастающих трудностей военного времени, а в среде руководящего

состава — ситуации в стране (перспективы новой революции), ощущение своей ненужности, невосприимчивости, бессилия, бесплодности предпринимаемых попыток переломить ситуацию. Источники не носят массовый характер, но в ряде случаев в них отражены отдельные архетипы, присущие той части традиционного общества, которое составляло социальную базу черносотенства. Подобным образом некоторая информация в источниках позволяет рассмотреть деятельность руководящих «верхов», «инициативного меньшинства» в плане попыток переломить ситуацию в разваливающемся отделе, опереться на традиционные структуры сознания «низов» в преодолении организационного кризиса; в единичных случаях в них содержится информация, касающаяся необходимых со стороны правительства мер по предотвращению угрозы новой революции в условиях военного времени. В общем комплексе внешних факторов анализ проблемы с позиции ценностных установок (архетипов) в мотивации организационной деятельности активного «меньшинства» в черносотенном движении Сибири на заключительном этапе в границах возможного позволит расширить понимание обусловленности поражения движения еще до февраля 1917 г.

Направленность процесса распада отделов прослеживается с востока на запад — по существу, последним оплотом движения в период войны оставались некоторые городские отделы Западной Сибири. Общее состояние отделов и их подотделов начальники губернских жандармских управлений уже накануне и затем в период войны характеризовали как «полный упадок», а сами отделы как не представляющие «ничего серьезного», не пользующиеся «авторитетом и значением». Констатировалось явное падение качественного состава, отсутствие умных и деятельных руководителей, некоторые из них характеризовались как личности «темные», «нетрезвые и малограмотные» [20. Ф. 827. Оп. 1. Д. 283а. Л. 11].

Официальная позиция в объяснении состояния черносотенства в Сибири в этот период сводилась в основном к двум факторам — кадровая политика Синода и мобилизация членов отделов на фронт. В определенной степени с этим можно согласиться: роль духовенства в деятельности правых в Сибири известна, поэтому увольнение таких руководителей движения, как омский епископ Гавриил, и перевод в другие епархии о. А. Голосова из Омска, о. В. Захарова из Красноярска имели необратимые

последствия в исторической судьбе руководимых ими отделов. Призыв на фронт молодых людей повлиял на возрастной состав и активность отделов. Доминирующим фактором в сложившейся ситуации с черносотенным движением в Сибири накануне войны стал процесс «двоения» отделов СРН как следствие развивающегося раскола, нарастание конфронтационности в рядах союзников, зачастую принимавшей характер открытого, непримиримого противостояния между бывшими соратниками по движению. Принятая на учредительном съезде ВДСРН в ноябре 1911 г. резолюция о запрещении блокирования союза на выборах в IV Государственную думу не только с левыми партиями, но и с РСМА и националистами, по существу, придала этому процессу необратимый характер, и его последствия несмотря на предпринимавшие усилия союзникам так и не удалось преодолеть. Инициатором раскола сибирских отделов стал томский Песочный городской отдел, отказавшись признать решение майского монархического съезда 1912 г. («обновленческого») законным [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 537. Л. 4 — 9 об.]. Открытие новых отделов уже в условиях завершившегося раскола в 1913 г. только усугубляло, обостряло и закрепляло противостояние.

До официального открытия Песочного отдела ВДСРН в октябре 1913 г. ситуация в среде томских союзников свидетельствует о том, что они были полностью поглощены внутрипартийной борьбой. В Главный совет ВДСРН на имя Е. А. Полубояриновой с июня по октябрь 1913 г. шли бесконечные жалобы на тайные и явные козни губернского совета и лично его председателя Д. Г. Мальшева. После официального открытия Песочного отдела ВДСРН наряду с призывами к объединению все чаще стали звучать взаимные обвинения в эскалации раскола и дроблении сил. При этом «дубровинцы» продолжали занимать непримиримую позицию истинных защитников устоев и категорически отказывались от компромисса с «изменниками» «Царя и Родины» — «басковцами» («Коновицын и К») [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 537. Л. 14 — 25 об.].

Ситуация в среде томских и в целом сибирских черносотенцев стала показателем характерного для традиционного расколотого сознания архетипа — ориентации на сильного лидера. С отходом от активной деятельности «вождя» и «полководца» А. И. Дубровина Песочный отдел стал ориентироваться на Е. А. Полубояринову как

на своего идейного и политического «руководителя», поэтому Томский губернский совет СРН во главе с Д. Г. Малышевым («басковцы») теперь воспринимался как главное препятствие в выборе «правого пути», на который «она их вывела», а официальное открытие Песочного Дубровинского СРН — как реальная возможность сплотиться вокруг нового лидера во имя защиты устоев [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 537. Л. 20].

Томские «обновленцы», в свою очередь, обвиняли «кучку» «дубровинцев» во фракционности («видит спасение России только в лице своего руководителя»), но продолжали тактику на сплочение монархических сил, призывали новый отдел к «дружной, плодотворной работе», убеждали, что «только в единении сила и сила великая». Однако вместо «дружной работы» среди томских союзников все больше нарастало противостояние, постепенно приобретая направленность бескомпромиссной борьбы крайне правых («дубровинцев») за свою социальную базу, то есть в границах все того же традиционного социума. «Обновленцы» улавливали этот характерный для политически неразвитых слоев поведенческий стереотип «дубровинцев», «которые как волки, смотрят недоброжелательно», выраженный в дихотомии «мы — они», «друзья — враги», они понимали, что бескомпромиссность и догматизм оппонентов становятся фактором отхода от правых «черных масс» [22]. Томский губсовет СРН совместно с железнодорожным отделом РМСМА 28 февраля 1914 г. предпринял попытку «воссоединения» с «дубровинцами», но миссия делегации оказалась безуспешной, Песочный отдел объявил «обновленцев» «изменниками Царю и Родине» и перспективу объединения видел только при условии признания Главного совета Дубровинского СРН [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 537. Л. 25 об.]. Но парадокс ситуации заключался и в том, что параллельно с цепной реакцией раскола, дрязгами и распрями, утратой способности центра руководить движением (показатели — развитие раскола в Барнаульском отделе с января по март 1913 г. минуя Томский губсовет, внутреннее состояние Песочного отдела после раскола, обстоятельства открытия Бийского отдела ВДСРН, фактически организационная бездеятельность Красноярского отдела СРН) накануне и в начале войны с мест «от имени народа» еще шли обращения с просьбой принять в члены «патриотической организации», открыть новые отделы, хотя доминирующими были ходатайства

в Главный совет выслать уполномочие на перевод старого отдела в «дубровинский» или в некоторых случаях — в Песочный городской отдел с просьбой прислать своего представителя для открытия отдела [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 537. Л. 21].

Отдел ВДСРН в г. Бийске был зарегистрирован в марте 1915 г. в составе 23 человек. Определяющим фактором в партийном выборе была личная позиция инициаторов, обычно руководителей отделов и подотделов, причем решение общего собрания о переводе уездного отдела, как правило, вызывало цепную реакцию в сельских подотделах. Например, председатель Серафимо-Завьяловского подотдела Барнаульского отдела СРН о. И. Ландышев в письме А. И. Дубровину сообщал, что подотдел «единодушно решил: доверять прогрессистам не согласны и подчиняться самозваному руководству не хотим», «этого не позволяет наша служба Вере православной, Царю самодержавному и Святой Руси» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 534. Л. 1].

Аргументация официальных обращений не отличалась новизной: в основном они шли как бы от самих жителей или руководителей местного отдела, дополнительные обоснования встречаются в личных письмах руководству центра. Весь комплекс мотивации не выходил за рамки традиционного сознания, опирался на традиционную идеологию, адаптированную к уровню политически неразвитых слоев общества («низов») в виде триединой формулы консервативной идеологии. Поэтому в ряде обращений «с мест» активисты делали акцент на социальном составе открываемого отдела, характеризуя его членов как истинных патриотов: например, председатель Бийского отдела ВДСРН И. А. Бушуев представлен как «человек бедный, но непоколебимый», члены совета — люди «бедные, но истинные патриоты за Царя и Отечество»; «наш союз очень бедный и народ больше прогрессисты революционеры, даже церковные старосты и городской голова прогрессист»; «народ жаждет правды, правой газеты и жаждет союза. Но не знает, что такое союз... да и бояться вступать, прогресс задавил все это...» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 532. Л. 12 — 17 об.].

Инициатива открытия отделов в этот период действительно шла и «снизу», что свидетельствует о наличии некоторого ментального потенциала монархического движения; социальная база еще не была окончательно потеряна. Обращения шли и в главные советы СРН, ВДСРН,

и в Главную палату РМСМА, причем мотивация наиболее полно отразила базовые структуры сознания традиционного российского социума, актуализированные в новых политических реалиях третьей ионийской монархии: благодарим Главный совет СРН за разрешение открыть отдел, «водрузившего в отдаленной степи знамя призыва неколебимых сил для исполнения всех желаний Возлюбленного Монарха. Под сенью этого знамени неудержимо волной стекаются истинно русские люди, готовые жертвовать всем на защиту интересов Батюшки царя» (Атбасарский отдел СРН, Атбасарский уезд Акмолинской области, письмо от 30 апреля 1912 г.) [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 47. Л. 1 — 1 об.]; «желаем быть и были верными сынами России» (крестьяне с Куропаткинское Алексеевской волости Кокчетавского уезда Акмолинской области Степного генерал-губернаторства в письме от 9 марта 1914 г.) [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 604. Л. 58]; сплотились «в единую братскую и отечественную семью для укрепления и утверждения нашей дорогой самодержавной России», «дает обет» «в полной верности и со всеми патриотическими чувствами вся наша собранная братия», «утверждаемся верховной монаршей самодержавной властью для поднятия и укрепления правды нашей дорогой России, дабы нам господь бог помог искоренить великое зло» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 532. Л. 12—20].

В условиях нового революционного подъема руководители местных отделов начали вести тактику сплочения патриотических сил на почве борьбы с внутренними врагами, поэтому в данной группе мотивации явно просматриваются «заготовки» обращений из сельской местности — скорее всего, члены-учредители предварительно получали инструкции и «форму» обращения с готовым содержанием текста от имени преданного престолу народа. Например, в с. Кольвановском Змеиногорского уезда Томской губернии «люди, преданные самодержавному государю и всему царствующему дому... возмущены выступлениями некоторых появившихся у нас лиц, проводящих противогосударственные идеи, тем возмущающие мирное население. Так как они ведут борьбу с существующим государственным строем и с самодержавием, искони бывшим основой и оплотом нашего Государства» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 531. Л. 43]. Практически однотипное содержание имело обращение еще в июле 1914 г. из с. Чилинского Чилинской волости Томского

уезда: члены-учредители села, «православные, верующие, преданные своему возлюбленному государю императору и всему царствующему дому возмущены поведением появившихся в селе лиц, проводящих противогосударственные идеи и тем возмущающие мирное население. Так как они ведут борьбу с существующим государственным строем и самодержавием, оплотом и основой существующего государственного строя, то мы решили ходатайствовать перед Томским губернским советом открыть в нашем селе отдел» [21].

Инициатива шла и от отдельных представителей «активного меньшинства» разных сословий. В Томской губернии священник села Кривошеино о. Н. Володин писал Пуришкевичу 8 июля 1914 г., что он был членом СРН с 1905 г. и основал не один отдел СРН, работает и теперь в его целях в Нарымском крае [19. Ф. 117. Оп. 1. Д. 793. Л. 18]. Курганский мещанин («место жительства» — Славгород) А. В. Панченко обратился в Томский губернский совет СРН в письме от 25 августа 1914 г. с предложением поручить ему образовать Славгородский подотдел СРН и помочь «в этом благом деле», а 26 сентября 1914 г. подал заявление с просьбой принять в союз, так как он желает «ревностно... служить на благо и пользу царю и отечеству» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 604. Л. 61 — 63 об.]. Из г. Кузнецка Томского уезда бывший секретарь Томского городского Песочного отдела ВДСРН «из крестьян» И. Е. Беспоместных в письме от 23 декабря 1915 г. извещал Главный совет, что он открыл отдел в городе. Т. А. Уженцев («из крестьян») в письме Дубровину (б/д) подчеркивал свою роль в открытии Бийского подотдела ВДСРН, так как здесь «нашел единомышленника Трусова, положил все силы к открытию отдела» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 532. Л. 17 об.]. Некоторую активность в организационной деятельности в Иркутской губернии продолжала Главная палата РМСМА, в частности, Н. Т. Кислухин 5 июня 1914 г. сообщал в палату о переводе денег за значки и билеты, просил дать разъяснения, каким образом он должен открыть отдел РМСМА. В Ачинском уезде Енисейской губернии отставной почтово-телеграфный работник Г. Я. Зеленецкий из с. Подсосенского в заявлении на имя председателя КОСРН о. Варсонофия просил записать его членом партии «истинно русских людей» и выслать инструкции [20. Ф. 853. Оп. 1. Д. 1. Л. 57].

Последний отдел ВДСРН «Патриотическое общество г. Татарска» Томской губернии, уставленный к настоящему времени, был открыт

дьяконом Христо-Рождественской церкви города о. А. Блохиным в январе — феврале 1916 г. На обращении от 30 января 1916 г. на имя заведующего полицейской частью есть разрешающая резолюция — общество «законно и полезно для монарха и отечества». Затем, в ходатайстве от 14 февраля 1916 г. в Главный совет, СРН просил разрешить начать запись в отдел. В письме А. И. Дубровину и Е. А. Полубояриновой от 15 февраля о. А. Блохин, обращаясь к известному призыву Николая II после роспуска II Государственной думы «Объединяйтесь, русские люди...», инициативу по открытию отдела трактовал как исполнение «воли монарха». Поэтому он, «ответив на призыв», «из чувств патриотизма» открыл отдел «для борьбы с внутренними врагами Отечества» — «жидами, немцами и их прихвостнями», — которые «разбрелись по Руси и вербуют себе «отщепенцев века сего». При этом о. А. Блохин «слова» монарха трактовал с позиции политических установок «дубровинцев» («крайне правых»): «Самодержавие остается без изменения, мы должны в ответ сказать "Оправдаем твое доверие и надежды"», с выраженной националистической направленностью в кризисных условиях военного времени. По существу, дьякон использовал «образ врага», опираясь на ситуацию «дороговизны» и недовольство демобилизованных состоянием тыла, поэтому солдаты, вернувшись «израненными домой», «возмущаются засилием жидов и немцев», понимают, что евреи стремятся к предательству и взвинчивают цены, хотят «отдать русских в руки немцев», так как «дороговизна вызвана евреями в угоду немцев» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 535. Л. 1 — 7 об.].

Инициатива «снизу» по существу блокировалась углубляющимся расколом и дразгами в руководящих центрах черносотенного движения в Сибири, прежде всего в Томске, в орбиту которого постепенно втягивался Новониколаевский отдел СРН. Ситуация в Томске предельно обострилась в 1914—1915 гг. в связи с развитием распри уже в Песочном отделе с годового отчета председателя А. В. Соловьева и общего собрания отдела 7 декабря 1914 г. Председателя обвинили в переходе «на службу к Малышеву» и в финансовых злоупотреблениях, а затем — в фальсификации истинного положения дел в отделе, так как в «Русском знамени» в январе 1915 г. сообщалось, что «союз крепнет, усиливается и растет», продолжает деятельность, которая заключается в организации «популярной помощи» семьям

фронтовиков, различных сборов и пожертвований [23]. В письме в Главный совет ВДСРН от 16 марта 1915 г. за подписью 10 членов отдела это сообщение опровергалось как «чистая бессовестная ложь»: на самом деле «отдел рассыпался по всем швам», «с того собрания 7 декабря наша деятельность совершенно прекратилась». Эти сведения затем подтвердил «бывший член совета Песочного отдела» Г. Козлов в письме Е. А. Полубояриновой и А. И. Дубровину, сообщая, что уже полтора года «отдел ничего не делает, никого не видать, как будто все вымерло» с финансового отчета на собрании 7 декабря 1914 г. Секретарь И. Е. Беспоместных «еще полгода назад отказался от должности... и уехал из Томска». Тем не менее Песочный отдел ВДСРН продолжал свое существование, так как в письме от 16 мая 1916 г. А. В. Соловьев ставил в известность Е. А. Полубояринову, что по требованию томского губернатора представил список членов отдела, отметив: «кроме нас в Томске ни у кого нет союзников»; были Воскресенский и Алексеевский отделы, палата СМА «у Малышева», но в настоящее время «нет у них ни совета, ни членов».

Во время Первой мировой войны открывались новые отделы, собирались собрания, шла запись новых членов, отправлялись верноподданные телеграммы, делегировались представители на общероссийские съезды, велась работа на местах и т. п. Но «слом» в психологическом состоянии, например, руководства Красноярского отдела СРН явно наметился еще накануне войны. В выступлениях председателя о. В. Захарова присутствовало ощущение невостребованности, распада внутреннего единства «патриотов-союзников» в новых общественно-политических реалиях развития страны: «теперь мы друг другу стали не нужны, потому что занялись своими личными делами...»; «наши ряды поредели, армия как будто пошла на убыль» [24].

Не срабатывал «механизм включения» в движение глубинных слоев населения с опорой на «код ментальности» традиционного общества. Например, председатель Бийского отдела ВДСРН И. А. Бушуев в письме Е. А. Полубояриновой сетовал, «сколько положил трудов с апреля организовать союз, но уже ноябрь», «а наш союз пополняется очень тихо, потому что каждый, прежде чем вступить в него в тонкости узнает, что такое наш союз и для чего он существует» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 532. Л. 6 — 6 об.]. Судя

по последующим письмам, ситуация не изменилась: «в члены союза вновь никто не вступает, да и принимать не почему (нет билетов. — Г. К.), все сомневаются... дела задерживаются, вообще все приостановилось» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 532. Л. 24]. В тон председателю писал Т. А. Уженцев — что он заботится о союзе и старается «объединить в братскую любовь весь отдел... У нас что-то не так, и на собрания уже не стали ходить». К тому же между членами отдела и председателем «пошло несогласие» после ревизии финансовой деятельности председателя [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 532. Л. 36 — 36 об.]. Попытки опереться на «низы» давали сбой по причине кризиса традиционного сознания, усиленного в годы Первой мировой войны. В исследовании Т. А. Кижяевой 1915—1916 гг. определяются как переломные в размыве структурообразующих элементов крестьянского менталитета; в целом падение нравственных устоев в обществе не раз отмечалось и на страницах монархических газет еще до войны. Не случайно в исследованиях состояние сибирского черносотенства в этот период характеризуется как развал и деградация.

В среде «союзников» уже накануне войны явно проявлялась обида на несправедливое отношение властей к «спасителям Отечества», обостренная несбывшимися надеждами на признание заслуг и вознаграждение после революции, отсутствием поддержки в условиях явного и тайного гонения союзников на местах. Поэтому упреки шли не только в адрес правительства («мавр сделал свое дело»), местных властей, но и правых депутатов Государственной думы, которые «чужими руками пожинают плоды», «создавая себе карьеры и положения за счет маленьких тружеников-монархистов», бросая последних на произвол судьбы как не нужную никому вещь. Иногда на страницах газет прорывалась нота отчаяния в осознании своего бессилия. «Мы до того тряпки, до того бесхарактерны, что приходи всякий и бери нас голыми руками... До этого довели нас пакостные теории изуродованного гуманизма» [25]. Одновременно актуализированные структуры сознания взывали к чувству долга («мы не можем отказаться от добровольно принятой обязанности в защите Веры, Царя и Отечества», иначе совершим преступление») [26], что пролонгировало мифотворчество в формировании традиционного «образа народа», готового к жертвам

во имя победы на фронте, и в период войны подкрепляло убежденность в устойчивости «духа верноподданства», преданности присяге, веры в победоносное завершение войны. Например, о настроении в бийском обществе к войне, со ссылкой на беседы «со старичками-патриотами, живущими по Бие и Катуню», Т. А. Уженцев в письме Дубровину от 24 мая 1915 г. писал, что «старички» «остаются в полном удовольствии... радуются, что ход войны идет по милости божией спокойно и праведно... Все молят господу о здравии наших вождей императора и верховного главнокомандующего Николая Николаевича» [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 532. Л. 18 об.]. Сохранялись надежды на «примирение распавшихся монархических сил» на доктринах традиционной идеологии на предстоящем съезде в 1916 г. [19. Ф. 116. Оп. 1. Д. 533. Л. 10 — 10 об.].

Эти структуры сознания явно диссонировали с проявлением усталости «низов» от тягот военного времени, показателем чего стали спад сборов на военные нужды и нарастание выступлений на почве дороговизны, поэтому призывы к Государственной думе «подготовить народ стойко переносить все невзгоды» становились бесперспективными. Теперь актуализировались не ценности традиционной культуры, а архетипы «бессознательного», то есть проблемы элементарного физического выживания. В исследованиях показана смена направлений практической деятельности еще действующих отделов (организация самопомощи в форме различных организаций, кооперативов). Однако в условиях прекращения деятельности большинства отделов, разрыва связи с центральным руководством, потери контроля над ситуацией, «роста дороговизны», «размыва» базовых структур традиционного менталитета эти организации не могли стать центрами консолидации социальной базы правых.

Таким образом, потенциал «кода ментальности» основных слоев традиционного социума к февралю 1917 г. был уже исчерпан. Традиционная культура питала архетипы традиционного сознания, и распад факторов, обеспечивающих ее устойчивость, обусловил распад «картины мира» в парадигме традиционной идеологии, а следовательно, и социальной базы правомонархических (консервативных) партий и их местных отделов. Разрыв с радикализирующейся социальной базой не оставлял никаких шансов на продолжение борьбы, опираясь на доктрины традиционного консерватизма,

что, в свою очередь, актуализирует проблему «уроков» Первой мировой войны (хрупкость, ломкость традиционного сознания в ситуации физического выживания социума). Социальный взрыв в условиях войны не имел альтернативы ни в либераль-

ной, ни в консервативной модели развития страны. Лозунги большевиков оказались созвучными и востребованными для «низов», и реакцией традиционного общества на вызовы конкретного исторического времени стала новая революция.

Источники и литература

1. Андюсов Б. Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII — 90-х гг. XIX в.: опыт реконструкции. — Красноярск, 2004.
2. Бузмаков Е. Л. Черносотенные организации в Сибири, 1905—1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 2000.
3. Бузмаков Е. Л. Образование и основные направления деятельности правомонархических организаций в Западной Сибири // Социокультурные исследования. 1997. Сб. статей / под ред. Е. П. Тюгашева, О. П. Серова. — Новосибирск, 1997.
4. Бузмаков Е. Л. Образование черносотенных организаций в Сибири // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы Всерос. науч. конф. (Томск, 19—21 октября 2005 г.) / под ред. В. П. Зиновьева. — Томск, 2007.
5. Исторический архив. — 1994. — № 5.
6. Кижаяева Т. А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2006 [Электронный ресурс]. URL: cheloveknauka.com (дата обращения: 17.10.2013).
7. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917. — М., 2001.
8. Лебедев С. В. Альтернатива справа: Нац.-патриот. движение в России: Ист. традиция, идеол. направления и перспективы. — СПб., 1999.
9. Минувшее. — М. — СПб., 1993. — Т. 14.
10. Ноздрин А. Г. Политические объединения в сибирской деревне (середина 90-х гг. XIX в. — 1914) / отв. ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск, 2011.
11. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 гг. // Вопросы истории. — 1996. — № 7.
12. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 гг. // Вопросы истории. — 1996. — № 3.
13. Размолодин М. А. О консервативной сущности черной сотни. Монография / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. — Ярославль, 2012.
14. Станкова М. В. Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905—1917 годах: дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 1999.
15. Станкова М. В. К вопросу о черносотенно-монархическом движении в Западной Сибири накануне революции 1917 г. (август 1914—1917 гг.) // Революции 1917 г. в России: история, современность, поиски путей примирения и согласия. Матер. науч. конф. — Омск, 1997.
16. Толочко А. П. Черносотенцы в Сибири (1905 — февраль 1917 г.). — Омск, 1999.
17. Тютюкин С. В. «Круглый стол». Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения // Отечественная история. — 2003. — № 1.
18. Язынин А. Е. Возникновение черносотенно-монархических организаций Западной Сибири и их противостояние с политическими противниками. 1905—1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 2005.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
20. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
21. Сибирская правда. — 1914, 2 авг.
22. Сусанин. — 1914, 30 янв.
23. Русская правда. — 1915, 20 янв.
24. Сусанин. — 1912, 13 дек.
25. Сусанин. — 1914, 6 апр.
26. Сибирская правда. — 1914, 22 мар.

Чудаков О. В.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (февраль — октябрь 1917 г.)

Февральская революция 1917 г. произошла на завершающем этапе Первой мировой войны. Революция не прервала хозяйственную деятельность городских самоуправлений, но оказала на муниципалитеты значительное влияние. События Первой мировой войны негативно воздействовали на экономику сибирских городов, и сибирская общественность связывала с произошедшей революцией надежды на улучшение своего материального положения. Однако война продолжалась, и революционные преобразования еще более ухудшали обстановку в стране.

К началу 1917 г. в сибирских городах сложилась сеть предприятий и учреждений, призванных сделать комфортной жизнь в городе. В деле улучшения быта горожан были достигнуты некоторые успехи, но критике со стороны общественности подвергались медленные темпы развития городского хозяйства, ограниченность предпринимаемых муниципальными деятелями мер, недостаточное внимание гласных к проблемам благоустройства, отдаленность муниципалитетов от масс горожан и др.

В период социальных катаклизмов все жизненные процессы претерпевали значительные перемены. В условиях смены государственного строя складывались новые формы социальных отношений, формировался иной политический и культурный опыт населения. Эти изменения в первую очередь проявлялись в крупных городах, где сосредоточивались органы власти и управления, концентрировались основные достижения цивилизации.

Особенностью деятельности органов городского самоуправления в межреволюционный период стала необходимость сохранить непрерывность, преемственность в работе городских дум и управ во избежание расстройств дел и закрытия кредитов казначейством в текущих делах государственного и муниципального значения [2. Л. 35]. На заседаниях дум обновленного состава поднимались те же вопросы, что и при предыдущих составах: благоустройство города, устройство водопровода, строительство

канализации и др. Каждый город на основе той базы, которая была заложена еще в дореволюционный период, при активном участии местной демократической общественности и новых составов гласных стремился по-своему преодолеть политические и экономические трудности, пытаясь обеспечить качественные изменения в сфере муниципального хозяйства.

Между тем внешняя обстановка в 1917 г. была неблагоприятной для качественного рывка в муниципально-хозяйственной сфере: мешали продолжение войны, рост анархии внутри страны, соперничество политических сил, использовавших проблемы городского хозяйства для зарабатывания политических очков себе и дискредитации оппонентов, повышенные социальные ожидания. Не способствовали успехам в совершенствовании городского хозяйства и растущая инфляция, муниципальный финансовый кризис, отсутствие специалистов и квалифицированных рабочих, призванных на войну, приоритет задач, связанных с войной, над решением проблем мирного времени, дефицит промышленных товаров и материалов, необходимых для технического обеспечения и ремонта предприятий и учреждений, обслуживавших городское хозяйство.

Резкое ухудшение экономических показателей в целом по России наглядно демонстрировало падение курса рубля на Лондонской бирже. Если довоенный курс рубля взять за 100, то в конце февраля 1917 г. он составлял 69 коп., а в июне — 56 коп. [3. С. 178]. Поэтому, исходя

из своих финансовых возможностей, муниципалитеты пытались не столько развивать, сколько поддерживать хотя бы на прежнем уровне те достижения в городском хозяйстве, которые уже имелись.

Ведущие политические силы революционной России в общественной деятельности и муниципальных программах, стремясь привлечь симпатии горожан на свою сторону и заинтересовать общественно активные силы, делали акцент прежде всего на «углублении революции», а не на конструктивной работе для скорейшего восстановления и дальнейшего развития городского хозяйства в интересах широких демократических слоев населения.

В условиях «февральского демократического режима» 1917 г. в деятельности городских управлений ярче проявились негативные черты политики муниципализации: многие городские предприятия становились убыточными. Экономия средств на благоустройстве и текущем ремонте муниципальных предприятий в течение ряда лет оборачивалась обветшанием и постепенным развалом. Поэтому городским управам в 1917 г. приходилось придумывать в деле развития городского хозяйства свои пути для реализации планов, которые во многом зависели от имевшихся у города ресурсов.

Несмотря на сложное экономическое положение сибирских городов, многие из них старались в силу своих финансовых возможностей уделять внимание развитию городского хозяйства. Водоснабжение в небольших городах Сибири находилось в плачевном состоянии. В межреволюционный период эта ситуация нисколько не изменилась, а в некоторых местностях даже ухудшилась. Революция 1917 г. застала Иркутскую городскую думу озабоченной острыми проблемами, связанными с водоснабжением и проведением электричества в первую очередь на окраины города. Еще в 1915 г. был сформирован проект сооружения водопроводных линий для жителей Глазковского предместья, но из-за отсутствия денег он так и не был реализован [4. Л. 185 об.]. В Березове воду жителям доставляли водовозами: сообщалось, что «черпают ее у самой пристани или где заблагорассудится, а также и скотский водопой городом не отмежован» [6. Л. 52]. Единственным источником водоснабжения в Бийске являлась река Бия, «очень загрязненная», причем не было ни водопровода, ни фильтров [7. Л. 25].

В тех сибирских городах, где существовали электрические станции, водопроводы и ассенизационные обозы, повышалась плата за их услуги. В Барнауле, например, Городская дума 13 ноября 1917 г. приняла решение увеличить плату за воду из городских колодцев с 10 до 20 коп. за бочку [8. Л. 213 об.]. В Тобольске была увеличена плата за пользование водопроводом до 1 коп. за 3 ведра (ранее 1 коп. за 4 ведра. — О. Ч.). В результате этого в городской смете на 1917 г. доходы по статье «Поступления от эксплуатации водопровода» увеличились по сравнению с 1916 г. и составили 7790 руб. Также произошло повышение цен на электроэнергию с 40 до 50 коп. за кВт/ч и услуги ассенизационного обоза [9. Л. 118 — 118 об.]. В Кургане на заседании Городской думы было принято решение об увеличении платы за электричество в 1917 г. с 40 до 50 коп. за кВт/ч [10. Л. 8 об.]. Увеличение цены было связано прежде всего с повышением стоимости угля.

Но несмотря на рост стоимости электроэнергии, некоторые города из-за нехватки топлива в начале 1917 г. часто оставались без света. Так, Иркутская городская дума старалась выделять средства на заготовку угля для городской электрической станции, который из-за транспортного коллапса поступал с запозданием [11. Л. 468]. В декабре 1917 г. на общем собрании граждан Глазковского предместья перед городской управой был поставлен вопрос об улучшении уличного освещения, так как отсутствовали фонари «благодаря их порче, а остальные горят не всю ночь». Однако заведующий освещением в Глазкове Радневский ответил, что «поддерживать полное освещение во всем предместье не представляется возможным за отсутствием на иркутском рынке не только новых фонарей керосино-калильного освещения, но и принадлежностей к ним. Неполное горение существующих фонарей было установлено по распоряжению городской управы в целях экономии керосина» [12. Л. 6]. В целях экономии топлива на освещение Новониколаевское городское народное собрание 1 июля 1917 г. на основании постановления Временного правительства приняло распоряжение о переводе часов повсеместно на 1 час вперед [13. Л. 17].

Для поддержания должного санитарного состояния Иркутска Городская дума на заседании 28 марта 1918 г. приняла решение увеличить расценки на услуги ассенизационного

обоза. Начиная с 1916 г. стоимость этих услуг постепенно повышалась по сравнению с 1915 г. сперва на 20 %, потом на 50 %, затем, в 1917 г., еще на 97 %, и в 1918 г. увеличение произошло на 78—129 % [12. Л. 64]. Бийск к началу 1917 г. не имел собственного ассенизационного обоза, вследствие чего уборка нечистот производилась самым примитивным способом — частными ассенизаторами, не успевавшими обслуживать нужды города. Поэтому томский губернатор ходатайствовал перед Междуведомственным совещанием 22 марта 1917 г. о предоставлении городскому самоуправлению безвозвратного пособия в размере 20 тыс. руб. на оборудование ассенизационного обоза из 12 бочек (11 тыс. руб.) и устройство 12 буровых колодцев (9 тыс. руб.) [7. Л. 25].

31 мая 1917 г. енисейский губернский комиссар Временного правительства ходатайствовал перед Междуведомственным совещанием о предоставлении Ачинской городской управе единовременного пособия на оборудование ассенизационного обоза в размере 420 руб. [7. Л. 83]. Красноярская городская управа также выделила 4276 руб. на расширение городского ассенизационного обоза. В связи с плохой санитарной обстановкой в Березове собрание уполномоченных на заседании 29 мая 1917 г. постановило приобрести 3 новых лошади, поскольку в городе произошел падеж скота [6. Л. 56].

Благоустройство в период социальных катаклизмов оставалось одним из направлений деятельности городских управ несмотря на то, что в 1917 г. в связи с чрезвычайными трудностями военного времени и серьезными инфляционными процессами расходы по этой статье во многих городах Сибири либо остались на прежнем уровне, либо были уменьшены. На выделяемые средства органы городского самоуправления пытались проводить работы по озеленению города, освещению главных улиц, приведению в порядок колодцев сточных вод и проток. На заседании Иркутской городской думы 15 сентября 1917 г. комиссия по улучшению улиц, бульваров и площадей представила проект «урегулирования реки Ушаковки и строительства железобетонного моста через нее», который был составлен военнопленным офицером, инженером-гидротехником Гамбургером [14. Л. 80]. Также в ряде сибирских городов осуществлялась работа по озеленению в связи с возникшей необходимостью возобновления лесопосадок, поскольку из-за дефицита топлива население вырубало деревья

на дрова [15. С. 221]. Но в 1917 г. муниципалитетам становилось все сложнее поддерживать чистоту на улицах из-за нехватки рабочих рук и лошадей.

Многие городские самоуправления, несмотря на революционные события, продолжали уделять внимание развитию противопожарной службы и предотвращению пожаров. В начале мая 1917 г. в Барнауле произошел один из самых крупных пожаров за всю историю города. Огнем было уничтожено около 60 кварталов, городские и общественные здания, в том числе городская управа, казначейство, городская библиотека, телефонная, электрическая и водопроводная станции, учебные заведения и др. Без жилья остались 3120 семей, или около 20 тыс. чел. (из 56-тысячного населения города), в огне погибли 34 человека. Убытки от пожара составили около 30 млн руб. [16. С. 172; 17. С. 48]. Окружным судом была создана особая комиссия для выяснения причин пожара, около 200 чел. арестовали по подозрению в поджогах и мародерстве. Совет рабочих и военных депутатов открыл 11 пунктов по раздаче пищи пострадавшим и взял на учет запасы продовольствия [16. С. 172].

Население Барнаула не осталось с бедой один на один. Из Томска прибыл санитарный отряд, из Новониколаевска — поезд с продовольствием и 300 кроватями, МВД выделило 200 тыс. руб., Всероссийский союз городов предоставил ссуду в 300 тыс. руб. и медикаменты, а Государственный банк — заем в 970 тыс. руб. 19 мая 1917 г. был проведен сбор средств в пользу сгоревшей библиотеки, 22 мая — День книги, в ходе которого горожане собрали 3 тыс. томов и 711 руб. Погорельцы получили по 300 руб. [17. С. 48]. При этом в обстановке социального катаклизма в решение данной проблемы включились как органы городского самоуправления, так и новый орган — советы рабочих и солдатских депутатов. В частности, Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов издал приказ, по которому взял на себя организацию столовых, хлебопекарен, доставку продуктов и их распределение между пострадавшим населением, и обратился за помощью к другим советам Сибири [18. С. 238].

Надо отметить, что такие сильные пожары в сибирских городах были редким явлением, но именно они оставляли огромный след в последующей истории города. Поэтому для предупреждения пожаров Барнаульская городская дума на заседании 13 ноября 1917 г. рассмотрела

решение городского народного собрания, принятое еще в июне 1917 г., о запрете строительства в городе деревянных зданий. В этой связи технический отдел городской управы с 1 октября прекратил выдачу разрешений на деревянные постройки. Но так как некоторые жители уже заготовили материал для строительства, Городская дума приняла постановление отложить до 1 апреля 1918 г. действие данного запрета [8. Л. 192 об. — 193]. Однако не только в Барнауле здания являлись деревянными, такая застройка была характерна как для губернских, так и для малых городов Сибири. В Бийске, например, в годы Первой мировой войны было

около 9000 жилых строений, из которых только чуть более 150 являлись каменными и более 3000 — крытыми железом [19. Л. 19]. В Таре к 1917 г. насчитывалось более 1500 жилых строений, большинство из которых были деревянными, и имелось всего 20 жилых каменных и полукаменных домов [20. С. 149].

Таким образом, на завершающем этапе Первой мировой войны, в период социальных катаклизмов, власти сибирских городов из последних сил пытались следить за противопожарной обстановкой и содержать пожарные команды в рабочем состоянии, несмотря на нехватку финансовых средств.

Источники и литература

1. Мамаев А. В. Самоуправление городов России в условиях революционного процесса. 1917—1918 гг. (на материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний): Дис. ... канд. ист. наук. — Москва, 2010.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1800. Оп. 1. Д. 6.
3. Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX в.: управление, экономика, население. — Томск, 2000.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 3. Д. 5926.
5. Единение. — 1917, 7 окт.
6. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 50. Д. 6.
7. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 9. Д. 10.
8. ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 7.
9. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 50. Д. 21.
10. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 50. Д. 22.
11. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4. Д. 418.
12. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4. Д. 549.
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 240.
14. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4. Д. 98.
15. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX — начала XX в. — Новосибирск, 2006.
16. Барнаульская городская дума 877—1996: Сб. док. — Барнаул, 1999.
17. Борьба за власть Советов на Алтае (Исторический очерк) / под ред. Т. А. Кулакова. — Барнаул, 1957.
18. Сидоренко С. А. Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири (март — апрель 1917 г.). — Челябинск, 1970.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 5. Д. 246.
20. Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р. Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX в. — Барнаул, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/tara/107-116.html> (дата обращения: 19.02.2007).

Колесник Э. Г., Тарасов М. Г.

БОЛЬШЕВИКИ И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ

Как известно, в 1915 г. с целью мобилизации промышленности для военных нужд по инициативе российской буржуазии были созданы военно-промышленные комитеты (далее ВПК). Чтобы показать значимость этих комитетов для всех слоев населения, буржуазия стремилась включить в их состав представителей рабочего класса. Деятельность ВПК была направлена на увеличение производства вооружения, снаряжения и боеприпасов, что могло бы способствовать успехам русской армии на фронтах мировой войны.

Идею создания ВПК поддержали практически все политические партии России, включая оппозиционные, кроме большевиков, которые с самого начала войны заняли пораженческую позицию. По этой причине в деятельности большевиков в годы войны одно из главных мест занимала борьба против ВПК, в частности, стремление не допустить участия рабочих страны в этих организациях.

Среди немногочисленных источников, раскрывающих эту сторону деятельности большевиков, важное место занимают воспоминания активных участников событий.

Особое место среди них принадлежит воспоминаниям члена Русского бюро ЦК РСДРП(б) А. Г. Шляпникова, в которых подробно говорится о причинах создания военно-промышленных комитетов, их сущности и задачах. Кроме того, автор подробно останавливается на характеристике позиций большевиков и меньшевиков в данном вопросе. Следует отметить, что его воспоминания являются одной из первых в советский период работ, в которых столь подробно характеризуется интересующая нас проблема. Большое внимание привлекают воспоминания К. В. Черткова, в которых содержится подробная схема органов ВПК, что вместе с соответствующими комментариями автора создает цельное представление о сущности военно-промышленных комитетов (источник — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга).

Разворачивая борьбу против ВПК, большевистские организации России руководствовались указаниями В. И. Ленина, который в «Открытом письме Борису Суварину» подчеркивал: «Наши рабочие в Петрограде голосуют против участия в военно-промышленных комитетах (важнейший практический вопрос для нас; для России он настолько же важен, как во Франции вопрос об участии в правительстве)» [3. С. 257].

Центром борьбы большевиков против ВПК стал Петроград. В связи с этим именно деятельность большевиков Петрограда по организации бойкота военно-промышленных комитетов наиболее подробно и глубоко отражена в воспоминаниях участников событий. Наибольший интерес представляют мемуары А. А. Андреева, В. П. Каюрова, И. Гаврилова, Ф. Лемешева, С. Лобова и др. Особенно подробно освещает эту проблему Т. К. Кондратьев. Он рассказывает об организаторской и агитационно-пропагандистской деятельности большевиков столицы, препятствующей осуществлению планов буржуазии, и подчеркивает, что накануне выборов в ВПК состоялось совещание городского комитета РСДРП(б), на котором единогласно было принято решение бойкотировать выборы уже на первой их стадии [4. С. 34]. Благодаря деятельности большевиков рабочие завода «Новый Лесснер» большинством голосов приняли резолюцию о неучастии в ВПК [4. С. 53]. Следует подчеркнуть, что резолюция рабочих завода «Новый Лесснер» была настолько революционной по своему духу, что В. И. Ленин

счел возможным и даже необходимым опубликовать ее в газете «Социал-демократ» — центральном органе партии [5].

Используя опыт собрания на «Новом Леснере», большевики Петрограда активизировали борьбу против ВПК. Под лозунгом бойкота прошли собрания на Путиловском заводе, на заводах «Розенкранц», «Эриксон», «Айваз», «Арсенал» и др. Все это нашло отражение в воспоминаниях активных участников событий. Большая их часть является единственным источником при изучении вопроса большевистского бойкота ВПК на предприятиях столицы. К их числу принадлежат воспоминания И. Гаврилова и С. Лобова, в которых подробно рассказывается о победе большевистской линии в отношении ВПК на заводе «Розенкранц», Ф. Лемешева — на Путиловском заводе, В. Каюрова — на заводе «Эриксон» [9. С. 52], Б. Нимвицкого — на Ижорском заводе [10], В. Владимировой-Кукушкина — на заводе «Арсенал» [11]. Указанные мемуары свидетельствуют, что подавляющее большинство рабочих крупнейших предприятий столицы поддержало линию большевиков по отношению к ВПК. Завершением победы над блоком «оборонцев» стало общегородское собрание избирателей, которое состоялось 27 сентября 1915 г. Наиболее подробно об этом событии говорится в воспоминаниях А. А. Андреева [12. С. 144].

В некоторых мемуарах содержатся данные о проведении властями ряда фальсифицированных выборов в рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете и Петроградском окружном ВПК. По итогам этих выборов в число делегатов вошли исключительно представители «рабочей аристократии». Однако подавляющее большинство рабочих прочно стояло на большевистских позициях. В частности, рабочие завода «Новый Леснер» потребовали отозвать из рабочей группы при ВПК меньшевика Брейдо [4. С. 53—54]. К осени 1916 г. рабочие целого ряда заводов по примеру «Нового Леснера» отозвали своих представителей [15. С. 18—19]. Итоги выборов в ВПК в Петрограде в значительной степени повлияли на результат всей кампании по выбору рабочих групп при ВПК на территории России.

В ряде мемуаров содержатся интересные сведения о борьбе против ВПК большевиков Москвы. Наиболее подробными из этих работ

являются воспоминания М. Я. Лациса. Автор пишет о проведении московскими большевиками широкой устной агитации против ВПК на заводах и фабриках, об использовании в этих целях журнала «Вопросы страхования», приводит полный текст большевистского наказа выборщиков, подробно описывает ход общегородского собрания выборщиков, подчеркивает, что большевики, возмущенные неправильным ведением собрания, покинули его, фактически сорвав выборы [16. С. 72—77]. Эти сведения М. Я. Лациса существенно дополняют известные документы о борьбе московских большевиков против ВПК, а также данные, содержащиеся в литературе по истории коммунистической партии. Далее М. Я. Лацис пишет, что власти при поддержке меньшевиков провели незаконные выборы в рабочую группу при ВПК, которая, однако, не пользовалась особой популярностью у московского пролетариата [16. С. 77].

Активный бойкот ВПК выразили большевики Поволжья. Наиболее подробно о большевистском бойкоте ВПК в Саратове пишет активный участник событий Ю. К. Милонов. Автор отмечает, что местные подпольщики были знакомы с результатами выборов в Петрограде, провели среди рабочих города широкую разъяснительную работу, и это в конечном итоге привело к срыву выборов в местный ВПК [19. С. 16—17]. Его данные во многом дополняют известный архивный материал о ходе выборной кампании в Саратове. Привлекают внимание воспоминания В. П. Антонова-Саратовского, в которых содержатся обширные сведения о борьбе саратовских большевиков против ВПК. В частности, отмечается, что рабочие города решительно выступили против вхождения в ВПК и в ряде своих резолюций осудили политику буржуазии, идущую вразрез с их антивоенными настроениями. Ценность воспоминаний В. П. Антонова-Саратовского заключается в том, что в них рассказывается о бойкоте выборов в ВПК рабочими отдельных предприятий города [20. С. 29].

О борьбе большевиков Самары против ВПК довольно подробно говорится в воспоминаниях Р. Д. Мизина. Наибольший интерес вызывает его описание работы Красноглинской конференции самарских большевиков 6 августа 1916 г., на которой были рассмотрены результаты выборов в рабочую группу самарского ВПК. Отмечая победу большевиков, автор подчеркивает, что она в зна-

чительной степени повысила авторитет партии среди рабочих масс и ослабила позиции меньшевиков и эсеров Самары [21. С. 116]. Дополняют мемуары Р. Д. Мизина воспоминания И. Я. Семёнова и Н. Панова, в которых говорится об успехе большевистского бойкота ВПК на крупнейшем в городе трубочном заводе [22. С. 89—90] и текстильной фабрике Зимина [23. С. 6—7]. Также бойкотировали выборы в ВПК рабочие Царицына. Об этом говорится в воспоминаниях активного участника событий М. М. Волкова.

Материал о борьбе большевиков против ВПК в Твери содержится в воспоминаниях В. А. Алексеева. Автор называет имена наиболее активных участников бойкота ВПК и отмечает, что срыв выборов стал возможным только благодаря активной большевистской агитации в массах.

Похожая ситуация была и на Урале, о чем подробно говорится в мемуарах В. Воробьева. В частности, он отмечает, что рабочие Невьянского завода единодушно выступили против выборов, а при выборах екатеринбургского ВПК в него вошло несколько большевиков, и лишь осенью 1916 г., поняв свою ошибку, они отказались от дальнейшего участия в работе комитета. В воспоминаниях А. Кучкина говорится о том, что в ходе выборной кампании в Уфе в местной партийной организации не было единой точки зрения по данному вопросу. Это привело к тому, что ряд большевиков вошли в состав местного ВПК.

Сибирь в годы Первой мировой войны не осталась в стороне от политических процессов. В воспоминаниях Г. Дрониной можно найти сведения об активном бойкоте большевиками Новониколаевска выборов в рабочую группу местного ВПК. И хотя усилиями буржуазии такая группа была создана, автор подчеркивает, что в нее вошли только представители промышленных и торговых кругов [26. С. 38]. Давая в целом правильную оценку результатов

большевистского бойкота, Г. Дронин допускает ошибку, утверждая о неучастии рабочих Новониколаевска в ВПК. В современной историографии приводятся примеры того, что в состав Новониколаевского ВПК вошло несколько рабочих, часть которых были большевиками, и лишь в конце 1915 г., разобравшись в сути деятельности комитета, они вышли из его состава [27. С. 85—86].

В воспоминаниях Ю. П. Гавена содержатся данные о борьбе против ВПК большевиков Красноярска. Автор констатирует, что первоначально у местных большевиков не было единой точки зрения в отношении ВПК: большинство стояло за срыв выборной кампании, часть предлагала послать представителей в рабочую группу. Далее Ю. П. Гавен указывает, что победила первая позиция — большевики на городском собрании выборщиков провели успешную агитацию против ВПК, которая привела к срыву выборов.

Анализ воспоминаний активных участников событий позволил авторам прийти к следующим выводам. Целый ряд мемуаров является единственным источником при освещении того или иного вопроса рассматриваемой проблемы. Заслугой мемуаристов является воссоздание атмосферы, царившей в стране, отдельных регионах, на заводах и фабриках в период Первой мировой войны. Несмотря на некоторые пробелы и неточности, воспоминания активных участников событий могут служить важным ресурсом для изучения большевистского бойкота военно-промышленных комитетов.

Таким образом, богатейший фактический материал, содержащийся в воспоминаниях большевиков, несмотря на известную идеологизацию, может способствовать дальнейшему исследованию политической жизни страны, в том числе и на территории Сибири, в годы Первой мировой войны.

Источники и литература

1. Шляпников А. Г. Канун 1917 г. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1917 гг. — М.—Пг., 1923. — Ч. 1.
2. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1242. Л. 1.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30.
4. Кондратьев Т. Воспоминания о подпольной работе в Петрограде // Красная летопись. — 1923. — № 7.
5. Социал-демократ. — 1915, 13 окт. — № 47.

6. Гаврилов И. На Выборгской стороне в 1914—1917 гг. // Красная летопись. — 1927. — № 2.
7. Лобов С. Из прошлого партийной работы на заводе Розенкранца в 1912—1915 гг. // Красная летопись. — 1931. — № 4.
8. Лемешев Ф. На Путиловском заводе в годы войны // Красная летопись. — 1927. — № 2.
9. Каюров В. Петроградские рабочие в годы империалистической войны. — М., 1930.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1252. Л. 3.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1191. Л. 1.
12. Андреев А. А. О незабываемом. — М., 1972.
13. Арский Р. В Петрограде во время войны // Красная летопись. — 1923. — № 7.
14. Залезский В. А. Из воспоминаний подпольщика. — Харьков, 1931.
15. Шляпников А. Г. Канун 1917 г. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1917 гг. — М.—Пг., 1923. — Ч. 2.
16. Лацис М. /Дядя/ В последней схватке с царизмом. Воспоминания о работе московских большевиков в годы империалистической войны. — М., 1935.
17. Листовки Московской организации большевиков. 1914—1920. — М., 1940.
18. Борисов С. П. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов. — М., 1948.
19. Милонов Ю. К. Накануне великих событий // За власть Советов. — 1968.
20. Антонов-Саратовский В. П. Саратов в годы империалистической войны (1914—1916) и «Наша газета» // Пролетарская революция. — 1923. — № 4.
21. Мизин Р. Д. Красноглинская конференция Самарских большевиков // Вопросы истории КПСС. — 1966. — № 8.
22. Семенов И. Я. Под знаменем большевистской партии // Октябрь в Самаре. — Куйбышев, 1957.
23. Панов Н. Моя работа в Самаре // Красная быль. — 1922. — № 1.
24. Волков М. М. Между двух революций // Дорогой борьбы и побед. — Волгоград, 1963.
25. Алексеев В. А. Незабываемые дни // За власть Советов. — Калинин, 1957.
26. Дронин Г. Е. От Февраля к Октябрю // Воспоминания о революционном Новониколаевске. — Новосибирск, 1959.
27. Мосина И. Г. Военно-промышленные комитеты Сибири в годы Первой мировой войны. // Тр. Томск. ун-та, 1965. — Т. 58. Вопросы истории Сибири. — Вып. 2.
28. Гавен Ю. П. Революционное подполье в период Империалистической войны в Енисейской губернии // Каторга и ссылка. — 1927. — № 7.
29. Воробьев В. Перед рассветом (Невьянск, 1916—1917). — Л., 1925.
30. Кучкин А. В подполье в Уфе в 1901—1915 гг. // Пролетарская революция. — 1929. — № 1.
31. Базанов Я. Семь месяцев партийной работы в Харькове (1915 г.) // Пролетарская революция. — 1922. — № 9.
32. Сурик А. В. Харьковская общегородская конференция РСДРП // Літопис революції. — 1928. — № 1.
33. Балтин А. /Блум Т./ Харьковская организация РСДРП(б) во время войны // Летопись революции. — 1923. — № 5.
34. Батов А. В Донбасівському підпіллі // Літопис революції. — 1930. — № 1.
35. Шмыров И. Из истории революционного движения в Луганске // Летопись революции. — 1924. — № 3—4.
36. Лебедь Д. /Заднепровец/ Очерки революционной работы на Екатеринославщине до 1917 года (и Заднепровье) // Летопись революции. — 1923. — № 2.
37. Валякко В. Из революционной деятельности екатеринославских рабочих с 1914 по 1917 гг. Летопись революции. — 1923. — № 2.
38. Майоров М. Из истории революционной борьбы на Украине (1914—1919). — Киев, 1922.

Чистяков О. В.

ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) является крупнейшим в нашей стране хранилищем документов по истории Первой мировой войны.

Стоит отметить, что в Российской империи архивное дело не являлось централизованным. Архивы были исключительно ведомственными, более того, не существовало даже общего архива военного ведомства. Основными из военных архивов на начало XX в. были Военно-ученый архив, образованный в 1797 г. как Собственное Его Императорского Величества депо карт, собиравший и хранивший коллекции по истории войн Российской империи, картографические документы и коллекции по истории зарубежных стран, и Общий архив Главного штаба Военного министерства, созданный в 1812 г. как Архив Инспекторского департамента Военного министерства и хранивший документы по личному составу военнослужащих русской армии. Общий архив Главного штаба имел два отделения — Петербургское и Московское. В 1865 г. Московское отделение Общего архива Главного штаба (тогда называвшегося еще Общим архивом Инспекторского департамента) было размещено во дворце Петра I на Яузе (Лефортовском дворце), где ныне располагается Российский государственный военно-исторический архив [1].

Вскоре после начала военных действий, 22 сентября 1914 г., в Лефортовском дворце в Москве было образовано Центральное хранилище военно-исторических дел действующей армии для приема документов Первой мировой войны, собиравшихся непосредственно на фронтах полевыми отделениями Военно-ученого архива, которое и стало основой комплекса документов о Первой мировой войне, ныне хранящегося в архиве (общим числом более 3000 фондообразователей). В хранилище должны были передаваться строевые приказы, журналы военных действий, оперативная переписка

воинских частей и соединений, а также полевые книжки офицеров. Документы по личному составу в хранилище не передавались.

В 1918 г. архивное дело в РСФСР было централизовано, и все военные архивы начали передаваться в III (военно-морскую) секцию Единого государственного архивного фонда, при расформировании которой в 1925 г. был создан Военно-исторический архив РСФСР. На протяжении всей истории своего существования комплекс документов Первой мировой войны в РГВИА пополнялся документами из других архивов, трофейными документами, захваченными Красной Армией во время Великой Отечественной войны, и материалами от частных лиц.

Основой комплекса материалов РГВИА о Первой мировой войне являются фонды полевых управлений. Это, в первую очередь, фонд Штаба верховного главнокомандующего, содержащий более 3500 дел в 14 описях [2], и фонды управлений при этом штабе [3]. Далее идут фонды штабов фронтов и управлений при них (всего 116 фондов) и фонды штабов армий и управлений при них (всего 62 фонда).

В фондах корпусов и дивизий, сформированных до Первой мировой войны, материалы о ней практически всегда занимают большую часть. Также в архиве хранятся документы всех корпусов и дивизий, сформированных во время войны. То же можно сказать и о фондах отдельных воинских частей.

Документы о Первой мировой войне занимают значительную часть в фондах Военного министерства [4] и его управлений, в первую очередь Главного штаба [5] и Главного управления Генерального штаба [6]. Здесь стоит отметить

фонд Главного штаба, где сохранился большой массив документов о награждениях генералов и офицеров русской армии орденами Св. Георгия [7].

Отдельно нужно сказать о фондах военных агентств за рубежом, самым значительным из которых является фонд Управления военного агента во Франции, содержащий, кроме всего прочего, сведения об участии русских экспедиционных войск в военных действиях во Франции и на Македонском фронте [8].

В РГВИА хранятся и основные фонды общественных организаций, оказывавших помощь пострадавшим во время Первой мировой войны. В первую очередь это фонды Главного управления Российского общества Красного Креста [9], главных комитетов Всероссийского земского союза [10] и Всероссийского союза городов [11] и их полевых учреждений.

Источники и литература

1. Российский государственный военно-исторический архив. История в документах. 1797—2007. — М., 2011. — С. 13, 139, 203.
2. РГВИА. Ф. 2003.
3. РГВИА. Ф. 2004—2011, 2013, 2015, 2018.
4. РГВИА. Ф. 1.
5. РГВИА. Ф. 400.
6. РГВИА. Ф. 2000.
7. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12.
8. РГВИА. Ф. 15304.
9. РГВИА. Ф. 16251.
10. РГВИА. Ф. 12564.
11. РГВИА. Ф. 12593.
12. РГВИА. Ф. 391.

Кроме всего этого, в РГВИА хранится коллекция документов «Первая мировая война» [12], где собраны в основном иллюстративный и фотографический материал, личные документы участников войны и др. Среди других коллекций стоит отметить собрание послужных списков и списков по старшинству офицеров русской армии, где можно найти документы офицеров — участников войны.

Из имеющихся в архиве личных фондов значительная часть также посвящена Первой мировой войне. В этих фондах хранятся личные письма, мемуары и дневники как известных военачальников, так и рядовых участников войны. Среди первых — генералы М. В. Алексеев, А. А. Поливанов, Н. И. Иванов, А. А. Брусилов, Н. В. Рузский и др.

Всего в фондах РГВИА насчитывается более миллиона единиц хранения по истории Первой мировой войны.

Храпова Н. С.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАХ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение истории западносибирского тыла в годы Первой мировой войны невозможно без привлечения дореволюционных фондов Омского областного архива. Масштабы мобилизации, снабжение фронта продовольствием, масштабное размещение военнопленных и беженцев — вот далеко не полный перечень тем, нашедших отражение в документах.

Прежде всего это источники официального происхождения из вышестоящих органов власти и управления: копии законодательных актов, директивные указания, циркуляры, положения, предписания и объявления органов государственного управления, органов местного самоуправления (канцелярий степного генерал-губернатора, акмолинского губернатора) и центральных общественных организаций. В фондах волостных правлений и крестьянских начальников имеются призывные списки по некоторым населенным пунктам. Наиболее полно представлены призывные списки по Любомировской волости Омского уезда [1. Ф. 20. Оп. 1. Д. 137, 152], есть также список ратников ополчения 1-го разряда Тарского уезда, назначенных на службу в 21-й Сибирский стрелковый запасной батальон [1. Ф. 20. Оп. 1. Д. 208. Л. 18—27].

В фондах военных учреждений: Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска [1. Ф. 67], Военной канцелярии наказного атамана [1. Ф. 54], Военного управления атамана II отдела Сибирского казачьего войска [1. Ф. 52] имеются правительственные телеграммы и письма, циркуляры управлений Военного министерства и штаба Омского военного округа, приказы (в том числе о награждении отличившихся казаков орденами и медалями), неполные мобилизационные списки, сведения о медицинском освидетельствовании призванных казаков, о призывании семейств казаков, призванных на действительную службу, и др.

Деятельность органов городского самоуправления по проведению мобилизаций и призывных кампаний, расквартированию войск, регулированию

цен на топливо и продовольствие, созданию военно-промышленных комитетов, налаживанию материальной помощи, социальному обеспечению солдатских семей, размещению беженцев и военнопленных, контролю за санитарным состоянием в городе и др. отражена в фондах омских городских думы и управы [1. Ф. 30; Ф. 172]. Их документы тесно взаимосвязаны и раскрывают механизмы функционирования законодательной и исполнительной властей, пытающихся решить проблемы быстро увеличивающегося населения города.

Под председательством городского головы В. А. Морозова активно работал Омский областной военно-промышленный комитет [1. Ф. 423], который решал вопросы расширения имеющегося в регионе производства, особенно развития кожевенного дела, изучал возможность выработки различных изделий для нужд армии, координировал работу Омского, Тарского, Петропавловского, Ялуторовского, Макушинского, Курганского, Новониколаевского и других комитетов.

С августа 1914 г. в Омске под руководством заведующего Омской молочно-хозяйственной лабораторией С. М. Кочергина действовал уполномоченный Главного управления земледелия и землеустройства по заготовке продуктов для армии [1. Ф. 81], при котором существовали канцелярия и комиссия. В функции ее входил сбор провизии в населенных пунктах Западной Сибири (в основном сливочного масла и мясных продуктов).

Обширную информацию о масштабах продовольственных и материальных поставок из региона для нужд вооруженных сил содержат и делопроизводственные документы управления

Омской железной дороги [1. Ф. 17], Особого комитета при управлении Омской железной дороги [1. Ф. 90].

С наплывом беженцев и военнопленных остро встали вопросы санитарного состояния в регионе. В фонде Омского окружного военно-санитарного управления, включавшего также территорию Северного Казахстана и Томской губернии, имеются уникальные документы о состоянии госпиталей (бытовые условия, штаты, снабжение), о количестве больных среди раненых, беженцев и военнопленных [1. Ф. 117]. Управление наблюдало за деятельностью Омского военного госпиталя, 142-го, 146-го, 148-го, 149-го, 171-го, 175-го сводных эвакуационных госпиталей, Томского, Новониколаевского, Семипалатинского, Усть-Каменогорского, Зайсанского, Барнаульского, Курганского лазаретов, а также лазаретов при концентрационных лагерях: двух омских, двух томских, Новониколаевского, Петропавловского, Тюменского, Барнаульского, Бийского и Тобольского. В Омске первые лазареты разместились в зданиях Общественного собрания, Коммерческого клуба, Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска, а также в зданиях ряда учебных заведений. Однако наплыв раненых был большим, мест в госпиталях постоянно не хватало. Военно-санитарными инспекторами совершались регулярные осмотры учреждений, по итогам которых выносились предписания либо объявлялись благодарности главным врачам. В документах фонда содержатся и отдельные небольшие списки нижних чинов и военнопленных, находившихся на излечении, а также умерших от ран и различных заболеваний.

О массовой смертности людей можно судить и по имеющимся метрическим книгам церковью города Омска за 1915—1916 гг., в которых регистрировали умерших независимо от вероисповедания. В основном люди умирали от воспаления легких, кишечных инфекций, а позднее — от тифа. В церкви Во имя всех святых одного из крупнейших кладбищ города (Казачьего) с сентября 1915 по декабрь 1916 г. местным священником в день совершалось до 10 обрядов погребения беженцев и их детей [1. Ф. 16. Оп. 11. Д. 94. Л. 286—372]. Наибольшее количество смертей фиксировалось также в метрических книгах Свято-Троицкой церкви, расположенной при железнодорожном вокзале, и Богородице-Скорбященской церкви Омского военного госпиталя.

Фонды Омского уездного и Омского городского комитетов помощи беженцам содержат списки беженцев за 1915—1916 гг. [1. Ф. 103; Ф. 91]. В архиве есть и неполные списки военнопленных обоих омских концентрационных лагерей [1. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1; Ф. Р-1275. Оп. 1. Д. 1].

Вообще, сведения о военнопленных, их списки находятся в различных фондах как дореволюционного, так и советского периода. Большая их часть сконцентрирована в фонде Омского линейного управления по эвакуации населения Центрального управления по эвакуации населения Наркомата по военным делам РСФСР, созданного 27 апреля 1918 г. как коллегия по делам бывших военнопленных и беженцев [1. Ф. Р-135].

В обязанности учреждения также входили подготовка статистического материала о военнопленных по Омску и губернии, выдача аттестатов и экстренных вызовов русским военнопленным, выдача удостоверений личности и документов на право жительства иностранным военнопленным, ведение переписки по вопросам учета и статистики пленных и беженцев с местными органами власти. В фонде собраны сведения не только Омского управления, но и частично Томского, Алтайского, Иркутского, Семипалатинского губернских управлений, Калачинского, Тюкалинского, Татарского, Славгородского уездных управлений. Списки (всего 242 ед. хранения) имеют плохую физическую сохранность, почти все представлены в рукописном виде, часть — на иностранных языках. В основном это данные о тех иностранцах, которые вернулись на Родину, или, во всяком случае, собирались покинуть пределы России.

После ликвидации в 1922 г. Центрэвака и его органов на местах оформление документов на выезд за границу беженцев Первой мировой войны был возложен на отделы управления губисполкомов, в архивных фондах которых также имеются многочисленные списки бывших военнопленных, беженцев и оптантов.

Во многих фондах государственных и частных предприятий и учреждений, организаций Российского общества Красного Креста (Омской общины сестер милосердия, Степного окружного управления, Омского уполномоченного) и общественных организаций, действовавших в то время, сохранились документы о благотворительных пожертвованиях на военные нужды, сборах

вещей для армии и беженцев, организации бесплатных горячих обедов, проведении благотворительных лотерей, кружечных сборов в пользу раненых и больных воинов и др.

Например, 26 августа 1914 г. Степным окружным управлением Российского общества Красного Креста, Особым комитетом по сбору пожертвований в пользу раненых и больных воинов по всему г. Омску, а также в его окрестностях — на Атаманском хуторе и на железнодорожных станциях Омск и Куломзино — был организован кружечный сбор. 280 чел. прошли по частным домам и квартирам, посетили правительственные и общественные учреждения. Уличный сбор проводился до 7 часов вечера, в кинематографах и городских садах — до 10 часов вечера [1. Ф. 119. Оп. 1. Д. 27. Л. 48]. В докладах и отчетах местных общественных организаций имеются данные об их роли в деле оказания помощи армии, беженцам и солдатским семьям.

Целый комплекс документов, отражающих настроение населения и его отношение к войне, содержится в архивном фонде Омского жандармского управления. В одном из многочисленных объявлений населению Акмолинской и Семипалатинской областей говорится: «...Находится немало легковверных и малодушных людей, легкомысленно повторяющих без всякой проверки необоснованные действительностью слухи о наших мнимых неудачах и поражениях, доходящих до фантастических размеров, в зависимости от настроения любителей и любительниц всякого рода тенденциозных слухов. Распространяются сведения о поражении и уничтожении целых частей, не бывших еще в бою и не выдавших в лицо неприятеля... Виновные лица будут подвергнуты заключению в тюрьме до трех месяцев или денежному штрафу до трех тысяч рублей... Граждане, воздержитесь от этой недостойной слабости и дайте сами надлежащий отпор тем лицам, которые не хотят понять и учесть всю важность переживаемого нами времени» [1. Ф. 270. Оп. 1. Д. 36. Л. 70].

В условиях военного времени усилилась и работа военно-цензурных органов. Согласно указу Николая II от 20 июля 1914 г. о введении в действие утвержденного временного Положения о военной цензуре, в полном объеме она могла быть применена лишь на театре военных действий. В прочих местностях могла быть введена только частичная

военная цензура, заключающаяся в просмотре, выемке международных почтовых отправок и телеграмм, а также в просмотре и выемке в отдельных случаях, по распоряжению главных начальников военных округов, внутренних почтовых отправок и телеграмм [1. Ф. 120. Оп. 1. Д. 236. Л. 130].

В архивном фонде Омского окружного почтово-телеграфного управления имеется секретный циркуляр начальника штаба Омского военного округа о разрешении выдачи некоторых посылок только при согласии адресата на вскрытие при нем посылки и осмотр содержимого, причем оружие и подозрительные бумаги должны были быть немедленно конфискованы, а взысканный наложенный платеж сдан в местное казначейство, в депозит штаба округа [1. Ф. 120. Оп. 1. Д. 236. Л. 94].

Ввиду мобилизации и усиленной подачи мобилизационных телеграмм штабом военного округа, военными частями и другими местными учреждениями, а также в связи с постоянно усиливающимся поступлением входящей корреспонденции в управлении за военные годы значительно увеличился личный состав экспедиторов и других отделов службы, а для приема телеграмм были открыты дополнительные кассы [1. Ф. 120. Оп. 1. Д. 266. Л. 5].

В документах архивных фондов Омского жандармского управления, Омского полицейского управления и других органов отражено и изменение отношения к проживавшим здесь этническим немцам. Уже в 1914 г. наблюдается вспышка нетерпимости, переложение части вины в неудачах на фронте на «внутренних немцев».

Ярким примером служит расследование слухов о появлении в крае летательных аппаратов. В канцелярию степного генерал-губернатора стали поступать сообщения: одни местные жители видели 3 огненных шара величиною со среднюю столовую тарелку, как бы висящих в воздухе один над другим по вертикальной линии, другие наблюдали, как «в сторону к разъезду Алонскому с хутора или экономии Рейпенинга поднимается какая-то фигура вверх в виде дыма и отделяется от земли и уходит к облакам...» [1. Ф. 270. Оп. 1. Д. 648. Л. 24]. В ночь с 30 на 31 декабря 1914 г. крестьянин Марк Головкин заметил 2 огненных столба конусообразной формы: один в стороне немецких заимок, а другой по направлению

ст. Сандыктавской. По свидетельству одного пастуха, 24 или 25 августа 1915 г. после заката солнца он видел «подымающуюся из леса на воздух какую-то фигуру наподобие курятника». На предмет поиска аэропланов были обследованы немецкие пос. Звонарев Кут, Сосновка, Новинка, безрезультатно велось круглосуточное наблюдение (днем — полицейскими урядниками, ночью — казаками) над хозяйствами Бертмана, Штумпфа, Лехнера, Изаака, Фурмана и др.

Обострившиеся социальные противоречия и напряженность по отношению к российским немцам послужили толчком к политизации «немецкого вопроса». Проявлением нетерпимости был запрет немецкой речи, немецкой музыки, преподавания немецкого языка и т. д. Согласно предписаниям войскового наказного атамана генерал-лейтенанта Н. А. Сухомлинова, немецкие колонии, расположенные на войсковой земле, на казачьих офицерских участках и между казачьими станицами и поселками, должны были быть приписаны к ближайшим станицам и поселкам и через поселковых и станичных атаманов подчинены войсковому начальству. Немцам-колоницам воспрещалось разговаривать по-немецки, в колониях и хуторах не допускалось никаких вывесок, объявлений и надписей на немецком языке [1. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2920. Л. 59].

Источники и литература

1. Исторический архив Омской области.

Имеются документы и о реквизиции подлежащих отчуждению предметов из магазина германскоподданного Оскара Нольте [1. Ф. 36. Оп. 1. Д. 59], а также материалы расследования деятельности служащих «Компании Зингер» [1. Ф. 108. Оп. 1. Д. 7а].

Одним из интереснейших источников всегда являются документы личного происхождения. Так, в личном фонде известного историка Сибирского казачьего войска генерала Г. Е. Катанаева (1848—1921) среди многочисленных уникальных материалов имеются личные записки и вырезки из газет о состоянии тыла, о военнопленных и беженцах, немецких колониях в Степном крае, настроениях сибирских казаков в годы войны [1. Ф. 366. Оп. 1. Д. 413, 423], собранные счета по подписке на журнал «Вестник помощи призванным на войну» [1. Ф. 366. Оп. 1. Д. 422].

Таким образом, омский архив сохранил для исследования обширный пласт документов, посвященных истории последней войны Российской империи, что дает возможность изучить влияние войны на «мирную» жизнь глубокого тыла, процесс взаимодействия центральных органов власти с регионом, изменение общественного сознания.

Помыткина В. Л.

ТАРСКАЯ УЕЗДНАЯ ТЮРЬМА В 1917—1919 гг.

Неудачное завершение Первой мировой войны, сопровождавшееся двумя революциями 1917 г., отразилось на всех сторонах жизни российского общества. В течение 1917—1919 гг. власть в стране неоднократно менялась. В губернских и уездных городах Сибири происходили постоянные изменения властных структур. Не стал исключением и древний сибирский городок, основанный в 1594 г., — г. Тара. Менялась жизнь в учреждениях города, в том числе и в закрытой от посторонних глаз Тарской уездной тюрьме.

Первый месяц наступившего 1917 г. для Тарской тюрьмы не стал особенным. Решались обычные служебные вопросы, выполнялась текущая работа. 9 января от инспектора Главного тюремного управления Тобольской губернии были получены указания на исправление недостатков, выявленных в ходе ревизии, проведенной в 1916 г. Нарушения были следующего характера: в карцер помещали по 2 арестанта вместо одного, тетради для письменных занятий не были прошнурованы и пронумерованы, бумага для прошений и писем выдавалась без штампа начальника тюрьмы, мытье арестантов в бане не было еженедельным, а происходило раз в 2 недели и реже [1. Л. 3]. В конце января 1917 г. решил вопрос с местными крестьянами, осужденными за винокурение. Было разрешено отпускать их «на внешние работы», не согласовывая каждый отдельный случай со следственными властями и прокурорским надзором. Отвечая требованиям военного времени, на фронт Первой мировой войны отправляли и заключенных. Об этом свидетельствует указание Тюремного отделения министерства юстиции о том, чтобы для них подавались списки заключенных, «эвакуированных из мест заключения, находящихся на фронте» с анкетными данными [2. Л. 30].

После февральских событий в Петрограде уже в марте в тюрьмах происходит амнистия. Заключенных освобождают с разъяснением им необходимости соблюдения порядка и наказом «всецело отдаться благоразумной трудовой жизни с самой усиленной энергией, так как это сейчас необходимо для поражения внешнего врага»

[1. Л. 6]. Освобождались от надзора административно-ссылные и подследственные по политическим и религиозным преступлениям. Не попадали под амнистию только осужденные за шпионаж. Оставался и надзор за подданными воюющих с Россией держав. Постановлением Временного правительства от 17 марта 1917 г. из Тарской тюрьмы были освобождены 36 чел., а 22 марта еще 76 чел. В связи с этим произошло уменьшение числа заключенных в тюрьмах, что в свою очередь привело к сокращению штата тюремного надзора. Смягчились условия содержания заключенных. Циркуляром Главного управления местами заключения и приказом главного инспектора по пересылке арестантов от 8 марта 1917 г. было отменено наложение на заключенных всех видов оков: кандалов, наручников и т. д.

Согласно постановлению Временного правительства от 26 апреля, освобожденные поселенцы должны были находиться под наблюдением общества «Патронат» [1. Л. 7]. Этим же постановлением были отменены ссылка на поселение и каторжные работы, наказание за бродяжничество. В течение 3 лет после освобождения устанавливались следующие ограничения в правах: после освобождения из мест заключения человек переходил под наблюдение общества «Патронат», которое оказывало ему помощь. Бывшим арестантам предоставлялось право избрать себе место жительства. Им запрещалось жить «в Столицах и во всех местностях Столичных губерний, губернских городах, и местностях, ближе 25 верст от губернских городов» [1. Л. 34]. При этом освобожденный должен

был безотлучно пребывать в выбранном месте жительства, вести добропорядочный образ жизни. Ропуск заключенных привел к тому, что уже в апреле начальник Тарской тюрьмы вынужден был обращаться в Тобольскую губернскую тюремную инспекцию с просьбой о высылке трудоспособных арестантов для заготовки дров в Екатерининскую лесную дачу для нужд тюрьмы. Но ввиду такого же положения с нехваткой рабочих рук в других тюрьмах губернии начальнику тюрьмы в высылке заключенных было отказано.

29 октября 1917 г. в канцелярии Тарского уездного комиссариата прошло заседание граждан г. Тары для обсуждения вопроса об открытии в городе «Патроната» — общества покровительства лицам, освобожденным из мест заключения. Целями общества были содействие бывшим заключенным в устройстве быта «в видах возвращения на путь честной жизни» и помощь нуждающимся семьям заключенных и ссыльных [6. Л. 14—16].

Общество состояло в ведении Министерства юстиции по Главному управлению местами заключения. Под покровительство общества принимались:

- лица, освобожденные из мест заключения после отбытия наказания в виде лишения свободы, как совершившие преступление в первый раз, так и рецидивисты, если человек подал надежду возвратиться на путь честной жизни;
- лица, условно освобождаемые из мест заключения на основании закона о досрочном освобождении;
- лица, содержащиеся под стражей, относительно которых было прекращено уголовное преследование или состоялся оправдательный приговор;
- семейные лица, содержащиеся под стражей, и ссыльные.

Под покровительство общества попадали только те, кто выразил такое желание. Деятельность общества заключалась в снабжении бывших заключенных одеждой, медицинскими препаратами, в выдаче им ссуд и денежных пособий, в поиске работы для освобожденных, в содействии помещению их в приюты, больницы, школы, убежища, в содействии скорейшему получению вида на жительство, отправлению на Родину после освобождения.

Членами тарского общества «Патронат» стали: уездный комиссар И. П. Русинов, директор Тарской мужской гимназии А. Я. Вялых, товарищ председателя Тарского комитета по введению земства в Тарском уезде А. Ф. Вальтер, тарский уездный воинский начальник А. А. Бестужев, А. Г. Куликова, А. С. Орлова, священнослужители о. Василий Успенский и Павел Князев, В. П. Новицкий, К. С. Ярков, С. С. Марченко, И. А. Рукин и др. [6. Л. 17—19]. Сведений о дальнейшей работе общества «Патронат» в документах Тарской уездной тюрьмы не имеется.

5 сентября 1917 г. губернский тюремный инспектор предложил начальникам мест заключения Тобольской губернии отделить несовершеннолетних от других заключенных, а также «отделять малоиспорченных малолетних от их более испорченных товарищей» [1. Л. 36]. Подrostков следовало обучать школьным предметам. Арестанткам, имеющим грудных детей, предписывалось отвести особое помещение, чтобы устроить в нем ясли и комнаты для дневного пребывания старших детей.

С началом нового 1918 г. в режиме Тарской тюрьмы происходят изменения. В выписке из газеты «Рабочего и крестьянского правительства» от 25 января 1918 г. говорится о переходе всех военных тюрем в ведение Народного комиссариата юстиции и выработанной им совместно с представителями администрации Трубецкого бастиона инструкции по содержанию заключенных. Эту инструкцию предписывалось соблюдать и другим тюрьмам, в частности, Тарской, до получения дополнительных указаний. Согласно инструкции, заключенные должны были содержаться по одному в закрытых камерах. Они могли иметь собственную одежду, белье, обувь, постельные принадлежности. Арестанты могли получать обед и ужин со стороны за свой счет. Режим питания был следующим: в 8 часов утра подавался кипяток для чая, в 12 часов — обед, в 18 часов — ужин и кипяток. Заключенным предоставлялось право заниматься в камерах письменными работами, читать книги, как библиотечные, так и передаваемые. Вся литература и переписка тщательно проверялись. За такие провинности, как оскорбление караула, слушание и прочее, могли лишиться права переписки, чтения. Разрешались 20-минутные свидания, еженедельное

мытье в бане. Заключение в карцер как мера взыскания была отменена. В протоколе заседания Тюремного отдела исполнительного комитета Тарского уездного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов от 9 апреля были оговорены особенности содержания заключенных в Тарской тюрьме. Дисциплинарными мерами наказания арестованных стали выговор, лишение права переписки на 1 месяц, лишение свиданий на 1 месяц, запрет передач, помещение в камеру одиночного заключения на 1 месяц, лишение права курения. Эти наказания могли применяться как по отдельности, так и все вместе. Применение сразу всех наказаний, а также лишение горячей пищи сроком до 3 дней могло быть применено лишь в особо важных случаях и с разрешения Тюремной коллегии. Оружие служащим тюрьмы разрешалось применять для защиты себя и охраняемых лиц или постов, а также в случае буйства и беспорядка среди арестантов. Ввиду отсутствия книг, газет и журналов для арестованных в Тарской тюрьме Тарский тюремный отдел обращался к Омскому отделу с ходатайством о помощи в приобретении книг и выписке журналов.

В феврале 1918 г. начальником Тарской уездной тюрьмы был Александр Попов, его заместителем — Александр Тютрюмов. А. Попов с 1 августа 1918 г. был уволен в отставку по болезни, и на его место пришел бывший начальник Тюкалинской тюрьмы Андрей Беляев. В это же время в тюрьме работали: врач Иван Щеглов, фельдшер Феодосий Наранович, священник о. Алексей и псаломщик Михаил Кремлев [7. Л. 1]. Штат Тарской тюрьмы состоял из 2 старших, 19 младших надзирателей и 2 младших надзирательниц. Тюрьма была рассчитана на содержание в ней 170 чел. — 149 мужчин и 21 женщины.

К осени 1918 г. в связи со сменой власти происходит увеличение количества арестантов в тюрьмах. В сентябре 1918 г. ввиду увеличения окладов содержания чинам тюремного ведомства был прекращен отпуск казенного керосина на освещение казенных квартир для тюремной администрации и стражи. В смете доходов и расходов Тарской тюрьмы на 1918 г. были запланированы доходы от директорских и членских взносов, пожертвований, кружечного сбора, поступлений из казны на продовольствие арестантов, их лечение, погребение

умерших. Также доход приносили работы, выполняемые арестантами, — они трудились в ассенизационном обозе, на кирпичном производстве, доставке воды населению города (по 100 руб.), сенокосении (по 250 руб.).

Статьи расхода включали содержание канцелярий и их отделений, тюремной администрации и надзора, церковью, духовенства, школ и библиотек, здоровых арестантов, а также лечение больных. Кроме того, предусматривались расходы на содержание лошадей и кучера. В Тарской тюрьме среди заключенных были столяры и токари, починщики одежды, шорники, бондари, хлебопеки, кашевары, столовщики, квасники, истопники, конюхи, трубочисты и представители прочих профессий. Безотносительно к поступлениям из казны арестанты своим трудом зарабатывали деньги на свое содержание и могли иметь собственные средства. Это было хорошим подспорьем в сложившейся для страны тяжелой экономической ситуации, когда государство сокращало расходы на содержание тюрем. В «Отчете о ходе арестантских работ» указано, что арестантами с 1 августа 1917 г. по 1 января 1918 г. было заработано 882 руб. 85 коп. Из этих денег 505 руб. 99 коп. пошли в пользу арестантов, 24 руб. 82,5 коп. — в доход казны и 344 руб. 88,5 коп. — в доход места заключения. Из денег, ушедших в доход тюрьмы, 264 руб. ушло на оплату арестантам за хозяйственные работы [8. Л. 9].

В октябре 1918 г. жалованье работников тюрьмы по Сибири было следующим: начальник уездной тюрьмы получал 400—500 руб., надзиратели — 250—300 руб. С апреля 1919 г. устанавливается ставка начальника уездной тюрьмы в 425 руб., старшего и младшего надзирателя — 210 и 170 руб. соответственно. В октябре 1920 г. заработные платы были следующими: представители административного управления имели оклад в 1750 руб., заведующий канцелярией — 1550 руб., заведующий хозяйственной частью — 1350 руб., постовые охранники — 930 руб. [4, 5, 9].

В декабре 1918 г. в Мариинской уездной тюрьме Тобольской губернии началась эпидемия сыпного тифа. Из-за этого была временно приостановлена пересылка туда заключенных из Тарской тюрьмы.

В апреле 1919 г. ввиду тяжелого положения государственного казначейства кредит на вещевое

довольствие заключенных был отпущен в минимальных размерах. В связи с этим было решено одежду для арестантов выдавать только в тех тюрьмах, где в этом остро нуждались. Распоряжением Главного управления местами заключения подследственным заключенным было разрешено содержаться в собственной одежде, а наиболее благонадежным заключенным, не склонным к побегу, — иметь собственные предметы одежды. Казенное вещевое довольствие стало выдаваться с большой экономией, не более 25 % от общего числа заключенных. В этом же месяце Главное управление местами заключения приказало всем тюрьмам 1, 8, 15 и 22 числа каждого месяца доставлять в местную Тюремную инспекцию и в статистический отдел Главного управления местами заключения данные о содержащихся заключенных в связи со свержением советской власти. В распоряжении Главного управления местами заключения от 30 апреля 1919 г. говорится о том, что «...следует принять самые решительные меры к тому, чтобы в сохранившихся тюремных мастерских возобновились работы, а также работы вне тюрьмы. Все заключенные, обязанные по закону работать, не оставались без дела, работы должны быть направлены, в первую очередь, на удовлетворение нужд армии» [5. Л. 84]. Все заключенные, включая подследственных, обязаны были выходить на работы по распоряжению тюремной администрации. Исключение составляли нетрудоспособные арестанты.

В тюрьме практиковался кружечный сбор — сбор денег арестантами и надзирателями в закрытую кружку, которая потом вскрывалась в присутствии свидетелей, чаще всего священнослужителей. В сентябре 1919 г. в тюрьме было произведено вскрытие кружки «В пользу Красного Креста», собрано 14 руб. 58,5 коп. В этот же день вскрыли еще 3 кружки — 2 на украшение тюремного храма (19 руб. 31 коп.) и одну для нужд заключенных (27 руб. 51 коп.) Постановлением Совета министров от 3 апреля 1919 г. было утверждено временное положение об обеспечении семей служащих и медицинского персонала на случай смерти от заразных болезней. Пенсия назначалась в том числе и служащим тюремного ведомства. 7 мая 1919 г. циркуляром Главного тюремного управления было рекомендовано устраивать при местах заклю-

чения огороды, а также разводить свиней, с тем чтобы продавать излишки. В октябре 1920 г. арестанты сдавали деньги в пользу Красной Армии от 25 до 350 руб. Наибольшие суммы были сданы И. Н. Матюхиным — 500 руб., А. М. Перпель — 500 руб., Л. З. Шаханиным — 435 руб., А. Т. Сквородиным — 500 руб., М. А. Хайкиным — 350 руб. Всего деньги сдали 58 чел. — 11 180 руб., Яков Завязочников — 2000 руб. [11. Л. 96—97].

Весной 1919 г. в Тарской уездной тюрьме началась эпидемия цинги, а потом брюшного и сыпного тифа. Эпидемия цинги была вызвана недостаточным питанием заключенных и однообразием пищи (мясной суп с крупой и каша). Для устранения эпидемии руководством тюрьмы были приняты меры — улучшение пищи и изоляция больных.

На 12 января 1919 г. в Тарской тюрьме содержалось 147 заключенных. Из них под судом и следствием находились 97 мужчин и 11 женщин, среди них 28 политических; срочных заключенных — 31 мужчина и 4 женщины, 2 военных и 2 детей при арестантах. Из 147 заключенных 29 были больны. С начала года количество заключенных в Тарской тюрьме увеличилось, камеры были переполнены. На 19 января здесь находилось уже 152 заключенных, 23 февраля — 180, 9 марта — 210 [7].

Распоряжением Главного управления местами заключения в целях разгрузки переполненных тюрем и распределения заключенных в места заключения по категориям решено было направлять приговоренных к каторжным работам в Александровскую центральную каторжную тюрьму Иркутской губернии, а красноармейцев, красногвардейцев и других арестованных в связи со свержением советской власти — в Соколовский стан Амурской области [5. Л. 85]. В июне 1919 г. происходит ужесточение режима содержания арестантов: за попытку побега их помещали в отдельную камеру, а при повторном побеге налагали ручные или ножные оковы.

В конце 1919 г., после восстановления советской власти, произошло ужесточение режима содержания в тюрьме. Тарский военно-революционный комитет дал указание, чтобы камеры, в которых содержались заключенные, открывали только на время прогулок, получения

пищи и питья. Остальное время камеры должны были быть заперты.

Во второй половине 1919 г. арестантов в Тарской тюрьме было не менее 200—250 чел. Доходило и до 300 чел., в основном за счет увеличения числа административных подследственных. Это при том, что тюрьма была рассчитана на содержание 170 заключенных. С начала 1920 г., после установления советской власти,

произошло резкое снижение количества заключенных. В январе — мае 1920 г. в тюрьме содержалось от 74 до 130 чел. [7. Л. 116—123].

История тюрьмы небольшого сибирского городка Тары отразила все сложности и противоречия жизни русского государства и общества в критическую эпоху завершающего этапа Первой мировой войны и последующей после нее войны Гражданской.

Источники и литература

1. Тарский филиал Исторического архива Омской области (ТФ ИАОО). Ф. 23 (Тарская уездная тюрьма, 1886—1922 гг.). Оп. 1. Д. 18.
2. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 30.
3. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19.
4. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 29.
5. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 28.
6. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 20.
7. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 31.
8. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21.
9. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 27.
10. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 35.
11. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 2. Д. 1.
12. ТФ ИАОО. Ф. 23. Оп. 2. Д. 14.

Гордеев О. Ф.

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ БАЗЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (август 1914 — февраль 1917 г.)

Разразившаяся 1 августа (19 июля) 1914 г. мировая война, еще не получившая порядкового номера, открыла начальную страницу в формировании документальной базы для изучения в грядущем ее истории.

Именно тогда стали печататься, в частности, в России, в периодических изданиях, газетах и журналах, а потом в тематических сборниках документы, относящиеся к проблемам внутренней и внешней политики страны, а также ее союзников и ее врагов.

В основном публикации такого рода осуществлял «Правительственный вестник», издававшийся Главным управлением по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи. Главным редактором издания почти всю войну был С. П. Урусов. «Вестник» помещал на своих страницах бумаги Совета министров, Государственного совета, а также разного рода материалы из дипломатической почты и хронику политической жизни как в стране, так и за ее пределами.

Регулярно на протяжении многих десятилетий выходило «Собрание узаконений и распоряжений правительства» (с 1883 г. в виде прибавления к «Сенатским ведомостям»). В нем помещались все манифесты, «Высочайше утвержденные Государственным советом, Высочайше утвержденные и Государственной думой, и Государственным советом законы, высочайшие повеления, указы Сената, трактаты, постановления и распоряжения центрального правительства, имеющие общеобязательное значение». Опубликование закона в «Собрании узаконений и распоряжений» означало официальное его обнародование [5. С. 1515].

По существу, первым сборником официальных материалов, касавшихся начавшейся войны, стал стенографический отчет заседания Государственной думы 26 июля, составленный на основании Высочайшего Указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г.

Об атмосфере того собрания вспоминал служивший канцелярии Думы Я. В. Глинка: «Президиуму везет, необычайный подъем, важность наступивших обстоятельств — все это сплачивает все партии и примиряет» [3. С. 137].

Стоя депутаты выслушали Манифест Николая II, который зачитал товарищ председателя Думы С. Т. Варун-Секрет. Манифест царя был обращен к чувствам подданных, был очень эмоционален: «...ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут верные Наши подданные. В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом, да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага...» [4. С. 3.].

С разъяснением происходящих в мире событий перед собравшимися выступил министр иностранных дел С. Д. Сазонов, заявивший, что виновниками вооруженного конфликта были две страны — Германия и Австро-Венгрия, и Россия в нем — защитница балканских народов. Он рассказал также о предпринимаемых Россией усилиях предотвратить войну и о том, что ее голос не был услышан. С. Д. Сазонов остановился на позициях союзников России — Англии и Франции. «Образ действия Германии не мог не вызвать глубокого негодования всего цивилизованного мира и, прежде всего, благородной Франции, которая вместе с нами встала на защиту поправленного права и справедливости. Нужно ли говорить, что те же чувства одухотворяли Англию... Англию,

которая, как один человек, сплотилась в общем чувстве — необходимости дать отпор Германии в ее стремлении наложить на Европу тяжелую руку своей гегемонии», — сказал министр [4. С. 8—12]. Разумеется, за скобками министерской речи в Думе остались серьезные переплетения русско-французских и русско-английских отношений даже непосредственно во время объявления Германией и Австро-Венгрией войны своим историческим неприятелям.

О состоянии бюджета страны и задачах министерства финансов в условиях начавшейся войны депутатов проинформировал министр финансов П. Л. Барк. С думской трибуны он заявил: «Для ведения войны государству приходится наряду с военной мобилизацией произвести также мобилизацию финансовую». Для этого, по его мнению, надо было позаботиться об укреплении золотого запаса путем запрещения или, по крайней мере, ограничения обмена кредитных билетов на золото. С введением в России «сухого закона» и в этой связи сокращением «питейных доходов» надо было немедленно принять меры по организации налоговых поступлений из иных источников. Кроме того, П. Л. Барк просил членов Государственной думы одобрить меры правительства, связанные с изъятием средств из разных статей разных ведомств в пользу удовлетворения военных нужд. В заключение своего краткого выступления министр финансов остановился еще на одном важном вопросе — обеспечении «семей запасных, призванных на войну». Отмечалось: «Когда кормилец семьи идет на защиту родины, и правительство, и общество должны принять все меры, чтобы семьи ушедших были обеспечены. В деле оказания помощи огромное содействие могут оказать местные органы самоуправления», — сказал он [4. С. 12—18]. По докладу П. Л. Барка Дума одобрила два законопроекта: «О некоторых мерах к усилению средств казны в виду обстоятельств военного времени» и «О некоторых мерах финансового характера в виду обстоятельств военного времени».

Выступившие вслед за Барком депутаты выказали полную поддержку правительственной политике. Из общего ряда выступлений выделялась речь представителя Трудовой группы А. Ф. Керенского. Сказав о необходимости для всех защищать свою родину, в результате чего «укрепится братство всех народов России», вместе с тем он заявил: «Неискупима ответственность правительств всех

европейских государств, во имя интересов правящих классов толкнувших свои народы на братоубийственную войну. Социалисты всех ныне воюющих стран — Франции, Англии, Бельгии и Германии — пытались протестовать против разразившейся ныне войны. Мы же — русская демократия — не могли даже в этот последний страшный час вовремя свободно возвысить свой голос против надвигающейся войны. Но, глубоко веруя в единство всех трудящихся классов всех стран, мы шлем свой братский привет всем протестовавшим против подготавливавшейся братоубийственной бойни народов» [4. С. 18—19].

Диссонансом стала речь представителя социал-демократической фракции в Государственной думе В. И. Хаустова. «От имени социал-демократической фракции и российской социал-демократии, — произнес он с трибуны, — я уполномочен заявить нижеследующее: страшное, небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира. Миллионы рабочих оторваны от мирного труда, разорены и брошены в кровавый водоворот; миллионы семей обречены на голод. Война началась. Когда европейские правительства готовились к войне, европейский пролетариат, во главе с германским, выступил с дружным протестом против подготавливаемой правящими кругами войны. Ряд сложившихся обстоятельств помешал рабочим России выступить открыто с тем же протестом против войны. Но в моменты грандиозных демонстраций европейского пролетариата против войны сердца российских пролетариев были вместе с их сердцами. Настоящая война, порожденная политикой захватов, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран. Пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили. Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несет. Но мы глубоко убеждены в том, что в международной солидарности всех трудящихся масс всего мира пролетариат найдет средства к скорейшему прекращению войны. И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами, а самим народом; и вместе с тем мы высказываем глубокое убеждение, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник

насилий и угнетений, от которых они страдают, и что теперешняя вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой» [4. С. 20]. Речь оратора была встречена рукоплесканиями с мест «крайне левых, шипением справа». В заключение заседания Государственной думы были одобрены тексты телеграмм солидарности председателям Сербской народной скупщины и Черногорской народной скупщины, а также председателю французской палаты депутатов, спикеру английской палаты общин и председателю бельгийской палаты депутатов.

Чуть позже выхода в свет стенографического отчета Государственной думы о заседании 26 июля 1914 г. Министерство иностранных дел выпустило «Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне». В него были включены, в частности, нота Вены, переданная австро-венгерским посланником в Сербии, касавшаяся событий в Сараево и означавшая фактически ультиматум сербам; переписка российского МИДа со своими послами и посланниками в Белграде, Вене, Берлине, Париже и Лондоне с целью выяснения действительной позиции правительств Сербии, Австро-Венгрии, Германии, Франции и Англии, в которой давались рекомендации вести зондаж в названных столицах о возможности предотвращения военного столкновения в Европе. Показывалась почта Петербурга и Берлина, демонстрировавшая истинную роль Германии в разгоравшемся конфликте (на словах правительство кайзера ратовало за сдерживание зависимой от нее Вены, а на деле подталкивало своего партнера к походу на Сербию). В телеграмме С. Д. Сазонова своему послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу говорилось прямо: «Из частных бесед с Пурталесом у меня все более складывается убеждение, что ключ положения в Берлине и что Германия благоприятствует непримиримости Австрии. Берлинский кабинет, который мог бы остановить развитие кризиса, не проявляет, видимо, никакого воздействия на свою союзницу... Считаю весьма тревожным такое положение Германии и полагаю, что Англия могла бы лучше других держав предпринять шаги в Берлине для соответствующего воздействия» [6. С. 34].

Все материалы названного сборника несколько позже целиком вошли в «цветную книгу» российского МИДа — «оранжевую» (рис. 1). «Цветные книги» — общее наименование некоторых

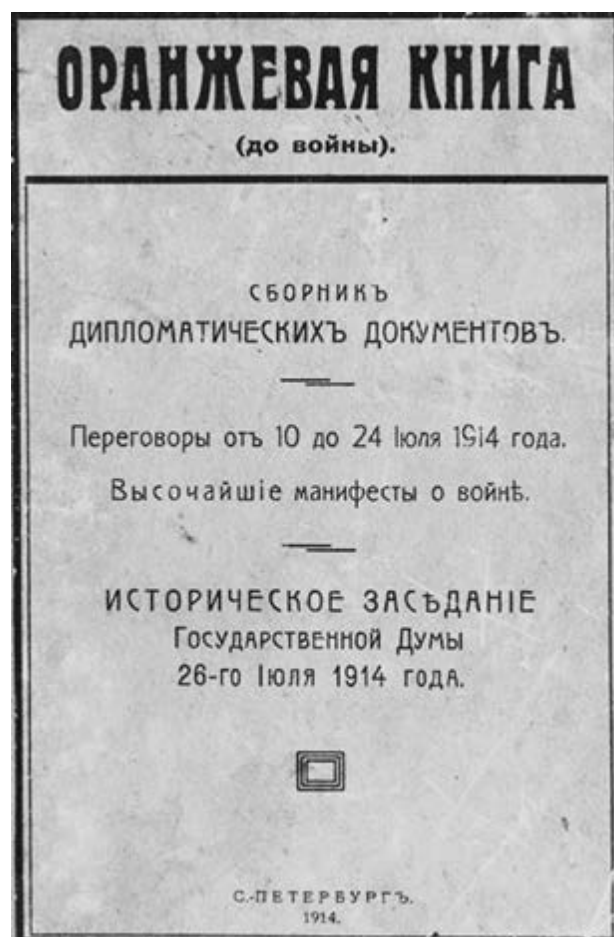

Рис. 1

публикаций (большой частью официальных) политических документов, издаваемых в разных странах в виде тематических сборников (название дается по постоянному цвету обложки). Впервые публикации материалов заседаний парламента и дипломатических документов в виде «цветных книг» — «синих», а потом также «белых» — появились в Англии в XVII столетии. В других странах систематическое издание «цветных книг» началось с 60-х гг. XIX в.: в 1861 г. — во Франции («желтых») и Италии («зеленых»), в 1868 г. — в Австро-Венгрии («красных»), а по вопросам внешней торговли — «коричневых»), в 1870 г. — в Германии («белых» — главным образом, по колониальным вопросам). В конце XIX — начале XX в. начали выходить в свет «красные книги» в Турции и Испании, «зеленые» — в Болгарии, Румынии, Мексике, Бразилии, «серые» — в Бельгии, Дании, Японии, «белые» — в Португалии, Греции, Польше, Чехословакии, «оранжевые» — в Нидерландах, «синие» — в Сербии, Швеции.

После начала Первой мировой войны воюющие страны опубликовали целый ряд «цветных книг», среди которых — две «оранжевые книги» царского правительства. Иногда «оранжевыми книгами» называют еще и 18 публикаций за 1905—1915 гг., включая «малиновую книгу» — сборник документов о переговорах с Японией. Издание «цветных книг» преследовало, как минимум, две цели: оправдаться перед мировым общественным мнением в своей непричастности к развязыванию мирового конфликта и повлиять на психологическое состояние населения своих государств.

Большая часть «цветных книг», изданных за рубежом, была переведена на русский язык и напечатана многими издательствами. Одной из первых появилась германская «белая книга», увидевшая свет в августе 1914 г. в оригинале (составлена германским министерством иностранных дел). В русской версии был представлен ее полный перевод. Вдобавок к нему был дан обширный подстрочный комментарий, составленный на основании русских, французских и английских дипломатических документов. Книга выходила в России дважды: в издательстве «Библиотека великой войны» и государственном издательстве «Освобождение». Во втором случае книга носила подзаголовок «Книга лжи». Вся вина за развязывание европейской войны в ней возлагалась в основном на Россию. «Русское правительство опубликовало 24 (11) июня сообщение, в котором оно объявило, что оно не может оставаться индифферентным к сербско-австрийскому конфликту. Вечером 26 (13) июня министр иностранных дел г. Сазонов сообщил об этом германскому послу, графу Пурталесу. Германское правительство на это ответило через своего посла в Петербурге, что Австро-Венгрия не ищет новых завоеваний и хочет только мира на своих границах. После официального заявления Австро-Венгрии России, что она не домогается территориальных приобретений, судьба всеобщего мира зависела исключительно от Санкт-Петербурга», — указывалось в разъяснении Берлина [2. С. 9].

Чтобы добиться нужных результатов, немецкое внешнеполитическое ведомство прибегло к «маленькой хитрости»: в подготовленной к выходу в свет «белой книге» не нашлось места телеграмме Николая II Вильгельму II от 16 июля 1914 г., в которой предлагалось: «...Было бы правильно

весь австро-сербский вопрос передать Гаагской конференции, чтобы избежать кровопролития. Доверяюсь твоей мудрости и дружбе» [7. С. 170—171]. Ознакомившись с немецким изданием «белой книги», российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов сделал на ее страницах пометку по поводу упомянутой телеграммы: «не помещена в германской “белой книге”». Сделанное русской стороной предложение противоречило ключевому тезису немецкого руководства: в возникновении войны виновата Россия. И его предпочли «забыть».

Попала в русском переводе к российскому читателю «Белая книга (европейский кризис). Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне. Август 1914 г.», которая была представлена обеим палатам парламента по повелению Его величества короля Георга V, с приложением речи сэра Эдуарда Грея, министра иностранных дел Великобритании, в палате общин 3 августа 1914 г. (извлечения из парламентских дебатов были представлены там же).

В опубликованных материалах сквозит ключевая мысль — в клубке противоречий накануне и во время мировой войны Британия должна прежде всего видеть свой ориентир — британские интересы, а своих союзников, и прежде всего Россию, подчинить им. Об этом свидетельствует телеграмма министра своему послу в Петербурге сэру Дж. Бьюкенену от 27 (14) июля 1914 г. и другие документы, помещенные в книге [1. С. 27, 54—55 и др.].

Еще более рельефно имперские идеи представлены во второй «белой книге» «Война с Турцией» — дипломатической переписке Англии, предшествовавшей разрыву с Турцией. «Красная книга» австрийских дипломатов — редкостный пример русофобства.

В вышедшей в свет «желтой книге» французского министерства иностранных дел с предисловием академика, бывшего главы внешнеполитического ведомства во Франции Габриэля Ганото интерес представляют телеграммы, послания, ноты, касающиеся отношений с Россией, в которой Франция видела необходимый для себя военно-стратегический потенциал. Бельгия выпустила «серую книгу», включившую документы, отразившие страх перед германским нашествием и неуклонное желание сражаться с немецкими солдатами.

«Зеленая книга» итальянского МИДа — образец лавирования страны между блоками в поисках выгодного партнера, благодаря которому можно получить свои дивиденды.

В 1915 г. петроградским издательством «Мелье и Ко» была издана сербская «синяя книга» (всего несколько страниц), документально показывающая отчаянную борьбу маленькой страны за возможность жить спокойно и мирно.

«Цветным книгам» воюющих стран оценку дали уже современники. Особенно критически они восприняли германскую «белую книгу»

и австрийскую «красную», преимущественно за умолчание и отдельные пропуски в тексте публикуемых материалов. «В самой Германии раздавались голоса об утайке некоторых документов “белой книгой”», — отмечал Н. И. Кареев. Об этом писал еще Карл Либкнехт. Вообще, к «белой книге» создатель очень недоверчивое отношение.

К работе над документами, начатыми уже во время войны, следует относиться крайне внимательно: публикации эти, вне всякого сомнения, важны, но рассматривать их надо с учетом современных методологических приемов.

Источники и литература

1. Белая книга (европейский кризис). Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне. Август 1914 г. — Пг., 1914.
2. Белая книга. Полный перевод. — Пг., 1915.
3. Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917 гг. — М., 2001.
4. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет заседания 26 июля 1914 г. — СПб., 1914.
5. Малый энциклопедический словарь: в 4 т. — СПб., 1909. — Т. 2.
6. Министерство иностранных дел. Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне. — СПб., 1914.
7. Переписка Вильгельма II с Николаем II [Текст] / предисл. М. Н. Покровского. — М., 1923.

Приложения

Малкова Н. С., Тимофеев А. Н.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК УРОЖЕНЦЕВ КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ, УБИТЫХ, РАНЕННЫХ И ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ В ВОЙНЕ С ЯПОНЦАМИ (1904–1905 гг., нижние чины)

*Всех убиенных помяни, Россия!
Иван Савин*

Предлагаемый список является попыткой сохранить для потомков имена участников Русско-японской войны: погибших, раненых, оставшихся на полях сражений и пропавших без вести. Авторы-составители надеются, что аналогичные списки составлены (составляются?) по другим губерниям Российской империи.

Фамилия	Имя	Чин / звание	Воинская часть	Холост / женат / вдов	Уроженец / Откуда призван		Потери		Примечания
					Волость	Населенный пункт (город, село, деревня и др.)	Ранен / убит / умер / пропал без вести	Дата	
Адамчу́	Алексей	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Сухобузимская		ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Александр	Арсен.	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.		д. Бернат	ран.; конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Ананкин	Федор	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Сухобузимская		ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Антонов	Александр	стр.	12-й ВС ЕИВ насл. пес. Алексея Николаевича сп	жен.	Вознесенская	д. Батой	ран.	26.02.1905	На перевале южнее д. Хентаохедзы
Антонов	Иннокентий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Погорельская	д. Шошкина	ран.	04.07.1904	На Уфанганском перевале
Арбузов	Павел	стр.	33-й Восточно-Сибирский сп	вдов	Заледеевская		ран.	12.01.1905	12.01 — 16.01.1905; 20.02 — 26.02.1905
Баталов	Денис	ряд.	7-й Сибирский Красноярский пп	жен.	Заледеевская	д. Заледеевская	ран.	11.02.1905	На Готулинском перевале 11.02 и 16.02.1905
Бахов	Иван		33-й Восточно-Сибирский сп	жен.			ран.	26.09.1904	На Тумыллинском перевале 26.09 — 30.09.1904
Бахов	Иван	стр.	33-й Восточно-Сибирский сп	жен.		д. Погореловка	бвп	12.01.1905	12.01 — 16.01.1905; 20.02 — 26.02.1905

Бахов	Кирилл	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Тесинская (Кочергинская?)	с. Тесинское	ран.	04.07.1904	На Уфанганском перевале
Бахтеев	Иван	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп				ран.	15.02.1905	На Пандянских высотах 15.02 — 23.02.1905
Богданов	Иван	стр.	12-й ВС ЕИВ насл. пес. Алексея Николаевича сп	хол.	Нахвальская		ран.	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1906
Богдашин	Степан	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.		д. Вишневка	ран.	30.09.1904	30.09 — 02.10.1904
Бодиков	Илья	стр.	36-й Восточно-Сибирский сп	жен.		г. Красноярск	убит	13.01.1905	У д. Эрдзя и Таумпао
Бохтеев	Иван	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп				ран.	21.06.1904	У перевала Уфанган
Бочаркин	Роман	ефр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.		д. Сухобузимская	ран.; конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Бочаров	Лаврентий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Еловская		ран.	21.06.1904	У перевала Уфанган
Бояркин	Роман				Сухобузимская	с. Сухобузимское	умер от ран		В Иркутске
Бульчев	Иона	ряд.	6-й Енисейский Сибирский пп	хол.			онпс; бвп	14.06.1904	На Долинском перевале
Бунин	Владимир	ряд.	7-й Сибирский Красноярский пп	хол.			ран.	28.09.1904	У д. Каотгайды
Бурухин	Тимофей	стр.	17-й ВС ЕИВ ВК Алексея Александровича сп	хол.	Погорельская		ран.	11.02.1905	На сопке с деревом 11.02 — 12.02.1905; у д. Суятунь 01.03.1905
Вальков	Диомид	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Низовское крестьянское общество	с. Толстомыское	ран.	04.07.1904	На Уфанганском перевале
Вальнев	Михаил	м.у.о.	19-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская	д. Емельянова	ран.		При взятии Путиловской сопки
Васильев	Михаил	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская		ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Вахмын	Тихон	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп				ран.	00.10.1904	При защите горы с кумирней у д. Вай-ши-хо-тан
Веретнов	Матвей	ряд.	8-й Сибирский Томский пп	жен.	Вознесенская	д. Челнокова	ран.	07.01.1904	У г. Муклена 07.01.1904; 24.02 — 25.02.1904
Виноградов	Роман	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.		д. Ляшкина	ран.; конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Власкин	Василий	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская	д. Емельянова	ран.	13.08.1904	У города Ляояна 13.08 — 22.08.1904
Вогдашин	Константин	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп			г. Красноярск	ран.	21.06.1904	У перевала Уфанган
Волков	Василий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Есаульская	с. Есаульское	ран.	21.06.1904	У перевала Уфанган
Волховицкий	Николай	стр.	36-й Восточно-Сибирский сп		Сухобузимская		ран.	13.01.1905	У д. Эрдзя и Таумпао
Гаврилов	Василий	стр.	12-й ВС ЕИВ насл. пес. Алексея Николаевича сп	хол.	Сухобузимская	с. Сухобузимское	убит	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1905
Гагаркин	Павел	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Частоостровская		ран.	21.06.1904	У перевала Уфанган
Гуньков	Константин	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	жен.			ран.	13.08.1904	У города Ляояна 13.08 — 22.08.1904
Данилов	Павел	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская	с. Еловское	ран.	13.08.1904	У города Ляояна 13.08 — 22.08.1904
Данилов	Павел	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.		с. Еловка	ран.; конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905

Димаков	Феокист	стр.	35-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская (Ужурская?)	д. Лопатина	ран.	18.08.1904	При станции Ляоян
Димаков	Феокист	стр.	35-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская	д. Абакишина	бвп	11.01.1905	11.01 — 16.01.1905
Доровский	Лука	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Нахвальская		ран.	21.06.1904	У перевала Уфангуан
Дорышев	Никита	ряд.	5-й Сибирский Иркутский пп	жен.	Заледеевская	д. Сухая	убит	17.02.1905	У д. Куляза в ночь с 17.02 на 18.02.1905; под г. Мукденом 24.02.1905
Дрокин	Иван	стр.	12-й ВС ЕИВ насл. пес. Алексея Николаевича сп	хол.	Заледеевская		бвп	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1907
Елесин	Георгий	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Заледеевская		бвп	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Ехомов	Василий	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.			ран., конт.	02.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Жириин	Дмитрий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Погорельская	д. Татарская	ран.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Заколюжный	Степан	ряд.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская	д. Большие-Балчугская	умер от болезни		В г. Иркутске
Замятин	Дмитрий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская	д. Емельянова	убит	15.02.1905	На Пандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Замятин	Николай	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.			ран.	15.02.1905	На Пандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Заусаев	Михаил	стр.	35-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Погорельская		ран.	11.01.1905	11.01 — 16.01.1905
Захаров	Андрей	стр.	11-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Нахвальская	д. Вишнековская	убит	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1904
Злобин	Алексей	ефр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.		с. Злобина	ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Злобин	Иннокентий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп				ран.	15.02.1905	На Пандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Злобин	Михаил	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская	Знаменский стеклоделательный завод	ран.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Злобин	Михаил	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская	д. Злобинка	убит	15.02.1905	На Пандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Злобин	Федор	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Вознесенская		ран.	21.06.1904	У перевала Уфангуан
Зотин	Афанисий	ряд.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская	с. Подсопочное	умер от болезни		
Зотин	Степан	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская	Знаменский стеклоделательный завод	ран.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Зыков	Федор	ряд.	10-й Восточно-Сибирский сп	хол.			ран.	21.02.1905	
Зырянов	Семенов (так)	стр.	10-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская		ран.	04.07.1904	На Сяохалин. Уфангуанск. пер.
Иванов	Алексей	стр.	9-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская	д. Крутая	ран.	13.02.1905	На Тюпинтайских поз., у д. Мандзяндан 18.02 — 19.02.1905

Иванов	Василий	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.			ран.	28.09.1904	На Тумынлинском перевале 28.09 — 29.09.1904
Иванов	Даниил	муз.	7-й Сибирский Красноярский пп		Сухобузимская	д. Хлоптунова	бвп	28.09.1904	У д. Каотайды, под Ляояном
Иванов	Филипп	м.у.о.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Сухобузимское	ран.	13.08.1904	У города Ляояна 13.08 — 22.08.1904
Игнатьев	Василий		33-й Восточно-Сибирский сп	жен.			ран.	26.09.1904	На Тумынлинском перевале 26.09 — 30.09.1904
Казанцев	Макар	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	жен.		д. Игашкая	ран., конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Кайдалов	Дмитрий	стр.	19-й Восточно-Сибирский сп	хол.		г. Красноярск	ран.	20.08.1904	У Ляояна 20.08 — 21.08.1904
Калиничев	Иван	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп			с. Заледеевское	ран.	02.02.1905	У д. Вотшань 02.02.1905; г. Кайюань 10.04.1905
Калмыков	Михаил	ефр.	18-й Восточно-Сибирский сп	жен.		с. Шилинское	ран.	14.10.1904	
Капулин	Моисей	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.		г. Красноярск	ран.	26.09.1904	У перевала Хозлин 26.09 — 27.09.1904
Капылов	Семен	стр.	2-й Восточно-Сибирский сп				бвп	02.08.1904	Под Ляояном
Качаргин	Семен	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.			ран.	28.09.1904	На Тумынлинском перевале 28.09 — 29.09.1904
Киселев	Никифор	стр.	10-й Восточно-Сибирский сп		Погорельская	с. Николаевское	ран.	17.02.1905	На Гоутулинском перевале 17.02 — 21.02.1905
Климов	Николай	с.у.о.	23-й Восточно-Сибирский сп	хол.			ран.	28.09.1904	У д. Каотайды 28.09 — 29.09.1904
Климов	Павел	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.			убит	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Князев	Максим	стр.	11-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Атамановское	убит	17.08.1904	У Ляояна
Князев	Максим	ряд.	12-й ВС ЕИВ насл. пес. Алексея Николаевича сп		Сухобузимская	с. Атамановское	убит		При р. Эло
Ковальчук	Василий	ефр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская		ран.	15.02.1905	На Пандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Ковригин	Петр	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Сухобузимская		ран.	15.02.1905	На Пандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Ковришин	Карп	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.		д. Ковригина	ран.	30.09.1904	30.09 — 02.10.1904
Коковкин	Тимофей	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская	с. Подчема	ран.	15.02.1905	На Пандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Колмаков	Михаил	ефр.	18-й Восточно-Сибирский сп		Сухобузимская	с. Шилинское	умер от раны в голову		На р. Шахэ
Коробейников	Илья	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.			ран.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Корсак	Сильверст	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Красноярский		ран.	01.01.1905	01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Косенков	Герасим	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская	Знаменский стеклоделательный завод	ран.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Косенков	Герасим	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская		убит	15.02.1905	На Пандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Косолапов	Александр	стр.	20-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Нахвальская		убит	20.08.1904	У Ляояна
Кочергин	Григорий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Нахвальская		ран.	15.02.1905	На Пандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Кочергин	Роман	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Нахвальская	д. Абакишина	ран.	21.06.1905	У перевала Уфангуан

Кошкаров	Роман	ефр.	7-й Сибирский Красноярский пп	хол.	Еловская	д. Перма	ран.	11.02.1905	На Гоутулинском перевале 11.02 и 16.02.1905
Куликов	Филипп	стр.	33-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Частоостровская		бвп	12.01.1905	12.01 — 16.01.1905; 20.02 — 26.02.1905
Курмаев	Федор	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская		бвп	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Курмаев	Фетхулла	ратн. / опол.	31-й Восточно-Сибирский сп		Сухобузимская	с. Воробино	бвп	22.02.1905	У д. Юктантуле
Ларионов	Иван	стр.	17-й ВС ЕИВ ВК Алексея Александровича сп	жен.	Частоостровская		убит	11.02.1905	На сопке с деревом 11.02 — 12.02.1905; у д. Суягунь 01.03.1905
Ларионов	Михаил	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.		г. Красноярск	ран.	26.09.1904	У перевала Хозлин 26.09 — 27.09.1904
Лейбович	Иосиф	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская	с. Березовское	ран*	04.07.1904	На Уфанганском перевале
Леонтьев	Афанасий	ряд.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская	с. Седельниковское	убит		На р. Шахэ
Лозицкий	Филипп	ряд.	24-й Восточно-Сибирский сп		Сухобузимская	с. Седельниковское	убит		В битве под Ляояном
Лукьянов	Иннокентий	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.			ран.	13.08.1904	У города Ляояна 13.08 — 22.08.1904
Мазуров	Павел	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледевская		ран.	28.09.1904	На Тумылинском перевале 28.09 — 29.09.1904
Мазуров	Павел	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледевская		ран.	01.01.1905	01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Мальцев	Андрей	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Частоостровская	с. Частоостровское	убит	04.07.1904	На Уфанганском перевале
Манусович	Петр	и.др.ф.	7-й Сибирский Красноярский пп	хол.		г. Красноярск	ран.	28.09.1904	Под д. Коотайды
Маркелов	Иван	стр.	20-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	д. Толстомышской	ран.	22.01.1905	У д. Нанчандзы 22.01.1905; у Путиловской сопки 18.02.1905; у д. Миндингоу 25.02.1905
Магросов	Василий	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Вознесенская		ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Мерзлюков	Дмитрий	стр.	9-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Подсосенская	м. Красноярска (д. Красный Яр?)	ран.	04.07.1904	На Кангуанлинском перевале
Миндрин	Никифор	стр.	11-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская (Больше-Муртинская?)	д. Тигина	ран.	17.08.1904	У Ляояна
Минсеев	Иван	ряд.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская	с. Седельниковское	бвп		На р. Шахэ
Михайлов	Захар	ряд.	5-й Сибирский Иркутский пп	жен.	Погорельская	с. Гляденское	ран.; конт.	17.02.1905	У д. Кудяза в ночь с 17.02 на 18.02.1905; под г. Мукленом 24.02.1905
Моисеев	Максим	стр.	36-й Восточно-Сибирский сп		Еловская			13.01.1905	У д. Эрдзя и Таумпао
Морожевинский	Матвей	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Сухобузимская	д. Ковригина	ран.	21.06.1904	У перевала Уфанган
Москвитин	Дмитрий	стр.	11-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская	с. Подъемское	убит	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1904
Мотев	Александр	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.		д. Половинная	ран.	04.07.1904	На Уфанганском перевале

Мошко	Игнатий	ряд.	8-й Сибирский Томский пп	хол.	Еловская		ран.	07.01.1904	У г. Муклена 07.01.1904; 24.02 — 25.02.1904
Муратов	Семен	ряд.	3-й Сибирский Нерчинский пп	хол.		с. Нахвальское	убит	30.01.1905	
Мурзакин	Андрей	ряд.			Сухобузимская	с. Сухобузимское	бвп	29.09.1904	У д. Менаху
Мышовец	Иосиф	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Вознесенская (Кийская?)	д. Ново-Михайловская	убит	21.06.1904	У перевала Уфанган
Неуполоков	Степан	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп				ран.	15.02.1905	На Пандянских высотах 15.02 — 23.02.1905
Нижалеев	Алексей	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.		д. Придвинная	ран.	00.10.1904	При защите горы с кумирней у д. Вай-ши-хо-ган
Никитин	Никандр	стр.	20-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Атамановское	бвп	22.01.1905	У д. Нанчандзы 22.01.1905; у Путиловской сопки 18.02.1905; у д. Миндингоу 25.02.1905
Никитин	Павел	стр.	10-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Добово-Колодская	д. Укник	ран.	17.02.1905	На Гоутулинском перевале 17.02 — 21.02.1905
Николаев	Рафаил	стр.	11-й Восточно-Сибирский сп	жен.		г. Красноярск	бвп	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1904
Ноздрин	Иван	ефр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская	д. Воробина	ран.	30.09.1904	30.09 — 02.10.1904
Оберенко	Даниил	стр.	10-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская	д. Силина	убит	22.07.1904	За деревней Хоян
Облов	Александр	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская	д. Баргат	ран.	04.07.1904	На Уфанганском перевале
Овняков	Павел	ряд.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская	с. Сухобузимское	убит	12.02.1905	В боях с 12.02 по 29.02.1905 под Мукленом
Ожонов	Архип	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Сухобузимская	с. Сухобузимское	ран.	02.06.1904	У Вафангоу
Окунев	Артемий	ефр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.		с. Маганское	ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Оленков	Павел	стр.	2-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Маклаковская	д. Тунгузек	ран.	18.08.1904	Под Ляояном
Осипенко	Алексей	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Сухобузимская	д. Тунгузек	ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Ошуркин	Михаил		36-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская	д. Базаиха (Базаиская)	ран.	29.09.1904	На Тумылинском перевале
Паналок	Яков	ефр.	17-й ВС ЕИВ ВК Алексея Александровича сп	жен.		г. Красноярск	ран.	11.02.1905	На сопке с деревом 11.02 — 12.02.1905; у д. Суягунь 01.03.1905
Панов	Максим	стр.	3-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Нахвальская		ран.	12.01.1905	У д. Хейгоутай 12.01 — 16.01.1905
Пагрушев	Василий		33-й Восточно-Сибирский сп	жен.			ран.	26.09.1904	На Тумылинском перевале 26.09 — 30.09.1904
Первухин	Иван	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.		д. Подсопка	ран.; конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Перец	Александр	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская	д. Самарская	ран*	04.07.1904	На Уфанганском перевале
Перец	Александр	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская	д. Самарская	ран.	15.02.1905	На Пандянских высотах 15.02 — 23.02.1905
Першин	Александр	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Частоостровская	д. Серебрякова	ран*	04.07.1904	На Уфанганском перевале
Петров			34-й Восточно-Сибирский сп	хол.		с. Ново-Михайловское	ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905; указаны разные села

Петров	Григорий	ефр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.			с. Вознесенское	ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Петров	Иосиф	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская			бвп	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Петров	Семен	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская			ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Попов	Александр	стр.	9-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская		д. Верхородова	ран.	13.02.1905	На Тюпингайских поз., у д. Мандзяндан 18.02 — 19.02.1905
Попов	Карп	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.			с. Еловка	ран.	02.02.1905	У д. Вотощань 02.02.1905; г. Кайюань 10.04.1905
Попов	Карп	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.			с. Еловка	ран., конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Порогов	Николай	ефр.	8-й Сибирский Томский пп	хол.	Маклаковская		с. Верхнепашинское	ран.	07.01.1904	У г. Муклена
Потылицын	Михаил	с.у.о.	8-й Сибирский Томский пп	жен.	Заледеевская		д. Мининская	ран.		07.01.1905, 24.02 — 25.02.1905; у г. Муклена
Потылицын	Тимофей		34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Нахвальская			ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Прилепский	Семен	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.				ран.	15.02.1905	На Цандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Пупков	Петр	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.				ран.	01.01.1905	У Ингоа 01.01 — 16.01.1905; 22.02.1905
Розманов	Василий	стр.	36-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская		д. Высотина	ран*.	26.06.1904	У Кайджо
Розманов	Василий	стр.	36-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская		д. Высотина	ран.	17.08.1904	У ст. Ляоян 17.08 — 18.08.1904
Романов	Федор	стр.	3-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Погорельская			ран.	12.01.1905	У д. Хейгоутай 12.01 — 16.01.1905
Ростовцев	Михаил	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская			убит	15.02.1905	На Цандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Савельев	Макар	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.				убит	28.09.1904	На Тумьдинском перевале 28.09 — 29.09.1904
Саломатин	Иван	стр.	11-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Нахвальская		д. Нахвальская	бвп	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1905
Самсонов	Степан	ефр.	Заамурского округа отдельн. корпуса пограничная стража	хол.	Еловская		с. Подъемное	бвп	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Седелников	Федор	ряд.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская		с. Седелниковское	умер от болезни		В Никольск-Уссурийске
Семенов	Никифор	стр.	12-й ВС ЕИВ насл. пес. Алексея Николаевича сп	жен.	Погорельская			убит	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1904
Семенов	Павел	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Сухобузимская		с. Атамановское	ран.	21.06.1904	У перевала Уфангуан
Серебряков	Василий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Частоостровская		д. Серебрякова	ран*.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Серебряков	Василий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Частоостров.		д. Серебрякова	ран.	15.02.1905	На Цандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Серебряков	Никандр	с.у.о.	3-й Сибирский Нерчинский пп.		Сухобузимская		д. Толетомыская	убит		В сражении у г. Муклена

Силантьев	Иван	с.у.о.	7-й Сибирский Красноярский пп		Еловская			ран.	28.09.1904	На Уфангуанском перевале
Скарцов	Иван	муз. ряд.	7-й Сибирский Красноярский пп	хол.	Вознесенская			ран.	28.09.1904	У д. Каотайды
Скрипальщин	Федор	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Частоостровская		с. Коркинское	ран.	13.08.1904	У д. Каотайды
Смирехин	Филипп	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.				ран., конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Смолин	Яков	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Частоостровская		д. Коворши	ран.	15.02.1905	На Цандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Собелин	Егор	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп				д. Горки	ран.	00.10.1904	При защите горы с кумирней у д. Вай-ши-хо-ган
Совпель	Феодосий	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.			д. Сутидза	ран., конт.	17.02.1905	У д. Вай-ши-хо-гань
Солдатов	Евсей	стр.	12-й ВС ЕИВ насл. пес. Алексея Николаевича сп	хол.	Сухобузимская			ран.	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1904
Соловьев	Дмитрий	полк. пис.	20-й Восточно-Сибирский сп	хол.			г. Красноярск	конт*.	21.08.1904	У Ляояна
Соловьев	Егор	стр.	12-й ВС ЕИВ насл. пес. Алексея Николаевича сп	хол.	Вознесенская			ран.	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04 — 18.04.1905
Соловьев	Иван	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.			д. Нахвальская	ран., конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Соловьев	Сергей	м.у.о.	18-й Восточно-Сибирский сп	вдов			с. Мастова	ран., конт*.	13.08.1904	У г. Ляояна 13.08 — 22.08.1904
Слепак	Евдоким	стр.	10-й Восточно-Сибирский сп		Погорельская			конт*.	17.02.1905	У Ляояна
Станкевич	Иван	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская			ран.	15.02.1905	На Цандяньских высотах 15.02 — 23.02.1905
Степанов	Егор	ряд.	5-й Сибирский Иркутский пп	жен.	Погорельская		с. Гляденское	ран., конт.	17.02.1905	17.02 — 18.02.1905 у д. Кудяза, 24.02.1905 под г. Мукленом
Степанов	Яков	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.			д. Нахвальская	ран., конт.	17.02.1905	У д. Кудяза в ночь с 17.02 на 18.02.1905; под г. Мукленом 24.02.1905
Сушко	Андрей	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Шушенская		д. Ново-Иванов. (Ивановка?)	ран.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Текутев	Мокий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская		д. Самарская	ран*.	04.07.1904	При д. Кангуалин
Тельных	Никита	стр.	11-й Восточно-Сибирский сп	хол.			г. Красноярск	бвп	17.04.1904	На Уфангуанском перевале
Темных	Василий	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	жен.			с. Пашкино	ран., конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905
Терекон	Диомид	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская		д. Емельянова	ран.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Терентьев	Михаил	ефр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская			ран.	01.01.1905	На Уфангуанском перевале
Терский	Илья	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Заледеевская		д. Заледеева	убит	21.06.1904	У Вафангоу
Терсков	Дмитрий	ряд.	8-й Сибирский Томский пп	жен.	Заледеевская		д. Емельянова	убит	07.01.1904	У Вафангоу
Тимофеев	Иван	стр.	33-й Восточно-Сибирский сп	хол.				ран.	12.01.1905	12.01 — 16.01.1905; 20.02 — 26.02.1905
Тимофеев	Михаил	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Нахвальская		д. Абакишина	ран.	13.08.1904	У города Ляояна 13.08 — 22.08.1904
Тимофеев	Михаил	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.			д. Бакшина	ран., конт.	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02 — 10.03.1905

Толстиков	Илья	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Сидельниковское	ран.	00.10.1904	При защите горы с кумирней у д. Вай-ши-хо-тан
Толстиков	Илья	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Сидельниковское	ран*	02.02.1905	У д. Вайтошан и 10.04.1905 у г. Кайюань
Толстухин	Ефим	стр.	2-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	д. Подсопка	бвп	23.08.1904	Под Ляояном
Тропов	Иван	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Погорельская	д. Мало-Константиновка	ран.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Турцин	Федор	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Атамановское	ран.	01.01.1905	На Уфангуанском перевале
Томенцев	Андрей	ряд.	24-й Восточно-Сибирский сп		Сухобузимская	д. Толстомыская	бвп		Ляоян
Убиенных	Максим	ряд.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская	д. Толстомыская	умер от болезни		Ляоян в Харбинском госпитале
Усачев	Александр	у.о.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская	с. Сухобузимское	ран.	12.02.1905	В Харбинском госпитале
Ущakov	Андрей	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Еловская	д. Комарова	убит	21.06.1904	У д. Уфангуан
Фалик	Шлема	стр.	36-й Восточно-Сибирский сп		Еловская	Еловская	ран.	29.09.1904	У перевала Уфангуан
Хаинутин	Иван	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская	Вознесенская	ран.	01.01.1905	На Тумынлинском перевале
Хайнушин	Иван	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	д. Тиринт	ран. в плену	14.08.1904	При ст. Ляоян. д. Домогунь
Харинский	Федор	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Крутиково	ран.	13.08.1904	В заголовке 36-й сп
Хлопунов	Матвей	рат.	34-й Восточно-Сибирский сп		Сухобузимская	д. Хлопунова	бвп	13.08.1904	У города Ляояна 13.08—22.08.1904
Холуногов	Владимир	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Сухобузимская	с. Холуноговское	убит	01.01.1905	Под Мукденом
Ходюков	Влас	стр.	11-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская	пос. Ближенсе-бжский	бвп	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04—18.04.1904
Худоногов	Петр	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Вознесенская	с. Вознесенское	убит	02.06.1904	У Вафангоу
Чабан	Антон	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская	д. Яргониха	ран.	04.07.1904	У Вафангоу
Челюков	Иван	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Вознесенская		убит	01.01.1905	На Уфангуанском перевале
Черкасов	Александр	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская		ран*	17.02.1905	У р. Шахэ 17.02—03.03.1905
Черкасов	Назар	стр.	20-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Сидельниковское	ран.	22.01.1905	У д. Нанчандзы 22.01.1905; у Путиловской сопки 18.02.1905; у д. Миндингоу 25.02.1905
Чернов	Ефим	стр.	18-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Сидельниковское	ран.	00.10.1904	При защите горы с кумирней у д. Вай-ши-хо-тан
Чернявский	Александр	зау-ряд-пр.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская	с. Сухобузимское	убит	21.02.1905	У д. Вай-ши-хо-тан
Чернявский	Егор	стр.	34-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Сухобузимское	ран.	01.01.1905	На Кандалинских высотах
Черняев	Евгений	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Нахвальская	с. Кекурское	ран.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Чупров	Василий	стр.	36-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Погорельская		ран.	29.09.1904	На Уфангуанском перевале
Шалыгин	Афанасий	стр.	10-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Погорельская	д. Татарская	ран.	22.07.1904	За д. Хоян
Шалыгин	Афанасий	стр.	10-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Погорельская	д. Татарская	ран.	17.02.1905	На Гоутулинском перевале 17.02—21.02.1905
Шаповалов	Алексей	м.у.о.	21-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Погорельская	г. Красноярск	онпс	13.07.1904	За д. Хоян

Шахрой	Петр	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Погорельская	д. Ново-Покровская	ран.	15.02.1905	На Пандянских высотах 15.02—23.02.1905
Швецов	Яков	с.у.о.	18-й Восточно-Сибирский сп	жен.	Погорельская	д. Шошкина	умер	27.09.1904	В 10-м полевом подвижном запасном госпитале
Шевцов	Егор	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп		Вознесенская (Кийская?)	д. Ново-Михайловская	убит	21.06.1904	Умер от ран в 10-м полевом подвижном запасном госпитале
Шельгин	Ефим		33-й Восточно-Сибирский сп	хол.			ран.	26.09.1904	У перевала Уфангуан
Шипков	Глеб	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская		убит	15.02.1905	На Пандянских высотах 15.02—23.02.1905
Широков	Иван	стр.	22-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Еловская		убит	16.02.1905	У д. Мандалан 16.02—17.02.1905
Шмаков	Николай	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Павлова		ран.	26.09.1904	У перевала Хоэлин 26.09—27.09.1904
Шмулевич	Мойша	стр.	11-й Восточно-Сибирский сп	хол.	г. Красноярск		убит	17.04.1904	Под Тюренченом 17.04—18.04.1904
Шульмин	Павел	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.			ран.	15.02.1905	На Пандянских высотах 15.02—23.02.1905
Шушков	Александр	стр.	33-й Восточно-Сибирский сп	хол.			убит	12.01.1905	20.02—16.01.1905; 20.02—26.02.1905
Якимов	Василий	ряд.	3-й Сибирский Нерчинский пп		Сухобузимская	д. Толстомыская	убит	12.01.1905	12.01—16.01.1905; 20.02—26.02.1905; у Мукдена
Якишев	Захарий	стр.	24-й Восточно-Сибирский сп	хол.	Сухобузимская	с. Толстомыское	ран.	04.07.1904	На Уфангуанском перевале
Якомов	Иван	ефр.	18-й Восточно-Сибирский сп	жен.			ран. конт.	17.02.1905	На Уфангуанском перевале

Примечания к таблице

- Все данные — из газеты «Енисейские губернские ведомости» за период 1904—1906 гг. Названия уездов, волостей и населенных пунктов проверены и в некоторых случаях исправлены по Списку населенных мест [2].
- В печатной версии для экономии места точная ссылка на конкретный номер газеты и страницу по каждой записи (строке) не указана. Электронная таблица содержит все эти сведения для каждого имени. Полная версия электронной таблицы по состоянию на 1 декабря 2013 г. содержит более 2450 записей (строк) и позволяет выполнять сортировку по любому критерию, указанному в столбце.
- В печатной версии фамилии отсортированы в алфавитном порядке.
- Повторные события, связанные с тем же человеком, но произошедшие позже (повторное ранение, контузия, смерть), указаны в отдельной записи (строке).

Аббревиатуры и сокращения в списке

бараб. — барабанщик
 бвп — пропал без вести
 бомб. — бомбардир
 бр. — бригада
 вдов. — вдовец
 ВК — великий князь
 ВС — восточносибирский
 гори. — горнист
 госп. — госпиталь
 ЕИВ — Его Императорское Величество
 ефр. — ефрейтор

опол. — ополченец
 п — полк
 пп — пехотный полк
 пер. — перевал
 полк. пис. — полковой писарь
 ран. — ранен
 ран* — ранен, остался в строю
 ратн. — ратник
 р. гори. — ротный горнист
 рез. — резервный
 ряд. — рядовой

спл. — стрелковый полк
 стр. — стрелок
 с.у.о. — старший унтер-офицер
 у.о. — унтер-офицер
 учен. — ученик
 фельд. — фельдшер
 фельдф. — фельдфебель
 хол. — холост
 цес. — Цесаревич

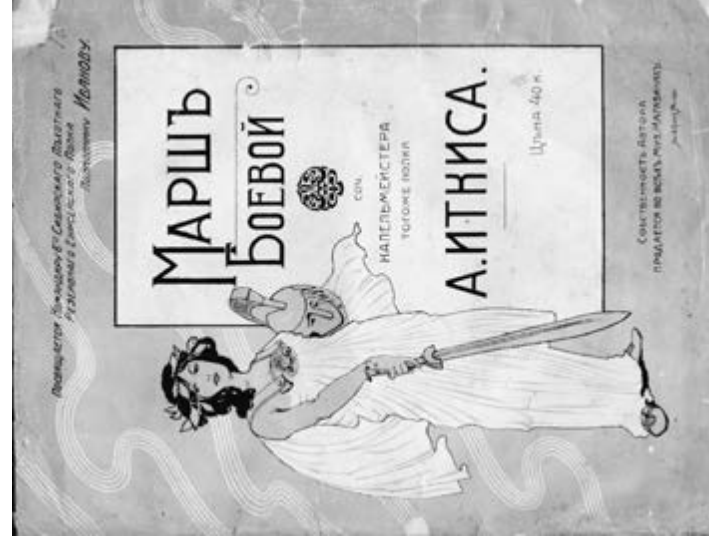
Краткая статистика по сведениям, представленным в таблице:

Общие потери (все события, указанные в таблице) — 232 чел. (вместе с повторными ранениями и др.), в том числе раненых — 145 чел. (из них остались в строю 8 чел.); контуженных — 2 чел.; получивших ранение с контузией — 17 чел.; оставшихся на поле сражения — 2 чел.; без вести пропавших — 22 чел.; убитых и умерших от ран — 43 чел.; взятых в плен — 1 чел. [6].

- Незаполненные ячейки таблицы означают отсутствие соответствующих сведений в источнике.
- Иногда в газетных публикациях указывался только период времени, в течение которого произошло событие, без указания точной даты. Для сохранения возможности сортировки событий в хронологическом порядке в таких случаях в столбце «Дата» указано начало интервала, а в столбце «Примечание» — границы интервала.
- Случаи, когда в источнике указаны месяц и год, а дата и интервал времени отсутствуют, в таблице представлены двумя нулями. Например 00.10.1904 — октябрь 1904 г.
- Подчеркиванием выделены символы, вызвавшие сомнение (отсутствуют в источнике, однозначно не распознаны из-за плохого физического состояния газеты, опечатки в логическом пути по косвенным признакам, источник содержит внутренне противоречия и т. п.).
- В таблице указаны фамилии только уроженцев Красноярского уезда. Списки уроженцев других уездов Енисейской губернии готовятся к печати [4, 5].

Реликвия, возвращенная в Красноярск

В конце 2012 г. фонд Красноярского краевого краеведческого музея пополнился реликвией [9], которую передала в дар Наталья Николаева-Зайка из Австралии. Это «Марш боевой», посвященный командиру 6-го Сибирского пехотного резервного Енисейского полка полковнику Иванову, сочинение капелмейстера того же полка А. Иткиса. На обложке дарительница сделала надпись: «История этих ног очень интересна. Сначала они приехали в Харбин. В 1929 г. моя тетя Аня Чернолузская увезла их в Грецию, потом — в Мексику, где она прожила с 1930 до 1995 г. В 2000 г. я их увезла из Мексики в Австралию. Теперь возвращаю их в Красноярск. Август 2012 г. Н. Николаева-Зайка».

Марш боевой. Соч. А. Иткиса
Фото А. Тимофеева

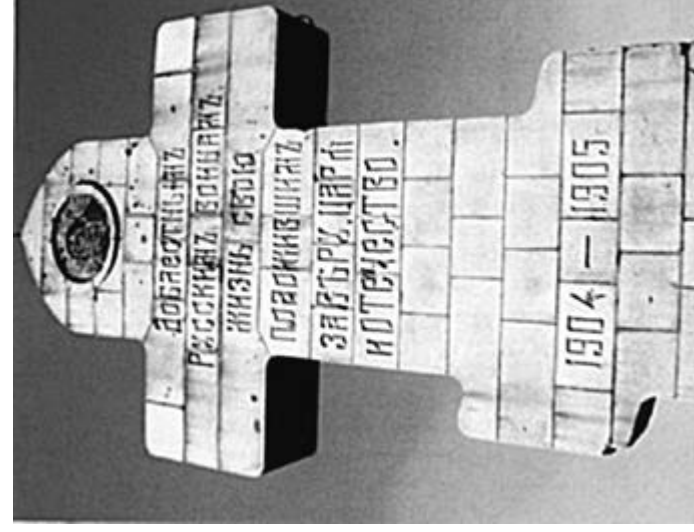

Марш боевой (начало)
Фото А. Тимофеева

Память

В 1912 г. на месте боев был установлен памятник [3], представляющий собой православный крест высотой 10 м из белого камня. На стороне, обращенной в долину, старославянским шрифтом сделана надпись: «*Большая сей любви никто не имеет, да кто душу свою положит за други своя*». *Иоанн, XV, 13*. В верхней части креста — мозаичный лик Христа в круглом медальоне. На другой стороне надписи таким же шрифтом: «*Доблестным русским воинам жизнь свою положишим за ВЕРУ, ЦАРЯ и ОТЕЧЕСТВО. 1904—1905*». В верхней части креста — мозаичное изображение Божьей Матери тоже в круглом медальоне [7].

Подробности мобилизации в Енисейской губернии и фотографии чинов 7-го Красноярского сибирского пехотного полка перед отправкой на Дальний Восток можно найти в книге Т. С. Комаровой [8].

Источники и примечания

1. Енисейские губернские ведомости. — 1904—1906. — Красноярск.
2. Список населенных пунктов Енисейской губернии. — Красноярск: Енисейская губернская типография, 1911.
3. Примерно в 70 км от г. Шеняна (бывший г. Мукден), на Путиловской сопке. Автор проекта — Юрий Павлович Жданов.
4. Мартьяновские краеведческие чтения (2012—2013). Сб. докладов и сообщений. — Минусинск, 2014. — Вып. VIII.
5. Сибирский исторический альманах. — Красноярск, 2014. — Т. 3.
6. По некоторым данным, в плену у японцев находилось около 70 000 чел., включая моряков. Сведения о попавших в плен газета публиковала только в самом начале войны. В дальнейшем сведения о находящихся в плену в публикациях не встречаются (прим. сост.).
7. Электронный ресурс. URL: <http://www.zemstvo-kurs.ru/1/2011/110-zemskoe-obozenieavgust-2012?start=25> (дата обращения: 20.06.2013).
8. Комарова Т. С. «На сопках Маньчжурии...» (Енисейская губерния в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг.). — Красноярск, 2013.
9. КККМ, в/ф. 10065/1.

Тимофеев А. Н.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК НЕМЦЕВ, ВОДВОРЕННЫХ В КРАСНОЯРСКОМ УЕЗДЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1916 гг.)

По данным Енисейского губернского жандармского управления от 1 до 21 года и от 43 до 86 лет, принадлежали к гражданам ления составлен список немцев из 822 чел., в котором, кроме скому населению (*Zivilgefangene*). Полная база данных в виде имени и фамилии, указаны пол, возраст, место рождения, электронная таблица Excel по каждой записи (фамилии пленения и водворения в Красноярском уезде Енисейской губернии с именем) содержит почную ссылку на архивный источник сор- бернии. Фамилии отсортированы в алфавитном порядке. (архив, фонд, дело, лист) и позволяет выполнять сор- Показано, что только треть водворенных по своему воз- тировку по любому критерию, указанному в столбце. Для расту могли быть военнопленными (по немецкой терми- экономики места в печатной версии номер листа архивного нологии *Kriegsgefangene*) — остальные, будучи в возрасте дела по каждой записи (строке) не указан.

Таблица 1. Алфавитный список немцев, водворенных в Красноярском уезде (1914—1916 гг.) [1]

Фамилия и имя	Пол	Возраст	Национальность и звание	Место рождения в отечестве	Место взятия в плен	Пункт водворения в империи, пункты перемещения	Волость
Август Генрих	м	30	поселянин	Нейдорф	Проскен	с. Устюг	Погорельская
Августин Франц	м	22	немец-поселянин	Кл. Иждаген	Витенбург	с. Устюг, 1-й стан	«
Авижус Густав	м	31	немец-поселянин	Эрневельде	Проскен	«	«
Адамская Екатерина	ж	73	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Адамская Шарлота	ж	70	«	Проскен	Проскен	«	«
Алекс Фриц	м	23	«	Гаудишкен	Втенбург	с. Устюг, 1-й стан	Погорельская
Альбек Пауль Урбек	м	18	«	Золау	Веланукиришки	с. Погорельское	«
Альздорф Карл	м	20	«	Маргабен	Втенбург	с. Устюг, 1-й стан	«
Амброзий Отто	м	22	«	Орловен	Ноисендорф	«	«
Андерлейт Йоган	м	59	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подъемское	Больше-Муртинская
Андерс Август	м	52	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	Нахвальская
Андерс Анна	ж	18	«	Просткен	Просткен	«	«
Андерс Илина	ж	15	«	Просткен	Просткен	«	«

Андерс Фрида	ж	11	«	Просткен	Просткен	«	«
Андерс Фридрих	м	50	«	Просткен	Просткен	«	«
Аносат Макс	м	19	«	Плескен	Плескен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Арнольд Франц	м	49	«	Инстабург	Инстабург	«	Больше-Муртинская
Артн Эрнст	м	22	«	Инстенбург	Инстенбург	«	«
Артинский Август	м	50	«	Леметель	Леметель	с. Еловское	Еловская
Байтат Фридрих	м	26	«	Лапишкен	Лапишкен	с. Погорельское	Погорельская
Бальтруш Эдуард	м	35	«	Жиляпин	Жиляпин	д. Малая Мурта	Больше-Муртинская
Бальцурейт Эдуард	м	30	«	Махелинак	Махелинак	д. Юкеево	Еловская
Бандило Людвиг	м	52	«	Лык	Лык	д. Тигина	Межевская
Барановский Вильгельм	м	13	«	Разухек	Разухек	д. Юкеево	Еловская
Бартомейчик Людвиг	м	68	«	Суоски	Суоски	с. Нахвальское	Нахвальская
Барунк Каролина	ж	60	немец-поселянин	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Баужат Карл	м	49	«	Кайвелькен	Кайвелькен	с. Еловское	Еловская
Баумгард Фридрих	м	38	«	Иждаген	Витенбург	с. Устюг, 1-й стан	Погорельская
Белинский Густав	м	37	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подъемское	Больше-Муртинская
Белинский Карл	м	14	«	Дрейвен	Дрейвен	«	«
Белинский Пауль	м	10	«	Дрейвен	Дрейвен	«	Больше-Муртинская
Бем Артур	м	22	поселянин	Парени	Парени	с. Устюг	Погорельская
Бем Вальтер	м	17	«	Парени	Парени	«	«
Бенджо Густав	м	16	«	Проскен	Шльтерсбург	с. Устюг, 1-й стан	«
Беренд Отто	м	21	мещанин	Бершален	Витшрн	«	«
Биндиг Густав	м	17	«	Виламовен	Шльтерсбург	«	«
Бинхольд Йоган	м	53	немец-поселянин	Эгоден	Эгоден	с. Еловское	Еловская
Бирлятская Анна	ж	14	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Бирлятский Густав	м	16	«	Проскен	Проскен	«	«
Бирлятский Павел	м	4	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Бирлятский Фриц	м	46	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	«
Бихлер Матгекс	м	35	«	Патенберг	Патенберг	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Блат Борцслав	м	38	мещанин	Ярослау	Дитрихтедорф	с. Устюг, 1-й стан	Погорельская
Блом Отто	м	33	немец-поселянин	Кейзонозшкен	Кейзонозшкен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Бок Вилли	м	20	поселянин	Зелау	Зелау	с. Устюг	Погорельская
Борис Лизбет	м	17	немец-поселянин	Проскен	Проскен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Борис Людвиг	м	60	«	Проскен	Проскен	«	«
Борис Фридрих	м	56	«	Проскен	Проскен	«	«
Борк Август	м	17	поселянин	Бетигов	Ничерлжен	с. Устюг	Погорельская
Борч Густав	м	40	немец-поселянин	Кл. Панау	Витенбург	с. Устюг, 1-й стан	«
Борчат Фердинанд	м	32	«	Шпансгелм	Витшрн	«	«
Бразейт Вильгельм	м	67	«	Бардолин	Бардолин	с. Нахвальское	Нахвальская

Бразейт Замуил	м	73	«	«	Бардолин	Бардолин	«	«	«
Брант Карл	м	38	«	«	Палиден	Палиден	д. Тигина	«	Межевская
Брант Эдуард	м	33	«	«	Гондын	Гондын	д. Малая Мурга	«	Больше-Муртинская
Бранштетер Эмиль	м	45	«	«	Наден	Наден	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	«
Браун Луиза	ж	74	«	«	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Бридмозер Густав	м	52	«	«	Солопинеп	Солопинеп	с. Еловское	«	Еловская
Брод Юлиус	м	35	«	«	Абилинен	Абилинен	с. Устюг	«	Погорельская
Броже Август	м	52	«	«	Банково	Банково	д. Таскина	«	Нахвальская? Погорельская?
Броженский Адам	м	36	«	«	Крупекен	Крупекен	д. Павловская	«	Нахвальская
Брожо Мартин	м	51	«	«	Лискен	Лискен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Брожон Лео	м	19	«	«	Мелаукен	Мелаукен	с. Устюг, 1-й стан	«	Погорельская
Бройер Роберт	м	23	«	«	Залау	Залау	с. Устюг	«	«
Брулер Иоган	м	21	«	«	Зерминтанен	Зерминтанен	с. Устюг, 1-й стан	«	«
Брунская Каролина	ж	54	«	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	«	Нахвальская? Погорельская?
Бругата Фердинанд	м	58	«	«	Войгликен	Войгликен	с. Еловское	«	Еловская
Брустаг Эмиль	м	18	«	«	Энстенбург	Энстенбург	«	«	«
Будай Вильям	м	57	«	«	Бобростен	Бобростен	с. Сухобузимское, 3-й стан	«	Сухобузимская
Будай Нелля	ж	67	«	«	Бобростен	Бобростен	с. Сухобузимское, 3-й стан	«	«
Бурек Густав	м	21	«	«	Обшаринкен	Обшаринкен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Бурутский Франц	м	26	«	«	Бешоравек	Бешоравек	с. Устюг, 1-й стан	«	Погорельская
Бутлер Август	м	61	«	«	Кессель	Кессель	с. Еловское	«	Еловская
Бух Франц	м	39	«	«	Крашалухпен	Шембрух	с. Устюг	«	Погорельская
Бучко Адольф	м	45	«	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Бучко Людвиг	м	12	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Бучко Мария	ж	43	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Бучко Мария	ж	16	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Бучко Мария	ж	52	«	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Бучко Марта	ж	2	«	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Бучко Марта	ж	13	«	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Бучко Мартин	м	8	«	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Бучко Нари	м	50	«	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Бучко Фрида	ж	14	«	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Бучко Фриц	м	6	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Вагнер Фердинанд	м	49	«	«	Велкиндорф	Вершем	с. Устюг, 1-й стан	«	Погорельская
Вайдрах Фриц	м	25	«	«	Иждаген	Иждаген	«	«	«
Ваксмут Герман	м	43	«	«	Туринкен	Туринкен	д. Тигина	«	Межевская

Вальтер Кристоф	м	49	«	«	Кальвиникель	Кальвиникель	с. Устюг	«	Погорельская
Вальтер Эдуард	м	60	«	«	Остроколин	Остроколин	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Варлис Юлиус	м	41	«	«	Ульнейкин	Ульнейкин	с. Еловское	«	Еловская
Василевская Шарлота	ж	55	«	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	«	Нахвальская? Погорельская?
Ващулиц Иоган	м	69	«	«	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Вегнер Вильгельм	м	32	«	«	Мельгаузен	Мельгаузен	с. Устюг	«	Погорельская
Ведель Газо	м	58	«	«	Пелеч	Пелеч	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Вейлод Август	м	63	«	«	Франкфурт	Биненберг	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Вейто Альфрида	ж	3	«	«	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Вейто Зилина	ж	5	«	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Вейто Эмма	ж	39	«	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Вейле Вилли	м	37	«	«	Гондап	Гондап	д. Малая Мурга	«	Больше-Муртинская
Вельш Микс	м	27	«	«	Бешарвен	Бешарвен	с. Устюг	«	Погорельская
Вельш Фридрих	м	48	«	«	Миксеп	Миксеп	с. Еловское	«	Еловская
Вернер Эдуард	м	36	«	«	Муллакен	Муллакен	с. Устюг, 1-й стан	«	Погорельская
Вестфаль Франц	м	34	«	«	Ваннулазен	Ваннулазен	«	«	«
Вигульцик Карлина	ж	66	«	«	Панау	Панау	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Вигульцик Мартин	м	19	«	«	Панау	Панау	«	«	«
Вигульцик Эмалия	ж	32	«	«	Панау	Панау	«	«	«
Видукель Адольф	м	25	«	«	Филипсталь	Аленбург	г. Красноярск	«	«
Вильмамовнус Франц	м	50	«	«	Кляйнлертинск	Кляйнлертинск	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Вин Макс	м	28	«	«	Потауэрн	Потауэрн	с. Погорельское	«	Погорельская
Вин Отто	м	23	«	«	Кристордорф	Кристордорф	с. Устюг	«	«
Висбор Иоган	м	55	«	«	Генрихсвальд	Генрихсвальд	с. Еловское	«	Еловская
Витнер Ганс	м	21	«	«	Роудонец	Роудонец	с. Устюг	«	Погорельская
Вишневская Франциска	ж	43	«	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	«	Нахвальская
Вишневский Карл	м	18	«	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	«	Нахвальская
Внрштайко Фридрих	м	21	«	«	Гельманен	Гельманен	с. Устюг	«	Погорельская
Ворхерит Августа	ж	38	«	«	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Ворхерит Герберт	м	8	«	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Ворхерит Герта	ж	9	«	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Ворхерит Эрвин	м	12	«	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Врубель Анна	ж	10	«	«	Проскен	Проскен	д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Врубель Луиза	ж	46	«	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Врубель Мартин	м	68	«	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Гадрейка Эрта	ж	50	«	«	Найндорф	Найндорф	д. Юкеево	«	Еловская
Газеншер Фердинанд	м	42	«	«	Таплакен	Киссель	с. Устюг	«	Погорельская
Гайер Юлиус	м	50	«	«	Шпанекель	Шпанекель	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Гайшнер Самуэль	м	45	«	«	Черновицы	Черновицы	с. Устюг	«	Погорельская

Галька Адольф	м	25	немец-поселянин	Вейзевай	Вейзевай	Вейзевай	с. Нахвальское	Нахвальская
Ган Фриц	м	75	«	Аниербург	Аниербург	«	«	«
Гапскэ Фридрих	м	21	«	Плибикшен	Парайген	«	с. Устюг	Погорельская
Гаукиц Бруно	м	19	«	Альгоуф	Альгоуф	«	с. Еловское	Еловская
Гаухвиц Бруно	м	21	«	Шупинен	Шупинен	«	с. Устюг	Погорельская
Гедамский Карл	м	59	«	Чембанкель	Чембанкель	«	с. Нахвальское	Нахвальская
Гейбрехт Пауль	м	40	«	Эйстербург	Эйстербург	«	д. Тигина	Межевская
Гейпель Вильгельм	м	62	«	Гутем	Гутем	«	с. Еловское	Еловская
Гениг Франц	м	41	«	Парлинен	Парлинен	«	д. Тигина	Межевская
Генис Эмиль	м	15	«	Абшрузен	Варнием	«	с. Устюг	Погорельская
Гергарт Отто	м	27	немец-поселянин	Велидорф	Велидорф	«	д. Тигина	Межевская
Геренд Фридрих	м	52	«	Табюкаль	Табюкаль	«	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Герцефельд Кристина	ж	43	немец-поселянин	Эйстагель	Эйстагель	«	д. Юкеево	Еловская
Герцефельд Фриц	м	47	«	Эйстагель	Эйстагель	«	«	«
Гехт Франц	м	17	поселянин	Белау	Бохние	«	с. Устюг	Погорельская
Гец Фридрих	м	19	немец-поселянин	Милавушкен	Милавушкен	«	«	«
Гибат Геррих	м	34	«	Швегерау	Эшенбург	«	«	«
Гийза Эмиль	м	38	«	Инстербург	Инстербург	«	д. Юкеево	Еловская
Гильдебран Макс	м	16	мещанин	Иллишкен	Иллишкен	«	с. Устюг	Погорельская
Гинц Рудольф	м	17	мещанин	Герченвальде	Герченвальде	«	«	«
Гиртер Карл	м	18	немец-поселянин	Коваят	Коваят	«	д. Малая Мурга	Больше-Муртинская
Глазен Вальтер	м	19	«	Витенберг	Мальгаузен	«	с. Устюг	Погорельская
Глембоцкий Вильд	м	18	«	Биела	Биела	«	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Глюве Вильгельм	м	41	«	Эусвальд	Эусвальд	«	д. Тигина	Межевская
Гоголь Карл	м	54	«	Энстенбург	Эстенбург	«	с. Еловское	Еловская
Годлинский Иоган	м	69	«	Новерзем	Новерзем	«	«	«
Годлинский Эмиль	м	22	«	Эгоден	Эгоден	«	«	«
Гольштейн Эрнст	м	25	«	Падашкен	Падашкен	«	с. Погорельское	Погорельская
Горный Амалия	ж	59	«	Бобросен	Бобросен	«	д. Юкеево	Еловская
Горный Вильгельмина	ж	66	«	Бобросен	Бобросен	«	«	«
Горный Фриц	м	12	«	Бобросен	Бобросен	«	«	«
Горохов Густав	м	13	«	Проскен	Проскен	«	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Горохова Злена	ж	1	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Горохова Луиза	ж	15	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Горохова Шарлота	ж	40	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Грабовский Иоган	м	65	немец-поселянин	Проскен	Проскен	«	с. Еловское	Еловская

Грагорт Отто	м	26	«	Энстенбург	Энстенбург	Энстенбург	д. Тигина	Межевская
Грайберг Иоган	м	52	«	Проскен	Проскен	Проскен	с. Еловское	Еловская
Грануа Густав	м	35	поселянин	Каленен	Тобишкен	«	с. Устюг	Погорельская
Грасговер Герман	м	33	немец-поселянин	Панау	Панау	«	с. Погорельское	Погорельская
Граузе Фриц	м	45	«	Мильгаузен	Мильгаузен	«	д. Тигина	Межевская
Грейнек Вильгельм	м	55	«	Сотасин	Сотасин	«	с. Нахвальское	Нахвальская
Грейта Анна	ж	58	«	Стурит	Стурит	«	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Грейта Анна	ж	11	«	Стурит	Стурит	«	«	«
Грейта Вильгельм	м	62	«	Стурит	Стурит	«	«	«
Грейта Шарлотта	ж	15	«	Стурит	Стурит	«	«	«
Грейч Отто	м	21	«	Слянуман	Слянуман	«	д. Юкеево	Еловская
Гренда Адам	м	50	«	Бобростен	Бобростен	«	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Гренда Адольф	м	15	«	Бобростен	Бобростен	«	«	«
Гренда Густав	м	17	«	Бобростен	Бобростен	«	«	«
Гренда Рудольф	м	13	«	Бобростен	Бобростен	«	«	«
Гренда Фрида	ж	19	«	Бобростен	Бобростен	«	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Гренда Фриц	м	10	«	Бобростен	Бобростен	«	«	«
Греч Отто	м	33	«	Пломпен	Пломпен	«	с. Устюг	Погорельская
Гриммоланд Отто	м	16	мещанин	Кальтекен	Крюкау	«	«	«
Гринда Адольф	м	13	немец-поселянин	Боброскен	Боброскен	«	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	Сухобузимская
Гринда Готлиб	м	62	«	Недвичен	Недвичен	«	с. Еловское	Еловская
Гринда Мария	ж	56	«	Боброскен	Боброскен	«	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	Сухобузимская
Гринда Эмилия	ж	50	«	Боброскен	Боброскен	«	«	«
Гринда Ян	м	52	«	Боброскен	Боброскен	«	«	«
Гробовский Карл	м	19	немец-поселянин	Вазинен	Вазинен	«	с. Устюг	Погорельская
Гроз Изедор	м	64	«	Вейляв	Вейляв	«	д. Тигина	Межевская
Гросс Карл Пауль	м	19	«	Жиматкенен	Жиматкенен	«	с. Устюг	Погорельская
Грубель Иоган	м	50	«	Проскен	Проскен	«	с. Еловское	Еловская
Грундлах Рудольф	м	20	«	Лебенау	Паут	«	с. Устюг	Погорельская
Грুষь Иоган	м	58	«	Пивниц	Пивниц	«	с. Устюг	Сухобузимская
Грюнберг Отто	м	41	«	Скайзгирнен	Скайзгирнен	«	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Губин Фридрих	м	30	«	Энстенбург	Энстенбург	«	с. Еловское	Еловская
Гуз Самуил	м	60	«	Билло	Билло	«	«	«
Гузек Август	м	31	«	Проскен	Проскен	«	с. Нахвальское	Нахвальская
Гузек Адольф	м	8	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Гузек Мария	ж	13	«	Проскен	Проскен	«	с. Нахвальское	Нахвальская
Гук Фриц	м	28	мещанин	Нойндорф	Нойндорф	«	с. Устюг	Погорельская
Гус Эрнст	м	19	немец-поселянин	Инсбург	Инсбург	«	«	«
Дальман Эмиль	м	50	«	Стагин	Стагин	«	д. Тигина	Межевская

Дамалевский Людвиг	м	26	мещанин	Простен	Стаген	с. Устюг	Погорельская
Данельчик Адам	м	35	«	Егоднен	Вибростен	«	«
Данлевский Франц	м	44	немец-поселянин	Попинкин	Попинкин	д. Тигина	Межевская
Дашкей Йоган	м	66	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Дельниц Карл	м	62	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Дельниц Мария	ж	65	«	Просткен	Просткен	«	«
Депатко Михаил	м	16	«	Вилькавен	Вилькавен	с. Сухобузимское, д. Хлюптунова	Сухобузимская
Депинер Бруно	м	18	поселянин	Маргарбен	Эшенбурх	с. Устюг	Погорельская
Депкат Вильгельм	м	26	«	Бердикален	Бердикален	«	«
Дехт Изак	м	32	«	Бохние	Бохние	«	«
Дизинг Людвиг	м	50	немец-поселянин	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Дизинг Мария	ж	53	«	Проскен	Проскен	«	«
Дилль Густав	м	36	«	Гроз-Еровимкен	Гроз-Еровимкен	с. Еловское	Еловская
Диляк Фриц	м	15	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Дингогус Ян	м	66	«	Проскен	Проскен	с. Сухобузимское, д. Хлюптунова	«
Дирдагская Илда	ж	13	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Дирдагская Вильгельмина	ж	6	«	Проскен	Проскен	«	«
Дирдагская Эмилия	ж	11	«	Проскен	Проскен	«	«
Дирдагская Эрта	ж	8	«	Проскен	Проскен	«	«
Дистергофт Густав	м	23	«	Алемтен	Алемтен	д. Павловская	Нахвальская
Дицунайт Эдуард	м	37	«	Стомопинен	Стомопинен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Дицунайт Эдуард	м	35	«	Инстенбург	Инстенбург	«	Больше-Муртинская
Дондер Амалия	ж	18	«	Половен	Половен	д. Юкеево	Еловская
Дорог Альберт	м	20	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	Больше-Муртинская
Дорог Густав	м	14	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	«
Дорог Леопольд	м	47	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	«
Дорог Леопольд	м	18	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	«
Дравилевский Эдуард	м	40	«	Пилитен	Пилитен	д. Тигина	«
Древель Павел	м	44	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	«
Дриклер Вильгельм	м	18	«	Кердайн	Кердайн	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Друба Михаил	м	68	«	Нейтвида	Нейтвида	с. Нахвальское	Нахвальская
Дрюклер Август	м	17	поселянин	Попелекен	Лаженикен	с. Устюг	Погорельская
Дуда Фердинанд	м	60	немец-поселянин	Проскен	Проскен	с. Еловское	Еловская
Дулявский Август К.	м	42	поселянин	Абилинен	Абдлицен	с. Устюг	Погорельская
Егорновский Август	м	49	немец-поселянин	Сумкиен	Сумкиен	с. Еловское	Еловская
Ейсман Густав	м	49	«	Люкишкен	Люкишкен	«	«

Есат Август	м	52	«	Банково	Банково	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Естарок Анна	ж	10	«	Проскен	Проскен	«	«
Естарок Людвиг	м	39	«	Проскен	Проскен	«	«
Естарок Мария	ж	34	«	Проскен	Проскен	«	«
Естарок Фридрих	м	2	«	Проскен	Проскен	«	«
Жагун Густав	м	20	«	Каушен	Каушен	с. Устюг	Погорельская
Жамайгат Август	м	31	«	Попелькен	Попелькен	«	«
Забороцкий Роберт	м	31	«	Инстенбург	Инстенбург	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Завицкая Ядвига	ж	16	«	Половин	Половин	с. Нахвальское	Нахвальская
Заент Августа	ж	40	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	«
Заент Карл	м	11	«	Проскен	Проскен	«	«
Зайденберг Отто	м	29	поселянин	Ланденнен	Лендикет	с. Устюг	Погорельская
Зайдлер Дюрги	м	62	немец-поселянин	Мотлядкен	Мотлядкен	с. Сухобузимское, д. Хлюптунова	Сухобузимская
Зайдлер Фридрих	м	27	поселянин	Гердауен	Меллаукен	с. Устюг	Погорельская
Закубельский Август	м	21	поселянин	Бортенгут	Бортенгут	с. Устюг	Погорельская
Залевский Густав	м	27	«	Гутен	Гутен	г. Красноярск	«
Зелекер Август	м	50	немец-поселянин	Милевишкен	Милевишкен	с. Еловское	Еловская
Зея Адольф	м	20	«	Стужень	Стужень	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Зея Иван	м	16	«	Стужень	Стужень	«	«
Зигер Пахль	м	19	поселянин	Гупшманен	Плошен	с. Устюг	Погорельская
Зийзе Густав	м	62	немец-поселянин	Левкалин	Левкалин	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Зик Карл	м	39	немец-поселянин	Проскен	Проскен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Зимолайт Фриц	м	19	поселянин	Маргарбен	Эшенбрук	с. Устюг	Погорельская
Зиницкая Гертруда	ж	8	немец-поселянин	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Зиницкая Мария	ж	31	«	Просткен	Просткен	«	«
Зиницкий Адольф	м	33	«	Просткен	Просткен	«	«
Зиницкий Пауль	м	1	«	Просткен	Просткен	«	«
Зиницкий Фридрих	м	10	«	Просткен	Просткен	«	«
Зойка Эрнст	м	17	поселянин	Егоднен	Ничведжен	с. Устюг	Погорельская
Зольман Валентин	м	59	немец-поселянин	Швейгерат	Швейгерат	с. Нахвальское	Нахвальская
Зольман Йоган	м	48	«	Бебрен	Бебрен	с. Еловское	Еловская
Зорге Эрнст	м	20	«	Кенечмайндохор	Кенечмайндохор	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Ижибот Эмиль	м	20	поселянин	Войсендзе	Варниен	г. Красноярск	Нахвальская
Инбер Мария	ж	38	немец-поселянин	Половин	Половин	с. Нахвальское	Нахвальская
Иоданг Франц	м	18	«	Мальшвикен	Мальшвикен	с. Устюг	Погорельская
Ионишкис Макс	м	32	«	Мальшвикен	Мальшвикен	«	«
Иордик Михель	м	27	«	Лискен	Мискель	«	«
Ирит Карл	м	44	«	Изикорен	Изикорен	с. Еловское	Еловская
Ирос Август	м	51	«	Церпиен	Церпиен	с. Погорельское	Погорельская

Кадегант Эрнст	м	20	мещанин	Аслакен	Аслакен	Аслакен	г. Красноярск	Погорельская
Кайзер Вильгельм	м	17	мещанин	Муллокен	Муллокен	с. Устюг	с. Устюг	Погорельская
Калина Густав	м	16	немец-поселянин	В. Груйт	В. Груйт	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Кальговский Густав	м	60	«	Крамов	Крамов	с. Еловское	с. Еловское	Еловская
Кальфус Шуа	м	46	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подъемское	с. Подъемское	Больше-Муртинская
Каминская Лиза	ж	67	«	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	с. Нахвальское	Нахвальская
Каминский Адольф	м	13	«	Айдыкен	Айдыкен	с. Еловское	с. Еловское	Еловская
Каминский Антон	м	70	«	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	с. Нахвальское	Нахвальская
Каминский Иоган	м	54	«	Айдыкен	Айдыкен	с. Еловское	с. Еловское	Еловская
Каминский Карл	м	15	«	Айдыкен	Айдыкен	«	«	«
Карлинский Август	м	57	«	Проскен	Проскен	д. Юкеево	д. Юкеево	Еловская
Карлинский Карл	м	14	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Карлинский Фриц	м	17	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Катергйт Отто	м	24	«	Кейзонозшкен	Кейзонозшкен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Кашерус Отто	м	18	мещанин	Илишкен	Илишкен	Воржен	с. Погорельское	Погорельская
Кашерус Эрих	м	16	«	Илишкен	Илишкен	Воржен	«	«
Квидло Августа	ж	57	немец-поселянин	Абеликен	Абеликен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	Сухобузимская
Келер Альберт	м	25	мещанин	Бешарвен	Бешарвен	с. Погорельское	с. Погорельское	Погорельская
Келер Карл	м	30	«	Бешарвен	Бешарвен	с. Устюг	с. Устюг	«
Кельх Карл	м	23	поселянин	Панау	Панау	с. Погорельское	с. Погорельское	«
Кельх Карл	м	47	немец-поселянин	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	с. Нахвальское	Нахвальская
Келлиг Франц	м	23	мещанин	Понау	Понау	с. Погорельское	с. Погорельское	Погорельская
Кенниг Густав	м	19	поселянин	Адамеру	Адамеру	с. Устюг	с. Устюг	«
Кенски Карл	м	42	немец-поселянин	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	с. Нахвальское	Нахвальская
Керага Готлиб	м	83	«	Тузен	Тузен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Кервад Карл	м	38	«	Зелетеймен	Зелетеймен	д. Юкеево	д. Юкеево	Еловская
Кервад Фридрих	м	42	«	Зелетеймен	Зелетеймен	«	«	«
Кершек Иоган	м	21	мещанин	Ничведжен	Ничведжен	с. Устюг	с. Устюг	Погорельская
Кеслер Эмиль	м	23	поселянин	Швечерау	Швечерау	«	«	«
Кех Август	м	46	немец-поселянин	Проскен	Проскен	с. Еловское	с. Еловское	Еловская
Кизминг Карл	м	49	немец-поселянин	Биненберг	Биненберг	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	Сухобузимская
Киянская Августа	ж	50	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	д. Павловская	Нахвальская
Киянская Августа	ж	15	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Киянский Карл	м	62	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Кион Эмиль	м	21	поселянин	Просткен	Просткен	с. Устюг	с. Устюг	Погорельская
Кицильман Эмма	ж	12	немец-поселянин	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская

Кияк Фридрих	м	52	«	Ервикелен	Ервикелен	с. Еловское	с. Еловское	Еловская
Клайцман Вильгельм	м	20	мещанин	Инстербург	Инстербург	с. Погорельское	с. Погорельское	Погорельская
Кладмер Август	м	20	поселянин	Найвальде	Найвальде	с. Устюг	с. Устюг	«
Клашус Ганс	м	17	поселянин	Вапеникен	Вапеникен	«	«	«
Клейн Иоган	м	14	немец-поселянин	Дрейвен	Дрейвен	с. Подъемское	с. Подъемское	Больше-Муртинская
Клейн Фридрих	м	44	«	Верблер	Верблер	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	Сухобузимская
Клейн Эмиль	м	43	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подъемское	с. Подъемское	Больше-Муртинская
Кленганц Августа	ж	13	«	Просткен	Просткен	д. Павловская	д. Павловская	Нахвальская
Кленганц Вильгельмина	ж	32	«	Просткен	Просткен	д. Павловская	д. Павловская	Нахвальская
Климен Елена	ж	66	«	Гельманен	Гельманен	д. Хлоптунова	д. Хлоптунова	Сухобузимская
Клос Густав	м	23	«	Стурит	Стурит	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Клоузе Клада	ж	12	«	Тузен	Тузен	«	«	«
Книс Луиза	ж	63	«	Шозен	Шозен	с. Сухобузимское, 3-й стан	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Книс Людвиг	м	23	«	Шозен	Шозен	«	«	«
Книч Адольф	м	38	«	Инстенбург	Инстенбург	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Кноп Густав	м	29	немец-поселянин	Вариенгов	Вариенгов	с. Погорельское	с. Погорельское	Погорельская
Ковалевская Августа	ж	52	«	Поновен	Поновен	д. Таскина	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Ковалевская Луиза	ж	52	«	Поновен	Поновен	«	«	«
Ковалевский Готлиб	м	52	«	Поновен	Поновен	«	«	«
Ковалик Альфрида	ж	1	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Ковалик Анна	ж	13	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Ковалик Готлиб	м	40	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Ковалик Луиза	ж	12	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Ковалик Мария	ж	36	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Ковалик Эрнст	м	4	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Ковальская Юлия	ж	54	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	д. Павловская	Нахвальская
Ковальский Иоган	м	60	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Ковальский Макс	м	14	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Ковальский Павел	м	10	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Ковальский Фриц	м	20	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Колеса Эмилия	ж	48	«	Просткен	Просткен	д. Павловская	д. Павловская	Нахвальская
Кольбатский Эрнст	м	20	поселянин	Гольдап	Гольдап	д. Юкеево	д. Юкеево	Еловская
Кондрат Отто	м	18	поселянин	Роскен	Роскен	с. Погорельское	с. Погорельское	Погорельская
Кониц Роберт	м	32	поселянин	Жаманткемен	Жаманткемен	с. Погорельское	с. Погорельское	«
Коньковский Адольф	м	28	немец-поселянин	Золау	Нейбург	«	«	«
Коп Август	м	55	«	Штаггаузен	Штаггаузен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	Сухобузимская
Копен Иоган	м	20	«	Лик	Лик	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Коралевская Анна	ж	11	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	с. Нахвальское	Нахвальская

Коралевская Каролина	ж	53	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Коралевский Макс	м	14	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Коринт Отто	м	41	немец-поселянин	«	Эйгергрух	Эйгергрух	д. Тигина	«	Межевская
Корочевская Марта	ж	15	«	«	Просткен	Просткен	д. Павловская	«	Нахвальская
Корочевский Адольф	м	13	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Корочевский Иосиф	м	48	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Корочевский Франц	м	17	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Косин Франц	м	43	поселянин	«	Немерсдорф	Немерсдорф	с. Устюг	«	Погорельская
Котовская Мария	ж	18	немец-поселянин	«	Шозен	Шозен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Кох Фридрих	м	23	поселянин	«	Викнавоимен	Зермертмен	с. Устюг	«	Погорельская
Коц Мориц	м	57	немец-поселянин	«	Наендорф	Наендорф	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Крайдингер Маркус	м	77	«	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подлемское	«	Больше-Муртинская
Краммер Вильгельм	м	27	поселянин	«	Дортмунд	Гумбинен	с. Погорельское	«	Погорельская
Краммер Рудольф	м	68	немец-поселянин	«	Проскен	Проскен	с. Еловское	«	Еловская
Краузе Фридрих	м	61	«	«	Вейляув	Вейляув	«	«	«
Крафт Мина	ж	63	«	«	Эхольин	Эхольин	д. Юксево	«	Еловская
Крейн Герман	м	27	«	«	Скерлен	Скерлен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Крейсберг Иоган	м	48	«	«	Борткен	Борткен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Креммер Иоган	м	21	«	«	Книпрод	Голисбург	с. Погорельское	«	Погорельская
Кригер Альберт	м	18	«	«	Лупкин	Лупкин	д. Таскина	«	Нахвальская? Погорельская?
Кригер Вильгельм	м	52	«	«	Лупкин	Лупкин	«	«	«
Кригер Гермон	м	49	«	«	Штаптаузен	Штаптаузен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Кригер Фриц	м	57	поселянин	«	Егоднен	Егодне	с. Устюг	«	Погорельская
Кристор Августа	ж	28	немец-поселянин	«	Хиппель	Хиппель	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Кристор Отылия	ж	54	«	«	Хиппель	Хиппель	«	«	«
Криккер Карл	м	44	«	«	Просткен	Просткен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Кринг Фридрих	м	45	поселянин	«	Варкау	Зизерваген	с. Погорельское	«	Погорельская
Кристьян Герман	м	45	немец-поселянин	«	Аленбург	Аленбург	д. Таскина	«	Нахвальская? Погорельская?
Кришкун Густав	м	34	немец-поселянин	«	Кунбинен	Кунбинен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Кровчик Елизавета	ж	9	«	«	Гельманен	Гельманен	д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Кровчик Маргарита	ж	6	«	«	Гельманен	Гельманен	«	«	«
Кровчик Мария	ж	60	«	«	Гельманен	Гельманен	«	«	«
Кровчик Мария	ж	6	«	«	Гельманен	Гельманен	«	«	«
Кройгат Фридрих	м	30	поселянин	«	Гайрихвальд	Гайрихвальд	с. Погорельское	«	Погорельская
Кронауф Густав	м	36	немец-поселянин	«	Вейляув	Вейляув	с. Еловское	«	Еловская
Кросстоф Герман	м	34	«	«	Кумоер	Кумоер	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская

Круголевикий Людвиг	м	54	«	«	Крупен	Крупен	с. Еловское	«	Еловская
Крюгер Герман	м	17	поселянин	«	Тримау	Тримау	с. Погорельское	«	Погорельская
Кудецко Каролина	ж	63	немец-поселянин	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Кудрицкая Юлия	ж	63	«	«	Просткен	Просткен	д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Кудрицкий Карл	м	57	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Куковский Людвиг	м	34	«	«	Соколкин	Соколкин	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Кулац Фридрих	м	65	«	«	Цыборей	Цыборей	с. Еловское	«	Еловская
Кулиновский Иоган	м	57	«	«	Крупен	Крупен	«	«	«
Курат Франц	м	18	«	«	Эстенбург	Эстенбург	«	«	«
Курицкий Карл	м	25	«	«	Соколкин	Соколкин	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Кустаун Карл	м	33	поселянин	«	Парайген	Парайген	с. Погорельское	«	Погорельская
Куд Берта	ж	44	немец-поселянин	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	«	Нахвальская? Погорельская?
Куд Мария	ж	72	немец-поселянин	«	Проскен	Проскен	д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Куд Павел	м	14	«	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	«	Нахвальская? Погорельская?
Куд Фердинанд	м	48	«	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Куд Фридрих	м	86	«	«	Проскен	Проскен	д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Кюнапель Герман	м	20	поселянин	«	Замарфельд	Замарфельд	с. Погорельское	«	Погорельская
Кяррот Фриц	м	49	немец-поселянин	«	Ульнейкн	Ульнейкн	с. Еловское	«	Еловская
Лазажевская Луиза	ж	61	«	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	«	Нахвальская
Лангахасн Карл	м	21	поселянин	«	Виринен	Виринен	с. Погорельское	«	Погорельская
Лангуч Эмма	ж	64	немец-поселянин	«	Руден	Руден	д. Юксево	«	Еловская
Ланеке Готфольд	м	66	«	«	Курпина	Курпина	«	«	«
Ланеке Отто	м	21	«	«	Курпина	Курпина	д. Юксево	«	Еловская
Ланче Карл	м	43	«	«	Пилькален	Пилькален	д. Тигина	«	Межевская
Ласк Август	м	31	«	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Ласк Готлиб	м	50	«	«	Лемегель	Лемегель	с. Еловское	«	Еловская
Лаужат Фриц	м	20	поселянин	«	Петкунель	Петкунель	с. Погорельское	«	Погорельская
Лаушат Отто	м	51	немец-поселянин	«	Вайдлакен	Вайдлакен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Лашинский Карл	м	34	поселянин	«	Скайзгирен	Скайзгирен	с. Устюг	«	Погорельская
Лебендих Эдуард	м	36	«	«	Немерсдорф	Немерсдорф	«	«	«
Леве Рихард	м	33	«	«	Демерау	Демерау	«	«	«
Леве Франц	м	29	«	«	Демерау	Демерау	«	«	«
Леве Эмиль	м	27	«	«	Демерау	Демерау	«	«	«
Левиккий Август	м	59	немец-поселянин	«	Биненберг	Биненберг	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	«	Сухобузимская
Левиккий Вильям	м	20	«	«	Илишкен	Обшерникен	«	«	«
Лей Мария	ж	40	«	«	Проскен	Проскен	д. Юксево	«	Еловская
Ленк Генрих	м	5	«	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Ленк Мария	ж	26	«	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Лерке Фридрих	м	50	немец-поселянин	«	Крейлихкен	Крейлихкен	д. Тигина	«	Межевская

Леч Фриц	м	18	поселянин	Земетимен	Земетимен	г. Красноярск	Нахвальская
Лешинский Густав	м	64	немец-поселянин	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	Нахвальская
Лидекаг Отто	м	19	поселянин	Веременич	Крелиханен	с. Устюг	Погорельская
Лининберг Юлиус	м	32	немец-поселянин	Швендерак	Швендерак	с. Еловское	Еловская
Линкман Августа	ж	46	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Линкман Клара	ж	10	«	Проскен	Проскен	«	«
Линкман Маргарита	ж	17	«	Проскен	Проскен	«	«
Литлейн Эдуард	м	58	«	Вайтлякен	Вайтлякен	с. Еловское	Еловская
Лихау Карл	м	52	«	Сокольник	Сокольник	с. Нахвальское	Нахвальская
Лобат Готлиб	м	46	«	Проскен	Проскен	с. Еловское	Еловская
Лоцкаг Готлиб	м	50	«	Вайдлакен	Вайдлакен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	Сухобузимская
Луберт Герман	м	25	«	Тензет	Тензет	д. Малая Мурта	Больше-Муртинская
Лул Мария	ж	61	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Лудцаг Карл	м	34	поселянин	Зелау	Зелау	с. Устюг	Погорельская
Майер Герман	м	26	поселянин	Шприндлак	Шприндлак	с. Погорельское	«
Малеико Шарлот	м	47	немец-поселянин	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	Нахвальская
Малецкий Отто	м	19	поселянин	Пашвеншен	Пашвеншен	с. Погорельское	Погорельская
Мальденгауер Роберт	м	39	поселянин	Киссельн	Вержен	«	«
Мальденгауер Эрнст	м	40	поселянин	Вильендорф	Вержен	«	«
Марковский Иоган	м	18	поселянин	Будлакен	Будлакен	«	«
Маскаг Франц	м	20	поселянин	Земетимен	Земетимен	«	«
Магасочик Шарлота	ж	72	немец-поселянин	Остроколен	Остроколен	с. Нахвальское	Нахвальская
Мацаг Карл	м	41	«	Скайзгирнен	Скайзгирнен	д. Тигина	Межевская
Мейкис Иоган	м	37	«	Лейкален	Лейкален	д. Малая Мурта	Больше-Муртинская
Мензелевский Людвиг	м	18	поселянин	Просткен	Вержен	с. Устюг	Погорельская
Миллаутский Иоган	м	46	«	Шаркау	Шаркау	«	«
Минг Герман	м	56	немец-поселянин	Нефлен	Нефлен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Минтель Герман	м	17	поселянин	Малаукен	Малаукен	с. Погорельское	Погорельская
Михайловский Иоган	м	53	немец-поселянин	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	Больше-Муртинская
Михаловский Эдуард	м	22	поселянин	Камерсдорф	Камерсдорф	с. Устюг	Погорельская
Михальчик Августа	ж	50	немец-поселянин	Штозен	Штозен	д. Хлоптунова	Сухобузимская
Михальчик Адольф	м	10	«	Штозен	Штозен	«	«
Михальчик Иоган	м	60	«	Штозен	Штозен	д. Хлоптунова	Сухобузимская
Михальчик Иоган	м	13	«	Штозен	Штозен	«	«
Михальчик Фриц	м	15	«	Штозен	Штозен	«	«
Мойзосчик Иоган	м	49	«	Сольгимолен	Сольгимолен	с. Нахвальское	Нахвальская

Мружевская Мария	ж	58	«	Шозен	Шозен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Мружевский Яков	м	53	«	Шозен	Шозен	«	«
Мюллер Эмиль	м	22	поселянин	Каушен	Каушен	с. Устюг	Погорельская
Мюллер Эрнст	м	24	«	Приокен	Приокен	«	«
Наворский Вильгельм	м	58	немец-поселянин	Эждин	Эждин	с. Еловское	Еловская
Навант Фридрих	м	51	«	Голенбург	Голенбург	с. Нахвальское	Нахвальская
Наиндорф Франц	м	51	«	Вайдлакен	Вайдлакен	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	Сухобузимская
Налькус Фридрих	м	21	«	Стомоникен	Стомоникен	с. Еловское	Еловская
Нахтгейс Арон	м	23	«	Перемышль	Перемышль	«	«
Нейман Август	м	53	«	Проскен	Проскен	«	«
Нейман Эрих	м	21	«	Проскен	Проскен	«	«
Нельде Фридрих	м	53	поселянин	Панушкен	Эриствальде	с. Погорельское	Погорельская
Никель Пауль	м	18	«	Кристофодорф	Мал. Гний	«	«
Никель Франц	м	16	«	Кристофодорф	Кристофодорф	«	«
Никель Фриц	м	18	«	Варниенгорф	Варниенгорф	«	«
Никлаус Эрнст	м	20	поселянин	Аленбург	Эйзервален	с. Устюг	«
Николаит Генрих	м	62	немец-поселянин	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	Больше-Муртинская
Никюлька Августа	ж	20	«	Шозен	Шозен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Никюлька Герман	м	16	«	Шозен	Шозен	«	«
Никюлька Густав	м	14	«	Шозен	Шозен	«	«
Никюлька Иоган	м	65	«	Шозен	Шозен	«	«
Никюлька Иоганн	м	10	«	Шозен	Шозен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Никюлька Павел	м	18	«	Шозен	Шозен	«	«
Нитка Фриц	м	55	«	Гутен	Гутен	«	«
Ницель Густав	м	53	«	Рейсвальд	Рейсвальд	д. Тигина	Межевская
Нич Иоган	м	50	«	Стоген	Стоген	с. Еловское	Еловская
Нойман Герман	м	20	поселянин	Петкунель	Петкунель	с. Погорельское	Погорельская
Нойман Макс	м	22	поселянин	Петкунен	Петкунен	с. Устюг	«
Нойман Эрнст	м	27	поселянин	Кекоришкен	Кекоришкен	с. Погорельское	«
Нойяр Эмилия	ж	32	немец-поселянин	Бардолин	Бардолин	с. Нахвальское	Нахвальская
Норкус Макс	м	19	поселянин	Райнлакен	Райнлакен	с. Устюг	Погорельская
Олендорф Густав	м	39	«	Коресин	Коресин	«	«
Освальд Иоганес	м	18	поселянин	Кенисфельде	Фридланд	с. Погорельское	Погорельская
Отта Вильгельмина	ж	45	немец-поселянин	Просткен	Просткен	д. Павловская	Нахвальская
Оттиерт Густав	м	18	«	Царденинкен	Царденинкен	с. Погорельское	Погорельская
Отт Вильгельм	м	6	«	Просткен	Просткен	д. Павловская	Нахвальская
Павелич Вильгельм	м	77	немец-поселянин	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	Больше-Муртинская
Павеличк Герман	м	16	поселянин	Бяла	Бяла	с. Устюг	Погорельская
Пага Карл	м	33	поселянин	Шайзен	Ангербург	с. Погорельское	«

Пайлевский Адольф	м	13	немец-поселянин	Дрейвен	Дрейвен	Дрейвен	с. Подъёмское	Больше-Муртинская
Палат Альберт	м	41	«	Азмякин	Азмякин	д. Тигина	«	Межевская
Панкевич Иоган	м	55	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	«	Сухобузимская
Панкевич Луиза	ж	66	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Панкевич Фриц	м	21	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Парах Герман	м	31	поселянин	Пиниолен	Пиниолен	с. Погорельское	«	Погорельская
Парах Лео	м	16	«	Пиниолен	Пиниолен	«	«	«
Парганаш Рихард	м	22	немец-поселянин	Лик	Лик	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Пашаби Августа	ж	33	«	Бодлякхи	Бодлякхи	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Певе Карл	м	16	поселянин	Вейсендзе	Вейсендзе	с. Погорельское	«	Погорельская
Пельшнер Август	м	24	немец-поселянин	Заметимен	Заметимен	с. Устюг	«	«
Перанг Карл	м	31	«	Петеменск	Петеменск	«	«	«
Петерайт Фриц	м	20	поселянин	Осинен	Осинен	с. Погорельское	«	«
Петрехт Августа	ж	21	немец-поселянин	Эхольын	Эхольын	д. Южеево	«	Еловская
Петрехт Мина	ж	17	«	Эхольын	Эхольын	«	«	«
Петрих Грейта	ж	11	«	Левкалин	Левкалин	д. Таскина	«	Нахвальская? Погорельская?
Петрих Злена	ж	12	«	Левкалин	Левкалин	«	«	«
Петрих Луиза	ж	43	«	Левкалин	Левкалин	«	«	«
Петруш Фридрих	м	38	«	Энстенбург	Энстенбург	д. Малая Мурта	«	Больше-Муртинская
Питерс Мартин	м	32	немец-поселянин	Лизгален	Лизгален	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Пихлер Карл	м	37	поселянин	Нижлвельден	Нижлвельден	с. Погорельское	«	Погорельская
Пихлер Карл	м	39	немец-поселянин	Дрейвен	Дрейвен	с. Подъёмское	«	Больше-Муртинская
Подлеский Эмиль	м	69	«	Бобростен	Бобростен	с. Сухобузимское, д. Хлюптунова	«	Сухобузимская
Подраза Фридрих	м	61	«	Павлекде	Павлекде	с. Еловское	«	Еловская
Полено Август	м	18	«	Шикорен	Шикорен	«	«	«
Полено Мартин	м	53	«	Шикорен	Шикорен	«	«	«
Прицкаг Август	м	24	поселянин	Эйдкупен	Олаунен	с. Погорельское	«	Погорельская
Прунет Мятлас	м	64	немец-поселянин	Дрейвен	Дрейвен	с. Подъёмское	«	Больше-Муртинская
Пруссаит Фриц	м	21	поселянин	Биртколэн	Биртколэн	с. Погорельское	«	Погорельская
Пудильдз Герман	м	50	немец-поселянин	Стурит	Стурит	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Рабагнус Карл	м	43	«	Степен	Степен	д. Тигина	«	Межевская
Рагнет Фридрих	м	56	«	Плимитен	Плимитен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Рагнет Эмиль	м	17	«	Плимитен	Плимитен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан. Красноярск в/в парикмахер- В. Заринского	«	«
Радке Отто	м	19	поселянин	Зимонен	Зимонен	с. Погорельское	«	Погорельская
Радчувайт Мартин	м	23	немец-поселянин	Ваниккладкен	Ваниккладкен	с. Устюг	«	«

Раненфюрер Курт	м	24	немец-поселянин	Попелкин	Попелкин	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Ратай Иоган	м	60	«	Крамов	Крамов	с. Еловское	«	Еловская
Ратий Готлиб	м	50	«	Эгоден	Эгоден	«	«	«
Ратих Каролина	ж	62	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Рахвальский Карл	м	20	поселянин	Кандиен	Кандиен	с. Погорельское	«	Погорельская
Рачвил Герман	м	17	немец-поселянин	Иджаген	Иджаген	с. Устюг	«	«
Реберг Густав	м	18	поселянин	Тримау	Тримау	с. Погорельское	«	«
Релецкий Отто	м	50	немец-поселянин	Эйстербург	Эйстербург	д. Тигина	«	Межевская
Резе Герман	м	50	«	Домнов	Домнов	«	«	«
Резе Фриц	м	22	«	Стурит	Стурит	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	«	Больше-Муртинская
Рейнер Вильгельм	м	73	немец-поселянин	Дрейвен	Дрейвен	с. Подъёмское	«	«
Рейгер Карл	м	45	«	Обязач	Обязач	д. Малая Мурта	«	«
Рековский Вальтер	м	28	мещанин	Инстербург	Норкитен	с. Устюг	«	Погорельская
Ретиг Густав	м	32	поселянин	Кокоришкен	Кокоришкен	с. Погорельское	«	«
Ридор Митиас	м	72	немец-поселянин	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Робенок Юлиус	м	41	«	Простен	Простен	с. Устюг	«	Погорельская
Ровш Август	м	38	«	Гроз-Пайов	Гроз-Пайов	с. Еловское	«	Еловская
Розенштагль Лео	м	25	«	Билевкен	Билевкен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Росток Иоган	м	64	«	Билло	Билло	с. Еловское	«	Еловская
Рочад Юлиус	м	49	поселянин	Шпанетельн	Шпанетельн	с. Устюг	«	Погорельская
Руба Рудольф	м	17	«	Мискен	Мискен	«	«	«
Рубба Августа	ж	23	немец-поселянин	Просткен	Просткен	д. Павловская	«	Нахвальская
Рубба Анна	ж	19	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Рубба Готлиб	м	51	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Рубба Илда	ж	14	«	Просткен	Просткен	д. Павловская	«	Нахвальская
Рубба Мария	ж	45	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Рубба Марта	ж	16	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Рубба Фрида	ж	10	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Рудде Фридрих	м	61	«	Гердиунен	Гердиунен	с. Еловское	«	Еловская
Рудзе Майд	м	52	«	Наденбург	Наденбург	«	«	«
Рудзевский Людвиг	м	53	«	Орловель	Орловель	«	«	«
Рудник Вильгельм	м	23	поселянин	Вольсиге	Вольсиге	с. Погорельское	«	Погорельская
Румузер Гальмиг	м	13	немец-поселянин	Проскен	Проскен	д. Павловская	«	Нахвальская
Ручик Фриц	м	28	«	Войкунет	Истербург	с. Погорельское	«	Погорельская
Рушинский Готлиб	м	58	«	Эгоден	Эгоден	с. Еловское	«	Еловская
Рушинский Самуил	м	55	«	Эгоден	Эгоден	«	«	«
Рушинский Эрнст	м	16	«	Эгоден	Эгоден	«	«	«
Рэсснер Пауль	м	29	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	«	Нахвальская
Сам Густав	м	32	«	Будлакен	Будлакен	с. Сухобузимское, д. Хлюптунова	«	Сухобузимская

Симанчик Анна	ж	7	немец-поселянин	Проскен	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Симанчик Вильгельм	м	38	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Симанчик Густав	м	5	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Симанчик Отто	м	11	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Симанчик Фрида	ж	14	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Синкевич Иосиф	м	47	поселянин	Простен	Простен	«	с. Устюг	Погорельская
Скебе Эрнет	м	19	немец-поселянин	Муллакен	Муллакен	«	с. Погорельское	«
Скибе Фридрих	м	44	поселянин	Эриствальд	Эриствальд	«	с. Устюг	«
Скиндель Ева	ж	59	немец-поселянин	Остроколен	Остроколен	«	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Скиндель Мартин	м	52	«	Остроколен	Остроколен	«	«	«
Скиндель Рудольф	м	15	«	Остроколен	Остроколен	«	«	«
Скорчик Готлаб	м	59	«	Бобростен	Бобростен	«	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Скороцки Мина	ж	22	«	Рулен	Рулен	«	д. Юкеево	Еловская
Скубин Август	м	1	«	Проскен	Проскен	«	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Скубин Альфрид	м	8	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Скубин Альфрида	ж	10	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Скубин Бруно	м	11	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Скубин Вилий	м	8	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Скубин Гертруда	ж	5	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Скубин Густав	м	1	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Скубин Фридрих	м	65	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Скубина Августа	ж	28	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Скубина Мария	ж	32	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Скупиц Иоган	м	65	«	Эгоден	Эгоден	«	с. Еловское	«
Стануль Фриц	м	38	«	Снейскерен	Снейскерен	«	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Субботка Генрих	м	8	немец-поселянин	Просткен	Просткен	«	«	«
Субботка Густав	м	15	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Субботка Луиза	ж	36	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Субботка Людвиг	м	39	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Субботка Людвиг	м	10	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Субботка Марта	ж	2	«	Просткен	Просткен	«	«	«
Субботка Отто	м	13	«	Просткен	Просткен	«	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Суботко Вильгельм	м	18	«	Скрикен	Ничевжден	«	«	«
Сулевская Тириза	ж	10	«	Липинскен	Липинскен	«	«	«
Сулевская Юлия	ж	50	«	Липинскен	Липинскен	«	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Суцезный Адам	м	59	«	Сулимен	Сулимен	«	с. Еловское	Еловская

Спех Генрига	ж	51	«	Просткен	Просткен	Просткен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Спех Злезе	ж	22	«	Нейденбург	Нейденбург	«	д. Павловская	Нахвальская
Спех Людвиг	м	55	«	Нейненбург	Нейненбург	«	с. Нахвальское	Нахвальская
Спех Марша	ж	17	«	Просткен	Просткен	«	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Спех Павел	м	23	«	Нейненбург	Нейненбург	«	д. Павловская	Нахвальская
Спех Эмма	ж	26	«	Просткен	Просткен	«	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Ташендорф Павел	м	36	«	Дыдаве	Дыдаве	«	с. Еловское	Еловская
Тейфер Герман	м	59	«	Фераннов	Фераннов	«	с. Нахвальское	Нахвальская
Телья Отто	м	33	поселянин	Журскемен	Журскемен	«	с. Устюг	Погорельская
Тибурский Иоган	м	22	немец-поселянин	Проскен	Проскен	«	с. Еловское	Еловская
Томе Густав	м	32	поселянин	Шенкен	Эшенбрух	«	с. Устюг	Погорельская
Трот Карл	м	39	«	Бершкален	Бершкален	«	«	«
Троян Людвиг	м	55	немец-поселянин	Фролевен	Фролевен	«	с. Еловское	Еловская
Трунаха Анна	ж	60	«	Петрокачен	Петрокачен	«	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Трунаха Карл	м	12	немец-поселянин	Петрокачен	Петрокачен	«	«	«
Трунаха Фридрих	м	59	«	Петрокачен	Петрокачен	«	«	«
Трунаха Фриц	м	28	«	Петрокачен	Петрокачен	«	«	«
Трутнал Август	м	52	«	Мамсек	Мамсек	«	д. Юкеево	Еловская
Трутнал Вильгельм	м	20	«	Мамсек	Мамсек	«	«	«
Трутнал Георгий	м	54	«	Мамсек	Мамсек	«	«	«
Туропская Луиза	ж	62	«	Проскен	Проскен	«	с. Нахвальское	Нахвальская
Туропский Фердинанд	м	67	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Туропский Фридрих	м	74	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Узингер Иоган	м	56	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Узингер Макс	м	8	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Узингер Мария	ж	56	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Уленская Илда	ж	12	«	Эходьин	Эходьин	«	д. Юкеево	Еловская
Улунский Карл	м	14	«	Эгоден	Эгоден	«	с. Еловское	«
Улунский Макс	м	16	«	Эгоден	Эгоден	«	«	«
Унфердакт Карл	м	48	«	Куриина	Куриина	«	д. Юкеево	«
Унфердакт Юзеф	м	18	«	Куриина	Куриина	«	«	«
Урбан Георгий	м	48	«	Кунбинен	Кунбинен	«	д. Тигина	Межевская
Ушерская Анна	ж	21	«	Найндорф	Найндорф	«	д. Юкеево	Еловская
Фабиян Адольф	м	23	«	Отстроколин	Отстроколин	«	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Фалк Отто	м	39	«	Вайлдакен	Биненберг	«	с. Погорельское	Погорельская
Фальковская Шарлотта	ж	53	«	Просткен	Просткен	«	с. Нахвальское	Нахвальская
Фалькшло Фридрих	м	36	«	Биненберг	Биненберг	«	с. Сухобузимское, д. Хлоптунова	Сухобузимская
Федрицик Адам	м	78	«	Проскен	Проскен	«	«	«
Фейер-Зенгер Адам	м	71	«	Проскен	Проскен	«	д. Юкеево	Еловская

Фелау Генрих	м	42	поселянин	Иджаген	Просткен	с. Устюг	Погорельская
Фехнер Георг	м	15	немец-поселянин	Гайрихсвальд	Гайрихсвальд	с. Погорельское	«
Филон Карл	м	25	«	Кенишберг	Жаген	«	«
Финк Герман	м	35	«	Инстубург	Инстубург	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Фихлер Карл	м	37	«	Ниджвежден	Ниджвежден	г. Красноярск	«
Флелер Густав	м	17	«	Бетингов	Понау	с. Погорельское	Погорельская
Флейдер Юлиус	м	71	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	Больше-Муртинская
Фон Глинский Рудольф	м	32	«	Проткен	Проткен	д. Тигина	Межевская
Фон Глинский Франц	м	38	«	Проткен	Проткен	«	«
Фрейтак Адольф	м	30	«	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	Нахвальская
Фридрих Эдуард	м	30	«	Тывальт	Тывальт	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Фризе Эмиль	м	17	поселянин	Наринген	Наринген	с. Устюг	Погорельская
Фриц Франц	м	39	немец-поселянин	Айдуцен	Айдуцен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Фриш Бернард	м	21	«	Вейзевей	Вейзевей	с. Нахвальское	Нахвальская
Фронерт Макс	м	16	поселянин	Лаленинген	Вайсендзе	с. Устюг	Погорельская
Функ Карл	м	19	немец-поселянин	Инстенбург	Инстенбург	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Фухут Густав	м	48	«	Вайллакен	Вайллакен	с. Сухобузимское; д. Хлоптунова	Сухобузимская
Хеверт Иоган	м	20	«	Панау	Панау	с. Погорельское	Погорельская
Хевшиц Матгас	м	52	«	Наденбург	Наденбург	с. Еловское	Еловская
Хельвиг Луи	м	19	«	Сказерен	Сказерен	с. Погорельское	Погорельская
Хельмунд Отто	м	39	«	Обширнекен	Обширнекен	«	«
Хельштайн Отто	м	35	«	Земерфельд	Лупкаен	«	«
Хендель Эдуард	м	20	поселянин	Каленциген	Нечведжен	с. Устюг	«
Хмелевская Вильгельмина	ж	30	немец-поселянин	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Хмелевский Пауль	м	7	«	Просткен	Просткен	«	«
Ходин Виктория	ж	23	«	Зоклокен	Зоклокен	«	«
Ходин Виктория	ж	1	«	Зоклокен	Зоклокен	«	«
Ходин Георг	м	24	«	Зоклокен	Зоклокен	«	«
Хонгейз Мария	ж	23	«	Бобросен	Бобросен	д. Юкеево	Еловская
Хонгейз Фрида	ж	16	«	Бобросен	Бобросен	«	«
Цакариас Мария	ж	68	«	Просткен	Просткен	д. Павловская	Нахвальская
Цвекля Эмилия	ж	14	«	Боброста	Боброста	«	«
Цвилляр Рихард	м	18	«	Бобростен	Бобростен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Цвилус Август	м	26	«	Эрствальд	Эрствальд	с. Еловское	Еловская
Цеменская Шарлотта	ж	53	«	Проткен	Проткен	д. Тигина	Межевская
Цеменский Пауль	м	55	«	Проткен	Проткен	«	«

Цибулька Готтлиб	м	72	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	Больше-Муртинская
Цитрих Вильгельм	м	50	«	Швендерак	Швендерак	с. Еловское	Еловская
Цоллер Ида	ж	18	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Цоллер Отто	м	23	«	Проскен	Проскен	«	«
Цоллер Эрн	ж	13	«	Проскен	Проскен	«	«
Дубайко Иоган	м	66	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Дубайко Фрида	ж	16	«	Проскен	Проскен	«	«
Дубайко Фриц	м	12	«	Проскен	Проскен	«	«
Дудноховский Макс	м	9	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	Больше-Муртинская
Дудноховский Рудольф	м	57	«	Эгоден	Эгоден	с. Еловское	Еловская
Дункер Карл	м	19	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Дункер Марта	ж	14	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Чупек Фриц	м	58	немец-поселянин	Эюдин	Эюдин	с. Еловское	Еловская
Шалук Карл	м	41	«	Попелкин	Попелкин	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Шарфетер Карл	м	52	«	Эрксим	Эрксим	«	«
Швай Фриц	м	27	«	Блюппинен	Блюппинен	с. Погорельское	Погорельская
Шварм Отто	м	27	«	Белькален	Белькален	с. Нахвальское	Нахвальская
Шварц Герман	м	48	«	Вильдячен	Вильдячен	с. Еловское	Еловская
Шварц Густав	м	26	поселянин	Выппинкен	Выппинкен	с. Устюг	Погорельская
Швермер Иоган	м	44	немец-поселянин	Скайзгирет	Скайзгирет	с. Еловское	Еловская
Шелуг Густав	м	39	«	Неводек	Неводек	д. Юкеево	«
Шелуг Иоган	м	14	«	Неводек	Неводек	«	«
Шель Фридрих	м	35	«	Парайкен	Парайкен	с. Погорельское	Погорельская
Шемгорская Алина (Шемгорская?)	ж	13	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Шемгорская Луиза (Шемгорская?)	ж	55	«	Проскен	Проскен	«	«
Шендзе Иоган	м	45	поселянин	Немерслорф	Немерслорф	с. Устюг	Погорельская
Шенфельг Иоган	м	12	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Шенфельг Курт	м	8	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Шенфельг Маргарита	ж	6	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Шенфельг Мария	ж	14	немец-поселянин	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Шенфельг Матильда	ж	43	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская
Шетлат Карл	м	56	«	Голбенен	Голбенен	с. Нахвальское	Нахвальская
Шефер Гелена	ж	19	«	Проткен	Проткен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Шефер Теодор	м	52	«	Гроз-Бурьякен	Гроз-Бурьякен	с. Еловское	Еловская
Шефер Фриц	м	20	поселянин	Немерслорф	Немерслорф	с. Устюг	Погорельская
Шефер Фриц	м	22	немец-поселянин	Проткен	Проткен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Шефер Эмма	ж	45	«	Проткен	Проткен	«	«

Шефлер Гуго	м	42	«	«	Антвент	Антвент	с. Нахвальское	Нахвальская
Шиви Йоган	м	14	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шиви Йоган	м	14	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шиви Вильгельм	м	16	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шиви Гертруда	ж	11	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шиви Мария	ж	22	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шиви Отто	м	8	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шиви Фриц	м	9	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шильт Фридрих	м	26	«	«	Пибашкен	Пибашкен	с. Потгорельское	Потгорельская
Шиман Фридрих	м	31	поселянин	«	Общерники	Общерники	с. Устюг	«
Шимельфеник Вильгельм	м	48	немец-поселянин	«	Бельсдорф	Бельсдорф	д. Тигина	Межевская
Шимкад Йоган	м	47	«	«	Магорман	Магорман	с. Нахвальское	Нахвальская
Шмидт Август	м	46	«	«	Антвент	Антвент	«	«
Шмидт Кристиан	м	67	«	«	Просткен	Просткен	д. Павловская	Нахвальская
Шмидт Рихард	м	37	«	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	Больше-Муртинская
Шмидт Эрнст	м	29	«	«	Дарковинен	Барковинен	с. Нахвальское	Нахвальская
Шнейдер Карл	м	46	«	«	Инстербург	Инстербург	д. Юкеево	Еловская
Шнейдерейт Кристиан	м	55	«	«	Новелькей	Новелькей	с. Нахвальское	Нахвальская
Шпанг Мина	ж	20	«	«	Инстенбург	Инстенбург	д. Павловская	«
Шперлинг Адольф	м	38	«	«	Варниенгоф	Варниенгоф	с. Потгорельское	Потгорельская
Шпицер Михаель	м	20	«	«	Киссельн	Киссельн	«	«
Шпудик Карл	м	60	«	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Шпудик Эмилия	ж	59	«	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Шпураг Отто	м	26	«	«	Панау	Панау	с. Потгорельское	Потгорельская
Шрейер Мария	ж	23	«	«	Сульгмачен	Сульгмачен	д. Павловская	Нахвальская
Штаберг Франц	м	43	«	«	Падалов	Падалов	с. Нахвальское	«
Штадей Август	м	54	«	«	Тирондкен	Тирондкен	с. Еловское	Еловская
Штайнерт Густав	м	18	«	«	Буднинкен	Сказизгирен	с. Потгорельское	Потгорельская
Шталь Август	м	30	«	«	Проскент	Проскент	д. Тигина	Межевская
Штаниц Герман	м	23	«	«	Тримау	Олидорф	с. Потгорельское	Потгорельская
Штатгауз Карл	м	42	«	«	Вайтлякен	Вайтлякен	с. Еловское	Еловская
Штейк Август	м	38	«	«	Турген	Турген	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Штейк Бергальт	м	50	«	«	Турген	Турген	«	«
Штейк Гелена	ж	16	«	«	Турген	Турген	«	«
Штейк Фрида	ж	13	«	«	Турген	Турген	«	«
Штепан Фриц	м	19	«	«	Вирблен	Вирблен	с. Потгорельское	Потгорельская

Штеркау Вильгельм	м	50	«	«	Швейгерауф	Швейгерауф	с. Нахвальское	Нахвальская
Штернберг Юлиус	м	24	поселянин	«	Покальвен	Покальвен	с. Устюг	Потгорельская
Штрах Карл	м	21	немец-поселянин	«	Мускау	Остришкен	с. Потгорельское	Потгорельская
Штрейгер Освальд	м	37	«	«	Проскен	Проскен	д. Юкеево	Еловская
Шука Елизавета	ж	12	«	«	Половин	Половин	с. Нахвальское	Нахвальская
Шука Йоган	м	50	«	«	Половин	Половин	«	«
Шука Эндельгард	м	9	«	«	Половин	Половин	с. Нахвальское	Нахвальская
Шульц Адам	м	61	«	«	Гролев	Гролев	с. Еловское	Еловская
Шульц Анна	ж	76	«	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Шульц Артур	м	19	поселянин	«	Зектубен	Зектубен	с. Устюг	Потгорельская
Шульц Фридрих	м	78	немец-поселянин	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Шульц Эдуард	м	55	«	«	Аклебенен	Аклебенен	с. Еловское	Еловская
Шумкович Вильгельм	м	7	«	«	Проскен	Проскен	д. Хлопунова	Сухобузимская
Шумкович Герман	м	6	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шумкович Мария	ж	59	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шумкович Мартин	м	46	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шумкович Фридрих	м	36	«	«	Проскен	Проскен	«	«
Шустерайт Генрих	м	19	немец-поселянин	«	Плибекшен	Плибекшен	с. Потгорельское	Потгорельская
Загажевская Анна	ж	66	«	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Загажевская Гертруда	ж	6	«	«	Просткен	Просткен	«	«
Загажевский Бем Август	м	32	«	«	Просткен	Просткен	«	«
Эджеровский Готфрид	м	43	поселянин	«	Липинскен	Липинскен	с. Устюг	Потгорельская
Эгзажевская Лѳфрида	ж	4	немец-поселянин	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Эйденберг Эрнст	м	25	«	«	Лейдикен	Лейдикен	д. Тигина	Межевская
Эйзеле Йоган	м	42	«	«	Попелькен	Попелькен	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Эйхель Готлиб	м	52	«	«	Новерзен	Новерзен	с. Еловское	Еловская
Эйхман Адольф	м	27	поселянин	«	Лулкен	Эгднен	с. Устюг	Потгорельская
Эжерт Герман	м	39	немец-поселянин	«	Стромопинен	Стромопинен	д. Юкеево	Еловская
Элендер Август	м	46	«	«	Крикчайм	Крикчайм	с. Еловское	«
Элешнер Елизайда	ж	19	«	«	Инстенбург	Инстенбург	д. Павловская	Нахвальская
Эмпель Адольф	м	14	«	«	Бобростен	Бобростен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Эмпель Анна	ж	47	«	«	Бобростен	Бобростен	с. Сухобузимское, 3-й стан	«
Эмпель Готлиб	м	49	«	«	Бобростен	Бобростен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Эмпель Готлиб	м	17	«	«	Бобростен	Бобростен	«	«
Эмпель Людвиг	м	53	«	«	Ребитвен	Ребитвен	«	«
Эндом Карл	м	22	«	«	Грюлиде	Эгднен	с. Потгорельское	Потгорельская
Эрит Франц	м	23	«	«	Митгсин	Митгсин	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская
Эрлинг Эрст	м	22	поселянин	«	Рогайнен	Рогайнен	с. Устюг	Потгорельская
Эрст Йоган	м	30	немец-поселянин	«	Проскен	Проскен	д. Павловская	Нахвальская

Эрстман Готтлиб	м	26	поселянин	Скунгирен	Польтинен	с. Устюг	Погорельская
Эрдман Фридрих	м	54	немец-поселянин	Лявкишкен	Лявкишкен	с. Еловское	Еловская
Эстер Бурба	м	65	«	Просткен	Просткен	с. Сухобузимское, 3-й стан	Сухобузимская
Юнаг Отто	м	40	поселянин	Корелен	Мальвикен	с. Устюг	Погорельская
Юзвик Екатерина	ж	61	немец-поселянин	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?
Юргелайт Эрст	м	34	«	Золау	Мальвикен	с. Погорельское	Погорельская
Юцкин Людвиг	м	22	«	Соколкин	Соколкин	с. Больше-Мургинское, 4-й стан	Больше-Мургинская
Яблонский Фриц	м	21	«	Паменгэйм	Паменгэйм	д. Юкеево	Еловская
Яблонский Юлус	м	49	«	Кленгуйде	Кленгуйде	с. Нахвальское	Нахвальская
Якубин Готтлиб	м	55	«	Дрейвен	Дрейвен	с. Подьемское	Больше-Мургинская
Якубин Отто	м	15	«	Дрейвен	Дрейвен	«	«
Якубник Генриетта	ж	60	«	Проскен	Проскен	с. Нахвальское	Нахвальская
Янковская Мария	ж	15	«	Лык	Лык	д. Тигина	Межевская
Янц Август	м	21	поселянин	Грюнгоин	Линденау	с. Устюг	Погорельская
Янцер Франц	м	30	немец-поселянин	Пилитен	Пилитен	д. Тигина	Межевская
Янчик Алвфрид	м	8	«	Просткен	Просткен	с. Нахвальское	Нахвальская
Янчик Мария	ж	29	«	Просткен	Просткен	«	«
Янчик Марта	ж	6	«	Просткен	Просткен	«	«
Янчик Франц	м	7	«	Просткен	Просткен	«	«
Янчик Шарлота	ж	3	«	Просткен	Просткен	«	«
Янцон Эмис	м	19	«	Аслокен	Осмакен	с. Погорельское	Погорельская
Ярлох Карл	м	46	«	Леквен	Леквен	д. Юкеево	Еловская
Яш Луиза	ж	53	«	Проскен	Проскен	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?

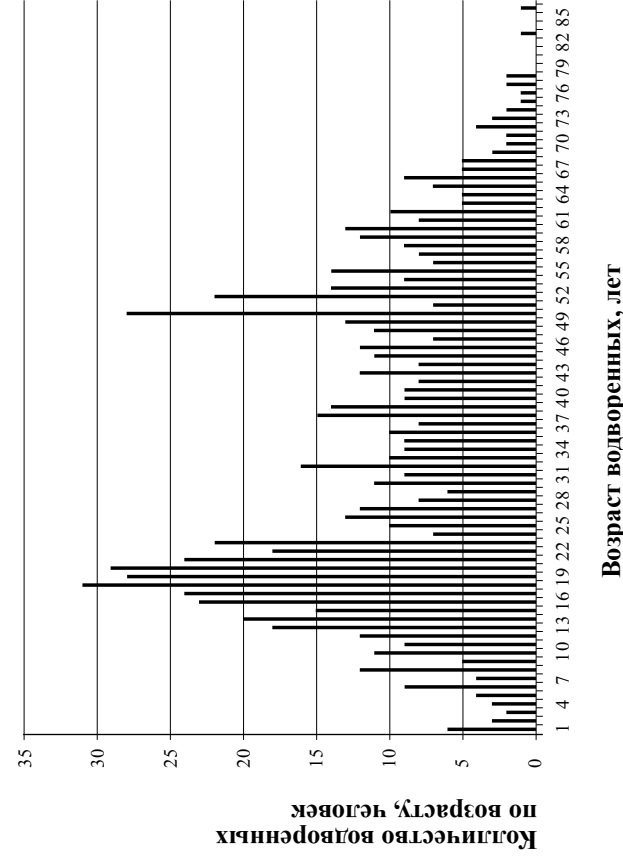
Примечания

- Подчеркиванием выделены символы, вызвавшие сомнения при расшифровке источника (возможная ошибка писаря при передаче кириллицей фамилий, имен и названий и т. п.), а также дополненные составителем;
- Названия населенных пунктов, волостей и административная принадлежность проверены по списку [2];
- С 1837 г. стан — территориальная единица в уезде [3].

Анализ архивных данных

Для удобства анализа распределение водворенных немцев по возрасту представлено гистограммой (рис. 1), по возрастным группам — в таблице 2, а распределение по волостям и населенным пунктам — в таблице 3.

Рис. 1. Распределение водворенных немцев по возрасту

Возраст водворенных, лет

Как видим (таблица 2, группа 7), доля водворенных, которые по своему возрасту могли быть военнообязанными, не превышает одной трети от общего числа водворенных в уезде, и название архивного дела (Ф. 827 Оп. 3. Д. 126 «Именной список военно-обязанных, Германских подданных, введенных русскими войсками с неприятельской германской территории в войну 1914/16 гг. находящихся на водворении в Красноярском уезде Енисейской губернии») содержит очевидную ошибку (или преднамеренное искажение), допущенную чинами жандармского управления.

Вызывает недоумение и причина, по которой «в плен» попали глубокие старики, старшему из которых, Куцу Фридриху, было 86 лет, и многодетные

Таблица 2. Распределение водворенных немцев по возрастным группам

Номер группы по возрасту	Группа по возрасту	Количество, чел.	Доля от общего числа в уезде, %
1	Общее количество водворенных, из них:	822	100
2	душ мужского пола	649	79
3	душ женского пола	173	21
4	моложе 21 года	270	33
5	старше 43 лет	295	36
6	женщин в возрастной группе от 21 до 43 лет	29	3,5
7	мужчин военнообязанных (призывного возраста)	228	27,5

семьи (как, например, семья Бучко из Просткена, в которой младшему ребенку исполнилось 2 года, или семья Гороховых — мать с тремя детьми, младший из которых — годовалый младенец).

Часть внутренних противоречий отпадает, если предположить, что принудительное перемещение всех указанных в списке, по сути, представляло собой интернирование, однако и в этом случае необходимо подтвердить, что водворенные проживали на неприятельской территории, как указано в названии архивного списка и архивного дела.

Таблица 3. Распределение водворенных немцев по волостям и населенным пунктам Красноярского уезда

№ п/п	Место водворения	Волость	Кол-во, чел.	Доля от общего кол-ва, %
1	с. Устюг (Устюжское), без указания стана	Погорельская	113	16,0
2	« 1-й стан		19	
3	с. Сухобузимское, без указания стана	Сухобузимская	35	12,8
4	« 3-й стан		70	
5	с. Нахвальское	Нахвальская	88	10,7
6	с. Еловское	Еловская	87	10,5
7	с. Погорельское	Погорельская	73	8,9
8	с. Больше-Муртинское, 4-й стан	Больше-Муртинская	70	8,5
9	д. Павловская	Нахвальская	64	7,8
10	д. Таскина	Нахвальская? Погорельская?	60	7,3
11	с. Юккево	Еловская	49	6,0
12	д. Тигина	Межевская (ранее Больше-Муртинская)	32	3,9
13	с. Подьемское (Подьемное)	Больше-Муртинская	26	3,2
14	д. Хлопунова	Сухобузимская	22	2,7
15	д. Малая Мурта	Больше-Муртинская	8	1,0
16	г. Красноярск	—	6	0,7
		ВСЕГО	822	100

Убывающий ряд по количеству «взятых в плен на неприятельской территории» в различных населенных пунктах: Проскен (нем. Proseken?, 148 чел.), Просткен (нем. Prostken?, 84 чел.), Дрейвен (26 чел.), Боброскен (25 чел.), Шозен (17 чел.), Инстербург (нем. Instetburg?, 12 чел.), Эгоден (12 чел.), Ничвежден (7 чел.), Стурит (7 чел.).

Просматривая список водворенных, нельзя не заметить мелкие различия в названиях населенных пунктов, откуда были вывезены водворенные: Бобросен / Боброскен / Боброста / Бобростен; Инстербург / Инстенбург / Интенбург; Нечвежден / Ниджвежден / Ничвежден / Ничверджен;

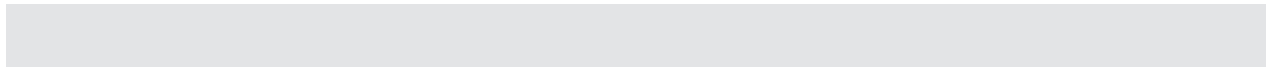
Проскен / Просткен; Эгоден / Эгоднен; Эйстербург / Энстенбург, что объясняется, скорее всего, «переводом» на русский язык разными людьми, причем «со слуха», или банальными ошибками писарей. В качестве примеров сомнительного перевода на русский язык фамилий, имен и названий населенных пунктов можно указать: Бихлер Матеяс вместо Матгас (нем. Mathias); Борис Лизбет вместо Элизабет (нем. Elisabeth); Наиндорф Франц вместо Найндорф (нем. Neindorf); Вейсендзе (возможно, Вайсензее — от нем. Weibensee); Витенбурх (вместо Виттенбург — от нем. Wittenburg) и др.

Краткие выводы

1. Более двух третей немцев, указанных в списке водворенных, по своему возрасту не могли быть военнообязанными и относились к гражданскому населению.
2. Название архивного дела [1] нуждается в уточнении по результатам дополнительного исследования.
3. Для использования списка в генеалогических целях и однозначной идентификации водворенных необходим обратный перевод с русского на немецкий язык фамилий, имен и названий населенных пунктов с привлечением данных из других источников, предпочтительно — из немецких архивов и архивов стран Балтии.

Источники и литература

1. ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 126.
2. Список населенных пунктов Енисейской губернии. — Красноярск: Енисейская губернская типография, 1911.
3. Большая советская энциклопедия. — М.: «Советская энциклопедия», 1976. — Т. 24. — Кн. 1. — С. 1218.

Запечатленная эпоха. Документы и фотографии

2

3

4

Сибирь в войнах начала XX века

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:

Въ безуспѣшной доселѣ борьбѣ съ Россіей, стремясь всѣми способами умножить свои силы, Германія и Австро-Венгрія прибѣгли къ помощи Оттоманскаго Правительства и вовлекли въ войну съ НАМИ ослѣпленную ими Турцію.

Предводимый Германцами Турецкій флотъ осмѣлился вѣроломно напасть на НАШЕ Черноморское побережье.

Немедленно послѣ сего повелѣли МЫ Россійскому Послу въ Царградѣ, со всѣми чинами посольскими и консульскими, оставить предѣлы Турціи.

Съ полнымъ спокойствіемъ и упованіемъ на помощь Божію приметь Россія это новое противъ нея выступленіе стараго угнетителя христіанской вѣры и всѣхъ славянскихъ народовъ.

Не впервые доблестному Русскому оружію одолѣвать Турецкія полчища,—покараетъ оно и на сей разъ дерзкаго врага НАШЕЙ родины. Вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Русскимъ МЫ непреклонно вѣримъ, что нынѣшнее безразсудное вмѣшательство Турціи въ военныя дѣйствія только ускоритъ роковой для нея ходъ событій и откроетъ Россіи путь къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ двадцатый день Октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствования-же НАШЕГО въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Сибирь в войнах начала XX века

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Енисейскаго Губернатора.

Журналомъ Общаго Присутствія Енисейскаго Губернскаго Управленія, состоявшимся 31-го іюля с. г., за № 303, согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 25 іюня 1912 г. Положенія о призрѣнннхъ семействъ нижнихъ чиновъ, находящихся на дѣйствительной службѣ въ мобилизованныхъ частяхъ арміи и флота, въ государственномъ ополченіи или въ военныхъ дружинахъ, установлена для семействъ призванныхъ стоимость пищевыхъ продуктовъ входящихъ въ составъ кормовой нормы (пайка) въ мѣсяцъ на призрѣваемое лицо отъ пятилѣтняго возраста: по гор. Красноярску—въ одинъ рубль девяносто четыре коп., по Красноярскому уѣзду—въ одинъ рубль девяносто девять коп., по г. Енисейску—въ два рубля двадцать четыре коп., по Енисейскому уѣзду—въ два рубля тридцать коп., по г. Ачинску—въ два рубля двѣнадцать коп., по Ачинскому уѣзду—въ одинъ рубль семьдесятъ шесть коп., по г. Минусинску—въ одинъ руб. шестьдесятъ коп., по Минусинскому уѣзду—въ одинъ рубль тридцать пять коп., по г. Канску—въ два рубля, по Канскому уѣзду—въ два рубля три коп. и по Усинской волости Усинскаго пограничнаго округа—въ три рубля шестнадцать коп. Въ составъ кормовой нормы входитъ: одинъ пудъ двадцать восемь фунтовъ муки, десять фунтовъ крупы, четыре фунта соли и одинъ фунтъ постнаго масла. Дѣтямъ, не достигшимъ пятилѣтняго возраста, продовольственное пособіе выдается въ размѣрѣ половинной стоимости означенныхъ продуктовъ.

При этомъ поясняю, что выдача поименованныхъ пособій будетъ производиться по окончаніи обслѣдованія состава семействъ призванныхъ и опредѣленію размѣра пособій каждой семьѣ Уѣздными Съѣздами.

Губернаторъ *Крафтъ.*

8

П Р И К А З Ъ

Главнаго Начальника Тыла Маньчжурскихъ Армій.

№ 115.

Г. Харбинъ, 24 января 1906 года.

Въ дополненіе приказа Главнаго Начальника Тыла Армій отъ 11-го ноября 1904 года за № 875, объявляю для свѣдѣнія, что, какъ видно и изъ указаннаго приказа, пособія сохраняются въ теченіи года по демобилизаціи армій семьямъ только тѣхъ призванныхъ изъ запаса нижнихъ чиновъ, которые въ теченіи этого срока еще не вернутся домой.

Семьямъ-же нижнихъ чиновъ возвратившихся—выдача пособій прекращается со дня возвращенія нижнихъ чиновъ домой.

П о д п и с а л ъ:

Вр. И. д. Главнаго Начальника Тыла Армій,
Генераль-Лейтенантъ *Ивановъ.*

(По Штабу Тыла Армій).

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

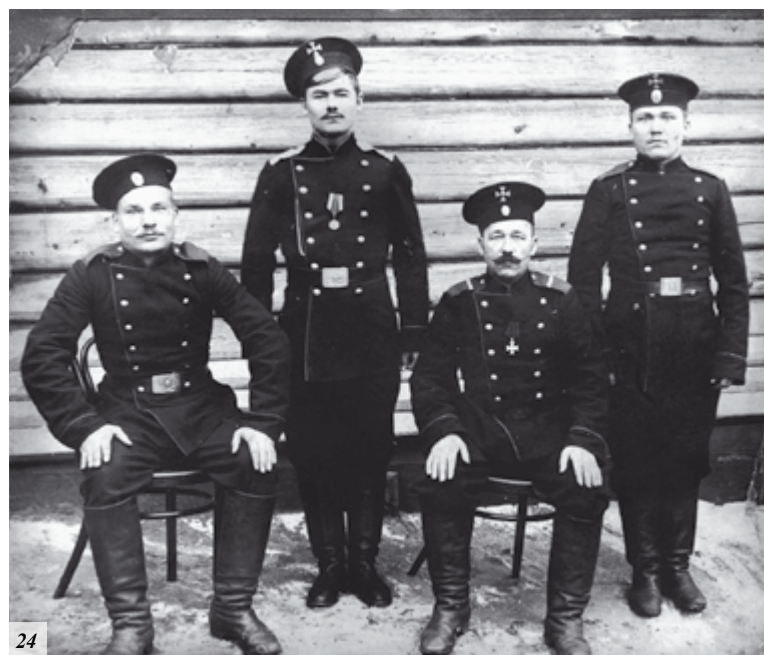
21

22

23

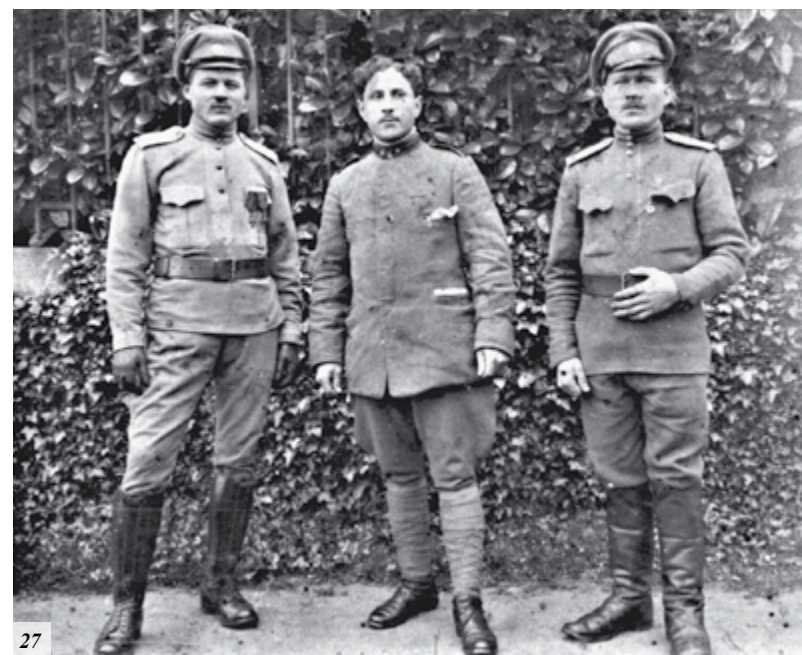
24

25

26

27

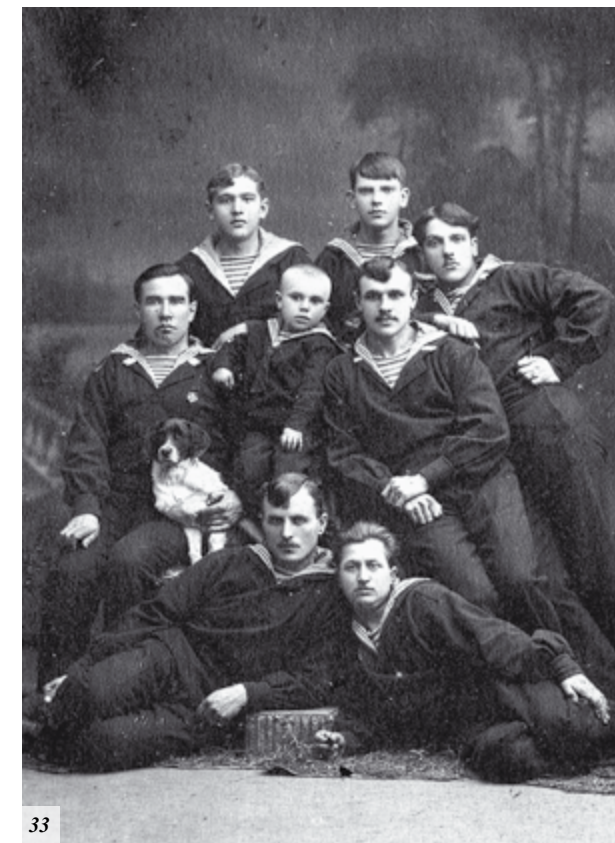
28

29

32

33

30

31

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

48

49

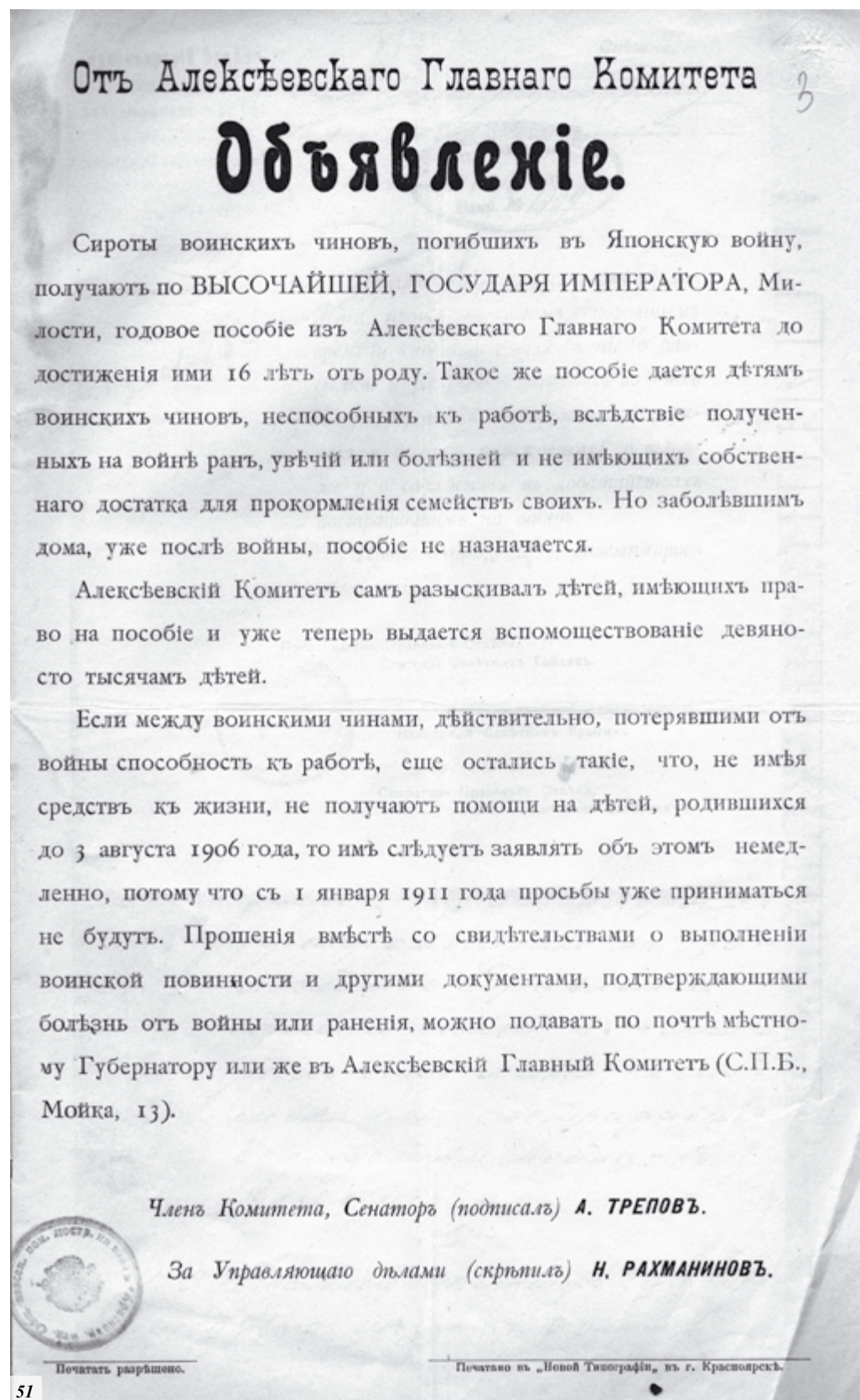
46

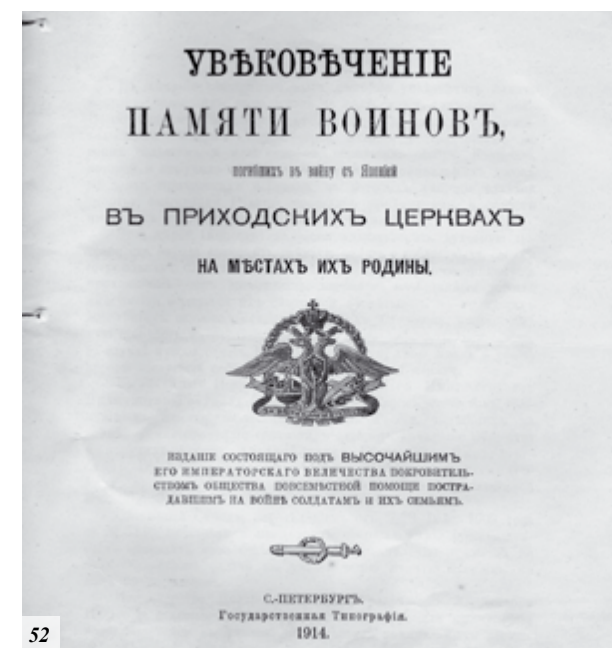
47

50

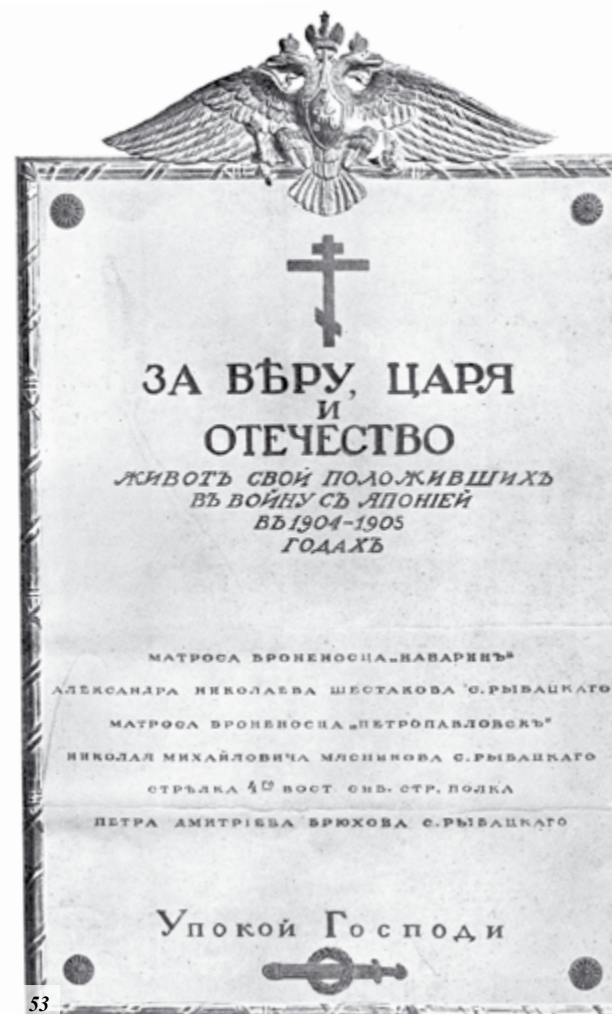
51

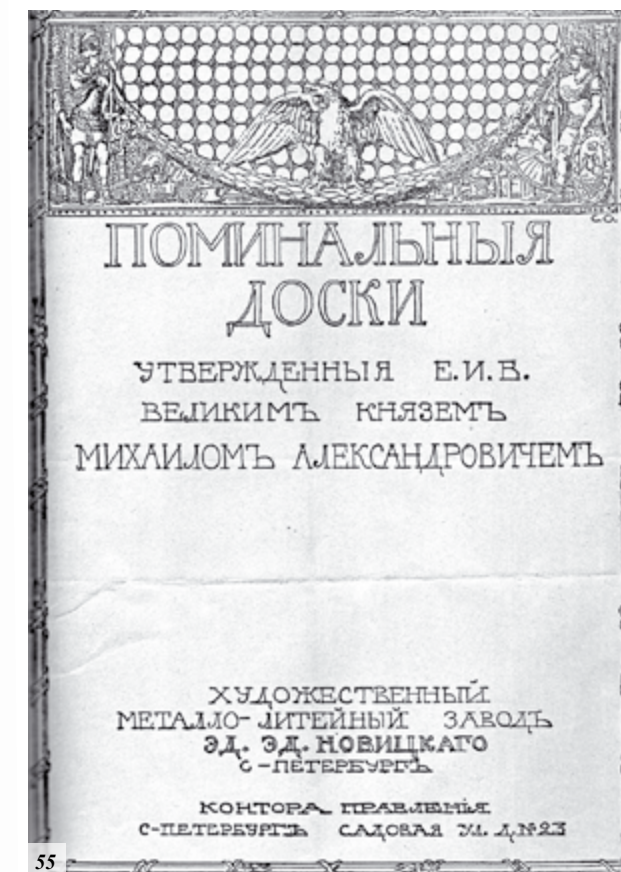
52

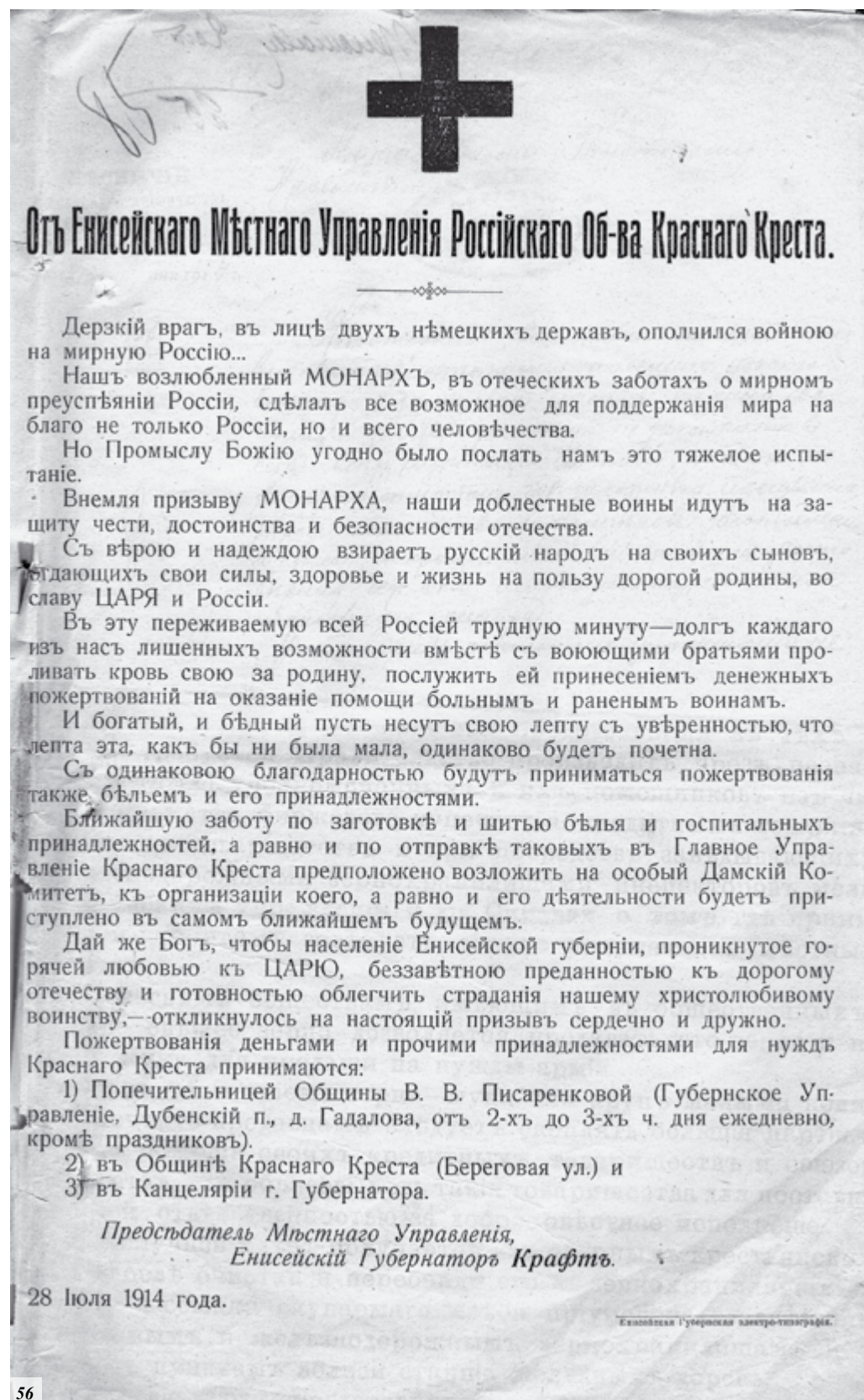
54

53

55

56

57

58

59

ЯПОНСКІЙ. ГИМНЪ.

ЯПОНСКІЙ НАРОДНЫЙ ГИМНЪ.
4 4 2 2

Largo.

Цар - стві - е Ми - ка - до
Kl mi ga - Mi - yo - wa

да про - длит - ся на ты - ся - чу и во - семь ты -
chi yo ni - - ya chi yo ni sa za re

святъ въ - ковъ по - ка мол - кі - е кам - ни не ста - нутъ
i shi no i wa o to na gi te

ска - ла - ми и мо - хомъ не за - ро - стутъ.
ko ke no shi - xi - - ma de.

Е. САНЮШИЦЪ-СУДОВСКАЯ

ВЪ ПОЛЪЗУ РАЕННЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНОВЪ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1914 ГДА.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Манифест императора Николая II о вступлении России в войну. 20 июля 1914 г. Типограф. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (далее КГКУ «ГАКК»). Ф. 244. Оп. 1. Д. 279. Л. 122.
2. Император Николай II. Открытка. КГКУ «ГАКК». Ф. 244. Оп. 1. Д. 279. Л. 98.
3. Новый русский национальный флаг. Открытка. КГКУ «ГАКК». Фотофонд. П-1595.
4. На сборный пункт. Открытка. КГКУ «ГАКК». Фотофонд. П-1592.
5. На фронт. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
6. На позициях. Между 1914 и 1917 гг. Из фотофонда КГКУ «ГАКК».
7. Манифест Николая II о вступлении Турции в войну. 20 октября 1914 г. Типограф. КГКУ «ГАКК». Ф. 277. Оп. 1. Д. 2639.
8. Объявление енисейского губернатора о выдаче пайка семьям нижних чинов, призванных на войну. Июль 1914. Типограф. КГКУ «ГАКК». Ф. 244. Оп. 1. Д. 603. Л. 45.
9. Приказ Главного начальника тыла армий о правилах выдачи пособий семьям нижних чинов. 24 января 1906 г. Типограф. КГКУ «ГАКК». Ф. 277. Оп. 1. Д. 2387.
10. Противоаэростатное 6-дюймовое орудие. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
11. Награждение участников боев. Открытка. КГКУ «ГАКК». Фотофонд. П-1591.
12. Булынникова Вера Яковлевна, сестра милосердия (сидит за рулем). Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.
13. Булынникова Тина Яковлевна (справа). Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 15 об.
14. Сестра милосердия Булынникова Вера Яковлевна с сослуживцами. Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.
15. Булынникова Тина Яковлевна с подругой (справа). Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 15 об.
16. Полевая прачечная. Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.
17. Одна из частей русской армии. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
18. Полевой госпиталь. Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 10-об.
19. Семья Булынниковых. Стоит справа Вера Яковлевна, в 1914—1917 гг. — сестра милосердия. Начало XX в. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

20. Седельников Иван Федорович с семьей. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
21. Участники Первой мировой войны — уроженцы Енисейской губернии. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
22. Шупеня Василий Евменович. 1917 г. (из архива общества «Мемориал»).
23. Булынникова Александра Яковлевна (справа), в 1916—1918 гг. счетовод Псковского отделения Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Январь 1918 г., Псков. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.
24. Участники Первой мировой войны — уроженцы Енисейской губернии. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
25. Подпоручик Смирнов Борис Павлович. Между 1915 и 1917 гг. (из архива общества «Мемориал»).
26. Медсестра Булынникова Вера Яковлевна с сослуживцами. Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.
27. Братья Трихаевы Даниил и Сергей с неизвестным (в центре). Между 1915 и 1917 гг. (из архива общества «Мемориал»).
28. Полковой врач Уральского казачьего полка Кусков Сергей Константинович. Между 1914 и 1917 гг. (из архива общества «Мемориал»).
29. Встреча Рождества (стоит крайняя справа — Булынникова Вера Яковлевна). Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.
30. Семья участника войны Соколова Степана Петровича (в центре). Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
31. Кузьмин Иннокентий Андреевич (слева). Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
32. Гимназист Дима Булынников (стоит слева). Декабрь 1916 г. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 12 об.
33. Булынников Дмитрий Яковлевич (верхний ряд в центре). Март 1919 г., Псков. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 12 об.
34. В минуты отдыха. Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 15 об.
35. Первая пулеметная команда. Лето 1917 г. (из архива общества «Мемориал»).
36. Кириллов Андрей Павлович. 1913 г. (из архива общества «Мемориал»).
37. Кириллов Андрей Павлович (сидит). 1913 г. (из архива общества «Мемориал»).
38. Матрос Романовский Алексей Яковлевич (слева). Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
39. Казак Шестаков Андрей Иванович. Сентябрь 1914 г. (из архива общества «Мемориал»).
40. Смолехо Павел Яковлевич. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
41. На привале. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).

42. Чупров Илья Васильевич (стоит справа). Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
 43. Летчик, штабс-капитан Петр Николаевич Нестеров. Открытка. КГКУ «ГАКК». Фотофонд. П-2252.
 44. Степан Макаров с группой офицеров. Между 1914 и 1917 гг. (из архива общества «Мемориал»).
 45. Эшелон для перевозки раненых. Между 1914 и 1917 гг. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.
 46. Участница Первой мировой войны Бочкарева Мария Леонтьевна. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
 47. Бугаев Ефим Васильевич (справа). Иркутск, 1915 г. (из архива общества «Мемориал»).
 48. Булынникова Александра Яковлевна, в 1916—1918 гг. счетовод Псковского отделения Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Осень 1916 г., Псков. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.
 49. Кашицкий Владимир Францевич. Дата съемки не установлена (из архива общества «Мемориал»).
 50. Комитет Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечителей сирот (из личного архива Т. А. Катциной).
 51. Объявление Главного Алексеевского комитета о приеме прошений для выплаты пособий детям погибших или утративших трудоспособность воинских чинов. [1910 г.]. Типограф. КГКУ «ГАКК». Ф. 277. Оп. 1. Д. 2541. Л. 3.
 52. Увековечение памяти воинов, погибших в войну с Японией в приходских церквях на местах их Родины. 1914 г. Брошюра. КГКУ «ГАКК». Ф. 312. Оп. 1. Д. 86. Л. 49.
 53. Образец поминальной доски воинов, погибших в Русско-японскую войну. 1914 г. Типограф. КГКУ «ГАКК». Ф. 312. Оп. 1. Д. 86. Л. 51.
 54. Булынникова Валентина Яковлевна. 1915 г. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 10 об.
 55. Брошюра с образцами поминальных досок. 1914 г. Типограф. КГКУ «ГАКК». Ф. 277. Оп. 1.
 56. Объявление Енисейского отделения Российского общества Красного Креста о сборе пожертвований для больных и раненых воинов. 28 июля 1914 г. Типограф. КГКУ «ГАКК». Ф. 277. Оп. 1. Д. 2639.
 57. Сестра милосердия Булынникова Вера Яковлевна. Июнь 1914 г. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 18 об.
 58. На отдыхе. 1915 г. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-2426. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.
 59. Инвалиды на озере Шира. Дата съемки не установлена (из личного архива Т. А. Катциной).
 60. Японский народный гимн. Открытка. КГКУ «ГАКК». Фотофонд. П-1585.
- Форзац. Карта главных мест водворения русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. 1916 г. Из фондов КГКУ «ГАКК».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор Российского университета дружбы народов 170

Абэ, помощник подполковника Мариты 30

Аврамов В. 54

Агеева А. Ф. 154

Акерблом Сергей Иванович (1875 — после 1937), публицист, этнограф, член правления Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, действительный член Императорского русского географического общества, один из учредителей Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 141

Акидзуки Т. 175

Александр I, российский император (1801—1825) 36, 66

Александр II, российский император (1855—1881) 12, 36

Александр III, российский император (1881—1894) 8, 36, 45

Александра Федоровна (урожденная принцесса Гессен-Дармштадская), российская императрица, супруга Николая II 134

Алексеев, становой пристав в Енисейском уезде Енисейской губернии 128

Алексеев В. А., г. Тверь 205

Алексеев Евгений Иванович, русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, адмирал 18, 58

Алексеев М. 29

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918), один из наиболее талантливых русских генералов Первой мировой войны. Герой Галицийской битвы (1914), начальник штаба при императоре Николае I. Генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916). Активный участник Белого движения Гражданской войны. Один из организаторов Добровольческой армии 208

Алексей Александрович (Романов), великий князь 35

Алексей Николаевич (Романов) (1904—1918), наследник цесаревич и великий князь, сын Николая II и Александры Федоровны 148

Алепко А. В. 28

Андреев Андрей Андреевич (1875—1971), Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1938—1946) 203, 204

Андреева Л. А., председатель Красноярского дамского комитета Красного Креста 154

Анна Иоанновна, российская императрица (1730—1740) 36

Антонов, есаул, командир сотни Усурийского казачьего полка 78

Антонов, гласный Тюменской городской думы 129

Антонов—Саратовский Владимир Павлович (Антонов) (1884—1965), революционер, государственный деятель, член Верховного Суда СССР (1923—1938) 204

Анучин Дмитрий Гаврилович, генерал от инфантерии, генерал-губернатор Восточной Сибири (1879—1883) 14

Арендт Ханна (1906—1975), известный немецко-американский философ еврейского происхождения, политолог и историк, основоположница теории тоталитаризма 170

Аркатова Татьяна, крестьянка пос. Мало-Тимофеевского Омского округа 135

Арнольдов Лев Валентинович (1894 — после 1946), публицист 190

Ауффенберг Мориц (Мориц Ауффенберг фон Комаров) (1852—1928), австро-венгерский военачальник, военный министр Австро-Венгрии (1911—1912) 67

Афанасьева, акушерка 152

Б

Баах Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного педагогического университета 124

Базаркин Александр Петрович, уроженец села Курагино Минусинского уезда Енисейской губернии, революционер, участник Гражданской войны 131

Байкалов Анатолий Васильевич (1882—1962), известный публицист, участник революционного движения, член Красноярского военно-промышленного комитета 182

Байкалов Павел Васильевич, вахмистр Красноярского казачьего дивизиона 77

Байков, полковник, командир 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона 15

Байкова А. В. 154

Балмасов Сергей Станиславович, журналист, историк, заместитель редактора альманаха «Белая гвардия» 79

Баранцева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент Хакасского государственного университета 124

Барк Петр Львович (1869—1937), российский государственный деятель, действительный статский советник, член Государственного совета, последний министр финансов Российской империи (1914—1917) 219

Батбаяр Ц. 29

Батури Роман Александрович, летчик 62, 63

Батуро Иван, крестьянин с. Соколовского Кучеровской волости Канского уезда Енисейской губернии 128

Батуро Михаил, крестьянин с. Соколовского Кучеровской волости Канского уезда Енисейской губернии 128

Бахов Павел Александрович, городской голова г. Минусинска 159

Бежикова Прасковья, крестьянка с. Петровского Благовещенской волости Петропавловского уезда 135

Безобразов Александр Михайлович, статс-секретарь 57

Бейников, полицейский урядник Канского уезда Енисейской губернии 128

Белый Василий Федорович, генерал-майор 59

Беляев Андрей, начальник Тюкалинской, затем Тарской тюрьмы 215

Бенеш Эдвард (1884—1948), государственный и политический деятель Чехословакии (Чехии), один из руководителей движения за независимость Чехословакии в годы Первой мировой войны 168

Бенкендорф Александр Константинович (1849—1917), русский дипломат 220

Бережнов Н., купеческий сын, г. Среднеколымск Якутской области 128

Березовский Н., директор народных училищ Енисейской губернии 151

Бертман 212

Беспоместных И. Е., крестьянин, секретарь Томского городского Песочного отдела Всероссийского Дубровинского Союза Русского народа (ВДСРН) 195, 196

Бессонов Николай Николаевич (1868—1919), епископ Енисейский и Красноярский Никон 119, 155

Бестужев А. А., воинский начальник Тарского уезда 214

Биндеман, крестьянка Псковской губернии 135

Бирилев Алексей Алексеевич, русский военно-морской и государственный деятель, морской министр, адмирал 34

Бирюков, сотник, командир сотни Усурийского казачьего полка 78

Бисмарк Отто фон (1815—1898), князь, первый канцлер Германской империи 189

Богашев Степан Михайлович, начальник Томской железной дороги 35

Богданов Иван Иванович, участник Первой мировой войны, забойщик Артемовского рудника Артемовского района 132

Боград Яков Хаимович (Ефимович) (1878—1919), революционер 184

Борзов Василий Егорович, главный управляющий золотыми приисками «Алтайской компании» в Алтайском горном округе 76

Борзов Георгий 77

Бочанова Галина Алексеевна, кандидат исторических наук 92

Братиану Йонел, премьер-министр Румынии 168

Брейдо Григорий Ефимович, меньшевик, член рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете 204

Брейтфус Леонид Львович (1864—1950), русский мореплаватель, гидрометеоролог, исследователь и историк Арктики 86

Бриан Аристид (1862—1932), французский политический деятель, премьер-министр Франции, лауреат Нобелевской премии мира (1926) 170

Бройдо Ева Львовна (1876—1941), известная революционерка 184

Брусилев Алексей Алексеевич (1853—1926), русский и советский военачальник, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, главный инспектор кавалерии РККА 208, 131

Бударев А. С., минусинский мещанин 160

Будник Яков Родионович, крестьянин д. Крыловской Всесвятской волости Петропавловского уезда 135

Бузмаков Евгений Леонидович, кандидат исторических наук 192

Бузулаев Игнатий Степанович (1897—1983), уроженец села Бугуртак Курагинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, революционер, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, один из руководителей рыбодобывающей промышленности РСФСР 131

Булатов, поручик 121

Буханцов Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент Восточно-Сибирской государственной академии образования 182

Бушуев И. А., председатель Бийского отдела Всероссийского Дубровинского Союза Русского народа (ВДСРН) 194, 196

Былевский Тадеуш (1866—1939), генерал-майор, командир Польской стрелковой дивизии 82

бээли Сандак-Доржу (бейле, до-ло бейле), князь III степени 40

В

Вагин Е. М., участник Русско-японской войны 146

Вайнберг Юлий Станиславович, член литературной группы Иркутской социал-демократической группы, после революции 1917 г. — член агитационной коллегии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, работал в Сибири (при правительстве Дальневосточной республики, в Политическом управлении по организации печати при 5-й армии и т. д.) 183, 184

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Вайнштейн Семен Лазаревич (1879—1923), член литературной группы Иркутской социал-демократической группы, после Февральской революции — член Иркутского комитета общественных организаций, член комитета Иркутской объединенной организации РСДРП 183

Вальтер А. Ф., товарищ председателя Тарского комитета по введению земства в Тарском уезде 214

Варун-Секрет Сергей Тимофеевич (1868—1962), русский общественный деятель и политик, член Государственной думы от Херсонской губернии. Старший товарищ председателя IV Государственной думы 218

Велецкий С. Н., начальник Енисейского управления земледелия и государственных имуществ 155

Вендрих Герман Александрович (1923—1992), известный иркутский историк 181

Верченко Григорий, полицейский урядник Акмолинского уезда 134

Вибе Петр Петрович, доктор исторических наук, профессор Российской академии естествознания, директор Омского государственного историко-краеведческого музея 124

Виггинс Джозеф (1832—1905), капитан английского торгового флота, исследователь Арктики 88, 111

Вильгельм, германский император и король Пруссии (1888—1918) 135, 221

Вилькицкий Андрей Ипполитович (1858—1913), русский гидрограф-геодезист, полярный исследователь, генерал корпуса гидрографов, начальник Главного гидрографического управления 87, 88

Вильнер Г. М. 159

Винклер И. К., полковник, командир Томского мушкетерского полка 66

Винокуровы, жители села Камень Томской губернии 98

Виттефт А. В., лейтенант 33

Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, действительный тайный советник, русский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), председатель Комитета министров (1903—1906), председатель Совета министров (1905—1906) 166

Владимиров-Кукушкин В. 204

Войлошников Авиан Андрианович (1877—1930), революционный деятель, член социал-демократической фракции III Государственной думы Российской империи 184

Войтинский Владимир Савельевич (1885—1960), российский революционер и экономист 181, 183, 184

Волков М. М. 205

Волков Николай Константинович (1875—1950), кадет, депутат IV Государственной думы от Забайкальской области, один из учредителей и член Комитета Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 141

Волконская О., председатель Минусинского дамского комитета 156

Волконский, князь 11

Вологодский Петр Васильевич (1863—1925), русский государственный и общественный деятель, председатель Совета Министров России (1918—1919), председатель Временного Сибирского правительства (1918) 188

Володченко, полковник 30

Воробьев В. 205

Воробьев Василий, кузнец д. Белый Яр Кочергинской волости Енисейской губернии 131

Воробьев Дмитрий, крестьянин с. Корнеевского Кокчетавского уезда 134

Воротников Александр Иннокентьевич, сын вахмистра Воротникова И. И. 79

Воротников Иван Иннокентьевич, сын вахмистра 79

Воротников Иннокентий Никитич, вахмистр Красноярского казачьего дивизиона, вахмистр Усурийского казачьего полка (1916) 77, 79

Воротникова Устинья Георгиевна, жена вахмистра 79

Востротин Степан Васильевич (1864—1943), общественный деятель, депутат III и IV Государственной думы от Енисейской губернии, член Временного совета Российской республики. Потомственный почетный гражданин г. Енисейска 88, 89, 90, 96, 97, 98, 111—114, 141

Вырубов П. А., лейтенант 33

Вялых А. Я., директор мужской гимназии в г. Тара Тобольской губернии (ныне Омской обл.) 214

Г

Габаденко, крестьянин д. Крутельки Томского уезда 127

Гавен Юрий Петрович (Дауман Ян Эрнестович) (1884—1936), революционер, советский государственный и партийный деятель 205

Гавриил (Голосов Григорий), епископ Омский и Семипалатинский (1905) 193

Гаврилов Иван, петроградский рабочий, большевик 203, 204

Гаврилов Л. М. 55

Гагкуев Руслан Григорьевич, кандидат исторических наук, координатор проекта «Белые воины» 79

Гадалов Николай Николаевич (1862—1932), красновский купец 1-й гильдии, золотопромышленник 90, 151, 155

Галинат, полицейский урядник Канского уезда Енисейской губернии 128

Гальшев Виктор Львович, летчик 61—62

Гальвиц Макс фон (1852—1937), германский военный деятель, генерал от артиллерии 68

Гальфтер Виктор Петрович (1868—1951), генерал-лейтенант, командир 10-й пехотной дивизии 70

Гамбургер, офицер, военнопленный, инженер-гидротехник 201

Гамбургцев, сотник Уссурийского казачьего полка 79

Ганото Габриэль (1853—1944), французский дипломат, историк (член Академии), журналист, бывший глава внешнеполитического ведомства во Франции (1894—1898) 221

Георг V (1865—1936), король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (1910—1936) 221

Георгий Михайлович, великий князь 35—38

Гинденбург Пауль фон (1847—1934), видный немецкий военный и политический деятель 189

Гинс Георгий Константинович (1887—1971), российский ученый, политический деятель 189

Глинка Я. В., служащий канцелярии Государственной думы 218

Голашевский Н. М., войсковой старшина Енисейский городского казачьего полка 11

Головин Н. Н. 54, 55

Головкин Марк, крестьянин 211

Гололобов Яков Георгиевич, губернатор Енисейской губернии (1915—1917) 37, 128

Голубков А. П., член РСДРП(б) 184

Гольц Рюдигер фон дер, граф, немецкий генерал 51

Гончаров Иван Александрович (1812—1891), русский писатель 172

Горбатовский В. Н., генерал от инфантерии, командир Красноярского резервного пехотного (кадрового) батальона (1890-е) 15

Горнштейн А. Я. 183

Горюшкин Леонид Михайлович (1927—1999), историк, член-корреспондент АН СССР (1990), РАН (1991) 92

Гофман Макс, германский генерал и дипломат, сыгравший видную роль в событиях Первой мировой войны 190

Гоц Абрам Рафаилович, российский государственный деятель, социалист-революционер 185

Грей Эдуард, английский государственный деятель, министр иностранных дел Великобритании (1905—1916) 221

Григорьев Николай Николаевич, полковник, командир 39-го пехотного Томского полка 68

Гришин-Алмазов Алексей Николаевич, российский военный деятель, руководитель Белого движения в Сибири 189

Губин Александр Александрович, полковник, командир Уссурийского казачьего полка 78

Гудзенко Анатолий Николаевич (1868—19??), полковник, помощник командира Уссурийского казачьего полка по хозяйственной части 78

Гуров П. Н., сын надворного советника 13

Гусачевский В. Л., полковник, командир Красноярского резервного пехотного (кадрового) батальона 15

Гутман (Ган) Анатолий Яковлевич, российский журналист, редактор-издатель 189

Гучков, прапорщик Красноярского казачьего дивизиона 77

Д

Давыдов Гавриил Иванович, лейтенант русского флота 175

Даддани Лионель Яковлевич (1937—2012), доктор исторических наук, профессор 170

Дамдын-Сюрюн (гун) 40

Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871—1947), российский революционер и политический деятель, один из лидеров и теоретиков меньшевизма 183, 184

Данилов Ю. Н., генерал-квартирмейстер русской Ставки 49

Даурский Алексей, казак 3-й сотни Красноярского казачьего дивизиона 77

Дембовский Леонид Матвеевич, генерал от инфантерии 59

Деникин Антон Иванович, генерал 64

Дервянко И. В. 29

Джервис Джон (John Jervis), британский адмирал эпохи революционных и наполеоновских войн 34

Дзай Джин 25

Дзай Дзэ, министр 26

Дзай Фэн 26

Дивеев Павел Иванович, крестьянин с. Карташово Поначевской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер 131

Дин Чжендуо, губернатор провинции Юньнань 25

Дистлер В. Г., золотопромышленник, владелец приисков в Минусинском уезде 131

Дистлеры, семья золотопромышленников, владельцы приисков в Минусинском уезде, в том числе прииска в Ольховско-Чибикском золоторудном поле Восточного Саяна на юге Енисейской губернии 131

Дмитриев Михаил Дмитриевич (1946—1917?), товарищ министра финансов Российской империи (1902—1905) 87

Дмовский Роман Валентьевич (1864—1939), польский политический деятель, публицист 81, 168

Добарин Тимофей Симонович, участник Первой мировой войны, партийный работник, народный судья Артемовского района 132

Добровольский Леонид Федорович (1856—1915), контр-адмирал (1908), участник Цусимского похода и сражения 33, 34, 87

Доброхотова Н. В. 154

Довбуш Николай Кузьмич, крестьянин, участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер 131

Доценко Виталий Дмитриевич, капитан 1-го ранга, профессор, кандидат исторических наук, преподаватель Военно-морской академии, писатель 32

Дронин Г. Е., секретарь Новониколаевской организации РСДРП в 1917 г., член Западно-Сибирского продовольственного совета (1918) 205

Дуан Фан 25, 26

Дубасов Федор Васильевич, генерал-адъютант 34

Дубровин Александр Иванович (1855—1921), русский политик, один из лидеров Союза русского народа 192—197

Дудинский Владимир Николаевич (1861—1938), действительный статский советник, томский губернатор (1913—1917) 116

Дурново Петр Николаевич (1843—1915), товарищ министра внутренних дел (1900—1905), министр внутренних дел и член Государственного совета (1905) 87

Дюгамель А. О., генерал от инфантерии, командующий войсками Западно-Сибирского военного округа 12

Е

Евдокимов Петр Дмитриевич, унтер-офицер, уроженец д. Покровки Имисской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны, участник партизанского движения 131

Единархова Н. Е. 28

Екатерина II (урожд. София Августа Фредерика Анхальт-Цербтская, в православии Екатерина Алексеевна), императрица всероссийская (1762—1796) 36, 57

Екон Сенан (1809—1867), японский политик, мыслитель 175

Елизавета I Петровна, российская императрица из династии Романовых (1741—1761) 36

Елизавета II, королева Великобритании 36

Еремин И. А., историк 92

Ермолаев Афанасий, казак Красноярского казачьего дивизиона 77

Ермолаев К. М., меньшевик 182, 184

Ермолаев Никифор Филиппович, старший урядник Красноярского казачьего дивизиона 77

Ершов, прапорщик Красноярского казачьего дивизиона 77

Есин Тихон, участник Русско-японской войны 148

Есина Анна Матвеевна, жена участника Русско-японской войны Есина Т. 148

Ефимова Е., солдатка Томской губернии 147

Ж

Жарков Борис Миронович, крестьянин д. Сизевой Ново-Ярковской волости Канского уезда Томской губернии 136

Желиговский Люциан (Lucjan Żeligowski), польский офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн 83

Животовский Д. Л., купец 2-й гильдии, председатель правления Общества для производства ламп «Орион» (Петербург), директор Общества Тульских чугунолитейных заводов 90

Жигалин, прапорщик Уссурийского казачьего полка 79

Жоголева А. А. 154

Жон Чин 26

З

Завязочников Яков 216

Зак-Станкевич В. А. 90

Запольский Варфоломей, охотник 131

Здоров А. А. 55

Зеленецкий Г. Я., отставной почтово-телеграфный работник 195

Зольников Дмитрий Маркович (род. 1919), доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета 92

Зорак-Зоракровский, генерал 72

Зубашев Ефим Лукьянович (1860—1928), первый директор Томского технологического института (ныне Томский политехнический университет) 97—99, 141

Зубовский, подесаул, командир сотни Уссурийского казачьего полка 78

И

И Куанг 26

Иваницкий Б. Е., начальник управления внутренних водных путей и шоссежных дорог 88

Иваницкий Константин Иванович (1863—1935), известный сибирский золотопромышленник, проживавший в с. Чебаки (ныне Ширинский район Республики Хакасия) 130

Иванов А. 190

Иванов В. С., прокурор окружного суда 155

Иванов Г. И., генерал-лейтенант, командующий 1-м Туркестанским армейским корпусом 16

Иванов К. В., участник гидрографических работ в Северном Ледовитом океане 88—89

Иванов Н. И., генерал 208

Игнатъев, ротмистр 37

Иеске Николай Мартынович (?—1937), участник Первой мировой войны, летчик 63—64

Изаак 212

Иноуэ Кокаку 23

Иорданская М. Г. 154

Июффе Адольф Абрамович (1883—1927), участник революционного движения в России, советский дипломат и партийный деятель 184—185, 190

Итагаки Тайсукэ 23

Ито Хиробуми, выдающийся японский политик, автор проекта Конституции Японии, один из лидеров Реставрации Мэйдзи 23

Итыгин Георгий Игнатьевич (1873—1928), государственный, политический и общественный деятель, педагог, журналист, ученый 152

Й

Йуй Гэн (Юй Гэн), китайский посланник в Японию 24

К

Каваками, генеральный консул Японии 30

Кавецкий П. А., сотенный Енисейского городского казачьего полка 11

Кадейкин Василий Александрович (1927—2005), доктор исторических наук 92

Казанцев И. С., присяжный поверенный, член Красноярского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, редактор ежедневной политической и литературной газеты «Голос народа», издававшейся в Красноярске (1917—1918) 144

Казаченко Григорий Ефимович (род. 1893), участник Первой мировой войны, заместитель председателя Артемовского районного Совета депутатов трудящихся 132

Калмыков, сотник, командир сотни Уссурийского казачьего полка 78

Камю Мицуоми, заместитель начальника штаба Японии 24

Кара-Мурза Алексей Алексеевич, доктор философских наук, профессор, академик Российской академии гуманитарных наук 111

Карасик Владимир Ильич, лингвист, доктор филологических наук, профессор 187

Караулов Василий Андреевич (1854—1910), депутат III Государственной думы от Енисейской губернии 111

Каргополов Даниил, казак Красноярского казачьего дивизиона 77

Карев Степан, крестьянин с. Городище Омского уезда 135

Кареев Н. И. 222

Карнаухов Г. М. 126

Карцев, полковник 58, 59

Катанаев Георгий Ефремович (1848—1921), генерал Сибирского казачьего войска, историк 212

Каюров В. П. 203—204

Кгаевская Е. Л., супруга действительного статского советника, председателя Красноярского окружного суда 154

Келлер, граф, сотник Красноярской конной казачьей сотни 11

Келлер Федор Артурович (1857—1918), генерал от кавалерии, военачальник Русской императорской армии 79

Керенский Александр Федорович (1881—1970), российский политический и общественный деятель, министр, министр-председатель Временного правительства 219

Керсновский А. А. 54

Кижаяева Т. А. 197

Кимура Хироси 175

Кирилов Иван Акимович, член правления Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, секретарь Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 141

Кирькин Андрей Петрович, уроженец с. Грязнуха Курагинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, участник Первой мировой войны, конох колхоза «Красный партизан» Курагинского района 131

Кислухин Н. Т. 195

Клепиков Петр Константинович, купец 90

Ковылин Семен, крестьянин с. Корнеевского Кокчетавского уезда 134

Кожевников, комиссар Временного правительства в г. Благовещенске 104

Козлов Г., бывший член совета Песочного отдела ВДСРН 196

Козьмин Корпий, казак Красноярского казачьего дивизиона 77

Козьмин Марк, казак Красноярского казачьего дивизиона 77

Козьмин Федот, казак Красноярского казачьего дивизиона 77

Коковин Михаил Александрович (1843 — после 1911), иркутский купец 1-й гильдии, один из учредителей «Товарищества Байкальского пароходства и торговли» 94

Колотилкин Павел Дмитриевич, унтер-офицер, уроженец д. Покровки Имисской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 131

Колчак Александр Васильевич (1874—1920), русский военный и политический деятель, флотоводец, ученый-океанограф, адмирал 107, 114, 178, 179, 188, 191

Комаров Иван Михайлович, крестьянин с. Поначево Курагинской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 130

Комарова Тамара Семеновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея 45

Комуро Нобуо 23

Кондратенко Роман Исидорович, генерал-лейтенант, герой обороны Порт-Артура 59

Кондратьев Т. К. 203

Константин Константинович, великий князь 36

Копанский, генерал-майор, начальник 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады 15

Корсаков Михаил Семенович, генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Сибири (1861—1871) 12

Корх Иван Иванович, командир Енисейского городского казачьего конного полка 11

Коршунов П. Ф., подесаул, командир 1-й сотни Красноярского казачьего дивизиона 77

Кочергин С. М., заведующий Омской молочно-хозяйственной лабораторией 209

Кравцов Тимофей Кузьмич (1889—?), участник Первой мировой войны, летчик 64—65

Краснов Петр Николаевич (1869—1947), генерал-майор, командующий 3-м Конным корпусом 79

Красовский, крестьянин д. Крутельки Томского уезда 127

Крафт Иван Иванович (1865—1914), действительный статский советник, якутский (1907—1913) и енисейский (1913—1914) губернатор 154

Кремлев Михаил, псаломщик в Тарской уездной тюрьме 215

Кроирус А. С., генерал-майор, начальник штаба Западно-Сибирского военного округа 12

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921), князь, русский революционер, теоретик анархизма, историк, литератор 150

Крутовский Владимир Михайлович (1856—1938), врач, публицист, общественный деятель Сибири, один из лидеров сибирского областничества, губернский комиссар Енисейской губернии 151

Крымов Александр Михайлович (1871—1917), генерал-майор, командующий Уссурийской казачьей дивизией 78—79

Кудинов, фельдшер миноносца «Буйный» 33

Кудрявцев Федор Александрович (1899—1976), доктор исторических наук, профессор, один из основателей иркутской исторической школы 181

Кукарцев Гавриил Фадеевич, сотрудник 3-й землеустроительной партии 148

Ку克林, войсковой старшина 58

Куликова А. Г., член тарского общества «Патронат» 214

Куроки Тамэмото, генерал 176

Куропаткин Алексей Николаевич, военный министр Российской империи (1898—1904) 13, 17

Кусков П. И., присяжный поверенный, депутат Красноярской городской думы. Один из руководителей Красноярского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, организатор юридической помощи больным и раненым воинам и их семьям 144

Кускова А. А. 154

Кускова М. И. 154

Кутайсов Павел Ипполитович (1837—1911), граф, сенатор, генерал от инфантерии, генерал-губернатор Восточной Сибири (1903—1905), член Государственного совета 112

Кутаков Л. Н. 28

Кутузов В. В. 55

Кухтерин Евграф Николаевич, основатель томской купеческой династии Кухтериных 98

Кучкин А., г. Уфа 205

Л

Лабутин Василий, крестьянин д. Белый Яр Кочергинской волости Енисейской губернии 131

Лазичский Георгий Андреевич, вахмистр Красноярского казачьего дивизиона 77

Лазичский Петр, казак Красноярского казачьего дивизиона 77

Лалетин Константин, казак 77

Ламздорф В. Н. 17

Лацис Мартын Янович, профессиональный революционер 204

Лейборн-Попхэм Ф. У. 87

Лемешев Ф. 203—204

Лемешко Д. А., полицейский урядник Канского уезда Енисейской губернии 128

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), советский государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи (1912—1915) 97

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), советский государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи (1912—1915) 97

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), советский государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи (1912—1915) 97

Лехнер 212

Лечицкий Платон Алексеевич (1856—1923), генерал от инфантерии, командующий 9-й армией 78

Ли Леджин 25

Либкнехт Карл (1871—1919), деятель германского и международного рабочего и социалистического движения, один из основателей Коммунистической партии Германии 37, 222

Либман, член Красноярского военно-промышленного комитета 182

Лид Йонас (1881—1969), норвежский предприниматель, сторонник коммерческого использования Северного морского пути из России в Европу 94

Лин Шаонян, губернатор провинции Гуйчжоу 25

Линевич Н. П., генерал-лейтенант, командующий Сибирским армейским корпусом 17, 18

Липчинский, житель г. Иркутска 117

Ллойд Джордж Дэвис (1863—1945), британский политический деятель, премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916—1922) 168

Лобов С. 203—204

Логина О., солдатка из Томской губернии 147

Ломовицкий П. Ф., городской голова 120

Лоншаков, хорунжий 58

Лосев Владимир Иванович (1874(?)—1919), певец, вокальный педагог и музыкально-общественный деятель, член комитета Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 141

Лохвитский, поручик, офицер Красноярского губернского батальона 11

Лукин Павел Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН 133

Любавин Гавриил Павлович, генерал-майор, командир 2-й бригады Забайкальской казачьей дивизии 59

Люксембург Роза (1871—1919), теоретик марксизма, философ, экономист, публицист. Одна из основателей Союза Спартака и Коммунистической партии Германии 37

Лян Цичао 22, 23, 26

Мазуркевич, есаул, командир сотни Уссурийского казачьего полка 78

Макаров Степан Осипович, русский военно-морской деятель, вице-адмирал 34

Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918), российский государственный деятель, министр внутренних дел Российской империи (1912—1915) 97

Макридин Иннокентий, казак, взводный урядник 1-го Уссурийского казачьего полка 79

Максыржап (гун) 40

Макушин Алексей Иванович (1856—1927), врач, общественный деятель, гласный Томской городской думы (1894), городской голова г. Томска (1902—1906), депутат Государственной думы I созыва, товарищ председателя, председатель комитета Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 141

Малиновский Лев Викторович, доктор исторических наук, профессор г. Барнаул 123

Малышев Д. Г., председатель Томского губернского совета 193, 194, 196

Марита, подполковник 30, 31

Мария Георгиевна, принцесса Греческая и Датская, после замужества великая княгиня 36—37

Мария Федоровна (1847—1928), российская императрица, супруга Александра III, мать императора Николая II 148

Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873—1923), российский общественно-политический деятель, профессиональный революционер, теоретик и практик социал-демократического движения 182, 184

Мартьянов Н. Н., сын основателя Минусинского краеведческого музея Мартьянова Николая Михайловича 160, 161

Марченко С. С., член тарского общества «Патронат» 214

Матюхин И. Н. 216

Медведев Михаил Михайлович, старший урядник Красноярского казачьего дивизиона 77

Мелвилл Джордж Уоллес (1841—1912), американский морской инженер, контр-адмирал 87

Мельников Гавриил Иванович, крестьянин с. Шалоболдино Курагинской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 130

Мельников Рафаил Михайлович, писатель 32

Мизин Р. Д. 204—205

Милеев, областной комиссар Временного правительства 104

Милонов Ю. К. 204

Милотин Дмитрий Алексеевич, граф, военный министр Российской империи (1861—1881) 11, 12, 14

Минин Кузьма (конец XVI в. — 1616), русский национальный герой, организатор и один из руководителей Земского ополчения (1611—1612) 160

Мисюк Федор, крестьянин с. Корнеевского Кочетавского уезда 134

Михаил Николаевич, великий князь 35

Михайлов И. А., министр Временного Сибирского правительства 188

Михельсон Лев Александрович (1861(?)—1919), юрист, владелец Судженского угольных копей 94

Мищенко Павел Иванович, генерал, командир отдельной Забайкальской казачьей бригады 58, 59

Могилев, есаул, командующий Красноярским казачьим дивизионом 76

Молотов Вячеслав Михайлович, советский политический и государственный деятель, Председатель Совета народных комиссаров СССР (1930—1941), народный комиссар, министр иностранных дел СССР (1939—1949; 1953—1956) 62

Монастыршин Николай Алексеевич, старший урядник Красноярского казачьего дивизиона 77

Монро Джеймс (1758—1831), 5-й президент США (1817—1825), государственный секретарь, военный министр США 166

Моравский Валериан Иванович, эсер, управляющий делами Сибирского областного Совета, госсекретарь Временного правительства автономной Сибири 188

Морозов В. А., городской голова г. Омска 209

Мосина И. Г. 96

Мурамщиков Никита Михайлович, крестьянин д. Камешки Курагинской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 130

Муратов К. И., участник Русско-японской войны 146

Мурлыкин Федор Никитич, крестьянин д. Крыловской Всесвятской волости Петропавловского уезда 135

Мухин Алексей Александрович (1917—1920), доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета 92

Мухины, купеческое семейство начала XX в. Глава — Гавриил Илларионович (род. 1898), минусинский купец 131

мээрен-чангы Наваа (мейрен-цзангин), начальник бригады хошуна, командир дивизии 40

Назаров, подхорунжий 58

Нансен Фритюф (1861—1930), норвежский полярный исследователь, ученый, политический и общественный деятель 111

Наполеон I Бонапарт (1769—1821), император Франции, полководец 66

Наранович Феодосий, фельдшер Тарской уездной тюрьмы 215

Нарочницкая Наталия Алексеевна, российский политический деятель, историк и политолог, доктор исторических наук, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений 166

Наседкин С. Д., генерал-майор, начальник инженеров Западно-Сибирского военного округа 12

Наумкин Иван Никитьевич, уроженец с. Грязлуха Курагинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 131

Нахимов Павел Степанович (1802—1855), русский адмирал 34

Небогатов Николай Иванович, российский флотоводец, контр-адмирал 33

Неверов Александр Николаевич, тайный советник, омский губернатор 117

Нельсон Горацио (1758—1805), английский флотоводец, вице-адмирал 34, 165

Нефедов Емельян Семенович, крестьянин с. Песьянского Безруковской волости Ишимского уезда Тобольской губернии 134

Нехорошев Г., городской староста 128

Николаев В. И., меньшевик 184

Николай I (1796—1855), Император Всероссийский (1825—1855), Царь Польский и Великий Князь Финляндский 35, 36, 57

Николай II (1868—1918), Император Всероссийский, Царь Польский и Великий Князь Финляндский, последний император Российской империи (1894—1917) 35, 36, 37, 57, 67, 76, 81, 94, 133, 134, 135, 166, 196, 211, 218, 221

Николай Николаевич (1856—1929), великий князь 117, 197

Николай Японский, архиепископ (в миру Касаткин Иван Дмитриевич) (1836—1912), миссионер, основатель Православной церкви в Японии 175

Никон (Бессонов Николай Николаевич) (1868—1919), епископ Енисейский и Красноярский (1913—1917) 119, 155

Нимвицкий Б. 204

Новиков Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного технического университета 77

Новикова Н. В., жена участника Русско-японской войны 146

Новицкий В. П., член тарского общества «Патронат» 214

Ножин, майор, командир Уссурийской конной казачьей сотни 11

Ноздрин А. Г. 192

Нольте Оскар, германский подданный 212

Нора Пьер, французский историк, автор концепции «мест памяти», президент ассоциации «За свободу истории», исследователь исторической памяти 164

Норденшельд Нильс Адольф Эрик (1832—1901), шведский геолог и географ, исследователь Арктики, мореплаватель 87

О. А. Блохин, дьякон Христо-Рождественской церкви г. Татарска 196

о. А. Голосов 193

о. Алексей, священник в Тарской уездной тюрьме 215

о. Варсонофий (Захаров Варсонофий Емельянович), священник, председатель Красноярского отдела ВДСРН 193, 195

о. Василий Успенский, священник, член тарского общества «Патронат» 214

о. И. Ландышев, председатель Серафимо-Завьяловского подотдела Союза русского народа 194

о. Н. Володин, священник села Кривошеино Томской губернии 195

о. Павел Князев, священник, член тарского общества «Патронат» 214

о. Суховской, священник, настоятель Вознесенской церкви г. Минусинска 158

Обручев Николай Николаевич, генерал-адъютант, начальник Главного штаба (1881—1897) 16, 17

Озерская С. А. 154
 Оку Ясуката, генерал 176
 Окулов Алексей Иванович (1880—1939), уроженец села Шошино Кочергинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, революционер, участник Гражданской войны, директор университета трудящихся народов Востока 131
 Олефир М. А. 159
 Ольга (ок. 890—969), княгиня Киевская, первой из русских правителей приняла христианство еще до крещения Руси, святая равноапостольная Русской православной церкви 160
 Ольга Константиновна, великая княгиня 36
 Орел Яков Павлович, крестьянин пос. Выселок-Павловский Омского уезда 135
 Орлов, генерал 59
 Орлова А. С., член тарского общества «Патронат» 214
 Ортега-и-Гассет Хосе (1883-1955), испанский философ и социолог 177
 Осипов, охотник д. Михайловки Имисской волости Енисейской губернии 131
 Осокина М. Ф. 154
 Остроградский Михаил Александрович (1857—1923), российский государственный деятель, сенатор 90
 Ошаров Николай Михайлович, старший урядник Красноярского казачьего дивизиона 77

П
 Павел I (1754—1801), Император Всероссийский (1796—1801), великий магистр Мальтийского ордена 36, 66
 Панов Н. 205
 Панов, столяр г. Минусинска 160
 Панченко А. В., мещанин 195
 Пастер Луи (1822—1895), французский микробиолог и химик, член Французской академии 111
 Патушинский Г. Б., министр Временного Сибирского правительства 188
 Пацевич Михаил Григорьевич (1865—1916), полковник, командир 39-го пехотного Томского полка 67, 68
 Пашенных Николай Павлович (1845—1918) и его сын Павел Николаевич (1871—1928), минусинские купцы, меценаты 117, 131, 159
 Пепеляев, поручик 72
 Перпель А. М. 216
 Песегов Александр, казак Красноярского казачьего дивизиона 77
 Песегов Ананий, казак Красноярского казачьего дивизиона 77
 Песегов Ермолай, казак Красноярского казачьего дивизиона 77
 Песегов Иван, казак Красноярского казачьего дивизиона 77
 Песегов Максим, казак Красноярского казачьего дивизиона 77

Петлюра Семен Васильевич 64
 Петров П. У. 181
 Пивоваров Гаврил, крестьянин с. Корнеевского Кокчетавского уезда 134
 Пивоваров Трофим, крестьянин с. Корнеевского Кокчетавского уезда 134
 Пилсудский Юзеф Клеменс Гинятович Косычеша (1867—1935), польский государственный и политический деятель, первый глава возрожденного польского государства, основатель польской армии 81, 82, 83
 Писаренкова В. В., супруга вице-губернатора Писаренкова Бориса Васильевича 154
 Пишков Семен Ульянович (род. 1895), участник Первой мировой войны, председатель ревизионной комиссии колхоза «Тайга за пятилетку» Можарского сельсовета Артемовского района 132
 Плева Павел Адамович (1850—1916), генерал от кавалерии, командующий 5-й и 12-й армий 67, 68
 Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918), теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель российского и международного социалистического движения 182, 184
 Погребещкий Александр Ильич (1893—1953), профессиональный финансист, автор исследований о денежном обращении и деньгах дальневосточного региона 101
 Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, русский национальный герой, глава Второго народного ополчения, освободившего Москву от польско-литовских оккупантов 160
 Позднякова Анастасия, крестьянка пос. Выселок-Павловский Омского уезда 135
 Покоев Михаил Иванович, крестьянин с. Ново-Рыбинского Акмолинского уезда 134
 Поливанов А. А., генерал 208
 Полищук Н. Я., жительница г. Новониколаевска 127
 Полубояринова Е. А., руководитель Главного совета ВДСРН 192, 193, 196
 Полумордвинов, подполковник 30
 Польман Борис Федорович, подьесаул Красноярского казачьего дивизиона 76
 Поляков В. А., владелец кинотеатра «Кинемо» в г. Красноярске 138
 Поляков, прапорщик Красноярского казачьего дивизиона 77
 Пономарев, крестьянин пос. Мало-Тимофеевского Омского округа 135
 Попов Александр, начальник Тарской уездной тюрьмы 215
 Потылицын Степан Иванович, городской голова г. Красноярска (1914—1916) 152, 155
 Преображенский Е., большевик 184

Прокопенко М. Т. 154
 Пронин В. И., историк 92
 Прохоров Иван Григорьевич (1887—1963), участник Первой мировой войны, техник-геолог 1-го ранга, персональный пенсионер республиканского значения 132
 Прохоров, прапорщик Красноярского казачьего дивизиона 77
 Пузанов Захар, уроженец села Грязнуха Курагинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 131
 Пулятов, крестьянин д. Крутельки Томского уезда 127
 Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920), русский политический деятель ультраправого толка, монархист, черносотенец 195
 Пурталес Фридрих фон (1853—1928), граф, германский дипломат 220—221
 Путухов Василий, мастеровой депо ст. Красноярск 37
 Путятин Евфимий Васильевич (1803—1883), русский адмирал, государственный деятель и дипломат 172
 Пучков Тит Александрович (1894—1941), фельдшер, уроженец д. Покровки Имисской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны, участник партизанского движения, заведующий амбулаторией с. Имисс 131
 Пушков Николай Александрович, помощник командира по строевой части, командир Уссурийского казачьего полка 78

Р
 Рабинович Г. Х., томский историк 92
 Радневский, заведующий освещением в Глазково, г. Иркутск 200
 Радонежский Сергей (в миру Варфоломей) (1314—1392), монах, основатель Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева лавра). Почитается Русской православной церковью в лике святых как преподобный 160
 Резанов Николай Петрович (1764—1807), русский государственный деятель, камергер, адмирал 175
 Рейпеннинг 211
 Рек Юрий Иоганович, крестьянин с. Покорного Акмолинского уезда 135
 Ренненкампф Павел Карлович (1854—1918), генерал, российский военный деятель конца XIX — начала XX в. 59
 Рогов, участник Русско-японской войны 146
 Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924), русский политический деятель, председатель Государственной думы II—IV созывов, один из лидеров Февральской революции 1917 г., в ходе которой возглавил Временный комитет Государственной думы 114
 Рожественский Зиновий Петрович, русский флотоводец, вице-адмирал, генерал-адъютант 32—34, 87, 165

Рожков Николай Александрович (1868—1927), русский историк и политический деятель, член ЦК партии меньшевиков 181, 183, 184
 Романов Б. А., историк 28
 Романов Герман Иванович, ученый и писатель из Иркутска 77
 Россетер Ф. Ф., генерал-майор, окружной интендант Западно-Сибирского военного округа 12
 Роуан Ричард Уилмер 28
 Рудницкий, директор Канского реального училища 152
 Рузвельт Теодор (1858—1919), американский политик, 26-й президент США, лауреат Нобелевской премии мира (1906) 164—166
 Рузский Н. В., генерал 208
 Рукин И. А., член тарского общества «Патронат» 214
 Руммель Юлиуш (1881—1967), польский военный деятель, генерал дивизии 82
 Русанов 104
 Русинов И. П., уездный комиссар 214
 Рыдз-Смиглы Эдвард (1886—1941), польский военный и государственный деятель 82

С
 Савицкий, сотник, командир сотни Уссурийского казачьего полка 78
 Садиллов К. М., уполномоченный Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 143
 Садовский Владимир Иокимович, старший урядник Красноярского казачьего дивизиона 77
 Сажин М. К., красноярский купец 1-й гильдии 35
 Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927), государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи (1910—1916) 218, 220, 221
 Сакума Седзан (1811—1864), японский политик и мыслитель периода Эдо 175
 Саликова Е., солдатка Томской губернии 147
 Самосудов Вениамин Михайлович (1926—2000), доктор исторических наук, профессор, ректор Омского государственного педагогического университета (1970—1990) 107
 Самошка, разбойник, возглавлявший разбойную банду, которая грабила золотоскупщиков, купцов и старателей в таежных зонах юга Енисейской губернии 131
 Самуэльсен Иоганн, капитан норвежского судна «Коррект» 111
 Сафонов Виктор Петрович (1916—1988), историк, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории Октябрьской революции в Сибири 181
 Свенторжецкий Евгений Владимирович, старший флаг-офицер в штабе 2-й эскадры флота Тихого океана 34
 Свечин А. А. 50

Свешников Н. А., историк 92
 Свинухов Иннокентий, крестьянин д. Белый Яр Кочергинской волости Енисейской губернии 131
 Свинухов Софроний, крестьянин д. Белый Яр Кочергинской волости Енисейской губернии 131
 Святополк-Мирский, хорунжий 58
 Севастьянов М. П., красноярский купец 151
 Седельников Иван Федорович, старший урядник Красноярского казачьего дивизиона 77
 Селенс Е. А. 154
 Селиванов Андрей Николаевич, генерал-лейтенант, войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска 59
 Селищев А. С. 28
 Семенов Григорий Михайлович (1890—1946), казачий атаман 79
 Семенов И. Я. 205
 Семенов Николай Михайлович, вахмистр Красноярского казачьего дивизиона 77
 Семенов П. А., генерал-майор, начальник артиллерии Западно-Сибирского военного округа 12
 Сергеев Иван Семенович (1863—1919), военный гидрограф, русский мореплаватель, генерал-лейтенант корпуса гидрографов, руководитель гидрографической экспедиции в Северном Ледовитом океане 88
 Серебренников Валерий Васильевич, таштыпский казак, член Войскового правления 79
 Серебренников И. И. 126
 Серебренников С. А., сотенный Енисейского городского казачьего полка 11
 Сивцев М., учитель церковно-приходской школы в Якутской области 128
 Симонов Георгий Петрович, крестьянин с. Пойлово Курагинской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 130
 Симонов Иван Петрович, крестьянин с. Пойлово Курагинской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 130
 Симонов Матвей Петрович, крестьянин с. Пойлово Курагинской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 130
 Симонов Степан Исаевич, казак станицы Саянской Енисейской губернии 76
 Сипкин В. А., руководитель красноярской детской колонии 151
 Сипкин Зиновий Иванович, старший урядник Красноярского казачьего дивизиона 77
 Сипкин Петр Матвеевич, подьесаул Красноярского казачьего дивизиона 76, 77
 Скобеев Иннокентий, казак 77
 Сквородин А. Т. 216

Скопинцев Николай Яковлевич (род. 1922), уроженец села Грязнуха Курагинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, участник Великой Отечественной войны, управляющий отделением совхоза «Уральский» Курагинского района 131
 Скопинцев Яков Павлович, уроженец села Грязнуха Курагинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, участник Первой мировой войны 131
 Скорородов Алексей Александрович (1868—1924), педагог, общественный деятель, депутат Государственной думы III созыва вместо отказавшегося от поста Ф. И. Млашевского (1908), член комитета Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 141
 Скрыдлов Николай Илларионович, адмирал 34
 Скубневский Валерий Анатольевич, историк, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета 92
 Сладковский М. И. 28
 Смирнов А., журналист 147
 Смирнов А. А. 49
 Смирнов Павел Степанович, красноярский городской голова (1910—1914) 139
 Смирнова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, профессор 123
 Соймонов А. Н., командир 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона 15
 Соколов В. Н., большевик 184
 Солдатов И. Е., минусинский мещанин 160
 Соловьев А. В. 196
 Сольский Дмитрий Мартынович (1833—1910), русский государственный деятель, председатель Департамента государственной экономики Государственного совета Российской империи 90
 Сохачевский Станислав, польский офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн 82
 Спиридонов Иннокентий, казак Красноярского казачьего дивизиона 77
 Станкевич Андрей Афанасьевич (1868 — после 1916), тобольский губернатор (1912—1915) 116, 117
 Станкова М. В. 192
 Степанов А. И. 55
 Степанов А. Н., писатель 28
 Степененко Г. М., управляющий вагоностроительными мастерскими на ст. Первая речка, г. Владивосток 36
 Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), государственный деятель Российской империи, в разные годы занимал посты гродненского и саратовского губернатора, министра внутренних дел, премьер-министра 123

Суварин Борис 203
 Суворов Александр Васильевич, величайший русский полководец 57
 Сукачев Владимир Платонович (1849—1920), почетный гражданин г. Иркутска, известный меценат, попечитель, основатель иркутской картинной галереи, иркутский городской голова (1886—1898), гласный Иркутской городской думы (1885—1902; 1906—1909), председатель Общества содействия учащимся сибирякам в Петербурге, первый председатель комитета Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 141
 Сулейманов, омский городской мулла 117
 Сунь Баочжи, китайский посланник во Франции 25
 Сунь Дианай 26
 Сунь Чжуншань (Сунь Ятсен), китайский политический деятель 21, 26
 Суховской Павел, священник, благочинный церквей г. Минусинска (?) 158, 159
 Сухомлинов Николай Александрович (1851—1918), русский военный и политический деятель, оренбургский губернатор и бывший наказной атаман Оренбургского казачьего войска, генерал от кавалерии 212
 Сыромятников К. И., присяжный поверенный, член Красноярского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 144
 Сой Динлин 23
 Сюнко Накаси́ма, художник 176

Т
 Тагаров З. Т., историк 92
 Тайсе (Есихито), император Японии 36
 Тан Шоуцзянь 23
 Тао, учитель монгольского языка 30
 Таубе Максим Антонович, барон, генерал от кавалерии, командующий восками Омского военного округа 16
 Тебетгоф Вильгельм (Tegethoff), известный австрийский моряк 34
 Терсков И. А., сотенный Енисейского городского казачьего полка 11
 Тие Лиан 26
 Тикамацу Мондзэмон (Сугимори Нобумор) (1653—1725), японский драматург 176
 Тимоти Ричард, английский миссионер 25
 Тимофеев Александр Николаевич, красноярский краевед 111
 Тимофеев Евгений Михайлович (1885—1941), центрист 185
 Тихонов, крестьянин д. Крутельки Томского уезда 127
 Того Хейхати́ро-сан, адмирал флота Японии 33, 164
 Толмачев Иннокентий Павлович (1872—1950), известный русский геолог, географ и палеонтолог, руководитель Хатангской (1905), Чукотской (1909—1910) и Семиреченской (1914—1916) экспедиций, ученый секретарь Полярной комиссии при Академии наук. Член комитета Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 86, 90, 141
 Толочко А. П., исследователь 192
 Томме Виктор (Wiktor Thommee), польский офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн 82
 Тории Рюдзо, этнограф 30
 Троккий Лев Давидович (Бронштейн Лейба Давидович) (1879—1940), советский партийный и государственный деятель 189, 190
 Трусов 195
 Трусов, крестьянин д. Крутельки Томского уезда 127
 Трухин Иван Евдокимович, полковник 58, 59
 Туркул А. В., поручик 53
 Тютрюмов Александр, заместитель начальника Тарской уездной тюрьмы 215
 Тютюкин С. В. 181

У
 У Иое, китайский революционер 26
 Уженцев Т. А. 195, 197
 Узунов Г. З. 117
 Урланис Б. Ц. 54, 55, 56
 Урусов С. П., главный редактор газеты «Правительственный вестник» 218
 Усков В. П., золотопромышленник 138
 Усков С. Р., сотник, командир 2-й сотни Красноярского казачьего дивизиона 76, 77
 Узхара, майор Генерального штаба Японии 31

Ф
 Фалькенгайн (Фалькенхайн) Эрих фон (1861—1922), начальник германского Полевого Генерального штаба (1914—1916) 72
 Фарагуг Дэвид Глазго (David Glasgow Farragut), американский военно-морской деятель, адмирал 34
 Федоров В. В. 117, 159
 Федорова Вера Ивановна, доктор исторических наук, профессор Красноярского государственного педагогического института 111
 Фереферов Федор Макарович, хорунжий, адъютант Красноярского казачьего дивизиона 77
 Филипп, герцог Эдинбургский 36

Филонов В. А., полковник, командир Красноярского резервного пехотного (кадрового) батальона 15
 Фоянков А. П. 90
 Франц Иосиф I (1830—1916), император Австрийской империи и король Богемии, апостолический король Венгрии, глава двуединого государства Австро-Венгерской монархии (1867) 135
 Фролов Иван Иванович (1884—1943), прапорщик, уроженец д. Покровки Иммисской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны, председатель Покровского сельсовета, участник партизанского движения 131
 Фролов Никита Иванович (род. 1889), командир стрелковой роты, уроженец д. Покровки Иммисской волости Енисейской губернии, участник Первой мировой войны, участник партизанского движения 131
 Фролова Александра Ивановна (1919—2009), ветеран труда, член Курагинской районной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий 131
 Фукусава, полковник 30
 Фурман 212

Х
 Хайкин М. А. 216
 Хаустов В. И., депутат IV Государственной думы от Уфимской губернии 219
 Хачатуров М. И., ссыльный меньшевик 182, 184
 Хвостов Николай Александрович, мичман, лейтенант (1807), исследователь Русской Америки и Алеутских островов 175
 Хеладзе Б. О., читинский меньшевик 184
 Хилков Михаил Иванович, русский государственный деятель, министр путей сообщения Российской империи (1895—1905) 87
 Хмелев Василий, крестьянин с. Пойлово Курагинской волости Енисейской губернии 131
 Хмелев Гордей, крестьянин с. Пойлово Курагинской волости Енисейской губернии 131
 Ходовы, семья зажиточных торговцев и промышленников 131
 Хозиков Иван Владимирович, статский советник, исполняющий обязанности енисейского губернатора (1914—1915) 126
 Хорват Дмитрий Леонидович (1858(9)—1937), русский генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке 114
 Худякова Татьяна Харитоновна 148

Ц
 Цай Е 25
 Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959), политический деятель, один из лидеров меньшевиков, депутат 2-й Государственной думы 181, 183, 184
 Цыганков Ефим Романович (род. 1888), участник Первой мировой войны, председатель промколхоза им. Димитрова Артемовского района 132
 Цыганков, охотник из д. Михайловки Иммисской волости Енисейской губернии 131
 Цыренщиков И. К., сотенный Енисейского городского казачьего полка 11
 Цыси, Великая императрица цинского Китая 21, 25, 26

Ч
 Чавчавадзе Давид Павлович, князь 38
 Чан Кайши 25
 Чанчиков Ф., казак, взводный урядник 1-го Уссурийского казачьего полка 79
 Чарнолуцкий Владимир Иванович (1865—1941), видный деятель в области народного образования и общественно-педагогического движения, профессор, доктор педагогических наук 150, 153
 Чемберлен Оуэн (1920—2006), американский физик, член Национальной АН США (1960), лауреат Нобелевской премии по физике (1959) 170
 Черных Иван Николаевич, старший урядник Красноярского казачьего дивизиона 77
 Чертков К. В. 203
 Чжан Байши 26
 Чжан Мэй 23
 Чжан Цзянь 23
 Чжан Чжидон, генерал-губернатор Хубэя и Хунаня 24
 Чжан Юаньци 23
 Чжао Фэнчан 23
 Чжу Фушэнь 23
 Чужак Н. Г., большевик 183
 Чурин Алексей Евграфович (1857—1917), генерал от инфантерии, командующий 12-й армией 68

Чухнин Григорий Павлович, русский военно-морской деятель, вице-адмирал 34
 Чучелович, прапорщик Уссурийского казачьего полка 78
 Чэнь Фучэнь 23

Ш
 Шабалин Г. А., участник Русско-японской войны из г. Калтана, ныне Кемеровская обл. 146
 Шайдуров Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, г. Барнаул 123
 Шапошников П., подпоручик 50

Шарапов, сельский староста с. Песьянского Безруковской волости Ишимского уезда Тобольской губернии 134
 Шарецкий Болеслав (Boleslaw Szarecki), польский офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн 82
 Шароватов Александр Георгиевич (1918—1989), участник Великой Отечественной войны, ветеран труда, краевед 131
 Шатилов М. Б., министр Временного Сибирского правительства 188
 Шаханин Л. З. 216
 Шаховской Всеволод Николаевич (1874—1954), князь, действительный статский советник, министр торговли и промышленности 122
 Шевченко К. В. 81
 Шелковников Иннокентий Семенович, казначей Общества содействия учащимся в Петрограде сибирякам, один из учредителей, а также казначей Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны 141
 Шемякина Е. К. 154
 Шенк Фритьоф Беньямин, писатель 164
 Шереметьев Афанасий, казак, взводный урядник 1-го Уссурийского казачьего полка 79
 Шеходанов Петр Николаевич, старший урядник Красноярского казачьего дивизиона 77
 Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета, заведующий сектором истории второй половины XVI—начала XX в. Института истории СО РАН 92
 Шильников Иван Федорович (1877—1934), полковник, командир 1-го Аргунского казачьего полка 77
 Шингарев Андрей Иванович (1869—1918), член Государственной думы II—IV созывов, министр земледелия в первом составе Временного правительства и министр финансов в первом коалиционном составе Временного правительства 114
 Широков Иван, казак, взводный урядник 1-го Уссурийского казачьего полка 79
 Шитько, крестьянин д. Крутельки Томского уезда 127
 Шишкина Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, г. Тюмень 129
 Шишко-Богущ Якуб (Jakub Szyszko-Bochusz), польский офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн 82
 Шлихтер А., большевик 184
 Шлихтер С. А. 160, 161
 Шляпников А. Г., член Русского бюро ЦК РСДРП(б) 203
 Шмит Евгений Оттович, генерал от кавалерии, командующий войсками Омского военного округа (1908—1916) 94

Шнейдер Александр Робертович, председатель Красноярского общества попечения о начальном образовании 150, 151, 153
 Шорников Михаил Михайлович (1914—1989), доктор исторических наук, профессор Томского государственного педагогического университета 92
 Штейн (фон) Н. Ф., подполковник, управляющий складами Переселенческого управления 93, 94
 Штумпф 212

Щ
 Щеглов Иван, врач Тарской уездной тюрьмы 215
 Щу Шичан 26

Э
 Эверт Алексей Ермолаевич (1857—1918 или 1926), генерал от инфантерии, главнокомандующий Западным фронтом 73
 Эйдус Х. Т. 28
 Экк Эдуард Владимирович, генерал-майор 59
 Энквист Оскар Адольфович, русский вице-адмирал, участник Цусимского сражения 33
 Хобсбаум Эрик (Hobsbawm Eric), историк 20

Ю
 Юань Шикай, наместник Чжили (китайской провинции Хэбэй) 25, 26
 Юдин Алексей Геннадьевич (1867—1921), красноярский купец, сын известного bibliофила, купца Юдина Г. В. 151
 Ююка, японский разведчик 29
 Юнкер, прапорщик Красноярского казачьего дивизиона 77
 Юргенц Давид Николаевич, генерал-майор 66
 Юрьев, участник Русско-японской войны 146
 Юшков Георгий Ульянович, сотник 78, 79
 Ющенко В., временный комиссар Временного правительства в Приморской области 104

Я
 Языков Василий Ефимович, генерал-лейтенант, енисейский губернский воинский начальник 9
 Язынин А. Е. 192
 Янь Сишань 25
 Ярков К. С., член тарского общества «Патронат» 214
 Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878—1943), советский государственный и партийный деятель, ученый, академик АН СССР (1939) 181

Анисимов Александр Леонидович

Доктор исторических наук, профессор Хабаровского пограничного института ФСБ РФ (г. Хабаровск).

Арчимаева Розалия Монгушевна

Директор архивного агентства Республики Тыва (г. Кызыл, Республика Тыва).

Баяндин Владимир Ильич

Кандидат исторических наук, доцент Института истории, гуманитарного и социального образования ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», ученый секретарь Ученого совета (г. Новосибирск).

Белгородская Людмила Вениаминовна

Доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Бибикова Валентина Васильевна

Советник губернатора Красноярского края (г. Красноярск).

Вторушин Михаил Иванович

Кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет» (г. Омск).

Голиков Валерий Иванович

Кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук, директор Института военного образования ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск).

Гончаров Александр Евгеньевич

Старший преподаватель ФГОУ ВПО «Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М. Ф. Решетнева» (г. Красноярск).

Гордеев Олег Фатахович

Доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет» (г. Красноярск).

Горелов Юрий Павлович

Доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (г. Кемерово).

Дацышен Владимир Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Долидович Олеся Михайловна

Кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева» (г. Красноярск).

Ермакова Елена Евгеньевна

Кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Жулаева Анна Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет» (г. Красноярск).

Зиновьев Василий Павлович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск).

Зыбала Марчин

Студент (г. Краков, Польша).

Калюга Антонина Евгеньевна

Главный специалист по архивным вопросам отдела организационного обеспечения и делопроизводства администрации Курагинского района (Красноярский край).

Карпунин Константин Владимирович

Директор Музея истории Красноярской железной дороги (г. Красноярск).

Катцина Татьяна Анатольевна

Кандидат исторических наук, доцент Юридического института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Колесник Эдуард Григорьевич

Кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Коновалова Наталья Александровна

Главный архивист казенного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» (г. Омск).

Корнеева Галина Андреевна

Кандидат исторических наук, преподаватель школы (г. Абакан, Республика Хакасия).

Крупницкий Дмитрий Владимирович

Учитель истории МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 183», член Союза журналистов России (г. Новосибирск).

Кудряшов Василий Васильевич

Кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и политологии ФГБОУ ВПО «Братский государственный университет» (г. Братск, Иркутская обл.).

Кузьменко Александра Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Кузьмин Юрий Васильевич

Доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (г. Иркутск).

Кутилова Лариса Александровна

Кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Луцаева Галина Михайловна

Кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Малкова Нина Степановна

Краевед (г. Красноярск).

Нагорных Валентина Викторовна

Специалист архива администрации Минусинского района (Красноярский край).

Новиков Павел Александрович

Доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет» (г. Иркутск).

Паршуков Владимир Александрович

Начальник участка УМКУП противооползневых работ (г. Ульяновск).

Помыткина Вера Леонидовна

Специалист Тарского филиала казенного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» (г. Тара, Омская область).

Пруцков Владимир Юрьевич

Магистрант 2-го курса ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет» им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия).

Ростов Николай Дмитриевич

Доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова» (г. Барнаул, Алтайский край).

Тарасенко Василиса Евгеньевна

Аспирант ФГОУ ВПО «Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М. Ф. Решетнева» (г. Красноярск).

Тарасенко Татьяна Васильевна

Кандидат филологических наук, доцент ФГОУ ВПО «Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М. Ф. Решетнева» (г. Красноярск).

Тарасов Михаил Георгиевич

Кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск).

Тимофеев Александр Николаевич

Краевед (г. Красноярск).

Толмачева Анна Валерьевна

Кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева» (г. Красноярск).

Филиппов Вячеслав Викторович

Сотрудник МБУК «Музей «Мемориал Победы» (г. Красноярск).

Хамисов Борис Георгиевич

Кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия).

Харусь Ольга Анатольевна

Доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск).

Храпова Наталья Святославовна

Специалист казенного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» (г. Омск).

Черкасов Иван Алексеевич

Заведующий отделом музея-усадьбы В. И. Сурикова (г. Красноярск).

Чернов Константин Анатольевич

Главный специалист комитета по делам архивов департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск).

Чжан Цзяньхуа

Доктор исторических наук, профессор, директор Центра новой истории Института истории Пекинского педагогического университета (г. Пекин, КНР).

Чистяков Олег Вячеславович

Кандидат исторических наук, начальник отдела Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва).

Чудаков Олег Валерьевич

Кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (г. Омск).

Шевелев Дмитрий Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск).

Шилина Анна Сергеевна

Аспирант ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет» (г. Красноярск).

Шиловский Михаил Викторович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», заведующий сектором Института истории Сибирского отделения Российской академии наук.

ISBN 978-5-9905562-0-1

9 785990 556201

Сибирь в войнах начала XX века.
Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3—6 декабря 2013 г.
Красноярск: Резонанс, 2014

Корректор: Татьяна Алешина
Верстка: Алла Кривицкая

Допечатная подготовка издательства «Резонанс» группы компаний «Эверант»
660060, Красноярск, ул. Марковского, 102. E-mail: everant@everant.ru

Отпечатано в ПК «Знак»
660028, Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 21. Тел. (391) 246-09-42. www.znak24.com
Подписано в печать 2014. Формат 64x90/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Объем 40, 51 печ. л. Заказ № 1490. Тираж 500 экз.

